НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

*

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Третьякова.

1881.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Васил. остр., 16 л., д. № 5).

ПРЕДАНІЯ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ПРЕДАНІЯ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

ВЪ СООБРАЖЕНІЯХЪ СЪ РУССКИМИ НАРОДНЫМИ ПРЕДАНІЯМИ ВЪ ПѢСНЯХЪ, СКАЗКАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ.

Лѣтопись, которой повѣствованія доходятъ до 1100 года, называемая Несторовою, никакъ не принадлежитъ, во всемъ своемъ объемѣ, этому писателю, который былъ только лѣтописцемъ Печерскаго монастыря; она состоитъ изъ разныхъ туземныхъ и переводныхъ отрывковъ и составлена въ видѣ цѣлаго свода игуменомъ Сильвестромъ (впослѣдствіи епископомъ переяславскимъ), какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ слѣдующее послѣсловіе: «Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ надѣяся отъ Бога милость пріяти при князи Владимири княжащему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменющю у св. Михаила въ 6624 г. индикта 9 лѣта».—Ему, вѣроятно, принадлежитъ разбивка сказаній на годы въ подражаніе византійскимъ пріемамъ лѣтописанія.

Однако эта лѣтопись долго и постоянно носила названіе Несторовой, и всеобщее мнѣніе признавало ея творцомъ св. Нестора, инока кіевопечерскаго. Доказательствомъ этому приводили тотъ признакъ, что, по свидѣтельству Татищева, Миллера, Карамзина и Пере-

возчикова на нѣкоторыхъ спискахъ этой лѣтописи, бывшихъ въ рукахъ этихъ ученыхъ (Хлѣбниковскомъ, Архивскомъ и на трехъ, извѣстныхъ Татищеву) значилось имя Нестора. Но такія приписки и подписки сдѣланы были переписчиками или владѣльцами списковъ уже въ позднѣйшія времена и указываютъ только на то, что уже давно существовало въ книжномъ мірѣ преданіе, приписывавшее Нестору составленіе первоначальной лѣтописи. Другое приводимое доказательство въ пользу того, что составителемъ первоначальной лѣтописи былъ Несторъ, находятъ въ посланіи кіевопечерскаго монаха Поликарпа къ игумену Акиндину, помѣщенномъ въ Патерикѣ. Тамъ говорится, что Несторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ святыхъ Даміана, Матѳія и Исакія. Эти именно житія находятся въ первоначальной лѣтописи, и потому заключили, что всю эту лѣтопись написалъ Несторъ. Сверхъ того, указывали еще и на то, что въ Воскресенскомъ спискѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Ѳеодосія, разсказчикъ даетъ о себѣ знать, что онъ — печерскій монахъ и писалъ лѣтопись (азъ же грѣшный инокъ и лѣтописанье се въ то время писахъ); въ Патерикѣ же этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при описываемомъ событіи, названъ Несторомъ.

Неоспоримо то, что Несторъ, лѣтописецъ печерскій, дѣйствительно существовалъ и участвовалъ въ составленіи первоначальной лѣтописи. Но вопросъ о томъ все ли въ этой лѣтописи принадлежитъ его труду, разрѣшается уже тѣмъ, что въ той же лѣтописи другія лица упоминаютъ о себѣ, какъ о писателяхъ ея. Подъ 1110 годомъ говорится, какъ мы уже привели выше: «Игуменъ Сильвестръ написахъ книги си», а нѣсколько ранѣе, именно подъ 1098 годамъ говоритъ о себѣ другое лицо, находившееся не въ Кіевѣ, а во Владимирѣ Волынскомъ

какой-то Василій. Слѣдовательно, лѣтопись, о которой идетъ рѣчь, писана была разными лицами и въ разное время.

О Несторѣ мы знаемъ изъ свидѣтельства Поликарпова, что онъ списывалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ, и эти житія вошли въ лѣтопись. Въ Печерскомъ Патерикѣ говорится о немъ, какъ о лѣтописателѣ Печерскаго монастыря, передавшемъ потомству разсказъ объ открытіи мощей Ѳеодосія. Въ монастыряхъ издавна было въ обычаѣ вести лѣтописныя записки; безъ сомнѣнія, онѣ велись и въ Печерскомъ монастырѣ, который рано прославился передъ другими обителями, и потому его записки могли имѣть особенную важность. Вѣроятно. Несторъ писалъ Печерскую лѣтопись, и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея; вѣроятно, все, что въ ней относится къ Печерскому монастырю, взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной, между прочимъ, и Несторомъ; но не все другое слѣдуетъ приписывать монаху Печерской обители, въ особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси. Укажемъ на старинное произведеніе нашей литературы: «Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба.» Оно извѣстно намъ по списку XIV вѣка, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что составлено гораздо раньше, ибо въ Публичной Библіотекѣ существуетъ отрывокъ ея, писанный въ XII вѣкѣ. Это сочиненіе составлено Несторомъ, о чемъ говорится прямо: *Се же Нестеръ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чудѣсѣхъ святою и блаженою страстотерпцю сею опаснѣ вѣдущихъ исписавы а другая самъ свѣды отъ многихъ мало вѣписахъ.* Оно представляетъ важныя противорѣчія съ тѣмъ, что сказывается объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ лѣтописи. Такъ напр., въ житіи говорится,

что до Владимира святаго ни одного апостола не было въ Россіи, — а въ лѣтописи помѣщена легенда объ апостолѣ Андреѣ, который водрузилъ крестъ на горѣ въ Кіевѣ и доходилъ даже до Новгорода. Въ Житіи говорится, что Владимиръ далъ Борису городъ Владимиръ на Волыни, а въ лѣтописи — Ростовъ. Въ Житіи говорится, что когда Владимиръ умеръ, то Святополкъ *прибылъ* въ Кіевъ, а въ лѣтописи — что онъ *находился* въ Кіевѣ. Наконецъ, и въ самомъ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба, помѣщенномъ также и въ лѣтописи, есть мѣста, противорѣчащія Житію. Такъ, въ разсказѣ, вошедшемъ въ лѣтопись, говорится, что убійцы только ранили Бориса, привезли его на телегѣ еще дышащимъ, и Святополкъ приказалъ варягамъ добить его, а въ Житіи, — что убійцы, ударивъ Бориса въ сердце, умертвили сразу и привезли его къ Святополку уже мертвымъ. Въ Житіи говорится, что когда убійцы пришли умертвить Глѣба, то онъ не зналъ о злодѣйскомъ намѣреніи убить брата, а въ лѣтописи, — что онъ былъ объ этомъ предувѣдомленъ. Наконецъ, по Житію, Борисъ отправился на войну противъ какихъ-то невѣдомыхъ враговъ, а по лѣтописи — противъ Печенѣговъ.

Всѣ эти противорѣчія показываютъ, что если Житіе написано неоспоримо Несторомъ, то лѣтопись никакъ нельзя приписывать ему-же. Кромѣ того, въ самой лѣтописи встрѣчаются такія противорѣчія, которыя были бы невозможны, если бы писалъ ее одинъ человѣкъ, а произошли, конечно, только тогда, когда существовали отдѣльныя части, писанныя разными лицами и уже послѣ сложенныя. Напр., какъ могъ одинъ и тотъ же лѣтописецъ составить сказаніе объ Олегѣ и Владимирѣ, когда при первомъ Переяславль является въ числѣ городовъ Русскихъ, а въ княженіи втораго подробно говорится объ основаніи этого

города. Въ лѣтописи подъ 1059 г. сказано: «въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ безчислено множество на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, прибѣгоша и до сего дне и помроша бѣгаючи, Божіимъ гнѣвомъ гонимы, ови отъ зимы, друзіе же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божіимъ»; а подъ 1080 годомъ опять говорится о Торкахъ: «заратишася Торцы Переяславьстіи на Русь; Всеволодъ же посла сына своего Володимера, Володимеръ-же шедъ побѣди Търкы». Ясно, что писавшій подъ 1059 г. былъ не тотъ, кто писалъ о событіяхъ подъ 1080 года. Эти несообразности не позволяютъ думать, что всю лѣтопись писалъ одинъ и тотъ же Несторъ.

Еще важнѣе разница въ тонѣ и характерѣ разсказа лѣтописи. Безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ показываетъ, что многія мѣста въ лѣтописи писаны мірянами, особенно въ началѣ, потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ Греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Грецiя была ближе, чѣмъ языческая Русь. Кто же связалъ эти части? Отвѣтъ мы находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 годомъ, встрѣчаемъ слѣдующую приписку: «Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.» Въ другомъ мѣстѣ, именно, при началѣ лѣтописнаго повѣствованія, онъ тоже говоритъ о себѣ, указывая и на время, когда онъ жилъ. Онъ разбиваетъ описываемое древнее время на періоды отъ од-

ного князя до другаго: «отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка лѣтъ 60.» Смерть Святополка послѣдняя, извѣстная ему эпоха; слѣдовательно, писавшій жилъ при Владимирѣ Мономахѣ. Сильвестръ и говоритъ о себѣ то же самое. Очевидно, что приведенная выше приписка подъ 1110 годомъ и послѣднее мѣсто, изъясняющее способъ составленія всей лѣтописи, принадлежатъ одному и тому же лицу. Выше того онъ сказалъ о себѣ: «числа положимъ». И такъ, кто полагалъ числа, то есть, кто разбивалъ повѣсть по годамъ, или что все равно, составлялъ лѣтопись, тотъ игуменствовалъ при Владимирѣ Мономахѣ; а подъ 1110 годомъ былъ игуменомъ тотъ же Сильвестръ. Итакъ, Сильвестръ есть составитель лѣтописи и лѣтопись по справедливости должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Но несходство въ тонѣ, несообразность частей и, наконецъ, встрѣчаемыя противорѣчія показываютъ, что части лѣтописи писаны разными лицами, а Сильвестру могутъ принадлежать только ближайшія къ его времени извѣстія, и распредѣленіе по числамъ другихъ съ нѣкоторыми дополненіями. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается и Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: подъ 1051 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ, говоритъ о прибытіи своемъ въ Кіево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Ѳеодосія. Прежде это мѣсто приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI вѣка говорится, что Несторъ пришелъ не при Ѳеодосіѣ, а при его преемникѣ Стефанѣ,

и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежитъ не Нестору, а кому-то другому, лѣтописцу, писавшему прежде его.

Приступимъ теперь къ анализу свода, сдѣланнаго Сильвестромъ.

Лѣтопись наша начинается предисловіемъ безъ годовъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ. «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ пача первѣе княжити и откуда руская земля стала есть». Это заглавіе удобнѣе примѣняется не къ цѣлой лѣтописи, но именно къ одной только повѣсти, составляющей предисловіе къ лѣтописи. Собственно лѣтопись начинается словами: «въ лѣто 6360 индикта 15 наченшю Михаилу царствовати начася прозывати Руска земля»; ибо заглавіе «се повѣсти временныхъ лѣтъ...» и проч. показываетъ, что повѣствователь не имѣлъ въ виду разсказывать послѣдовательно судьбу Русской земли, а только рѣшить вопросъ, какъ она возникла. Здѣсь два раза употребляется выраженіе «Русская земля» и оба раза въ различныхъ значеніяхъ, въ обширномъ и тѣсномъ. Въ первомъ смыслѣ подъ «Русскою землею» надо разумѣть всю сумму народовъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ Руси («откуда есть пошла руская земля»), во второмъ же «руская земля» («кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда руская земля стала есть»)— это собственно земля кіевская, за которою усвоилось это названіе.

Содержаніе повѣсти составляютъ: происхожденіе Славянъ и ихъ разселеніе, отдѣленіе Славянъ русскихъ отъ другихъ, преданія о судьбѣ славянскихъ народовъ, этнографія русскаго материка и древняя исторія Полянъ. Самая повѣсть эта носитъ характеръ составности въ свою очередь. Ея начало о раздѣленіи земли между

дѣтьми Ноя и о разселеніи народовъ взято изъ греческаго хронографа Георгія Амартола. Вѣроятно повѣствователь пользовался славяно-болгарскимъ переводомъ Амартола. Тамъ, гдѣ свѣдѣній у Георгія Амартола не достаетъ, русскій лѣтописецъ дополняетъ собственными свѣдѣніями о народахъ сѣверныхъ, о чемъ у Амартола нѣтъ. Согласно Амартолу, расказываетъ онъ о вавилонскомъ столпотвореніи и прицѣпляетъ къ нему собственное изложеніе о разселеніи Славянъ, говоритъ о пути изъ Варягъ въ Греки и обратно. Затѣмъ слѣдуетъ легенда о св. Андреѣ, потомъ разсказывается исторія Полянъ; разсказъ прерывается исчисленіемъ народовъ въ Руси, описаніемъ судьбы Славянъ дунайскихъ и Дулебовъ, потомъ опять повѣствователь принимается за исчисленіе Славянъ въ Руси, описываетъ ихъ нравы, далѣе снова дѣлаетъ выписку изъ Георгія Амартола о нравахъ разныхъ народовъ, въ паралель къ описаннымъ прежде нравамъ Славянъ, указываетъ при этомъ на Половцевъ, заявляя тѣмъ, что самъ живетъ и пишетъ не ранѣе второй половины XI в., когда Половцы стали извѣстны; далѣе переходитъ снова къ исторіи Полянъ.

Составныя части этой повѣсти: 1) отрывки изъ Георгія Амартола, 2) дополненіе къ нимъ русскаго повѣствователя, 3) легенда о св. Андреѣ, 4) исчисленіе народовъ въ русскомъ мірѣ и 5) исторія Полянъ. Эти части перепутаны. Послѣ смерти Кія, Щека и Хорева помѣщается описаніе народовъ, живущихъ со Славянами на русскомъ материкѣ, потомъ слѣдуютъ дѣла дунайскихъ Славянъ, но это кажется не на мѣстѣ; послѣ смерти трехъ братьевъ непосредственно слѣдовало бы: «по смерти братьѣ сея быша обидимы древляни»; допуская же означенныя выше вставки на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ нынѣ находятся, оказывается противорѣчіе, а именно: 1)

въ описаніи славянскихъ народовъ говорится: «живяху въ мирѣ Поляне и Древляне», а въ другомъ мѣстѣ, которое, какъ мы сказали, по своему тону можетъ служить непосредственнымъ продолженіемъ исторіи Полянъ, говорится о Полянахъ: «быша обидимы Древляны»; 2) вставка объ инородцахъ, дающихъ дань Руси, неумѣстна; допуская ее тамъ, гдѣ она стоитъ, выходитъ, что послѣ смерти братьевъ до пришествія не только Хозаръ, но и Обровъ, эти народы платили дань Руси; 3) вставка о пришествіи народовъ на дунайскихъ Славянъ, также не на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что говорится: «Словеномъ же якоже рекохомъ, живущимъ на Дунаи» и подается мысль, что слѣдующія затѣмъ событія совершились до прибытія Славянъ съ Дуная. Кажется, что у составителя этой повѣсти было какое-то сказаніе о судьбѣ Полянъ, которое у него, а можетъ быть у его переписчиковъ, впослѣдствіи разорвалось и перебилось съ другими частями; другой источникъ его былъ Георгій Амартолъ; изъ него-то, кромѣ выписокъ, заимствовано и извѣстіе объ отношеніяхъ Угровъ и Обровъ къ Ираклію; наконецъ составитель прибавилъ собственныя свѣдѣнія о народахъ.

Далѣе начинается лѣтопись съ числами, въ которой намъ особенно бросается въ глаза то, что часто надъ однимъ разсказомъ встрѣчается нѣсколько годовъ, а иногда стоятъ одни годы безъ событій. Г. Сухомлиновъ это объясняетъ тѣмъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукою пасхальныя таблицы и вписывалъ туда, что помнилъ; а гдѣ не зналъ о событіи, оставлялъ годы пустыми [1]). Дѣйствительно, быть можетъ пасхальныя таблицы и служили лѣтописцу для постановки годовъ и по-

---

[1]) См. сочиненіе его: «О русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ.» Спб. 1856.

вѣрки времени, но тонъ повѣствованія показываетъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукой уже готовые разсказы безъ годовъ, разлагалъ ихъ на годы, а тамъ, гдѣ подлинно не зналъ, къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ. Въ другихъ случаяхъ шла рѣчь о такихъ событіяхъ, которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, какъ напр. крещеніе Болгарской земли, изгнаніе Варяговъ и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ доходитъ до драматичности, въ другихъ—едва упоминается о событіи. Послѣднія, вѣроятно, не находились въ повѣствованіи, которое лѣтописецъ разбиралъ по годамъ, и включены имъ или по памяти, или изъ краткихъ письменныхъ извѣстій, отъ того и они кратки и рѣзко отличаются отъ другихъ частей лѣтописи, заключающихъ подробныя повѣствованія.

Анализируя числовую лѣтопись или Сильвестровскій сводъ, мы найдемъ въ немъ слѣдующія составныя части:

1) Повѣсть древнихъ лѣтъ, перебитую вставками. Для указанія ея границъ, надобно слѣдить за тономъ разсказчика, сличивъ съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. Она оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, потому что впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется, прежняя простота исчезаетъ и становится ощутительнымъ господство риторики.

2) Лѣтопись, или повѣсть Печерская въ сводѣ является подъ 6559 годомъ. Ей предпослано, можетъ быть, самимъ сочинителемъ, а можетъ быть и составителемъ свода выраженіе въ качествѣ заглавія: «се до скажемъ что ради презвалъ Печерской монастырь». За этими словами начинается очевидный текстъ Печерскій лѣтописи «Боголюбимому князю Ярославу» и проч. Гово-

рится объ основаніи Печерской обители словами самого монастырскаго повѣствователя: «се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради завети Печерскій и о Ѳеодосіевѣ житіи потомъ скажемъ». Числовой лѣтописецъ (сводчикъ) прерываетъ сказаніе монастырскаго повѣствователя и включаетъ другія извѣстія. Слѣдующія по порядку въ Печерской повѣсти мѣста, являются въ сводѣ подъ 1704 годомъ о Ѳеодосіѣ и другихъ святыхъ, и прекращаются подъ тѣмъ же годомъ словами: «ему же слава аминь». Потомъ слѣдуютъ событія, взятыя изъ другихъ источниковъ; а подъ 1901 годомъ опять возобновляется монастырское повѣствованіе, разсказывающее о перенесеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія и оканчивается словами: «моли за мя отче честный избавлену быти отъ сѣти непріязнены и отъ противнаго врага соблюди мя твоими молитвами». Подъ 1090 годомъ включено изъ той же повѣсти извѣстіе о нападеніи Боняка на монастырь.

3) Разсказъ о Кириллѣ и Меѳодіи и о просвѣщеніи Славянъ. Такихъ разсказовъ было много встарину пославянски, особенно въ Панноніи. Житіе, помѣщенное въ нашей лѣтописи, принадлежитъ къ этому послѣднему циклу, но заключаетъ въ себѣ отличительныя подробности.

4) Договоры Олега, Игоря и Святослава, какъ можно думать, переведенные съ Греческаго и внесенные въ переводѣ въ сводъ цѣликомъ.

5) Исторія обращенія св. Владимира. Источники ея до нѣкоторой степени указаны г. Сухомлиновымъ въ его сочиненіи о русской лѣтописи. Основаніемъ этой исторіи служитъ житіе св. Владимира. Подобное житіе, напечатанное въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1849 г., приписывается монаху Іакову. Лѣтописное житіе имѣетъ

съ нимъ сходство, но также и различія и можетъ считаться его варіантомъ. Сверхъ житія, въ эту исторію вошло поученіе греческаго философа Владиміру, гдѣ повѣствованія о событіяхъ священной исторіи заимствованы изъ св. Писанія изъ Палеи. Есть сказанія, не находящіяся въ извѣстныхъ намъ варіантахъ Палеи Дамаскина и, можетъ быть, взятыя изъ другихъ. Кромѣ того, въ ту же исторію вошло исповѣданіе вѣры, переводъ съ греческаго подлинника Михаила Синкела. Переводъ находится также въ Святославскомъ сборникѣ 1073 года.

6) Исторія Бориса и Глѣба составляетъ сокращеніе пространнаго житія, сочиненнаго монахомъ Іаковомъ и извѣстнаго по печатаному изданію въ «Извѣстьяхъ 2 Отдѣленія Академіи Наукъ» 1852 и 1853 года.

7) Духовная Мономаха.

8) Благочестивыя поученія, которыя очевидно должны быть проповѣдями того же времени. Таково подъ 1067 г. по поводу половецкаго нашествія отъ словъ: «Нашлетъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю» до словъ: «да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всяческыя и нахоженья разныя по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ». Подъ 1078 г. послѣ описанія смерти Изяслава риторическое размышленіе, должно думать, есть проповѣдь, говоренная при его погребеніи. Подъ 1093 г., по поводу нашествія Половцевъ, опять явно проповѣдь, начиная со словъ: «се бо на ны Богъ попусти.....» до словъ: «се бо азъ согрѣшаю по вся дни».

9) Разсказъ о кудесникѣ подъ 1071 годомъ, какъ не принадлежащій къ исторіи Южнорусскаго края, есть очевидно особый эпизодъ, внесенный въ сводъ.

10) То же надобно сказать о разсказѣ Поряты, говорящаго о Югрѣ; а прикрѣпленный къ нему разсказъ

объ Александрѣ Македонскомъ и о заключенныхъ имъ въ горы грѣшникахъ, взятъ изъ Меѳодія Натарскаго, котораго славянскіе переводы существовали встарину.

11) Разсказъ о Василькѣ.

12) Извлеченія изъ византійскихъ писателей; напримѣръ, по поводу находки урода въ Ситомли, приводятся мѣста о подобныхъ необычныхъ событіяхъ при Антіохѣ въ Іерусалимѣ, тоже при Неронѣ, при Нифонтѣ, при Маврикіѣ, при Константинѣ Иконоборцѣ.

Если мы станемъ разсматривать отдѣльно ту часть нашей первоначальной лѣтописи, которая обнимаетъ нашу древнюю исторію до смерти Ярослава, то должны будемъ признать, что за исключеніемъ немногихъ, указанныхъ нами письменныхъ частей, внесенныхъ въ нее, все остальное заимствовано изъ изустныхъ преданій, разсказовъ и пѣснопѣній. Иныхъ источниковъ невозможно и вообразить. Предположеніе, что и на Руси могли быть еще до Владимира грамотные люди и записывать дѣянія своего времени, не выдерживаетъ критики. Еслибы такіе грамотные люди взялись за это дѣло, то, будучи, конечно, христіанами, они бы на первомъ планѣ поставили судьбы христіанства, его распространеніе, его борьбу съ язычествомъ, но въ нашей лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ, и нашъ лѣтописецъ, повидимому, мало зналъ о такомъ важномъ событіи, какъ крещеніе русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка, о чемъ мы имѣемъ свѣдѣніе только благодаря византійскимъ извѣстіямъ. Это одно уже лишаетъ насъ права допускать возможность веденія лѣтописи или адже составленія какихъ-либо историческихъ описаній во время господства язычества, однимъ словомъ, такихъ письменныхъ памятниковъ, которые послужили бы источниками для лѣтописи, составленной Сильвестромъ. Очевидно, что мысль вести лѣтописное повѣствованіе могла

придти только уже въ такой періодъ, когда въ Кіевѣ окрѣпло христіанство, и огда квмѣстѣ съ христіанствомъ къ русскимъ до извѣстной степени привились признаки, заимствованные изъ византійскаго культурнаго міра: только тогда и могли русскіе познакомиться съ пріемами лѣтописательства, которое у нихъ, при самомъ легкомъ сопостановленіи съ византійскими образцами, обличаетъ перенятое у своихъ просвѣтителей. Достойно замѣчанія, что лѣтописный трудъ Сильвестра совпадаетъ съ эпохою Владимира Мономаха, которая была самымъ виднымъ пунктомъ во всемъ періодѣ отъ смерти Владимира Святаго до разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, — періодѣ, въ который Русь была близка къ византійскому міру такъ, какъ того не было никогда уже въ ея исторіи. Владимиръ Мономахъ былъ самою блестящею личностію между князьями этого періода. Сынъ греческой царевны, владѣвшій безъ сомнѣнія греческимъ языкомъ, который былъ знакомъ и многоязычному отцу его Всеволоду, Владимиръ любилъ чтеніе, самъ былъ писателемъ и покровительствовалъ книжному дѣлу. И онъ самъ, и его родные вели сношенія съ Константинополемъ. Греки, пріѣзжавшіе въ Русь и жившіе въ ней, а равно и русскіе, странствовавшіе въ византійской имперіи — кто ради благочестія, кто для торговыхъ цѣлей, кто отыскивая себѣ счастіе въ службѣ императоровъ — поддерживали умственную и нравственную связь Руси съ эллинскимъ міромъ, который, при всемъ своемъ паденіи въ односторонность, все еще заключалъ въ себѣ достаточно культурныхъ элементовъ для пробужденія интеллектуальной жизни въ варварской націи, приходившей съ нимъ въ дружественное соприкосновеніе. Отъ совершенной безграмотности сѣвернаго язычества русскіе замѣчательно быстро шагнули къ ду-

ховной и литературной дѣятельности, довольно плодовитой, разумѣется сообразно вѣку, и вовсе не баловавшимъ ихъ условіямъ мѣстнаго быта. При всей темнотѣ, какая теперь покрываетъ для насъ внутреннюю жизнь нашихъ предковъ XI-го и XII-го вѣковъ, благодаря последующимъ опустошеніямъ, постигшимъ южную Русь, не только отъ варварства половцевъ, монголовъ, литовцевъ, крымцевъ, но и отъ латинскаго просвѣщенія (извѣстно, что во время уніатскаго фанатизма не только не берегли памятниковъ славянской письменности православной старины, но даже умышленно истребляли ихъ съ религіозно-національными цѣлями), все еще остались кое-какіе признаки этого былаго богатства, погибшаго въ большинствѣ для потомства. Не говоримъ уже о томъ, что Русь усвоила себѣ готовый запасъ славяно-болгарской письменности, ни о томъ, что по свидѣтельству, оставшемуся отъ тѣхъ временъ, русскіе могли читать и пророческія бесѣды, и евангельскія ученія, и апостольскія, и житія св. отецъ, въ Руси переводились разныя византійскія сочиненія, какъ то показываютъ слова Григорія, Пандекты Антіоха, Діоптра Филиппа пустынника. На Руси явились и свои проповѣдники и писатели, какъ Иларіонъ, Іаковъ, Кириллъ Туровскій, — люди, въ литературномъ образованіи которыхъ мы можемъ менѣе сомнѣваться, чѣмъ въ ихъ самобытномъ талантѣ. Все это, конечно, были не единичныя явленія, такъ какъ мы знаемъ о нашей древней южно-русской литературѣ только благодаря тому, что кое-что было списано на сѣверѣ. Переводныя и подражательныя сочиненія въ сферѣ византійской церковности не исчерпывали всей литературной дѣятельности русскихъ. Подобно тому, какъ въ сферѣ церковнаго управленія Русь, хотя и сознавала надъ собою законность первенства цареградскаго

патріарха, но не дозволяла Византіи черезчуръ сѣсть себѣ на плечи (чему можетъ служить примѣромъ двукратное избраніе природныхъ русскихъ въ митрополиты мимо посвященія у патріарховъ), такъ и въ умственной сферѣ Русь, хотя и усвоивала образцы византійскіе, но не всецѣло приносила имъ въ жертву собственные идеалы. Рядомъ съ одностороннею богомольно-монашескою литературою, мы встрѣчаемъ слѣды литературы живой, самородной, національной. Таковы были пѣсни Бояна, которыя раздавались въ Руси именно въ эпоху Владимира Мономаха, судя по тѣмъ намекамъ, какіе дѣлаетъ пѣвецъ Игоря о ихъ содержаніи. Этотъ послѣдній преемникъ „вѣщаго соловья" стараго времени, или вѣрнѣе, одинъ изъ неизвѣстныхъ для насъ его преемниковъ своимъ произведеніемъ показываетъ, что въ такого рода литературныхъ явленіяхъ, къ какому принадлежитъ его твореніе, русскій духъ не только не былъ рабски скованъ византійскими узами, но шелъ даже въ разрѣзъ съ византійскимъ направленіемъ, хотя и черпалъ изъ того же источника книжнаго образованія; русскій духъ не гнушался древней языческою стариной и пріемами ея поэтическаго творчества: крещеные русскіе люди услаждали свой слухъ преданіями и пѣснями, составлявшими достояніе некрещеныхъ предковъ. Пѣвцы на пирахъ и братчинахъ пѣли о старыхъ временахъ и дѣяніяхъ; въ пѣсняхъ и изустныхъ разсказахъ жила прошлая исторія; грамотные люди не стыдились, какъ должно думать, передавать ихъ и писанію. Суровые аскеты неблагосклонно относились къ пѣсни, потому что она была признакомъ мірскаго веселія, но не могли уничтожить пѣсни, какъ не могли всѣхъ заставить промѣнять наслажденіе жизнью на скорбь покаянія. Кіевскій князь сдѣлалъ уступку св. Ѳеодосію, удаляя отъ себя пѣвцовъ и игрецовъ, когда

являлся къ нему сподвижникъ, но призывалъ ихъ опять къ себѣ, когда нравоучитель удалялся въ свою обитель. Но и благочестивые люди должны были съ своей стороны дѣлать уступки. Не всѣ стали, да и по человѣческой природѣ не всѣ могли стать на такую точку зрѣнія, чтобы считать достойнымъ вниманія только монастырь и молитву; они обращали свое вниманіе и къ мірскимъ дѣламъ, самое византійское образованіе побуждало ихъ знать, что дѣлалось и дѣлается въ мірѣ; и въ благочестивой Греціи видѣли они примѣръ того способа, какимъ тамъ описывали не только церковныя, но и мірскія событія; они узнали, что тамъ существовали хронографы, гдѣ излагалась исторія не только христіанскихъ, но и языческихъ царей. Естественно было желаніе приложить и эту сторону духовнаго труда къ своему отечеству, какъ прилагали къ нему то, что встрѣчали въ области вѣры. Если греки, учители, описывали свои старыя дѣянія, то почему и русскимъ, ихъ ученикамъ, того же не дѣлать у себя? Прочитанные въ переводѣ хронографы Амартола и Малалы достаточно могли побудить русскаго мыслящаго человѣка къ намѣренію составить нѣчто подобное для своего отечества.

Вопросъ о томъ, самъ ли, первый ли Сильвестръ, составляя свою лѣтопись, описывалъ дѣянія предковъ до водворенія христіанства, или же вписалъ въ нее уже прежде сдѣланныя другимъ кѣмъ-нибудь описанія, не представляетъ въ своемъ разрѣшеніи, такъ или иначе, большой важности въ томъ отношеніи, въ какомъ мы разсматриваемъ способъ обращенія лѣтописцевъ къ своимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что кто бы онъ ни былъ, но, будучи благочестивымъ христіаниномъ, онъ долженъ былъ обратиться именно къ тому, что́ охуждалъ монашескій взглядъ — къ пѣснямъ и преданіямъ. Другаго

источника важнѣе для него не представлялось, и всѣ иные источники, письменные, могли служить ему только дополнительными средствами. И онъ поневолѣ къ нимъ обратился, хотя и передавалъ ихъ содержаніе въ сокращеніи, какъ предписывало ему желаніе избѣгать тѣхъ пріемовъ, въ какихъ передавали ихъ пѣвцы и разсказчики, пріемовъ неприличныхъ для благочестиваго книжника. Такимъ-то путемъ первые русскіе книжные люди пришли къ необходимости сохранить для потомства коекакіе слѣды нашей древней исторической поэзіи. Разсмотримъ по частямъ отдѣльно то, чтó сообщила имъ эта самородная русская поэзія.

I.

Преданіе о переселеніи славянъ.

Преданіе самое древнее, и едва ли не самое важное во всей лѣтописи, есть преданіе о переселеніи славянъ съ береговъ Дуная въ нынѣшнюю Россію. Событіе это положило зародышъ русскому народу, всей его судьбѣ и можно сказать, опредѣлило съ извѣстной стороны характеръ всей нашей исторіи. Событіе это намъ исторически извѣстно только изъ нашего лѣтописца. Онъ не указываетъ точно времени, когда оно совершилось; для него оно произошло въ такое отдаленное время, о которомъ онъ никакъ не могъ сдѣлать соображеній на основаніи извѣстныхъ ему фактовъ изъ хронографовъ, которые онъ могъ читать, но тѣмъ не менѣе онъ указываетъ не только самое событіе, но и его причину. На славянъ напали волохи и овладѣли ихъ землею; славяне не хотѣли быть въ порабощеніи у насельниковъ, двинулись изъ дунайскихъ странъ къ сѣверу и начали

заселять западную полосу нынѣшней европейской Россіи, отъ устья Днѣстра и береговъ черноморскихъ до Ладожскаго озера и до предѣловъ Балтійскаго моря. Способъ, какимъ изложилъ лѣтописецъ это событіе, достоинъ замѣчанія и служитъ ручательствомъ, что при передачѣ его не участвовалъ вымыселъ не только лица, которое его записало, но даже и того вѣка, къ которому принадлежало это лицо. Способъ этотъ очень простъ и ограничивается самыми общими чертами, въ какихъ только и могло сохраниться въ памяти многихъ поколѣній слишкомъ древнее событіе, когда уже всѣ его болѣе или менѣе подробныя черты, не только дѣйствительныя, но даже и вымышленныя, какими безъ сомнѣнія оно изукрашалось прежде, изгладились или, по крайней мѣрѣ, сошли съ своего первоначальнаго фона и перемѣшались съ чертами другаго рода. Что это дѣйствительно древнее преданіе, а не какое-нибудь книжное измышленіе, это подтверждаетъ для насъ и теперь значеніе Дуная въ поэтическомъ языкѣ народа; имя Дуная извѣстно Руси какъ нарицательное имя большой рѣки; это имя раздается въ хороводныхъ пѣсняхъ, носящихъ несомнѣнные признаки глубокой старины въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ одними поколѣніями за другими, на обширномъ пространствѣ и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ утвердительно можно сказать, что ихъ обитатели никогда не имѣли непосредственнаго соприкосновенія съ дунайскими странами. Никакъ невозможно предполагать случайнаго, позднѣйшаго занесенія; отъ эпохи лѣтописца до нашего времени прошло уже почти десять вѣковъ, и въ это долгое время русскій народъ испыталъ слишкомъ много переворотовъ, и, вслѣдствіе разныхъ историческихъ и географическихъ условій, подвергался измѣненіямъ въ своемъ существѣ несравненно болѣе, чѣмъ въ періодъ, прожитый имъ до

времени занесенія въ лѣтопись преданія о его первоначальномъ поселеніи на русской почвѣ, какъ бы ни былъ продолжителенъ этотъ періодъ. Поэтому не удивительно, что въ настоящее время вмѣстѣ съ пѣснями, въ которыхъ народъ уже безсознательно поетъ о Дунаѣ, о родинѣ своихъ прародителей, онъ уже не выскажетъ ясно такого преданія, что эти прародители когда-то покинули берега Дуная, убѣгая отъ какихъ-то волоховъ; но въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ это преданіе еще существовало, какъ видно, хотя и тогда уже отъ него оставался только скелетъ—за то эта была дѣйствительная истина, освободившаяся отъ примѣси фантазіи.

Съ древними преданіями совершается такой процессъ: по мѣрѣ удаленія отъ эпохи событія, подробности преданія принимаютъ болѣе или менѣе вымышленныя черты, иногда доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ, смотря по свойству событія и условіямъ быта, черезъ который преданіе переходитъ. Но когда уже пройдетъ слишкомъ много времени, подробности станутъ отдѣляться, разлагаться, прирастать къ другимъ преданіямъ и образамъ, и наконецъ исчезать совершенно; и отъ всего преданія остается одно общее, такъ сказать — скелетъ, и это-то часто бываетъ историческою истиною. Въ такомъ положеніи, намъ кажется, было и преданіе о переселеніи славянъ, когда его записалъ лѣтописецъ, и это, можно сказать, была его свѣтлая сторона, благопріятная для объективной истины: такое положеніе избавляетъ насъ отъ вопросовъ, которые бы, возникая, способствовали не разъясненію, а затемнѣнію предмета. Теперь, напротивъ, достаточно ясно, потому что просто... Отыскивать волоховъ, въ томъ или другомъ племени, народѣ, гоняться для отысканія ихъ за этимологическими сходствами, едва ли бы не было болѣе празднымъ педантствомъ, чѣмъ

ученою пытливостію. Названіе «волоховъ» черезчуръ общеизвѣстно. Славяне этимъ именемъ издавна называли и теперь называютъ итальянцевъ, а также они перенесли это имя и на потомковъ итальянскихъ поселенцевъ въ Дакіи, образовавшихъ, чрезъ свое смѣшеніе съ иными племенами, особый народъ румыновъ. Лѣтописецъ, говоря о волохахъ, разумѣлъ не какой-либо особый неизвѣстный, можетъ быть, миѳическій народъ; это ясно изъ того, что, указывая жительство варяговъ (уже принявшихъ тогда въ народномъ способѣ русскаго выраженія значеніе западныхъ европейцевъ — нѣмцы) онъ упоминаетъ о землѣ волошской на западѣ, и подъ нею, вѣроятнѣе всего, слѣдуетъ разумѣть Италію; въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ болѣе точно хочетъ показать прежнее отечество славянъ, откуда ихъ выгнали волохи, онъ говоритъ, что въ его время въ этихъ странахъ находятся земли угорская и болгарская. Какими бы путями ни приходило слово «волохъ», откуда бы оно ни вышло, прежде чѣмъ приросло къ итальянцамъ, и наконецъ, въ какомъ бы отношеніи это слово ни находилось въ глубочайшей древности къ кельтійскому племени (по созвучію слова «волохъ» съ стариннымъ Walh, Walch, староангл. Vëalh), но, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что лѣтописецъ, внося въ свою лѣтопись глубоко-древнее преданіе объ изгнаніи славянъ съ береговъ Дуная волохами, сознательно понималъ подъ этими волохами, во-первыхъ, ближе всего тѣхъ итальянскихъ колонистовъ, которые образовали румынскій народъ и спеціально у славянскихъ народовъ названіе волоховъ или валаховъ; во-вторыхъ же, настоящихъ итальянцевъ, отъ которыхъ произошли означенные дунайскіе поселенцы. Волохи въ смыслѣ румыновъ были одно и то же, что волохи въ смыслѣ итальянцевъ въ ту эпоху, когда

славяне принуждены были убѣгать отъ ихъ насилій. По представленію, образовавшемуся у лѣтописца на основѣ народнаго преданія, пришли волохи и завладѣли землею славянскою (приаша землю словенску); славяне, не желая терпѣть насилія отъ волоховъ, уходили на сѣверъ, искать новыхъ жилищъ; однако не всѣ славяне такимъ образомъ ушли съ береговъ Дуная; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, подчинившись волохамъ, и жили вмѣстѣ съ послѣдними, а когда угры, ворвавшись черезъ горы въ нынѣшнюю Венгрію, осѣлись въ ней, то имъ пришлось воевать разомъ и волоховъ и славянъ (почаша воевати на живущая ту волохи и словѣни): понятно, что лѣтописецъ, говоря такимъ образомъ, не признавалъ, чтобъ переселеніе славянъ съ Дуная, убѣгавшихъ отъ насилія волоховъ, было всеобщимъ; славяне продолжали жительствовать и размножаться въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, это событіе было никакъ не перемѣщеніе племени, а расширеніе его жительства. Нападеніе волоховъ на славянъ есть ни что иное, какъ завоеваніе римлянами по-дунайскихъ странъ; когда одни славяне покорялись своей судьбѣ и оставались въ подчиненіи пришельцамъ, другіе убѣгали искать себѣ иного, независимаго отечества. Переселеніе славянъ совершалось, конечно, не за однимъ разомъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; кто сильно почувствуетъ тягость условій на прежнемъ мѣстѣ, тотъ убѣгаетъ, побуждаемый предшествовавшими примѣрами своихъ собратій, и въ свою очередь увлекаетъ другихъ своимъ примѣромъ; впрочемъ, самое массивное переселеніе, какъ кажется, послѣдовало во время завоеваніе Дакіи Траяномъ, и быть можетъ нашихъ предковъ можно искать въ тѣхъ сарматахъ, ушедшихъ массами къ сѣверу, о которыхъ сохранились римскія извѣстія, подтверждаемыя нагляд-

ными изображеніями на траяновой колоннѣ. Мы не думаемъ искать славянъ вездѣ, гдѣ только ни говорилось о сарматахъ; но такъ какъ послѣднее названіе стало болѣе географическимъ, чѣмъ опредѣленно-этнографическимъ, то подъ именемъ «сарматъ» могли скрываться и славяне. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что римское завоеваніе понуждало народы переселяться массами изъ своего прежняго отечества въ отдаленныя страны, очень важенъ для историческаго значенія преданій объ уходѣ славянъ съ Дуная въ страны нынѣшней Россіи, случившемся по поводу нашествія на нихъ волоховъ.

Намъ кажется не только не страннымъ, но даже очень естественнымъ то обстоятельство, что событіе, которымъ начиналась исторія славянъ на русской почвѣ, отпечатлѣлось въ памяти потомковъ болѣе, чѣмъ многіе послѣдующіе перевороты, постигавшіе переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ. Лѣтописецъ, какъ видно, былъ менѣе знакомъ съ письменными историческими памятниками, чѣмъ съ родными преданіями, и до него, какъ видно, не дошло ничего ни о готскомъ завоеваніи, ни о временахъ Аттилы. У нашего лѣтописца нѣтъ ни малѣйшаго намёка на эти отдаленныя событія. Поэтому мы полагаемъ, что въ ту эпоху, когда онъ жилъ, уже не оставалось въ народѣ преданій объ нихъ, по крайней мѣрѣ въ такой степени выразительныхъ, чтобъ они могли дать лѣтописцу поводъ сказать объ нихъ два-три слова. А между тѣмъ, преданіе объ уходѣ славянъ съ Дуная было до того живо, что лѣтописецъ сообщалъ его коротко, но съ такими признаками, по которымъ есть возможность найти, о чемъ говоритъ онъ. Это, главнымъ образомъ, произошло оттого, что славяне-переселенцы въ дальнѣйшей своей исторіи уже во времена своего пребыванія на русской почвѣ долго находились въ та-

кихъ условіяхъ, что первоначальный приходъ ихъ не давалъ себя забывать, а напротивъ, многое безпрестанно и постоянно напоминало имъ о томъ, что они пришельцы въ той землѣ, гдѣ живутъ. Подвигаясь и разселяясь все далѣе и далѣе и сталкиваясь съ народами иныхъ племенъ, славяне должны были шагъ за шагомъ въ борьбѣ съ ними овладѣвать своимъ новымъ отечествомъ. Ихъ встрѣчало два рода иноземцевъ: одни осѣдлые, но слабые и духомъ и сплоченіемъ; они бѣжали отъ пришельцевъ, вымирали подъ ихъ наплывомъ, или же сливались съ ними, утрачивая свою прежнюю народность и усвоивая славянскую;—другіе, кочевые, воинственные—мѣшали славянамъ устаиваться и развиваться. Пока славяне не успѣли поглотить однихъ, покорить или отбить другихъ, сознаніе въ томъ, что они пришельцы на своей землѣ, не могло въ нихъ угаснуть. Въ послѣдующія времена оно не терялось оттого, что площадь, которую успѣли славяне занять исключительно, была уже очень обширная, массы осѣдлыхъ славянъ перестали уже видѣть вокругъ себя сторонниковъ иного племени и потому забывали, съ одной стороны, что на землѣ, гдѣ они живутъ, обитали другія племена, а съ другой,—что сами они на эту землю пришли откуда-то, забывали оттого, что ничто не поддерживало въ нихъ такихъ воспоминаній, ничто такое не бросалось имъ въ глаза, что̀ бы говорило имъ постоянно, что они пришельцы. Извѣстно, что у русскаго народа и теперь есть свои понятія о Россіи: находясь въ предѣлахъ русскаго государства, русскій человѣкъ называетъ «Россіею» ту часть ея, гдѣ онъ видитъ сплошное русское населеніе, и если въ краѣ встрѣчаетъ осѣдлое значительное населеніе иного племени, не считаетъ уже этого края Россіею, и русскіе люди, тамъ живущіе, имѣютъ сознаніе о своемъ приходѣ,

воспоминанія и преданія, хотя иногда и тусклыя. Такъ на сѣверѣ Россіи, тамъ гдѣ еще есть инородцы, курганы приписываются народу чудскому, который погибъ во время пришествія въ той край русскихъ людей, слѣдовательно у тамошнихъ русскихъ оказывается преданіе о своемъ пришествіи въ этотъ край, въ которомъ они живутъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ уже русскому человѣку не бросаются въ глаза осѣдлые инородцы, тамъ съ подобными курганами соединяются преданія о панахъ или о Литвѣ, иноземныхъ врагахъ, приходившихъ безпокоить русскій народъ въ его отечествѣ; но преданія о приходѣ въ это отечество самого русскаго народа уже въ этомъ случаѣ нѣтъ. Подобно тому у малоруссовъ, которыхъ колонизація широко растянулась отъ Днѣпра на востокъ, вплоть до Волги (хотя съ постепенно ослабѣвающею густотою племени) въ мѣстахъ, гдѣ они живутъ въ сосѣдствѣ или вперемежку съ великоруссами, есть сознаніе о томъ, что они пришельцы въ странѣ своего жительства, у нихъ сохраняются преданія о томъ, какъ дѣды ихъ ушли изъ «Гетманщины» или «Польщи». Но въ западной Малороссіи, гдѣ малорусское населеніе сплошное, нѣтъ такого преданія, чтобы дѣды ихъ пришли откуда-нибудь въ свою землю. Точно подобное произошло и съ преданіемъ о приходѣ съ Дуная: преданіе это не угасало въ теченіе ряда столѣтій оттого, что славяне постоянно сталкивались съ населеніемъ иныхъ племенъ, и такія встрѣчи и столкновенія поддерживали у славянъ сознаніе о собственномъ значеніи пришельцевъ.

Впрочемъ, мы еще не рѣшимся вовсе отвергать того, чтобы слабые оттѣнки древнихъ преданій о волохахъ не просвѣчивали и теперь еще въ нѣкоторыхъ представленіяхъ у малоруссовъ. Слово «волохъ» въ народѣ до сихъ

поръ извѣстно. Оно означало молдаванъ въ тѣ времена, когда малорусскіе казаки имѣли сношенія съ ними; то же значеніе имѣетъ оно и теперь тамъ, гдѣ продолжаются народныя сношенія съ молдаванами. Но, вообще, въ большей части малорусскаго края это слово перешло на цыганъ — какъ поется въ одной пѣснѣ: «циганочка волошечка», хотя въ разговорномъ языкѣ этотъ народъ болѣе называютъ цыганами. Есть родъ цыганъ, называемыхъ плащеватыми; но кромѣ выраженія «плащеватый цыганъ», есть еще выраженіе: «плащеватый волохъ», и тутъ для насъ возникаетъ сомнѣніе: дѣйствительно ли плащеватый цыганъ и плащеватый волохъ одно и то же? Названіе волоха въ этомъ случаѣ имѣетъ для народнаго впечатлѣнія какой-то страшный, таинственный характеръ; существуетъ поговорка: «нехай тебе плащеватый волохъ визьме!» Быть можетъ, здѣсь представленіе о плащеватомъ волохѣ примкнуло только къ представленію о плащеватомъ цыганѣ, а само оно — очень старое представленіе о томъ волохѣ, который нѣкогда былъ врагомъ предковъ русскаго народа. Это мы можемъ принять тѣмъ смѣлѣе, что рядомъ съ этимъ представленіемъ о плащеватомъ волохѣ, существуетъ повѣрье о народѣ волохахъ, живущемъ гдѣ-то далеко за моремъ, народѣ страшномъ и не похожемъ на обыкновенныхъ людей: эти волохи — «волохатые», то-есть обросшіе шерстью; существуютъ сказочные анекдоты о томъ, какъ «наши» люди попадали къ «волохамъ», между прочимъ, одинъ разсказъ, очень характеристичный, въ такомъ видѣ: одинъ казакъ поплылъ по морю и попалъ на островъ, гдѣ жили волохи; ему приходилась бѣда, но женщина-волошка спасла его и запрятала въ земляную нору, гдѣ сама жила. Всѣ эти волохи жили въ норахъ и были покрыты шерстью, а говорили такъ, что ихъ голосъ по-

хожъ бы на какой-то пискъ. Волошка запирала казака и берегла, а потомъ, когда онъ обжился, стала выпускать; у нея отъ казака родился ребенокъ, который былъ на половину въ отца, а на половину въ мать; одна половина его была покрыта шерстью, другая — бѣлая, безъ шерсти. Волохи, узнавши, что пришелецъ уже вошелъ въ связь съ женщиною изъ ихъ народа, не трогали его. Однажды онъ увидѣлъ корабль и началъ махать; корабельщики приплыли; онъ просилъ ихъ взять его къ себѣ, былъ принятъ и поплылъ. Его жена бросилась на берегъ, и увидя, что супруга болѣе нѣтъ, растерзала своего ребенка: половину его тѣла, похожую на себя, зарыла въ землю, другую — бросила въ море, сама затѣмъ утопилась. Другіе разсказыло волохахъ или волохатыхъ людяхъ представляютъ ихъ жителями дремучихъ лѣсовъ; они ловятъ заблудившихся и загрызаютъ ихъ до смерти или заводятъ въ пропасти, въ воду и т. п., дѣлая вообще то, что̀ приписываютъ и лѣшимъ. Мы думаемъ, что подобнаго рода представленія привились къ названію волоха именно потому, что въ глубокой древности имя это было грознымъ и напоминало постигшіе нѣкогда славянскій народъ перевороты. Если, съ одной стороны, мы обратимъ вниманіе на такого рода образы, въ которыхъ еще и теперь рисуется волохъ, а съ другой, на то, что имя Дуная до сихъ поръ не умираетъ въ поэтической рѣчи русскаго народа, то должны будемъ признать, что и теперь еще можно найти обломки древняго преданія, переданнаго намъ лѣтописцемъ, преданія, открывающаго для насъ тайну начала существованія нашего, въ смыслѣ отдѣльной національности.

II.

Преданія объ уграхъ и обрахъ.

Лѣтописецъ нашъ изъ византійскихъ источниковъ узналъ о нѣкоторыхъ варварскихъ народахъ, имѣвшихъ въ разныя времена сношенія и столкновенія съ восточною имперіею, и пріурочилъ къ нимъ преданія, которыя слышалъ въ своемъ народѣ. Таково, во-первыхъ, его извѣстіе объ уграхъ. У него является два рода угровъ: одни — бѣлые, другіе — черные. Что послѣдніе, которыхъ лѣтопись пріурочиваетъ ко временамъ Олега, были настоящіе венгры — въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; но что касается до угровъ бѣлыхъ, которые отнесены ко временамъ Ираклія и его войны съ персидскимъ царемъ Хозроемъ, то лѣтописецъ разумѣетъ подъ ними тотъ народъ, который, по византійскимъ источникамъ, дѣйствительно воевалъ съ персами въ то же время, какъ съ послѣдними воевали греки, и потому вошелъ въ дружескія сношенія съ имперіею. По толкованію ученыхъ, это были хазары. Назвать ихъ уграми бѣлыми, также какъ венгровъ — уграми черными, лѣтописецъ могъ только съ голоса народныхъ преданій. Представленіе объ одномъ и томъ же народѣ, который раздвояется и къ одной его половинѣ прилагается эпитетъ бѣлый, а къ другой — черный, принадлежитъ къ обычнымъ признакамъ нашего народнаго способа поэтическихъ выраженій. У малоруссовъ и теперь есть представленіе объ арапѣ бѣломъ и арапѣ черномъ; съ образомъ перваго соединяется что-то могучее, угрожающее; бѣлый арапъ — въ воображеніи народа, какое-то страшное полчище въ родѣ орды Чингисъ-Хана. Не разъ распространялась въ народѣ тревога, слухъ, что *«отъ білий арапъ иде»* будетъ великая

война; такой слухъ появлялся особенно въ тѣ времена, когда дѣйствительно государство находилось наканунѣ войны и по этому поводу усиливались наборы. Представленіе о бѣломъ и черномъ арапѣ переносилось даже и на французовъ послѣ войны двѣнадцатаго года. То же двоеніе на черное и бѣлое мы видимъ и въ представленіи о самомъ русскомъ народѣ: есть бѣлая Русь, есть и черная Русь. То же коренилось и въ древней языческой религіи: были бѣлые боги и черные боги. Изъ нашего лѣтописца видно, что въ древности русскіе славяне прилагали такой способъ раздвоенія къ народамъ, съ которыми сталкивались, и угры, большое племя, жившее нѣкогда на востокъ отъ славянскихъ поселеній, мало извѣстное внутри своей страны, подвергались у славянъ такому раздвоенію.

Преданіе объ обрахъ еще очевиднѣе выказываетъ свое народное происхожденіе. Подъ этими обрами у нашего лѣтописца обыкновенно разумѣютъ аваровъ, и дѣйствительно самъ лѣтописецъ пріурочивалъ ихъ къ аварамъ, какъ показываетъ именно то, что онъ ихъ относитъ ко временамъ Ираклія. Но исключительно ли къ аварамъ относился созданный народомъ образъ обровъ, объ этомъ можетъ возникать еще вопросъ. «Обръ», значитъ исполинъ (чешск. obr, польск. olbrzym). Представленіе о великанахъ до такой степени распространено у всѣхъ народовъ, что его можно вполнѣ назвать общечеловѣческимъ; съ нимъ связано и вѣрованіе, до сихъ поръ присущее нашему народу, что въ древности люди были крупнѣе ростомъ и сильнѣе тѣломъ. Нашъ лѣтописецъ (не знаемъ, самъ ли лично или чрезъ посредство другихъ) узналъ объ обрахъ, какъ видно, изъ преданія дулѣбовъ, славяно-русскаго народа, жившаго въ нынѣшней Волынской губерніи. Обры, по словамъ лѣтописи, напали

на дулѣбовъ и творили насиліе женамъ ихъ; если случалось обрину ѣхать куда-нибудь, онъ запрягалъ въ телегу не коня, не вола, а трехъ-четырехъ, или пять женщинъ, и заставлялъ везти себя. Такъ мучили обры дулѣбовъ. Это запряганіе женщинъ въ телегу поработителями, намъ кажется, принадлежитъ къ ряду обычныхъ нашихъ народныхъ представленій, которыя, какъ выработанныя народнымъ воображеніемъ формы, могутъ быть примѣняемы народомъ къ какому угодно подходящему содержанію. Мы встрѣчаемъ его въ Малороссіи и теперь въ воспоминаніяхъ народа о пребываніи подъ властію польскихъ пановъ и жидовъ, неотдѣлимыхъ отъ польскаго панства въ народномъ воззрѣніи на свою прошлую судьбу. До сихъ поръ разсказываютъ, что дѣлали ляхи съ русскимъ народомъ, и кромѣ поруганія религіи (въ церквахъ лошадей ставили, ризами, какъ попонами, укрывали, съ престоловъ овсомъ кормили), на первомъ планѣ въ народномъ воображеніи стоитъ то, что вмѣсто коней и воловъ запрягали женщинъ и дѣвицъ, да еще погоняли ихъ бичами, свитыми изъ ихъ же волосъ. Въ лѣтописи Величка помѣщенъ универсалъ Стефана Остранина (по всѣмъ соображеніямъ — подложный), въ которомъ разсказывается, что поляки запрягали въ плуги людей и женщинъ — матерей, сестеръ и женъ, и заставляли орать по льду на рѣкѣ, а жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивой исторіи Конискаго разсказывается, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало по Малороссіи въ длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми. Это извѣстіе, какъ оказывается по соображенію съ существующими народными преданіями, не выдумано въ своей основѣ составителемъ этой исторіи, а вѣроятно внесено съ народнаго голоса, съ видоизмѣненіями. Въ польской Рѣчи Посполитой, странѣ всевозможныхъ пан-

скихъ причудъ, могли быть и подобныя выходки, но уже, конечно, это были не повсемѣстные прiемы, и если народъ обобщилъ ихъ и поставилъ на первомъ планѣ, то потому, что въ его воображенiи былъ уже готовый традицiонный образъ утѣсненiя народнаго. Авары въ VI-мъ и VII-мъ столѣтiи подобнымъ способомъ могли неистовствовать надъ порабощенными дулѣбами и другими народами, точно также, какъ и польскiе паны надъ русскими схизматиками въ XVII-мъ вѣкѣ; но, по самому своему существу, такое событiе, за неимѣнiемъ практическаго приложенiя, не могло быть ни у аваровъ, ни у поляковъ, — какъ и у древняго египетскаго завоевателя, разъѣзжавшаго на плѣнныхъ царяхъ, — ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ проявленiемъ единичнаго самодурства; оно даже легко могло возникать на дѣлѣ вслѣдствiе уже знакомаго, прежде сложившагося образа; самый же этотъ образъ въ своемъ обобщенiи есть одинъ изъ тѣхъ типическихъ образовъ, какими народъ, которому вообще легче выражать свои мысли образами, чѣмъ понятiями, передавалъ идею униженiя порабощенныхъ, терпѣвшихъ подъ гнетомъ поработителей. По отношенiю къ историческимъ судьбамъ славянъ въ Россiи этотъ образъ показываетъ только, что славяне находились въ условiяхъ угнетенiя и порабощенiя иными племенами, но не можетъ служить характеристическимъ признакомъ, исключительно принадлежащимъ аварскимъ временамъ. Эти обры, — говоритъ лѣтописецъ, — были тѣломъ велики и умомъ горды, но Богъ истребилъ ихъ: они перемерли всѣ, такъ что не осталось ни одного обрина, и есть про нихъ поговорка на Руси: «погибоша, аки обри». Въ этомъ образѣ погибшихъ обровъ можно видѣть ни болѣе, ни менѣе какъ великановъ, составляющихъ одинъ изъ признаковъ многихъ извѣстныхъ намъ миѳологiй. Эти

великаны представляются то какъ титаны, древнѣйшими божескими существами, низложенными и пораженными отъ боговъ новаго поколѣнія, то какъ гиганты, земными, хотя человѣкообразными, но чудовищными твореніями, ополчающимися на боговъ и уничтоженными отъ последнихъ. Погибель можетъ быть различная, но погибель неизбѣжна для этихъ великановъ: по старо-нѣмецкимъ представленіямъ, великаны изображаются то погибшими прежде въ борьбѣ съ богами, то долженствующими погибнуть въ концѣ міра, а все-таки погибель ихъ удѣлъ. Наука, можно сказать, достаточно уже рѣшила, что въ этой борьбѣ погибающихъ великановъ съ новыми богами, человѣческая способность выражаться образами представила собственный процессъ человѣческаго развитія, заключающійся въ переходѣ отъ безсмысленнаго подчиненія матеріи къ сознанію духовнаго бытія, отъ поклоненія дикой космической силѣ къ обоготворенію человѣчно-нравственныхъ идеаловъ. И такъ какъ при всемъ разнообразіи явленій этотъ процессъ имѣетъ главныя одинакія черты, то и образы его выраженія въ главныхъ чертахъ одинаковы, и къ такимъ одинакимъ чертамъ принадлежитъ погибель великановъ. Этотъ миѳъ оставилъ до сихъ поръ слѣды въ народныхъ представленіяхъ; въ Малороссіи есть преданіе о велетняхъ, лишенное, конечно, своей выпуклости и опредѣленности, какъ и должно было случиться съ нимъ по его древности. Оно состоитъ только въ томъ, что когда-то на землѣ проживали огромнаго роста люди, называемые велетни, иногда они представляются предками настоящихъ поколѣній, но чаще племенемъ чужимъ для нашего, и притомъ, враждебнымъ нашему. Достойно замѣчанія, что поговорка, приводимая лѣтописцемъ объ обрахъ: «погибоша, аки обри», видоизмѣнившись, до сихъ поръ слы-

шится въ малорусской поговоркѣ: «велетню не довго въ світі жити» (см. Укр. присказки, Номиса, стран. 113). Это сопоставленіе уцѣлѣвшихъ до нашего времени въ народномъ воображеніи велетней съ обрами, приводитъ насъ, вмѣстѣ съ другими соображеніями, къ тому заключенію, что въ сущности древніе обры и наши велетни одно и тоже; это явленіе древнѣйшаго общечеловѣческаго миѳа о великанахъ, обреченныхъ на погибель, явленіе, примкнувшее къ народному способу представлять угнетенія порабощенныхъ поработителями; къ аварамъ же этотъ сложившійся видъ преданія о погибшихъ великанахъ столько же можетъ относиться, какъ и ко всякимъ другимъ насильникамъ, угнетавшимъ порабощенные народы и ругавшимся надъ ними въ упоеніи своего могущества. Они представляются великанами, потому что съ понятіемъ о миѳическихъ великанахъ соединяется понятіе о силѣ и враждебности.

III.

Преданіе о родоначальникахъ.

Въ нашей лѣтописи есть драгоцѣнное описаніе языческихъ нравовъ русскихъ народцевъ, безъ сомнѣнія, почерпнутое, можетъ быть, отчасти изъ собственнаго наблюденія писавшаго, отчасти изъ разсказовъ другихъ: въ концѣ XI-го вѣка и въ началѣ XII-го, когда составлялись эти описанія, еще достаточно было язычниковъ, а языческіе обычаи были въ полной силѣ и у крещеныхъ, и въ этомъ случаѣ намъ можно руководствоваться этимъ описаніемъ, какъ голосомъ современниковъ. Но, рядомъ съ этимъ описаніемъ, мы встрѣчаемъ и извѣстія о древнихъ родоначальникахъ, которыхъ источникомъ не могло

быть ничто, кромѣ преданій. Такимъ образомъ, о двухъ народахъ славянской крови, радимичахъ и вятичахъ, лѣтописецъ разсказываетъ, что они происходятъ отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, которые вышли изъ ляшскихъ странъ. Радимъ съ родомъ своимъ сѣлъ на Сожѣ, а Вятко съ родомъ своимъ—на Окѣ, и отъ перваго прозвались радимичи, отъ другаго—вятичи. Какъ ни коротко это извѣстіе и какъ ни мало оно представляетъ матеріаловъ для историческихъ изслѣдованій, но, вдумавшись въ него, мы не должны считать его лишеннымъ всякой важности для исторіи. Изъ него мы видимъ, что населеніе наплывало въ русско-славянскій міръ колонизаціею и съ запада, какъ съ юга. Вѣроятно, радимичи и вятичи представляли различія въ своихъ этнографическихъ чертахъ отъ прочихъ русско-славянскихъ народовъ, и отъ этого поддерживалось мнѣніе, что они не принадлежатъ къ славянамъ, въ смыслѣ славянъ русскихъ, а переселились изъ ляшскаго края. Радимичи и вятичи сознавали своихъ родоначальниковъ, и вѣроятно чествовали ихъ, какъ можно судить по тому, что они вообще чествовали умершихъ предковъ. Само собою разумѣется, нельзя буквально признавать, чтобы всѣ радимичи и вятичи происходили отъ Радима и Вятка, какъ равно нельзя, на этомъ основаніи, признавать Радима и Вятка, какими бы то ни было, патріархами своего рода, такъ какъ слово родъ, судя по другимъ мѣстамъ лѣтописи, не употреблялось въ смыслѣ однозначительномъ съ тѣмъ замкнутымъ родовымъ строемъ, который представлялъ видъ государства съ деспотическою властію родоначальника. Роды нашихъ русскихъ славянъ были семьи, болѣе или менѣе многочисленныя. Преданіе о происхожденіи отъ родоначальниковъ Радима и Вятка по народному смыслу не значило, чтобы всѣ, носившіе

имя радимичей и вятичей, считали себя происходящими отъ ихъ крови. Радимъ и Вятко могли быть не болѣе какъ лица, которымъ народное воспоминаніе, при содѣйствіи народной фантазіи, приписывало первое заселеніе своего края, и къ тому первому приставали другія группы. Безъ особыхъ аналогій такой взглядъ подтверждается и существующимъ до сихъ поръ у насъ строемъ подобныхъ воспоминаній и преданій, особенно тамъ, гдѣ колонизація еще не стала очень древнею, до того, чтобы совершенно быть забытою. Мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ названія селъ и даже городовъ по именамъ человѣческимъ, и съ этими названіями соединяются иногда довольно живыя преданія о первомъ поселеніи человѣка, давшаго свое имя жилой мѣстности. Такое явленіе очень обычно въ мѣстахъ малорусской колонизаціи (въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской, Воронежской и т. д.), гдѣ особенно замѣтно много селъ и хуторовъ съ именными названіями и непремѣнно съ преданіями о приходѣ лица, давшаго свое имя. Такъ, между прочимъ, нынѣшній Харьковъ получилъ свое названіе отъ имени Харько (сокращен. Захарько), и какъ говоритъ уцѣлѣвшее преданіе, первый казакъ, пришедшій сюда изъ гетманщины, по имени Харько, завелъ хуторъ между рѣками Харьковомъ и Лопанью. Но въ наше время такой основатель ничего по себѣ не оставляетъ, кромѣ воспоминанія, да и то мало-по-малу изглаживаемаго временемъ. Въ языческіе вѣка былъ совсѣмъ не тотъ процессъ уклада воспоминаній въ народной памяти. Преданіе объ основателѣ совпадало съ чествованіемъ умершихъ. Основатель колоніи былъ ея всегдашній покровитель, и на этомъ основаніи всякій, кто вступалъ въ эту колонію, обращался уже съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ памяти ея основателя. Конечно, одними радимичами и

вятичами не ограничивались преданія объ основателяхъ и родоначальникахъ; лѣтописецъ, кромѣ ихъ, говоритъ еще о полянахъ въ томъ же смыслѣ. Но мы увѣрены, что не только у поименованныхъ въ лѣтописи, но и у всѣхъ вообще вѣтвей русско-славянскаго народа были свои особые родоначальники, даже въ каждой жилой мѣстности, въ каждомъ дворѣ, какъ и до сихъ поръ еще въ каждомъ домѣ есть свой домовой. Передаваемое лѣтописцемъ сказаніе объ основателѣ Кіева яснѣе высказываетъ взглядъ на этихъ родоначальниковъ. Здѣсь Кій не представляется родоначальникомъ всѣхъ полянъ вообще, а только однимъ изъ нихъ. Поляне, — говоритъ лѣтопись, — жили себѣ особно (то-есть, отличаясь отъ другихъ вѣтвей, какъ равно и всякая другая) и владѣли родами (семьями) своими, каждый жилъ съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ и было три брата: одному имя Кій, другому имя Щекъ, третьему имя Хоривъ, и сестра у нихъ была Лыбедь. Кій поселился на горѣ, гдѣ нынѣ (то-есть во время лѣтописца) увозъ Боричевъ, а Щекъ — на горѣ Щекавицѣ (нынѣ же въ XIX-мъ вѣкѣ Скавица), а Хоривъ — на горѣ Хоривицѣ, которая отъ него прозвалась Хоривицею (въ Вышгородѣ). Они построили городъ во имя своего старѣйшаго брата и назвали его Кіевъ. Около города былъ великій боръ и лѣсъ, они ловили звѣрей, были мужи мудрые и смышленые, и отъ нихъ поляне въ Кіевѣ до сего дня.

Это драгоцѣнное извѣстіе имѣетъ двѣ стороны — вымышленную и историческую. Мы не рѣшимся положительно сказать: какого происхожденія эти три брата. Число три, безспорно, общая миѳическая принадлежность преданій, и созиданіе города тремя братьями найдетъ себѣ подобіе въ преданіяхъ другихъ славянскихъ наро-

довъ [1]). Собственно формы—Щекавица отъ Щека, и Хоривица отъ Хорива, а еще болѣе названіе рѣки Лыбеди отъ имени сестры Кія, Щека и Хорива таковы, что скорѣе побуждаютъ подозрѣвать здѣсь книжное измышленіе, подобно вымыслу трехъ братьевъ Руса, Леха и Чеха отъ имени существовавшихъ уже народовъ, или еще ближе, подобно сказкѣ о населеніи древняго Новгорода, въ которой озера и рѣки называются по именамъ людей (Ильмень по имени дочери Словена, Волховъ по имени сына, Шелонь по имени жены Словена, Волховецъ по имени меньшого сына Словенова, Жилотугъ по имени сына Волховца, городъ Руса по имени брата Словенова, Порусія по имени его жены, а Полиста по имени его сестры), подобно тому, какъ Лыбедь носитъ названіе по имени сестры трехъ братьевъ. Естественно возникаетъ сомнѣніе, такъ какъ мы чаще видимъ такой процессъ, творимый болѣе путемъ книжнаго измышленія, чѣмъ народныхъ вымысловъ. Однако же, что касается до преданія о самомъ Кіѣ, помимо его братьевъ и сестры, то въ народности этого преданія едвали можетъ быть сомнѣніе,

---

[1]) Наприм., сербская пѣсня объ основаніи Скадра приписываетъ созданіе этого города тремъ роднымъ братьямъ:

Градъ градила три брата рођена
До три брата три Мрља вчевића. ..
(Вука. II. 115).

Въ чешскомъ сказаніи о трехъ дочеряхъ Крока, именемъ двухъ дочерей называются тѣ мѣстности, гдѣ онѣ поселились, подобно тому, какъ въ повѣсти объ основаніи Кіева отъ Кія, Щекавица отъ Щека и Хоривица отъ Хорива:

Potom Krok jide do navi
Tëi dcery múdrė ostavi
Kažiu Tètku a Lubašu...
Kažie sedieše na Kažinie
A zle Tètka na Tetinie.
(Dalém, 9.)

и самое названіе города Кіева могло быть только отъ имени Кія, такъ что, по нашему мнѣнію, Кій лицо не только взятое изъ народнаго преданія, но даже лицо историческое. Городъ Кіевъ остается памятникомъ бытія Кія на свѣтѣ. Замѣчательно, что о Щекѣ, Хоривѣ и Лыбеди нѣтъ ничего, кромѣ именъ, но о біографіи Кія слѣдуютъ потомъ далѣе извѣстія. Объ этомъ лицѣ существовали различныя мѣстныя сказанія: одно говорило, что Кій былъ перевозчикъ, такъ какъ въ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, былъ перевозъ съ одного берега Днѣпра на другой; но другое сказаніе, напротивъ, изображало его знатнымъ лицомъ; Кій былъ князь въ родѣ (народѣ) своемъ и приходилъ къ царю (византійскому), отъ котораго получилъ большую честь; возвращаясь оттуда, онъ построилъ на Дунаѣ городокъ Кіевецъ, гдѣ хотѣлъ основаться съ своимъ родомъ, но окрестные жители не допустили его. Онъ воротился въ свой Кіевъ и тамъ окончилъ жизнь. Вѣроятно, при отдачѣ преимущества послѣднему сказанію передъ первымъ, описавшій все это въ лѣтописи руководился мѣстнымъ патріотизмомъ, немирившимся вовсе съ унизительнымъ положеніемъ праотца въ званіи перевозчика. Къ сожалѣнію, это излюбленное преданіе о путешествіи Кія передается въ сокращеніи, такъ какъ самое содержаніе его — такого склада, что надобно было предполагать разныя подробности о томъ, какъ Кій былъ принимаемъ царемъ, какъ строилъ городъ на Дунаѣ и какъ ему не давали исполнить своего намѣренія тамошніе люди. Само преданіе, вѣроятно, составилось сравнительно позже, когда въ Руси развились и достигли своей высшей силы сношенія съ Византіей. Тогда естественно было перенести на праотца признаки своего вѣка.

Вымыселъ не только въ народномъ преданіи, но даже и въ издѣліи книжника не лишается исторической важ-

ности, если книжникъ, выдумывая событіе или образъ, обставляетъ его подробностями историческаго быта, потому что, свыкшись съ послѣднимъ, онъ не въ силахъ иначе поступить съ своею выдумкою. Такимъ образомъ, если братьевъ Кія, Щека и Хорива не существовало на свѣтѣ, то способъ построенія тремя братьями Кіева представляется характеристическимъ явленіемъ городовъ у славянъ. Не три брата, а вообще отцы семействъ, имѣвшіе свои жительства по близости, соединялись и строили городъ для своей защиты: вотъ, по нашему мнѣнію, смыслъ, заключающійся въ трехъ строителяхъ Кіева. Слова лѣтописи, что у полянъ каждый владѣлъ родомъ своимъ, побудили нашихъ ученыхъ видѣть въ нихъ доказательство существованія родового быта, того патріархальнаго состоянія, котораго сущность состояла въ томъ, что люди считали себя близкими и принадлежавшими къ общественному тѣлу единственно на основаніи родства по крови, и находились подъ строгимъ управленіемъ родоваго главы, достигавшаго этого званія по праву первородства, такъ что «предки наши не знали семьи, не имѣли отдѣльной собственности, кромѣ родовой, и никакого юридическаго понятія о личности человѣка». Если когда-либо такой строй, дѣйствительно замѣчаемый у разныхъ народовъ на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, и существовалъ у нашихъ предковъ, то обстоятельства успѣли разрушить его прежде, чѣмъ народъ русскій выступилъ на поприще исторіи; по крайней мѣрѣ, наши древнѣйшіе источники убѣждаютъ насъ въ этомъ и побуждаютъ давать иное толкованіе тѣмъ неяснымъ выраженіямъ, которыя, дѣйствительно, безъ этого могутъ приводить къ признанію древняго родоваго быта. Въ древнѣйшемъ юридическомъ памятникѣ нашемъ — договорѣ Олега съ греками — не только не видно существо-

ванія рода въ юридическомъ смыслѣ, какъ цѣлаго тѣла, котораго нераздѣльнымъ членомъ былъ бы каждый родичъ, но положительно видно отсутствіе такого строя. По этому договору убійца отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ за убитаго не какому-либо роду его, а только ближайшему лицу, и если онъ состоятеленъ, то въ такомъ случаѣ теряетъ свое достояніе; слѣдовательно, предполагалась уже независимая личная собственность, несовмѣстная съ родовымъ бытомъ; мало этого: договоръ, наказывая убійцу, однако щадилъ жену его и постановлялъ, что достояніе убійцы отдавалось не все, но оставлялась часть женѣ его; очевидно, и за женщиною признавалась правоспособность владѣть частною собственностью. Въ томъ же договорѣ говорится, что въ случаѣ смерти русскаго, постигшей его въ Греціи, имѣніе его возвращалось не къ роду, а ближайшимъ кровнымъ, и то въ такомъ только случаѣ, когда онъ не оставилъ завѣщанія, иначе имущество его поступало тому, кому онъ завѣщалъ. Такія черты были бы немыслимы при господствѣ родоваго начала, потому что въ патріархальномъ родѣ каждый родичъ, завися отъ рода и принадлежа ему со всѣмъ своимъ достояніемъ, не имѣлъ бы права располагать имъ, какъ безусловно ему принадлежащею собственностію. Въ другомъ древнемъ памятникѣ законодательства, въ «Русской Правдѣ», гдѣ предоставляется месть близкимъ родственникамъ за убійство одного изъ нихъ, это право не доходитъ далѣе племянниковъ: о широкомъ родѣ нѣтъ помина. Единицею, связующею людей въ обществѣ, была земля, и это слово въ древнемъ языкѣ перешло на значеніе самого людскаго общества; въ землѣ могло быть много родовъ, или фамилій, они могли помнить свою кровную связь, но соединялись съ другими не по родовымъ счетамъ, а по мѣсту жительства и по признакамъ

своенародности, а однимъ изъ главныхъ признаковъ былъ языкъ. Для обозначенія народной особи у славянъ издревле было слово «языкъ», означавшее вмѣстѣ и народъ (замѣчательно, что въ св. писаніи словомъ «языцы» передалось такое понятіе, которое въ латинскомъ языкѣ передано словомъ gentes, вытекавшимъ изъ представленія о родѣ). Если составы малыхъ обществъ по своей связи назывались землями, то и единичныя сельскія общины носили такое названіе, которое указывало на ихъ связь по землѣ, а не по роду: они назывались вервями, то-есть, веревками, очевидно оттого, что ихъ земельные участки отмежевывались отъ сосѣднихъ веревкою. Слово «родъ» употреблялось въ древнемъ языкѣ въ трехъ значеніяхъ: въ самомъ обширномъ — въ смыслѣ племени (напримѣръ: поляномъ живущимъ особѣ, якоже рекохомъ сущимъ отъ рода славянска) почти однозначительно съ словомъ «языкъ»; въ менѣе обширномъ, въ смыслѣ кровныхъ, родни; и наконецъ, всего чаще и опредѣлительнѣе, въ смыслѣ семьи, и въ этомъ значеніи надобно принимать слова о томъ, что поляне «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Семьи могли быть то многолюднѣе, то малолюднѣе, обнимать въ своей единицѣ то большее, то меньшее число родныхъ, смотря по тому, находили ли онѣ полезнымъ оставаться вмѣстѣ или дѣлиться, но все-таки то были не роды, а семьи. Конечно, въ смыслѣ семьи говорится въ лѣтописи о томъ, что Кій хотѣлъ, возвращаясь изъ Константинополя, основаться на Дунаѣ съ родомъ своимъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, Кій, какъ основатель города Кіева, вѣроятно, былъ тамъ чествуемъ и считался послѣдующими жителями Кіева за общаго прародителя и родоначальника. Лѣтописецъ даетъ ему это значеніе съ

его измышленными братьями, говоря: «отъ нихже суть поляне въ Киевѣ и до сего дне». Конечно, нельзя признавать буквально исторически, чтобы всѣ жившіе въ Кіевѣ въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ поляне были дѣйствительно потомками Кія, по крови, но они были его потомки по преемству, какъ жители города, который онъ произвелъ на свѣтъ. Даже, какъ видно, въ христіанскія времена это лицо пользовалось уваженіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ языческія—онъ былъ покровитель своего рода, такъсказать домовой города Кіева.

IV.

Преданіе о козарахъ.

Если до сихъ поръ для приведенныхъ нами извѣстій источниками служили изустныя преданія, то теперь мы укажемъ на извѣстіе, которое, по нашему взгляду, заимствовано какъ бы изъ пѣсни. Послѣ смерти братій — говоритъ лѣтопись — козары нашли полянъ, поселившихся на этихъ горахъ и въ лѣсахъ, и сказали: дайте намъ дань. Поляне подумали и дали имъ отъ дыма мечъ. Козары отнесли его къ своему князю и старѣйшинамъ, и говорятъ: мы нашли новую дань. — Откуда? — спрашиваютъ тѣ. — Въ лѣсу на горахъ надъ рѣкою днѣпровскою. — Что такое? — Они показали мечъ. Тогда сказали козарскіе старцы: — Не хороша дань, княже! мы доискались ихъ, владѣя оружіемъ острымъ съ одной только стороны, то-есть, саблями, а у нихъ оружье острое на обѣ стороны; они будутъ брать дань на насъ и на иныхъ странахъ. — Исторической правды факта, конечно, здѣсь нѣтъ ни капли. Не могли поляне дать отъ дыма по мечу, тогда какъ мечи составляли рѣдкость и драгоцѣнность,

да и сама лѣтопись противорѣчитъ этому впослѣдствіи, представляя этихъ же полянъ покорно платившими дань козарамъ. Но что основаніемъ этому разсказу служила пѣсня — показываетъ тонъ разсказа и поэтическая плавность выраженія. Пѣсня эта была безъ сомнѣнія сложена уже тогда, когда Кіевъ сталъ главой земель, прежде подвластныхъ козарамъ, и послѣ того, какъ русскіе одерживали побѣды надъ козарами. Такимъ образомъ и лѣтопись прибавляетъ: все это сбылось, и говорили они такимъ образомъ не по своей волѣ, а по Божію изволенію: — русскіе князья владѣютъ козарами и до сего дня!

V.

Призваніе князей.

До сихъ поръ та часть лѣтописи, въ которой излагалось разсмотрѣнное нами (безспорно, составленное не ранѣе второй половины XI-го вѣка, такъ какъ въ ней видно знакомство съ половцами), обходилась безъ годовъ. Но съ половины IX-го вѣка идетъ повѣствованіе по годамъ, и лѣтописецъ сообщаетъ намъ причину. «Въ лѣто 6360 (852) индикта 15 день, когда началъ царствовать Михаилъ, начала прозываться русская земля, такъ какъ мы узнали, что при этомъ царѣ Русь приходила на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописаньи греческомъ: по этой причинѣ мы отсюда начнемъ и числа положимъ». Итакъ, причина состоитъ въ томъ, что русскому бытописателю попалось подъ руку греческое лѣтописаніе, изъ котораго онъ узналъ, когда Русь приходила на Царьградъ, и онъ, по примѣру греческихъ лѣтописателей, положилъ числа для событій. «Прежде по-

чали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ и по ряду положимъ числа».

Но откуда онъ положилъ ихъ? Какіе могли быть источники для его хронологіи? Въ греческихъ лѣтописаньяхъ онъ не могъ найти ничего о внутреннихъ событіяхъ въ русской землѣ. Своихъ туземныхъ историческихъ записокъ не было и быть не могло въ языческія времена. Остается только одинъ источникъ — народныя преданія въ формѣ разсказовъ, пѣсенъ, простыхъ воспоминаній, но какая тутъ могла быть хронологія? Нѣкоторыя событія, какъ, напр., походы Оскольда, Олега, Игоря, Святослава онъ могъ опредѣлить по годамъ, руководствуясь греческими извѣстіями и договорами, а затѣмъ, все прочее, собравъ изъ туземныхъ устныхъ источниковъ, слѣдуя византійской формѣ, онъ положилъ на числа приблизительно, по своему соображенію и измышленію. Иного пути едвали возможно допустить. Мы, какъ уже выше замѣтили, не беремся разрѣшить: самъ ли Сильвестръ составилъ свою исторію языческихъ временъ по преданіямъ, или нашелъ уже кѣмъ-нибудь составленное описаніе безъ годовъ въ родѣ того же, какое предшествовало собственно лѣтописи, и потомъ разбилъ на года. Въ томъ и другомъ случаѣ достоинство годовъ одинаково; тотъ, кто описывалъ языческія времена, жилъ всетаки не ранѣе второй половины XI-го вѣка, когда жилъ и бояринъ Чудинъ, котораго дворомъ обозначается мѣстность кіевская при Ольгѣ, и ужь ни въ какомъ случаѣ не ранѣе 1037 года, когда построена была церковь Ирины, которою обозначается мѣсто могилы Дира. Если же признавать, что писавшій исторію, разбитую на годы, былъ одинъ и тотъ же, то и писавшій предшествовавшую исторію до призванія князей безъ годовъ писалъ спустя нѣсколько времени послѣ 1068 г., послѣ появле-

нія половцевъ — однимъ словомъ, все-таки въ такое время, когда писать по преданіямъ о событіяхъ IX-го и X-го вѣка было совершенно то же, что, напр. въ наше время писать о событіяхъ въ Малороссіи отъ Богдана Хмельницкаго до Максима Зализняка и разрушенія Сичи, ничѣмъ другимъ не руководствуясь, кромѣ значительнаго числа ходящихъ еще въ народѣ пѣсенъ и преданій, и потомъ по своимъ догадкамъ глазомѣрно разбить собранныя извѣстія на года. По нашему убѣжденію, всѣ годы до принятія христіанства Владимиромъ имѣютъ очень слабую степень исторической достовѣрности, да и самъ разбиватель на года, какъ видно, становился втупикъ, и ставилъ передъ событіями по нѣскольку годовъ разомъ, какъ бы давая этимъ знать, что событіе, которое затѣмъ описывалось, должно было произойти около приведенныхъ годовъ. У насъ до сихъ поръ иные какъ будто не хотѣли замѣчать этого, относили событіе къ послѣднему изъ приведеннаго передъ тѣмъ ряда годовъ, и считали такое указаніе самымъ точнѣйшимъ. Такъ рядъ годовъ поставленъ и предъ призваніемъ князей числомъ 10, — прерываемый только подъ седьмымъ изъ этого ряда извѣстіемъ о томъ, что варяги брали дань съ чуди, славянъ, мери, веси, кривичей, а козары съ полянъ, сѣверянъ, вятичей — то есть, что многіе изъ жителей русскаго міра были подъ даніею иноплеменниковъ. Послѣ ряда годовъ, кончающагося 862-мъ годомъ, говорится, что славяне, меря, чудь, кривичи и весь изгнали варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали владѣть сами собою; но у нихъ начались раздоры, родъ возставалъ на родъ, и поэтому они согласились положить предѣлъ такимъ безпорядкамъ призваніемъ такого князя, который бы владѣлъ ими по праву. Соединенные народы послали къ варягамъ, носившимъ имя Руси, и изъ этой

Руси къ нимъ пришло трое братьевъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, изъ которыхъ первый основался въ Ладогѣ, второй на Бѣлоозерѣ, третій — въ Изборскѣ; послѣ скорой смерти двухъ послѣднихъ (черезъ два года) ихъ владѣнія присоединилъ Рюрикъ къ своимъ и былъ обладателемъ новгородскихъ или ильменскихъ славянъ, кривичей, мери, веси и чуди до своей смерти, послѣдовавшей въ 879-мъ году. Преемники Рюрика двинулись подчинять себѣ одно за другимъ славянскія племена.

Съ трудомъ можно рѣшить, что это такое: старое ли преданіе о древнемъ событіи, или же сказаніе, по свойственному человѣческой натурѣ пріему — прилагать признаки современной ему жизни къ прошедшимъ вѣкамъ — сложившееся въ тѣ времена, когда начало избиранія князей изъ единаго рода вошло въ строй русской жизни. Варягами въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ у насъ называли вообще всѣхъ обитавшихъ по балтійскому побережью (Варяжскому морю), но преимущественно скандинавовъ, самыхъ многочисленныхъ и наиболѣе значительныхъ между ними; по сходству ихъ признаковъ съ другими западными народами, слово «варягъ» переходило уже вообще на западныхъ европейцевъ, и равносильно было слову нѣмецъ, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреблялось впослѣдствіи въ народной рѣчи. Самое слово варяги — скандинавское varingar, есть то же, что греческое φοιδερατοι, союзники: такъ назывались въ византійской имперіи войска, составленныя изъ иноземцевъ; когда съ конца X-го и начала XI-го вѣка начали служить въ этомъ войскѣ скандинавы, то перевели греческое слово на свой языкъ, а русскіе, черезъ землю которыхъ они проходили въ Грецію, усвоивъ и видоизмѣнивъ это слово перенесли его отъ значенія сословія или званія на болѣе обширное значеніе народа и даже народовъ. Въ

IX-мъ вѣкѣ, когда по нашей лѣтописи совершилось призваніе князей, слова «варяги» не существовало, и поэтому къ древнему событію приложено позднѣйшее названіе; слѣдовательно, если бы даже это было и въ самомъ дѣлѣ древнее преданіе, то оно уже не дошло до лѣтописца въ своей древней чистотѣ. Относительно дани, которую скандинавы брали съ сѣверныхъ жителей нынѣшней Россіи, мы имѣемъ нѣкоторыя подтвержденія въ скандинавскихъ памятникахъ; равнымъ образомъ извѣстія объ изгнаніи варяговъ носятъ на себѣ печать стариннаго воспоминанія. Вторичное призваніе, по смыслу лѣтописи, падало уже не на тѣхъ варяговъ, которые были изгнаны, но на другихъ, называемыхъ «Русь». На балтійскомъ побережьѣ не было иной Руси, кромѣ побережья сосѣдняго съ устьемъ Нѣмана, называвшагося по-литовски «Русъ». Слово это до сихъ поръ звучитъ въ названіи Пруссіи, которое есть не что иное, какъ славянское слово «порусье». Нѣтъ ничего несообразнаго признавать, что если было призваніе изъ какой-нибудь Руси, то только изъ этой, потому что никакой иной Руси на балтійскомъ побережьѣ не было. Въ историческихъ повѣствованіяхъ, извѣстныхъ намъ по спискамъ не ранѣе XVI-го вѣка, говорится прямо и ясно, что первые князья призваны были изъ Пруссіи, такъ что вѣроятнѣе всего и болѣе старыя лѣтописи, говоря о Руси на балтійскомъ побережьѣ, изъ которой прибыли призванные князья, разумѣли именно ту же самую Русь, и въ этомъ смыслѣ были понятны для своихъ современниковъ. Можно еще подвергать разсмотрѣнію вопросъ— кто были эти призванные: литовцы ли, или же скандинавы, которые подчиняли своей власти южные берега Балтійскаго моря; но что Руси слѣдуетъ искать тамъ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, если только

допускать историческую правду призванія князей изъ Руси. Но нѣкоторые признаки дѣлаютъ для насъ сомнительнымъ этотъ фактъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является намъ вообще во всѣхъ извѣстныхъ лѣтописныхъ спискахъ. А именно:

1) Вѣря на-слово этому сказанію и держась смысла, какой дается ему въ лѣтописи, надобно признать, что имя Руси привнесено къ намъ изъ прибалтійскаго края. Но въ извѣстіяхъ абаровъ X-го и даже IX-го вѣковъ слово «Русь» оказывается установившимся краевымъ названіемъ, прилагаемымъ къ различнымъ народамъ русскаго материка, а византійскія извѣстія, въ особенности бесѣды и грамата патріарха Фотія въ половинѣ IX-го вѣка, написанная по поводу крещенія русскихъ, говорятъ объ этомъ народѣ какъ объ извѣстномъ, знаменитомъ, многочисленномъ, какъ бы коренномъ въ своей странѣ, а не пришедшемъ въ нее недавно. Но болѣе всего противорѣчитъ признанію имени Руси, привнесеннымъ прибалтійскими выходцами, отношеніе той же лѣтописи къ этому имени, потому что въ этой лѣтописи, вслѣдъ за сказаніемъ о прибытіи Руси, слово Русь, въ качествѣ какого бы то ни было иного народа кромѣ нашего, исчезаетъ навсегда; оно принимается въ трехъ смыслахъ: въ самомъ тѣсномъ — въ значеніи кіевской земли, въ болѣе обширномъ — въ значеніи южнорусскаго края, наконецъ, въ самомъ обширномъ — всѣхъ славянъ русскаго материка, присоединенныхъ къ Кіеву, какъ къ средоточію, и даже распространяется на земли инородцевъ, подчиненныхъ славянамъ; варяги же хотя постоянно являются въ первомъ періодѣ русской исторіи, но ни разу уже не называются Русью; трудно допустить, чтобы чужое названіе, занесенное къ намъ съ князьями и ихъ дружинами, въ короткое время до того расши-

рилось, усвоилось и осталось преимущественно въ такой землѣ, куда эти князья и дружины подвинулись уже отчасти во второмъ поколѣніи, именно въ землѣ кіевской, тогда какъ за Новгородомъ, куда эти князья съ дружинами пришли ранѣе, это названіе въ спеціальномъ значеніи не удержалось; та же Русь, изъ которой они вышли, сообщивъ ея названіе славянамъ, никогда не входила въ составъ новообразовавшейся націи и почти безслѣдно пропала для послѣдней. Это было бы возможно, когда бы число пришедшихъ было очень велико и они болѣе или менѣе на продолжительное время сдѣлались бы господствующимъ населеніемъ, поработивъ себѣ туземное, и заявили силу своей народности, какъ собственнымъ общественнымъ строемъ, такъ и своими собственными, отличными отъ всякихъ другихъ, пріемами жизни. Но этого, рѣшительно можно сказать, не было. Если бы въ Кіевъ пришли какіе-то руссы съ своимъ особымъ языкомъ и съ своими особыми признаками народности, то договоръ Олега съ греками написанъ былъ бы не по-славянски, а на языкѣ этихъ руссовъ, и слѣды ихъ особенности проявились бы ощутительно и на послѣдующихъ временахъ. Мы же не видимъ никакого господствующаго элемента кромѣ славянскаго, и присутствіе чужаго элемента вообще у насъ сколько-нибудь успѣшно доказывалось только собственными именами, изъ которыхъ большая часть непонятна оттого, что прошла черезъ греческое писанье, которое легко могло сдѣлать непонятными для насъ наши собственныя слова; а другія, если и дѣйствительно иноязычнаго происхожденія, то они указываютъ единственно только на то, что въ княжеской дружинѣ были люди инороднаго происхожденія, что намъ и безъ того извѣстно. Если эти руссы пришли въ землю полянъ, то, конечно, въ незначительномъ количествѣ и

съ ничтожнымъ запасомъ саможизненныхъ силъ, иначе они бы свое отдѣльное отъ славянъ существованіе проявили болѣе крупными чертами; слѣдовательно, при такомъ положеніи они скорѣе приняли бы сами названіе полянъ, смѣшавшись съ ними, чѣмъ сообщили свое прозвище полянамъ, а за ними и всѣмъ славянскимъ народамъ русскаго материка.

2) Самый способъ приглашенія этихъ руссовъ возбуждаетъ сомнѣнія. Обозрѣвая послѣдующія отношенія славянскаго племени къ инородческимъ, едвали умѣстно предположить возможность соглашенія тѣхъ и другихъ между собою, съ цѣлью устройства взаимной судьбы своей и дружественнаго рѣшенія ввести единую власть надъ собою. Первые всегда и вездѣ были покорителями, подчинителями, вторые же подчиненными или сопротивляющимися, но никогда не было между ними и тѣни отношенія равныхъ къ равнымъ. Единственное объясненіе этого факта можетъ быть только то, что подъ мерею, чудью, весью разумѣлись не народы, а географическія единицы, дѣйствовали же совмѣстно въ дѣлѣ призванія не въ самомъ дѣлѣ инородцы — меря, весь, чудь, а славянскіе колонисты, поселившіеся въ землѣ Мери, Веси, Чуди. Въ пользу такого предположенія можетъ говорить и то, что имена городовъ въ этихъ краяхъ, указываемые существовавшими уже въ IX-мъ вѣкѣ, были уже славянскія: Бѣлоозеро, Ростовъ, Изборскъ. Но допустить это можно только не иначе, какъ признавъ въ этомъ мѣстѣ лѣтописи такого рода неправильность выраженія, которая чужда вообще способу лѣтописной рѣчи. Еслибъ дѣло шло о славянскихъ поселенцахъ, то лѣтописецъ не назвалъ бы ихъ именами чужихъ народовъ, а скорѣе — или употребилъ бы названія городовъ, то-есть, вмѣсто Меря, Весь, Чудь, сказалъ бы: Ростовъ, Бѣлоозеро, Из-

борскъ, какъ это всегда дѣлалось, или же прямо далъ знать, что идетъ дѣло о славянахъ, а не объ инородцахъ.

3) Но еслибы даже и допустить то же явленіе, то оказывается несостоятельною и возможность призванія, вмѣсто одного, трехъ князей. Во-первыхъ, это противорѣчитъ собственной цѣли призывателей: они совѣщались избрать единаго князя, который бы владѣлъ ими всѣми для устраненія несогласій и водворенія порядка, во-вторихъ, число три — число сказочное. Мы встрѣчаемъ его въ повѣствованіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ у полянъ и въ сказаніяхъ книжнаго измышленія въ родѣ сказки о трехъ родоначальникахъ трехъ славянскихъ племенъ — Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, и во множествѣ миѳовъ и преданій разныхъ народовъ, начиная отъ троичности древнихъ главныхъ божествъ эллинскихъ — Зевса, Посидона и Аида, раздѣлившихъ между собою небо, землю и преисподнюю, трехъ сыновей Ноя у семитическихъ племенъ или трехъ родоначальниковъ эллинскихъ — Эола, Дора и Ксута, и кончая многочисленными видами сказочныхъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ двое умныхъ, а третій дуракъ. Это одно уже внушаетъ сильное подозрѣніе тогда, какъ съ другой стороны ничто не объясняетъ случайности совпаденія дѣйствительнаго событія съ сказочными чертами.

4) При этихъ несообразностяхъ возникаетъ сильное подозрѣніе, что сказаніе собственно о призваніи есть перенесеніе признаковъ позднѣйшихъ временъ на болѣе раннія времена и составилось въ тѣ времена, когда во всѣхъ земляхъ болѣе или менѣе, при умноженіи князей, развилось понятіе, что князья должны быть избраны землею по ряду и володѣть по праву, которое заключалось въ народной волѣ. Въ Новгородѣ это стремленіе выражалось рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь, — въ Новгородѣ, откуда кіевскому князю, хотѣвшему послать туда сына,

раздался такой голосъ: посылай, если у него двѣ головы! Тамъ и всего легче и удобнѣе могло сложиться преданіе о томъ, что и предокъ тѣхъ князей, изъ которыхъ новгородцы выбирали себѣ въ князья, былъ нѣкогда ими призванъ и избранъ. Фантазія приплела сюда трехъ братьевъ по привычкѣ къ сказочнымъ пріемамъ. По необходимости сложился въ воображеніи такой фактъ, который былъ собственно противенъ всему историческому строю русскаго міра — призваніе князя изъ чуждаго племени и языка. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ впослѣдствіи, что князей избирали только изъ русскаго княжескаго дома, сначала Рюрикова, потомъ Гедиминова, но все-таки князей русской народности. Не было никогда ни малѣйшей попытки (исключая невольныхъ избраній польскаго и шведскаго королевичей въ смутное время) призывать земскимъ выборомъ къ управленію русско-славянскою землею лицо чужаго племени и говорившее непонятнымъ языкомъ. И если признавать призванныхъ князей иноплеменниками — скандинавами и пруссами, даже, какъ нѣкоторые мечтали, прибалтійскими славянами — во всѣхъ видахъ, даже и въ послѣднемъ, эти князья неспособны были творить управу, не зная ни языка, ни нравовъ и обычаевъ той земли, которая ихъ пригласила. Это возраженіе, по нашему мнѣнію, достаточно сильно для поколебанія фактической правды призыва посредствомъ земскаго выбора Рюрика съ братьями, если только мы будемъ держаться того, что даютъ намъ источники, не вымышляя произвольныхъ вѣроятностей.

VI.

Переворотъ въ Кіевѣ.

По извѣстіямъ византійцевъ, въ десятое лѣто царствованія Михаила, что приходится въ 866-мъ году,

русскіе, отмщая за несправедливое убійство одного изъ своихъ соотечественниковъ, напали на Константинополь нежданно, произвели большія опустошенія въ окрестностяхъ, навели страхъ на жителей столицы, но буря разсѣяла ихъ суда. Греки приписали свое избавленіе заступничеству Пресвятой Богородицы вслѣдствіе того, что патріархъ Фотій погрузилъ въ море ея ризу, хранившуюся во Влахернскомъ дворцѣ. Нашъ лѣтописецъ не помѣстилъ объ этомъ событіи ничего изъ своего обычнаго источника—изъ народныхъ преданій, а заимствовалъ свѣдѣніе о немъ изъ болгарскаго перевода лѣтописи Георгія Амартола, въ которомъ предводители русскихъ названы Оскольдомъ и Диромъ. Русскій лѣтописецъ — что удивительно—не зналъ самаго важнаго. По византійскимъ источникамъ, русскіе, пораженные бурею, усомнились въ своихъ богахъ и изъявили желаніе принять христіанство, но когда къ нимъ прибылъ проповѣдникъ, то они, желая удостовѣриться въ божественности Евангелія, требовали, чтобъ онъ бросилъ въ огонь книгу, которую онъ имъ читалъ. Проповѣдникъ, помолившись, исполнилъ ихъ требованіе. Книга не сгорѣла. Русскіе крестились. Окружная грамата Фотія удостовѣряетъ насъ, что русскіе дѣйствительно въ это время приняли крещеніе: патріархъ извѣщалъ всѣхъ православныхъ христіанъ, что русы народъ свирѣпый, извѣстный и знаменитый, обратились къ истинной вѣрѣ. Византія съ этихъ поръ считала водвореніе христіанства въ Руси, и съ тѣхъ поръ существовали епископы, носившіе титула грековъ. Событіе это было такъ громко, что для грековъ совершенно затмило второе крещеніе Руси при Владимірѣ, которое по нашимъ лѣтописямъ представляется первымъ. За то лѣтописецъ передалъ намъ другое преданіе объ Оскольдѣ и Дирѣ. Они представляются принадлежащими

къ дружинѣ Рюрика, они ушли отъ него на югъ и овладѣли Кіевомъ. Но по смерти Рюрика Олегъ съ малолѣтнимъ сыномъ Рюрика двинулся изъ Новгорода, овладѣлъ Смоленскомъ, Любечемъ, наконецъ достигъ Кіева. Хитро заманивъ Оскольда и Дира къ себѣ въ ладью, онъ показалъ имъ сына Игорева, упрекнулъ ихъ, что они не княжескаго рода, и приказалъ убить обоихъ. Самъ Олегъ безпрепятственно дѣлается княземъ въ Кіевѣ и нарекаетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ. Этотъ разсказъ носитъ на себѣ печать не только преданія, но старинной пѣсни, въ которой однако явно вымыселъ взялъ верхъ надъ историческою правдой.

Въ запутанной и неясной исторіи этихъ событій, по нашему мнѣнію, можетъ нѣсколько наводить насъ на путь польскій историкъ Длугошъ (XV в.), который излагалъ событія исторіи Южной Руси, пользуясь нашими древними лѣтописями. Передавая извѣстія о древнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи, онъ, очевидно, не имѣлъ для нихъ подъ руками ничего кромѣ первоначальной лѣтописи, но онъ представляетъ ихъ нѣсколько иначе и тѣмъ самымъ даетъ основательный поводъ заключить, что въ тѣхъ спискахъ, которыми онъ пользовался (а эти списки были если не древнѣе, то и не моложе тѣхъ, которые мы считаемъ древними), эти событія изложены были не такъ, какъ дошли до насъ. Онъ не знаетъ никакой Руси, призванной изъ-за моря, напротивъ у него это имя споконъ вѣковъ присуще той землѣ, къ которой мы видимъ его приросшимъ неизмѣнно въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Но онъ говоритъ о призваніи варяговъ. Поводомъ къ этому призванію было слѣдующее: Оскольдъ и Диръ, два брата, княжили въ Кіевѣ; они были потомки древнихъ князей кіевскихъ, которыхъ родоначальниками были Кій, Щекъ и Хоривъ. Часть русскихъ, по причинѣ много-

людства переселившаяся въ другой край, была недовольна ихъ властію и призвала противъ нихъ варяговъ (но никакъ не Русь), которые и пришли подъ начальствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Они стали князьями, такъ какъ призывавшіе не могли согласиться насчетъ выбора княжескаго изъ своей среды. Послѣ ихъ смерти сынъ Рюрика, Игорь, умертвилъ коварно Оскольда и Дира и положилъ начало господству новаго княжескаго рода въ Руси. Существенной разницею разсказа Длугоша есть то, что по нашей лѣтописи убійство Оскольда и Дира приписывается Олегу, прибывшему съ Игоремъ, а у Длугоша самому Игорю. Произошло ли это отъ сокращенія, такъ какъ Длугошъ въ своей исторіи передаетъ извѣстія о Руси, почерпнутыя изъ русскихъ лѣтописей, очень сокращенно, какъ-бы мимоходомъ и выпуская все, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ главной нити его повѣствованія, или же у Длугоша былъ такой списокъ лѣтописи, изъ котораго онъ могъ приписать убійство Оскольда и Дира Игорю — (который, по извѣстнымъ намъ спискамъ, былъ тогда еще малолѣтенъ) — мы не беремся рѣшать. Главное для насъ то, что у Длугоша, во-первыхъ, нѣтъ Руси за моремъ, варяги отдѣляются отъ Руси, и Русь есть названіе, искони принадлежащее тому краю, который мы называемъ этимъ именемъ; во-вторыхъ, Оскольдъ и Диръ не варяги, какъ мы думаемъ, а кіевляне; въ третьихъ, — намъ указывается причина призванія иноземцевъ, такая причина, какая вполнѣ совмѣстима съ исторической правдою. Эти черты у Длугоша заимствованы изъ такихъ списковъ нашей же первоначальной лѣтописи, какіе остались намъ неизвѣстными. Былъ у него списокъ, въ которомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нашихъ спискахъ сказано «поидоша къ варягамъ къ Руси» — слова «къ Руси» не было, и это очень естественно,

такъ какъ и въ нашихъ же спискахъ это слово явно кажется прибавленнымъ, отчего и происходитъ въ нихъ безсмыслица. О призывающихъ варяговъ говорится: «рѣша Русь, Чудь, Кривичи» и пр., и призываемые варяги именуются Русью: «поидоша къ варягамъ къ Руси». Такимъ образомъ и выходитъ двѣ Руси: одна зоветъ, другая на зовъ идетъ. Поэтому слова: «рѣша Русь» признавали неправильностію вмѣсто «рѣша Руси», но такое толкованіе основывалось на заранѣе предвзятомъ мнѣніи, что къ намъ извнѣ непремѣнно приходила какая-то Русь; напротивъ, если мы посмотримъ болѣе безпристрастно, то окажется возможность скорѣе признать обратное, что «поидоша къ варягамъ къ Руси» неправильность, что «къ Руси» прибавлено послѣ, такъ какъ мы знаемъ, что Русь призывавшая и впослѣдствіи называлась Русью, а Русь, пришедшая изъ-за моря, появилась въ одномъ только мѣстѣ и исчезла потомъ безслѣдно. Въ Никоновскомъ сводѣ, куда вошли, хотя не вездѣ толково, неизвѣстные для насъ теперь списки, тамъ, гдѣ говорится о призваніи князей, нѣтъ слова «къ Руси», приставленнаго къ слову «варягамъ»: «пріидоша словѣни рекше Новгородци и Меря и Кривичи варягомъ рѣша: земля наша велика и обильна» и проч. Это мѣсто разомъ съ Длугошемъ убѣждаетъ насъ въ существованіи такихъ древнихъ списковъ, въ которыхъ извѣстіе о призваніи варяговъ передавалось не такъ, чтобъ изъ него слѣдовало непремѣнно выжимать заключеніе, будто варяги были Русью и имя Руси привнесено было къ намъ варягами. То же подтверждается памятникомъ, который цѣлымъ вѣкомъ древнѣе Лаврентьевскаго списка: отрывкомъ изъ хронографа въ харатейной рукописи Софійскаго Номоканона (Лавр. сп. П. С. Л. изд. I. т. I. 252—254). Тамъ коротко перечисляются всемірныя событія отъ Адама до княженія

сына Александра Невскаго Димитрія, представляемаго еще живымъ. Когда перечень эта доходитъ до греческаго царя Михаила—вслѣдъ затѣмъ помѣщается извѣстіе о призваніи князей въ такомъ видѣ: «при его царствѣ придоша Русь, Чудь, Словѣни, Кривичи, къ варягомъ, рѣша: земля наша велика и обильна, а наряда в неи нѣтуть, поидѣте княжить и володѣть нами, и избрашася три браты съ роды своими, старѣй Рюрикъ сѣде Новѣговородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ». Здѣсь нѣтъ и тѣни намека на то, чтобъ варяги прозывались Русью, напротивъ, Русь (очевидно кіевская) представляется призывающею варяговъ въ числѣ другихъ народовъ.

Впрочемъ, признавая, что въ древности существовали такіе списки лѣтописи, гдѣ стояло слово къ варягамъ безъ прибавленія слова «къ Руси», мы еще не вправѣ положительно утверждать, что въ другихъ древнихъ спискахъ, и даже можетъ быть въ самой первичной редакціи не было этого прибавленія, то-есть не написано было «поидоша къ варягомъ къ Руси»; но и тогда можно считать вполнѣ правильными слова: «рѣша Русь» и пр., слова, дающія событію такой смыслъ, что одна Русь вмѣстѣ съ другими народами призывала къ себѣ другую Русь. Нужно только откинуть дальнѣйшія объяснительныя приписки (о которыхъ скажемъ ниже), явно прибавленныя позже; тогда изъ одного выраженія «къ варягомъ къ Руси» не будетъ слѣдовать, что наша Русь, приглашая варяговъ изъ страны, которая носила также названіе Руси (совершенно случайно по отношенію къ нашей), непремѣнно отъ послѣдней получила свое названіе; все равно, какъ если бы изъ испанской Галиціи пріѣхали переселенцы въ австрійскую Галицію, или изъ сербскаго Бѣлграда пріѣхали на переселеніе сербы въ

нашъ курскій Бѣлгородъ, то изъ этого бы не слѣдовало, что австрійская Галиція получила свое названіе отъ испанцевъ, а нашъ Бѣлгородъ отъ сербовъ. Очень можетъ быть, что первый составитель лѣтописи написалъ просто «къ варягамъ», не говоря ни о какой Руси заморской, а послѣ него книжные переписчики, замѣчая, что нигдѣ не видно начала названія Руси нашей, и слышавъ, что на варяжскомъ побережьѣ есть Порусье — отъ литовскаго названія Нѣмана Русомъ, вообразили себѣ, что призванные варяги пришли именно изъ этой Руси; но также могло быть, что и первый, записавшій миѳъ о призваніи князей, на томъ же основаніи наименовалъ призванныхъ варяговъ Русью, не думая, однако, этимъ указывать, что варяги первые принесли названіе Руси въ тотъ край, куда пришли. Но въ чемъ мы нимало не сомнѣваемся, такъ это въ томъ, что въ нашихъ лѣтописныхъ спискахъ дальнѣйшія объясненія о томъ, что Русь только со временъ прибытія варяговъ начала называться Русью, сдѣланы впослѣдствіи и обличаютъ сами себя своею крайнею нелѣпостію, напр.: «И отъ тѣхъ варягъ прозвася руская земля новугородци, ти суть людье новгородци отъ рода варяжска преже бо бѣша Словѣни». Нелѣпость этого мудрованія черезчуръ очевидна, мы знаемъ, что специальное названіе Руси оставалось не за Новгородомъ, а за Кіевомъ, и конечно осталось бы за первымъ, еслибъ тамошнее населеніе все было пришлое изъ-за моря. Съ другой стороны, мы, къ счастію, настолько знаемъ внутренній строй нашей исторіи, что не можемъ повѣрить, чтобы новгородцы были происхожденія не славянскаго, а варяжскаго, т.-е. скандинавскаго, словѣне же обитали на мѣстѣ скандинавовъ прежде и куда-то пропали. Также нелѣпо и другое свѣдѣніе, будто въ го-

родахъ Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ, вмѣсто прежнихъ туземцевъ жили пришлые варяги: «и по тѣмъ городомъ суть находници варяги, а перьви насельници въ Новѣгородѣ Словѣни, Полоцькѣ Кривичи, Ростовѣ Меря, Бѣлозерѣ Весь, в Муромѣ Мурома». Если бы во всѣхъ этихъ городахъ истреблены были прежвіе обитатели, а вмѣсто нихъ засѣли иноплеменники, то національные признаки послѣднихъ были бы настолько сильны, что не только заявляли бы о своемъ существованіи въ продолженіе многихъ вѣковъ, но сдѣлались бы господствующими и уцѣлѣли бы до позднѣйшаго времени. Точно также мы считаемъ нелѣпымъ прибавленіемъ словà о полянахъ: «отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне», тѣмъ болѣе, что эти слова противорѣчатъ другимъ, именно сообщающимъ, что по прибытіи Олега въ Кіевъ Русью прозвались пришедшіе съ нимъ варяги, словѣни и другіе. (Сѣдѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ. И бѣша у него Варяги и Словѣни и прочіе прозвашася Русью). Мы не рѣшимся всѣхъ этого рода нелѣпостей приписать первому составителю лѣтописи, потому что при всей дѣтскости и простодушіи въ характерѣ нашей первоначальной лѣтописи, въ ней все-таки видно, что составитель ея зналъ настолько свое отечество, чтобы не приписывать цѣлымъ населеніямъ чужеземнаго происхожденія.

У Длугоша Оскольдъ и Диръ не варяги, а туземные князья, и это вѣроятно у польскаго писателя основывалось на извѣстныхъ ему спискахъ русскихъ лѣтописей. Оскольдъ и Диръ и въ Никоновской лѣтописи не изображаются варягами, ушедшими отъ Рюрика. Длугошъ объясняетъ призваніе варяжскихъ князей именно тѣмъ, что никакъ не могли согласиться на выборъ иного рода; то же встрѣчаемъ и въ Никоновскомъ сводѣ: «бысть о

семъ молва велія, овѣмъ сего, овѣмъ другого хотящимъ таже совѣщавшеся послаша къ варягамъ». Длугошъ объясняетъ, что варяговъ призвала та часть русскихъ, которые избрали себѣ новыя мѣста жительства и не хотѣли быть подъ властію русскихъ, то-есть кіевскихъ князей. Подъ этою частію русскихъ на новомъ мѣстѣ жительства, Длугошъ, очевидно, разумѣетъ новгородцевъ. Не знаемъ, нашелъ ли Длугошъ въ извѣстныхъ ему спискахъ нашей лѣтописи черты, прямо указывающія на то, что Новгородъ былъ колоніею южной Руси, или же вывелъ это по своимъ соображеніямъ; но ощутительные признаки сходства новгородскаго нарѣчія и говора съ южно-русскимъ, свидѣтельствуя о древней ближайшей этнографической связи Новгорода съ югомъ, наводятъ насъ на мысль, что Длугошъ въ этомъ случаѣ не былъ не правъ; что же касается до древней зависимости Новгорода отъ Кіева, какъ колоніи или пригорода отъ старѣйшаго города, то мы замѣчаемъ и въ послѣдующей болѣе ясной для насъ исторіи, что Новгородъ былъ связанъ съ Кіевомъ тѣснѣе того, чѣмъ связаны были съ послѣднимъ другія земли, и постепенно достигалъ самостоятельности. Не рѣшая вполнѣ, было ли такъ въ древнѣйшія времена (или же это возникло послѣ Владимира и Ярослава, когда Новгородъ получалъ изъ Кіева себѣ князей и обратно давалъ ихъ отъ себя Кіеву), мы можемъ признать вполнѣ вѣроятнымъ существованіе въ древности такого преданія о зависимости Новгорода отъ Кіева. Въ Никоновскомъ сводѣ есть намекъ на это. Тамъ дѣло представляется такъ, что въ Новгородѣ не всѣ добровольно покорились Рюрику, что Рюрикъ усмирялъ противъ себя оппозицію и убивалъ своихъ противниковъ («оскорбишася новгородцы глаголюще яже быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рю-

рика и отъ рода его. Того же лѣта (6372=864), уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ совѣтниковъ его»), но этимъ не прекратилъ сопротивленія и черезъ три года (6375), недовольные имъ бѣжали въ Кіевъ («того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей»). Изъ этого можно видѣть, что извѣстія Никоновской лѣтописи представляютъ достаточно согласія съ извѣстіями Длугоша. Что касается до двоякости, въ какой по этому являются Оскольдъ и Диръ, то-есть, по однимъ — пришедшими въ Кіевъ изъ дружины Рюрика чужеземцами, по другимъ — туземцами, то мы дозволяемъ себѣ догадываться, что преданія объ этихъ личностяхъ должно быть были различны, подобно тому, какъ о Кіѣ существовали различныя преданія: по однимъ — онъ былъ простой перевозчикъ, по другимъ — знатный господинъ, ѣздившій въ гости къ византійскому императору. Такъ и Оскольдъ и Диръ въ воображеніи потомства представлялись то пришельцами, то туземцами. Вполнѣ было естественно, что первоначальная лѣтопись, вышедши изъ-подъ пера Сильвестра, переписывалась разными грамотѣями, которые вставляли въ нее такія преданія, какія сами слышали или какія имъ нравились; а что переписчики не были только механическими воспроизводителями написаннаго другими — въ этомъ насъ убѣждаютъ варіанты: желаніе придать княжескому роду болѣе законности должно было поддерживать преданіе о томъ, что Оскольдъ и Диръ, низвергнутые и убитые первыми представителями княжескаго рода, незаконно овладѣли Кіевомъ.

Такимъ образомъ, возстановляя по изложеннымъ выше соображеніямъ смыслъ древнихъ утраченныхъ списковъ лѣтописи, мы можемъ допустить, что онъ приводитъ насъ къ такому выводу: въ Новгородѣ, находившемся

подъ властiю Кiева, образовалась партiя, недовольная этою властiю, и призвала на помощь иноплеменниковъ, которые сдѣлались господами. Противники ихъ убѣгали въ Кiевъ. Между Кiевомъ и Новгородомъ произошла борьба, которая кончилась тѣмъ, что Кiевъ былъ покоренъ, и тогда положено было начало новому княжескому роду, который впослѣдствiи послужилъ орудiемъ единенiя для русско-славянскихъ народовъ. Въ сущности, значитъ, въ IX-мъ вѣкѣ произошло почти то же, что́ впослѣдствiи происходило въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка два раза, именно, когда Владимиръ пригласилъ варяговъ съ Новгорода, а потомъ вмѣстѣ съ новгородцами и чужеземною ратью овладѣлъ Кiевомъ, умертвивъ коварнымъ образомъ (какъ Олегъ — Оскольда и Дира) своего брата Ярополка, раздавалъ варягамъ города въ управленiе, подчинялъ народы и бралъ съ нихъ дань, и когда, въ другой разъ, сынъ его Ярославъ также пригласилъ варяговъ въ тотъ же Новгородъ, а потомъ вмѣстѣ съ новгородцами и чужеземною ратью овладѣлъ Кiевомъ, прогналъ Святополка, раздавалъ варягамъ города и утвердилъ власть своего рода надъ русско-славянскими землями. Вотъ здѣсь-то возникаетъ для насъ важный вопросъ. Въ исторiи человѣческихъ преданiй, изустно переходящихъ изъ поколѣнiй въ поколѣнiя, существуетъ, можно сказать, неизмѣнный и повсюду проявляющiйся законъ, что событiя и перемѣны, прожитыя народомъ, въ болѣе позднiя времена отражаются на воспоминанiяхъ о временахъ отдаленныхъ. Мы бы могли привести безчисленное множество примѣровъ такого рода, но надѣемся, что эту мысль въ своемъ основанiи едвали кто рѣшится оспаривать. Наши великорусскiя былины представляютъ этому осязательный примѣръ, такъ какъ въ нихъ съ именемъ Владимира князя Кiевскаго соединяются явле-

нія позднѣйшихъ вѣковъ, какъ, напримѣръ, войны съ Литвою, съ татарами, взятіе и разореніе Кіева Батыемъ и проч.; точно также въ малорусскихъ преданіяхъ объ эпохѣ Хмельницкаго вплетаются событія временъ Залізняка и Гонты. Извѣстно преданіе о томъ, что въ то время, какъ воины идутъ въ дальній походъ, жены ихъ вступаютъ въ связь съ рабами, и отъ этой связи рождаются дѣти, которыя потомъ образуютъ колонію,—преданіе, находимое въ древней Греціи, является у насъ и примѣняется къ населенію Вятки въ XII-мъ вѣкѣ; но то же самое прилагается и къ болѣе раннему событію—именно ко времени похода Владимира подъ Корсунъ, и населенная дѣтьми рабовъ колонія называется Холопьимъ-городкомъ на Мологѣ; то же является съ именемъ Валита: по Софійской лѣтописи это былъ корѣлянинъ, который два раза сдавалъ корѣльскій городокъ, одинъ разъ нѣмцамъ, другой разъ новгородцамъ; происшествіе это отнесено къ 1337-му году, въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ передѣлкахъ оно отнесено къ эпохѣ Рюрика.

Такъ какъ свѣдѣнія о событіяхъ IX-го вѣка являются записанными никакъ не ранѣе второй половины XI-го, и источникомъ для записывавшихъ служили изустныя преданія, сохранившіяся въ сказаніяхъ, пѣсняхъ, воспоминаніяхъ, то сходство основныхъ чертъ въ событіяхъ, относимыхъ къ IX-му вѣку, съ событіями, происходившими въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка, и также сохранившимися въ изустныхъ преданіяхъ, возбуждаетъ подозрѣніе, что впечатлѣнія, произведенныя позднѣйшими событіями, отразились на воспоминаніяхъ о событіяхъ отдаленныхъ временъ. И такимъ путемъ народная фантазія создала для IX-го вѣка событія, похожія на тѣ, которыя дѣйствительно происходили позже. Это предположеніе принимаетъ болѣе силы, когда мы примемъ во

вниманіе, что варяговъ, являющихся главными дѣятелями въ событіяхъ IX-го вѣка (какъ по имени, такъ и по предмету, означаемому этимъ именемъ) тогда еще не было. Если это невозможно вполнѣ подтвердить несомнѣнными и неопровержимыми доводами, то все-таки оно настолько сильно, что при многихъ явныхъ несообразностяхъ, какими обставлены подробности событій IX-го вѣка, оно не дозволяетъ намъ давать преданіямъ объ этихъ событіяхъ значенія объективной исторической правды.

VII.

Преданія объ Олегѣ.

Личность Олега является въ нашей первоначальной лѣтописи вполнѣ личностію преданія, а не исторіи. Кромѣ нашей лѣтописи, мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на ея существованіе, да и самъ лѣтописецъ, очевидно, имѣлъ у себя единственный письменный источникъ, гласившій ему о томъ, что на Руси когда-то жилъ князь съ такимъ именемъ—это договоръ съ греками. Договоръ этотъ указывалъ лѣтописцу время своего составленія, и это самое дало ему возможность совокуплять всѣ извѣстія, ходившія въ народѣ и приписываемыя временамъ Олега, и размѣстить ихъ по годамъ, сообразно способу писать временники, перенятому отъ византійцевъ. Самое званіе, которое дается этой личности, возбуждаетъ недоумѣніе. Олегъ является въ Кіевъ представителемъ правъ Рюрикова сына Игоря; убивая Оскольда и Дира, онъ показываетъ имъ малолѣтнаго Игоря; а потомъ дѣлается княземъ, самъ княжитъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, Игорь живетъ у него въ Кіевѣ бездѣйственно и получаетъ княженіе только послѣ его смерти. Олегъ заклю-

чаетъ договоръ съ греками, и въ этомъ договорѣ нѣтъ даже имени Игоря. Уже однѣ эти черты такого свойства, что, вмѣсто попытокъ насильственнымъ способомъ объяснять ихъ, гораздо правильнѣе видѣть въ нихъ доказательства отсутствія фактической правды въ преданіи.

Преданія объ Олегѣ главнымъ образомъ касаются подчиненія славяно-русскихъ племенъ, войны съ Греціею и чудесной смерти Олега.

Преданія о подчиненіи славяно-русскихъ народовъ не болѣе, какъ воспоминанія короткія, лишенныя поэтическихъ подробностей. Видно, что въ тѣ времена, когда составлялась лѣтопись, сохранялось представленіе о томъ, что земли, уже давно соединенныя и называвшіяся болѣе по главнымъ городамъ, были нѣкогда отдѣлены другъ отъ друга, а потомъ подчинены Кіеву, нѣкоторыя въ то же время освобождаясь отъ подчиненія козарамъ, которое, какъ и послѣдующее подчиненіе Кіеву, состояло въ одномъ платежѣ дани. Это подчиненіе Кіеву относилось преданіемъ къ временамъ Олега и соединялось съ его именемъ. Лѣтописецъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія изъ изустныхъ пересказовъ въ короткомъ видѣ, разставилъ слышанныя событія по годамъ, руководясь приблизительными соображеніями. Прежде всего у него поставлено подчиненіе кривичей, такъ какъ кривичи находились на дорогѣ между Новгородомъ и Кіевомъ, а потому оно отнесено ко времени ранѣе покоренія Кіева, и такъ какъ Олегу путь лежалъ на югъ, то, подчиняя на этомъ пути народы, ему естественно нужно было вмѣсто себя какого-нибудь оставить, и онъ въ Смоленскѣ и Любечѣ, по лѣтописному сказанію, оставляетъ своихъ мужей. По покореніи Кіева, Олегъ подчиняетъ древлянъ, потомъ сѣверянъ, потомъ радимичей, и у нашего лѣтописца отводится на каждый народъ по одному году

(въ 6391 году случилось покореніе древлянъ, въ 6392 году сѣверянъ, а въ 6393 радимичей). Эта правильная послѣдовательность во времени отзывается искуственностію и сочиненностію. Лѣтописецъ слыхалъ отъ народа о фактѣ покоренія тѣхъ и другихъ, однихъ за другими, и разставилъ ихъ годъ за годъ послѣ кіевскаго переворота, а потомъ уже наставилъ пустыхъ годовъ, не зная чѣмъ ихъ наполнить. Что касается до способа подчиненія народовъ, то при всей скудости и короткости извѣстій, этотъ способъ таковъ, что обличаетъ свое традиціонное происхожденіе. Съ древлянами Олегъ ведетъ войну, онъ ихъ примучилъ и наложилъ на нихъ дань тяжелую—по черной куницѣ съ дыма; понятно, что въ такихъ отношеніяхъ къ древлянамъ долженъ былъ явиться въ народной памяти кіевскій богатырь, когда древляне были давніе враги полянъ. Другіе сосѣди — сѣверяне — не находились въ такихъ условіяхъ къ полянамъ, и вотъ преданіе говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ легкую дань. Радимичи добровольно соглашаются платить Олегу ту дань, какую платили козарамъ. Обращеніе Олега съ послѣдними выражено совершенно въ простодушномъ тонѣ народнаго преданія. — Кому дань даете? спрашиваетъ ихъ Олегъ. — Козарамъ, отвѣчаютъ ему. — Не давайте козарамъ, а мнѣ давайте, говоритъ Олегъ. — Радимичи соглашаются и обѣщаютъ платить Олегу дань въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ прежде платили козарамъ, по шлягу отъ рала. Не говоря уже о комичности такого факта, если его принимать въ буквальномъ смыслѣ какъ историческое событіе, извѣстіе, будто радимичи платили дань козарамъ монетою, перенесено на древнѣйшее время съ признаковъ позднѣйшихъ временъ, да и то въ преувеличенномъ видѣ. При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ радимичи должны были находиться въ IX-мъ

столѣтіи, едвали возможно было платить имъ дань звонкою монетою въ такомъ размѣрѣ, да и сама лѣтопись въ другомъ мѣстѣ приводитъ болѣе сообразное съ историческою возможностію преданіе о томъ, что подчиненные козарамъ славяно-русскіе народы платили дань бѣличьими мѣхами («козара имаху на полянахъ и на сѣверянахъ и на вятичахъ по бѣлѣ веверицѣ съ дыма»); это извѣстіе о платежѣ дани монетою козарамъ показываетъ, что лѣтописецъ не затрудняясь вносилъ въ свою лѣтопись слышанныя имъ преданія въ такомъ видѣ, въ какомъ они очутились спустя болѣе двухъ вѣковъ, принимая въ себя черты дальнѣйшихъ видоизмѣненій подъ вліяніемъ признаковъ и условій послѣдующей исторіи народа. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ установилъ для новгородцевъ платежъ дани варягамъ въ размѣрѣ 300 гривенъ. Но о какихъ варягахъ идетъ здѣсь рѣчь? Не думаемъ, чтобы подъ ними разумѣлись тѣ мужи, которыхъ Олегъ могъ оставить въ Новгородѣ, такъ какъ онъ сдѣлалъ это въ Смоленскѣ и Любечѣ; въ такомъ случаѣ дань давалась бы собственно не имъ, которые бы только собирали ее по порученію другого, а князю, и притомъ лѣтописецъ едвали бы ихъ назвалъ варягами, хотя бы и считалъ ихъ людьми варяжскаго рода, а назвалъ бы онъ ихъ княжими мужами, такъ какъ они собирали бы дань въ качествѣ не чужеземцевъ, а довѣренныхъ своего князя. Здѣсь по всему идетъ рѣчь о варягахъ чужихъ, и слова: «мира дѣля» указываютъ, что при этомъ размѣрѣ дани въ 300 гривенъ Новгородъ представляется платящимъ чужеземцамъ, за то, чтобъ они его не безпокоили. Извѣстіе о томъ, что новгородцы платили эту дань до смерти Ярослава, также показываетъ, что дань платилась чужимъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сообщаетъ характеръ исторической справедливости тому, что дѣйстви-

тельно Новгородъ платилъ какую-то дань иноземцамъ, такъ какъ о томъ, что дѣлалось во времена Ярослава, свѣдѣнія могли быть, уже по сравнительной близости, достовѣрнѣе; но тутъ слѣдуетъ еще разрѣшить вопросъ: дѣйствительно ли съ древнихъ временъ платилась эта дань и по какимъ поводамъ? Можно понимать двояко: или разумѣя подъ варягами вообще скандинавовъ, называемыхъ варягами по позднѣйшимъ признакамъ, или на самомъ дѣлѣ варяговъ—варинговъ, ходившихъ черезъ русскія земли въ Грецію. Мы думаемъ, что скорѣе надобно признать послѣднее на томъ основаніи, что если бы то была дань, отправляемая постоянно за море, то значило бы, что Новгородъ находился до смерти Ярослава въ подданствѣ у скандинавовъ. Но мы имѣемъ одно скандинавское извѣстіе (приведенное нами выше) отъ X-го вѣка, показывающее, что въ это время у скандинавовъ сохранялось только преданіе о томъ, что когда-то собираема была дань съ этихъ странъ. Скорѣе надобно допустить, что новгородцы платили что-то именно варягамъ, проходившимъ черезъ ихъ земли въ Грецію на службу, а равно и поступавшимъ на службу къ русскимъ князьямъ — Владиміру и Ярославу, «мира дѣля», то-есть за то, чтобъ они ихъ не безпокоили во время прохода; а такая дань не могла быть установлена Олегомъ, такъ какъ въ то время, сколько извѣстно, варяги не ходили въ Грецію. И здѣсь должно быть народная фантазія отодвинула къ болѣе старымъ временамъ то, что дѣйствительно происходило въ болѣе позднія, приписала Олегу то, что собственно должно было принадлежать Владиміру и Ярославу.

Наконецъ, лѣтописецъ передаетъ намъ преданіе о томъ, что, успѣвъ подчинить своей власти славяно-русскіе народы, Олегъ не могъ ничего подѣлать съ угли-

чами и тиверцами, а только воевалъ съ ними, хотя впослѣдствіи тиверцы являются въ числѣ народовъ, идущихъ вмѣстѣ съ Олегомъ на Византію. Но послѣднее обстоятельство не значило, конечно, чтобъ Олегъ покорилъ себѣ эти народы, такъ какъ въ то время могли быть такіе случаи, что изъ того же народа, съ которымъ воевалъ Олегъ, шли удальцы за нимъ же для поживы на счетъ другихъ. Какъ бы то ни было, преданіе говорило, что народы, жившіе на югъ отъ Кіева внизъ по Днѣпру въ нынѣшней такъ-называемой Украинѣ и на Подолѣ, не подчинялись Кіеву и не легко было сладить съ ними. Замѣчательно, что южная часть Кіевской губерніи и восточная Подольской и въ послѣдующія времена остаются за предѣлами не только власти Кіева, но и вообще какъ будто власти княжескаго рода.

Изъ всего этого видно, что преданія о подчиненіи народовъ доходили до лѣтописца въ самыхъ общихъ чертахъ. Не такъ дошли до него преданія о походѣ на Византію. Здѣсь видны уже слѣды не только разсказа, но даже пѣсеннаго склада. Пересчитываются идущіе съ Олегомъ народы: черта, обычная въ героическихъ пѣснопѣніяхъ, именно въ началѣ пѣсеннаго повѣствованія, а въ числѣ народовъ помѣщаются и такіе, которые не были подчинены Олегу (Вятичи, Хорваты, Дулебы, Тиверцы). Причины войны не указывается: такъ чаще всего бываетъ въ подобнаго рода пѣснопѣніяхъ, потому что въ этомъ случаѣ предполагается уже важная побудительная причина — удаль богатырская. Идетъ Олегъ и на коняхъ, и на судахъ водою — у него двѣ тысячи кораблей, а на каждомъ кораблѣ по сорокъ человѣкъ. Здѣсь число сорокъ ясно обличаетъ, въ ряду другихъ признаковъ, пѣсенный складъ разсказа, число сорокъ число типичное; въ малорусскихъ пѣсняхъ, когда описывается

ополченіе, то почти всегда число войска опредѣляется въ сорокъ тысячъ: *иде на тебѣ сорокъ тысячъ хорошои вроди*, или: зібравъ віська сорокъ тысячъ; въ великорусскихъ былинахъ мы встрѣчаемъ и сорокъ богатырей, и сорокъ каликъ, и сорокъ царей, и сорокъ тысячъ силы ратной. — Русскіе подступаютъ къ Цареграду, греки запираютъ судъ (гавань), русскіе вышли на берегъ, разоряли дворцы, сожигали церкви, ловили плѣнниковъ, рубили, разстрѣливали, бросали ихъ въ море, и многое другое дѣлали, что дѣлаютъ ратные люди. Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ, и мы не знаемъ, взято ли и переиначено это описаніе изъ пѣсеннаго разсказа, или поставлено лѣтописцемъ какъ общее мѣсто, подходящее ко всякому описанію варварскихъ набѣговъ. Скорѣе — послѣднее, такъ какъ это описаніе сходно съ византійскимъ описаніемъ варварствъ, совершавшихся русскими при Игорѣ; а съ этими извѣстіями лѣтописецъ былъ знакомъ — и относившееся къ Игору перенесъ на Олега, какъ общее мѣсто. Далѣе — разсказъ несомнѣнно принадлежитъ преданію или, вѣрнѣе, пѣснѣ. Олегъ приказываетъ воинамъ своимъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли; при попутномъ вѣтрѣ подняли паруса и вѣтеръ покатилъ корабли по сухопутью прямо къ Царьгороду. Подобное мы встрѣтили въ одномъ народномъ малорусскомъ: «не любо не слушай, а лгать не мѣшай.» Панъ приказываетъ слугѣ болтать ему самую невообразимую чепуху (нісенітниця), и по этому поводу слѣдуютъ разные разсказы одинъ другого нелѣпѣе (напр. «молотилъ я на дубѣ горохъ, шелуха падала, а горохъ вверхъ летѣлъ; — ѣхалъ я на кобылѣ, а сзади былъ топоръ привязанъ, и отрубилъ онъ кобылѣ задъ; я досталъ вербовой колъ и прибилъ имъ отрубленный задъ къ кобылѣ; ѣду далѣе, а люди смѣются, да и на меня показы-

ваютъ, а у моей кобылы назади верба выросла), и въ ряду этихъ разсказовъ приводится такой: «послали меня и велѣли ѣхать по водѣ и плыть по сушѣ; я на лодку поставилъ телегу и поплылъ, а потомъ присталъ къ берегу, поставилъ лодку на телегу и привязалъ парусъ, вѣтеръ и погналъ мою телегу». Видно, что этотъ образъ глубоко народный, когда является въ разныхъ видахъ. Лѣтописецъ, передавая его въ повѣсти объ Олегѣ, прибавляетъ, что греки тогда сказали: «да это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный отъ Бога на насъ.» Очевидно, это уже прибавка расходившейся руки книжника, записавшаго сущность преданія на свою харатью. Но далѣе: опять мы слышимъ отголосокъ древняго пѣснопѣнія. Греки убоялись и выслали къ Олегу сказать: — не губи города, будемъ дань платить сколько хочешь. — Олегъ пріостановилъ свое войско, и греки вынесли ему яства и питье; но Олегъ не принялъ предлагаемаго, догадавшись, что оно съ отравою. Подобный образъ поднесенія яства и питья съ отравою мы встрѣчаемъ въ народныхъ сказаніяхъ и при другихъ условіяхъ: такъ, въ одной малорусской сказкѣ преступная жена, чтобъ скрыть свое прелюбодѣяніе, по совѣту колдуньи ставитъ гостямъ, которые ее могутъ обличить, и вмѣстѣ съ ними своему мужу, вареники и водку, съ увѣренностію, что какъ только они наѣдятся и напьются, тотчасъ оглохнутъ и ослѣпнутъ, но одинъ изъ нихъ прозорливый узналъ коварство. — Олегъ требуетъ дани по двѣнадцатъ гривенъ на человѣка; число двѣнадцать — опять число символическое, обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ, какъ и число сорокъ въ каждой лодкѣ; не говоримъ уже о томъ, что количество двадцати тысячъ пудовъ серебра для такой дани въ тѣ времена едва ли выдерживаетъ критику, если въ немъ искать правды дѣйствительно слу-

чившагося событія. Греки соглашаются. Олегъ отступаетъ и посылаетъ къ грекамъ своихъ мужей на переговоръ: соглашайтесь платить дань, говорятъ русскіе. — Чего хочешь? спрашиваютъ греки. — Здѣсь плеоназмъ: грекамъ уже нечего спрашивать, когда Олегъ прежде объявилъ имъ, чего онъ хочетъ. Но такой плеоназмъ совершенно сроденъ пѣсенному складу, по которому одно и то же повторяется, но съ небольшимъ видоизмѣненіемъ. Олегъ на этотъ разъ требуетъ по двѣнадцати гривенъ на ключъ. Ученые ломали себѣ головы надъ этимъ ключемъ, объясняя его то уключиною, то крюкомъ и проч. Но едва ли вѣрнѣе мнѣніе Карамзина, разумѣвшаго здѣсь дѣйствительно замочный ключъ. Здѣсь, какъ намъ кажется, выражается остроуміе Олега. Онъ потребовалъ у грековъ столько разъ двѣнадцати гривенъ, сколько у него было ключей на корабляхъ, такъ какъ у всякаго человѣка можно было предполагать ключъ и даже у инаго и не одинъ ключъ.

Ключи имѣютъ символическое значеніе въ нашей пѣсенной символикѣ. Въ сферѣ миѳическихъ воззрѣній, ключъ былъ принадлежностію солнечнаго божества, превращеннаго въ нашихъ весеннихъ пѣсняхъ въ Юрія, который отпираетъ золотымъ ключемъ небо и землю; въ пѣсняхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ міръ домашній, — ключи — символъ домовитости; такъ въ колядкахъ щедрый и зажиточный хозяинъ, а еще болѣе хозяйка, изображаются съ ключами. На важное значеніе ключа въ міровоззрѣніи первобытныхъ народовъ указываетъ и то обстоятельство, что ключи были нерѣдко находкою въ нашихъ курганныхъ раскопкахъ, иногда даже не настоящіе замочные ключи, а изображенія ключей въ видѣ украшеній. Требованіе двѣнадцати гривенъ на ключъ выражаетъ требованіе внести по двѣнадцати гривенъ въ

скриню или сокровищницу каждаго воина, хозяина, носившаго при себѣ ключъ отъ своего имущества. Пѣсенный вымыселъ, такъ сказать, разыгравшись, этимъ не довольствуется, а заставляетъ, кромѣ того, требовать еще укладовъ отъ города, и здѣсь же обличается разнородность преданій, доходившихъ до лѣтописца, объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Кіевомъ, Черниговымъ, Полотскомъ, Ростовомъ и Любечемъ помѣщенъ Переяславль, который по другому преданію основанъ позже. Кромѣ поименованныхъ городовъ, Олегъ требовалъ еще укладовъ и на другіе города, гдѣ сидѣли князи ему подвластные. Лаврентьевскій и Ипатскій списки забыли про Новгородъ, но списатель переяславскаго списка вспомнилъ про него, нашелъ, что Новгороду не подобало, по его значенію, находиться въ ряду городовъ безъ названія, и поставилъ его въ числѣ поименованныхъ. И этого еще было мало для пѣсеннаго вымысла: ужь если пользоваться отъ побѣжденныхъ, то надобно на ихъ счетъ поѣсть, попить, пороскошествовать, и вотъ Олегъ выговариваетъ у грековъ такое условіе, чтобы русскіе, приходя въ Цареградъ, брали хлѣбнаго сколько хотятъ, а гости (т. е. торговцы) имѣли право въ теченіе шести мѣсяцевъ брать хлѣбъ, вино, овощи, мясо, рыбу и ходить въ баню, сколько угодно, а возвращаясь назадъ, брать отъ греческаго царя пищу, якоря, веревки, паруса и все, что нужно будетъ. Это совпадаетъ съ замашками пѣсенныхъ молодцовъ, которые любятъ ѣсть-пить все готовое, носить платье припасенное. Лѣтописецъ затѣмъ приводитъ ограниченія, будто бы постановленныя со стороны византійскаго правительства, но это ограниченіе оказывается перенесеннымъ на Олега съ Игоря.

Ограниченіе это состояло въ слѣдующемъ: аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячины, да за-

претить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости въ селахъ и въ странѣ нашей, приходяще Русь, да видають у св. Мамы (близъ церкви св. Мамонта) и послеть царство наше и да испишутъ имена ихъ и тогда возьмуть мѣсячное свое первое отъ города Кіева, и паки и с Чернигова и с Переяславля и прочии грады и да входять в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ без оружія, мужъ 50, да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни въ чемъ же» (Лавр. 31; Ипат. 18). Все это повторяется дословно въ договорѣ Игоря и, сверхъ того, кромѣ гостей говорится еще о послахъ, которые имѣютъ право получать слебное, но вмѣсто послѣднихъ словъ: «не платяче мыта ни в чемъ же» въ Игоревомъ договорѣ стоитъ: «паки ли да исходятъ» (Лавр. 48; Ипат. 24). Замѣчательно, что извѣстіе о пищѣ и о судоходныхъ снастяхъ находитъ себѣ соотвѣтствующія черты въ договорѣ Игоря, но нѣсколько иныя. «И отходящей Руси отсюда взимають отъ насъ еже надобѣ брашно на путь и еже надобѣ лодьямъ, яко же уставлено есть прежде и да возъвращаются съ спасеніемъ въ страну свою, да не имѣють власти зимовать у св. Мамы» (Лавр. 48). Хотя гостямъ и дается мѣсячное, но не на шесть мѣсяцевъ, и хотя предоставляется Руси брать на дорогу въ обратный путь съѣстные припасы и снасти, но не говорится, однако, чтобъ это было даромъ; въ дѣйствительномъ договорѣ Олега, который слѣдуетъ послѣ повѣствованія о его походѣ и примиреніи и который представляется заключеннымъ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода, нѣтъ ничего подобнаго, и потому кажется болѣе чѣмъ вѣроятно, что у лѣтописца перенесены черты, принадлежавшія времени Игоря, на время Олега, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Трудно рѣшить, кѣмъ это сдѣлано, самимъ ли первымъ соста-

вителемъ лѣтописнаго повѣствованія или его переписчиками, которые, какъ мы уже выше замѣчали, не всегда довольствовались скромною ролью копировщиковъ, но дозволяли себѣ всякія мудрованія; во всякомъ случаѣ видно, что, записывая или переписывая народныя преданія, книжники не только пришивали къ нимъ или сшивали съ ними извѣстія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ, но даже переставляли черты одного лица на другое, послѣдующаго времени на раннее. Далѣе слѣдуетъ у лѣтописца извѣстіе о томъ, что обѣ стороны поклялись въ святости заключеннаго договора — греки цѣловали крестъ, а русскіе, по своему обычаю, клялись своимъ оружіемъ и своими богами Перуномъ и Волосомъ скотьимъ богомъ [1]). Черта эта едва ли могла быть заимствована изъ преданія или (тѣмъ менѣе) изъ пѣсни, потому что, сколько намъ извѣстно, противоположность крестняго цѣлованія и языческой клятвы отзывается тѣмъ наблюдательнымъ взглядомъ на изображаемое событіе, какого вообще народная поэзія бываетъ чуждою; за то далѣе мы встрѣчаемъ черты несомнѣнно принадлежащія старымъ

---

[1]) Было бы очень полезно подвергнуть строгой критикѣ этого Волоса скотья бога, въ котораго мы, быть можетъ, слишкомъ легко увѣровали, принявъ притомъ за несомнѣнную истину его тождество съ Велесомъ. Св. Власій, котораго и теперь народъ называетъ скотскимъ богомъ, подобно тому какъ Фрола и Лавра именуетъ лошадиными богами — по самому житію этого мученика былъ каппадокійскій пастухъ, оказывалъ скоту благодѣянія при жизни и потому естественно сдѣлался покровителемъ скота въ санѣ святого. Совершенно естественно по законамъ русской рѣчи превратившись въ Волоса, онъ сдѣлался скотьимъ богомъ народнымъ, быть можетъ замѣнивъ собою какое-нибудь миѳологическое лицо, котораго имя и не до такой степени совпадало съ именемъ Власія. Если допустить такое толкованіе, то, конечно, какъ это мѣсто въ лѣтописи, такъ и другое въ договорѣ Святослава и наконецъ, упоминовеніе о Волосѣ скотьемъ богѣ въ житіи Владимира могутъ быть признаны сравни-

преданіямъ. Олегъ приказываетъ изготовить для Руси (то-есть, для кіевлянъ) паруса паволочные, а для славянъ (новгородцевъ) кропинныя. Что̀ въ точности означало слово «кропинные», мы не беремся рѣшать и объяснять, но для насъ ясно то, что кропинные паруса были сдѣланы изъ такой ткани, которая хуже паволоки, но лучше простого толстаго холста. Отходя отъ Цареграда, русскіе повѣсили щиты свои на воротахъ, въ знакъ побѣды (въ Софійскомъ временникѣ и въ Переяславской лѣтописи одинъ Олегъ вѣшаетъ свой щитъ). Когда рать русская отправилась по морю восвояси, поднялся вѣтеръ и разодралъ кропинные паруса славянъ. Тогда славяне сказали: — не даются кропинные паруса славянамъ, примемся за свои толстины. Черта эта принадлежитъ къ тѣмъ народнымъ пересмѣшкамъ одного края надъ другимъ, когда обитатели одного хотятъ выставить свое превосходство надъ обитателями другого — черта, какъ извѣстно, повторяющаяся и теперь во многихъ углахъ обширнаго русскаго міра. Что между Русью, то-есть, кіевлянами, существовали подобныя отношенія и что кіевляне щеголяли своимъ превосходствомъ предъ новгород-

---

тельно позднѣйшими вставками. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати было клясться воинамъ прежде своимъ оружіемъ, потомъ скотьимъ богомъ? Если у русскихъ былъ богъ «скотій», то-есть скотоводства, то ужъ вѣроятно были боги и другихъ занятій, и въ томъ числѣ богъ войны, и послѣ клятвы оружіемъ приличнѣе было клясться богомъ войны, а не скота. Указываютъ на то, что слово скотъ употреблялось въ смыслѣ богатства вообще; но это оттого, что обиліе скота дѣйствительно было признакомъ богатства и зажиточности хозяина, первоначальное же значеніе этого слова въ смыслѣ собирательнаго понятія о домашнихъ животныхъ никогда не исчезало, подобно тому какъ теперь въ Малороссіи товаромъ называютъ рогатый скотъ, но собственное первоначальное значеніе слова товаръ въ смыслѣ всякаго рода продажныхъ вещей не уничтожается. Такъ и подъ именемъ Волоса скотья бога надобно разумѣть не иное что, какъ божество скотоводства.

цами, показываетъ черта, записанная въ лѣтописи и отнесенная сравнительно къ болѣе позднему времени. Кіевляне, сражаясь за Святополка противъ Ярослава, шедшаго на нихъ съ Новгородцами, насмѣхались надъ новгородцами, называя ихъ плотниками, и угрожали заставить ихъ строить себѣ хоромы. Этотъ духъ видѣнъ и въ настоящемъ преданіи о парусахъ, и преданіе это, безъ сомнѣнія, сложилось въ Кіевской Руси. Олегъ, — говоритъ въ заключеніе лѣтописецъ, — прибылъ въ Кіевъ, неся съ собою золото, овощи, вина, паволоки, всякое узорочье, и прозвалъ народъ его вѣщимъ: люди были глупы, говоритъ лѣтописецъ.

Все это преданія давнія, глубоко древнія, совокупленныя около Олега, какъ могли они въ различныхъ видахъ совокупиться и около другихъ личностей. Книжники вносили ихъ изъ изустныхъ пересказовъ и пѣснопѣній, гусляровъ, соединяли ихъ по своему вкусу, пришивали къ нимъ извѣстія, почерпнутыя изъ источниковъ другого рода, и даже собственныя соображенія, доходившія до вымысловъ, часто очень грубыхъ. Указанный нами переносъ чертъ Игорева договора на воображаемый договоръ Олега, совсѣмъ несогласный съ приведеннымъ ниже договоромъ дѣйствительнымъ того же Олега, можетъ служить доводомъ легкаго обращенія книжника съ своими матеріалами —(фактъ, конечно, менѣе рѣзкій — нелѣпаго производства новгородцевъ отъ варяговъ, куда-то устранившихъ прежнее славянское народонаселеніе Новгорода). Олегъ въ своимъ походѣ на Царьградъ носитъ на себѣ печать народнопѣсеннаго идеальнаго богатыря, наводящаго страхъ, берущаго дани громадныхъ размѣровъ, добывающаго мечемъ разныя блага, того идеала, который даетъ себя знать, какъ въ остаткахъ великорусскаго былиннаго эпоса, такъ и въ малорусскихъ колядкахъ, сохраняющихъ

и древніе образы, и древній пошибъ поэтическихъ пріемовъ.

То же мы видимъ и въ Святославѣ и болѣе всего во Владимирѣ. Въ цѣломъ образѣ Олега, воюющаго съ Цареградомъ, едва ли можно отыскать хоть каплю историческаго событія. Договоръ, приводимый лѣтописью въ его текстѣ, нимало ни поясняетъ намъ историческаго значенія этого образа. Изъ договора даже отнюдь не слѣдуетъ, чтобы передъ его заключеніемъ происходила война, тѣмъ болѣе такая важная, какою представлена она въ лѣтописномъ разсказѣ. Въ этомъ договорѣ, напротивъ, мы встрѣчаемъ прежде всего извѣстіе о бывшей много лѣтъ любви между христіанами и Русью. Можно допустить только, что передъ тѣмъ было какое-то недоразумѣніе, но такое, однако, которое устранилось этимъ писаннымъ договоромъ. Въ греческихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на походъ, который, если вѣрить нашему лѣтописцу, привелъ въ трепетъ Византію и принудилъ заплатить громадную контрибуцію. Между тѣмъ о другихъ походахъ русскихъ — о походѣ у насъ приписываемомъ Оскольду и Диру, о походѣ Игоря, и болѣе всего о походѣ Святослава — византійскіе источники сохранили довольно обстоятельныя извѣстія. Кромѣ фантастическаго характера войны, самое отсутствіе свѣдѣній о ней у византійцевъ подаетъ намъ поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы тогда происходила война, подобная сколько-нибудь по размѣру той, какая описывается въ нашемъ домашнемъ источникѣ. На Олега перенесены идеальные вымыслы народнаго воображенія, вымыслы, которые легко можно примѣнить къ другимъ образамъ, и отчасти то, что могло дѣйствительно относиться къ другимъ существовавшимъ въ исторіи личностямъ, хотя бы даже не своимъ, а чужимъ, о которыхъ полусказочныя

свѣдѣнія достигали до народнаго слуха: такіе переносы не рѣдкость въ народной поэзіи. Часто личности, исторически важныя и знаменитыя, почти и даже совсѣмъ забываются, а личности, въ свое время вовсе неважныя по своимъ дѣяніямъ, въ народной памяти озаряются лучами славы. Наша малорусская народная поэзія представляетъ этому наглядный и поучительный примѣръ. Что̀ такое, напримѣръ, Морозенко, едва уловимый въ письменныхъ памятникахъ, а между тѣмъ имя его гремитъ въ народныхъ пѣсняхъ отъ Сана до Дона и до подножія Кавказа! Славное имя Богдана Хмѣльницкаго стирается въ народной памяти, и героическіе подвиги его бурной эпохи совокупляются около именъ Перебейнса и Нечая! Многіе, громкіе въ историческихъ сочиненіяхъ своими дѣяніями, казацкіе гетманы совершенно неизвѣстны народной поэтической памяти, и идеаломъ казацкаго гетмана является въ народной думѣ небывалый Ганжа-Андыберъ. Забытъ человѣкъ, въ которомъ, по письменнымъ памятникамъ, мы вправѣ видѣть яркій идеалъ запорожскаго богатыря — Сирко, а народъ поетъ про какого-то запорожца Супруна. Давно ли югозападная Русь присоединена къ Россіи, а у тамошняго народа сдѣлался любимымъ героемъ этой эпохи, богатыремъ, заступившимся за народную громаду и содѣйствовавшимъ освобожденію южно-русскаго народа отъ ляховъ — генералъ Щорба (повидимому, искаженное имя вовсе незнаменитаго генерала Чорбы). Неудивительно, если и въ древней Руси ореолъ героической славы въ народной фантазіи окружилъ имя князя Олега, о которомъ, въ историческомъ отношеніи, мы не можемъ сказать ничего, кромѣ того, что онъ когда-то въ X-мъ вѣкѣ жилъ и заключилъ договоръ съ греками.

Но, зная способъ перехода народныхъ сказаній, мы

можемъ сомнѣваться въ томъ, чтобы этотъ Олегъ, дѣйствительно существовавшій, былъ названъ вѣщимъ въ свое время, а скорѣе на него впослѣдствіи перенесли свойства другаго фантастическаго Олега, котораго собственное миѳическ е имя могло жить тогда, какъ оно и до сихъ поръ живетъ въ народныхъ былинахъ подъ именемъ Вольгй. Въ самомъ дѣлѣ, имя Олега или Вольгй могло быть совсѣмъ не скандинавскимъ, какъ толковали нѣкоторые, прибѣгая къ натяжкамъ, не литовскимъ (какъ думали мы, опираясь на то, что въ Литвѣ есть рѣка Олегъ и нѣкоторыя имена, напоминающія тотъ же корень: Ольгердъ, Ольгимунтъ), а славянскимъ (ср. льгъкъ, ольгъчити, ольгъчатися, льгота, вольгота, вольготный, стар. влжѣйшій; у чеховъ встрѣчается имя Olga). Въ ряду нашихъ великорусскихъ былинъ есть замѣчательная по древности склада и глубинѣ поэтическаго смысла былина о Вольгѣ, уцѣлѣвшая въ разныхъ варіантахъ на сѣверѣ; сопоставленіе этихъ варіантовъ даетъ намъ довольно цѣльный миѳически-геройскій образъ. На немъ легло наслоеніе многихъ вѣковъ; на немъ отпечатались черты разныхъ судебъ народа, но все это не мѣшаетъ внутренней правдѣ. Воевалъ ли Вольга съ турецъ-салтаномъ, или съ Золотой Ордой, или съ индійскимъ царствомъ — онъ все одинаково идеалъ сильнаго и мудраго богатыря-побѣдителя, покровителя, взимателя даней, богатыря вѣщаго, который владѣетъ силами природы; ему покорны и звѣри въ лѣсахъ, и птицы въ воздухѣ, и рыбы въ водахъ; онъ умѣетъ оборачиваться въ животное, плавать подъ водою, летать по воздуху, такъ какъ въ представленіи первобытнаго человѣка для высокой мудрости нѣтъ ничего недоступнаго. При рожденіи Вольги или при его еще ребяческой прогулкѣ по землѣ произошло потрясеніе въ природѣ. Двѣнадцать лѣтъ онъ обучался вся-

кой мудрости и дошелъ до того, что могъ плавать щукою въ водѣ, птицею летать, волкомъ бѣгать по полямъ. Онъ собралъ себѣ дружину. Онъ посылаетъ ее ловить звѣрей; дружина не могла поймать ни одного. Вольга обернулся волкомъ, — а по другому варіанту, на которомъ легло въ этомъ случаѣ вѣяніе книжнихъ понятій,— львомъ и загналъ звѣрей въ тенета свои. Приказываетъ онъ дружинѣ ловить птицъ. Дружина ловила три дня и три ночи, и ничего не поймала. Вольга обернулся въ науй птицу (ногъ — грифъ, баснословная птица) и загонялъ птицъ. Наконецъ, Вольга велитъ дружинѣ ловить въ морѣ рыбу; дружина также за три дня и три ночи не поймала ни одной рыбки. Тогда Вольга обернулся щукою и нагналъ рыбу на уловъ. Такимъ образомъ, Вольга является вѣщимъ мудрецомъ въ области самыхъ первобытныхъ средствъ человѣка къ поддержанію жизни — въ области охоты и рыболовства. Вслѣдъ затѣмъ Вольга показываетъ свою вѣщую мудрость еще въ одномъ дѣлѣ, свойственномъ первобытному человѣку — въ дѣлѣ набѣга и грабежа. Онъ обращается въ птицу, но уже въ малую, летитъ въ Турецъ-землю (въ другихъ варіантахъ эта земля называется то Золотая Орда, то Индійское царство, и вѣроятно въ древности называлась Византіею, греческимъ царствомъ, куда лѣтопись послала воевать своего Олега). Волга слышитъ, какъ турецъ-салтанъ или турецкій царь, разговаривая съ своею царицею, собирается идти на Русь войною, взять девять городовъ для своихъ девяти сыновей, а себѣ достать дорогую шубу; Вольга видитъ также, какъ турецкій царь отколотилъ свою царицу за то, что она осмѣлилась ему перечить. Потомъ Вольга обернулся горностаемъ, залѣзъ въ оружейную, испортилъ оружіе; послѣ того, обернулся волкомъ, вскочилъ въ конюшенный дворъ и перервалъ горла у лошадей. Наконецъ, онъ об-

ратился опять въ маленькую пташку и улетѣлъ въ Кіевъ къ своей дружинѣ. Подготовивъ себѣ такимъ образомъ успѣхъ, вѣщій богатырь съ своею дружиною идетъ войною на Турецъ-землю, набираетъ тамъ полону и добычи; затѣмъ происходитъ дѣлежъ: дорого было оружіе и кони; дешевле всего цѣнились женщины.

Предъ нами раскрывается міръ глубоко-древній, бытъ звѣроловства, рыболовства и наѣздничества. Этотъ бытъ соприкасается съ міромъ цивилизаціи путемъ грабежа, какъ и было въ исторіи. Нападеніе былиннаго Вольги на Турецкую землю соотвѣтствуетъ лѣтописному нападенію Олега на Византію. Въ иной былинѣ о Вольгѣ представляется сходство съ другою половиною дѣятельности лѣтописнаго Олега. Подобно тому, какъ послѣдній представляется покоряющимъ сѣверянъ, древлянъ, радимичей, налагающимъ на ихъ дань, — и Вольга съ своею бродячею дружиною ѣздитъ за получкою по городамъ. Онъ наталкивается на другую силу — земледѣльческую, олицетворенную въ величавомъ, громадномъ образѣ Микулы Селяниновича: это имя — Микула — конечно позднѣйшее искаженіе, но его прозвище, по отчеству — Селяниновичъ, указываетъ на его значеніе осѣдлаго земледѣльческаго элемента. Дикая звѣроловная и наѣздническая мудрость Вольги оказывается безсильною передъ этимъ могучимъ элементомъ. Видитъ богатырь, какъ ратай на своей соловенькой кобылкѣ вывертываетъ каменья и коренья сошкой, слышитъ, какъ скрипитъ его сошка, черкаютъ омѣшики по камнямъ, и два дня Вольга догнать его не можетъ. Насилу догоняетъ онъ его на третій день къ обѣду и вступаетъ съ нимъ въ дружескій разговоръ. Узнавъ, что Вольга ѣдетъ за получкою по городамъ, ратай объясняетъ ему, что въ городахъ живутъ мужики-разбойники; заставили они его заплатить гроши подо-

рожные за соль. Это повидимому сближаетъ бродячаго богатыря съ осѣдлымъ селяниномъ. Какъ видно, въ странѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, — странѣ, которая представляется Русью, есть внутренніе раздоры, которыми можетъ воспользоваться дружинная шайка съ своимъ атаманомъ. Вольга приглашаетъ Селяниновича идти съ собой въ товарищахъ. Но Селяниновичъ говоритъ, что у него сошка не обибрана. Надобно прежде выдернуть сошку изъ земли, вытрясти землю изъ омѣшиковъ и бросить сошку за ракитовъ кустъ. Вольга приказываетъ исполнить это, сначала своей дружинѣ по частямъ ея, а потомъ всей дружинѣ вмѣстѣ, но цѣлая его дружина не могла сладить съ сошкою. Тогда самъ Селяниновичъ дѣлаетъ то, что̀ нужно сдѣлать, и притомъ одной рукою — тѣмъ онъ доказываетъ превосходство своей силы предъ богатыремъ и его наѣздническою шайкою.

Они поѣхали вмѣстѣ. Соловая кобылка ратая обгоняетъ богатырскаго коня Вольги. «Вонъ еслибъ эта кобылка конькомъ была, пятьсотъ рублей бы стоила.» — Глупъ ты, Вольга! — отвѣчаетъ ратай; еслибъ эта кобылка конькомъ была — ей бы цѣны не было. Вольга спрашиваетъ, кто онъ? — Оратай въ отвѣтъ описываетъ ему процедуру земледѣльческихъ занятій и признаки домовитости осѣдлаго селянина. Здѣсь-то ясно становится, что этотъ оратай Селяниновичъ есть олицетвореніе идеала земледѣльческаго общества, осѣдлаго, унаслѣдованнаго отъ отцовъ и дѣдовъ, чувствующаго въ себѣ великую силу, громадное могущество. Они доѣхали до цѣли. Вольга хочетъ получить дань съ городовъ, называемыхъ въ былинѣ Гуржевцомъ и Орѣховцемъ, но жители ихъ вступаютъ въ драку. Дружина не выдержала, мостъ подломился, она тонетъ, но спѣшатъ на выручку Вольга и оратай Селяниновичъ, усмиряютъ ихъ и заставляютъ

произвести тройное проклятіе на того, кто впередъ отважится вступить въ драку съ такими молодцами. Былина эта переноситъ насъ къ первичнымъ зачаткамъ государственной жизни. Народное творчество въ свойственномъ ему миѳическомъ образѣ выразило историческую правду, къ которой мы добираемся путемъ долгаго изученія и размышленія. Посреди общества уже осѣдлаго и земледѣльческаго, появляется дикая, звѣроловная и наѣздническая шайка, воинственная дружина: ея предводители алчутъ дани и добычи, она живетъ грабежемъ, обираніемъ трудолюбиваго общества; все въ ней грубо, жестоко; она не уважаетъ человѣческой личности; женщина для нея дешевле коня, да и чужаго для ней міра людей она не можетъ себѣ вообразить, какъ придавъ имъ свойственные себѣ варварскіе нравы; но и въ трудовомъ обществѣ есть также элементы несогласны между собою, и она находитъ себѣ подмогу въ земледѣльческой массѣ, сообщаетъ отчасти ей свой воинственный, разбойничій характеръ, но за то и отъ нея мало-по-малу заимствуетъ мирный, трудовой. Такъ было въ ходѣ нашей исторіи. Какъ ни богаты вымысломъ разсказы о первыхъ временахъ нашей исторіи, но все-таки и сквозь нихъ можно доискаться исторической правды.

Откуда бы ни взялись тѣ князья, которыхъ родъ утвердился во всѣхъ русскихъ земляхъ впослѣдствіи, видно только то, что ихъ явленіе совпадало съ образованіемъ дружины, въ смыслѣ шайки, которая съ начала совершенно, а съ теченіемъ времени болѣе или менѣе была стихіею отрѣзанною отъ народа, и постепенно сливалась съ нимъ. Это собственно не условливаетъ неизбѣжно чужеземнаго происхожденія самихъ князей, хотя согласуется съ возможностію такого происхожденія. Нѣтъ необходимости неизбѣжно признавать, чтобы такая шайка

состояла вначалѣ изъ иноземцевъ, хотя зерно ея очень легко и могло быть вначалѣ иноземнымъ. Если иноземцы, какіе бы то ни было, явились на обширной почвѣ русско-славянскаго и чудскаго міра, нужно было только, чтобъ они явились не въ качествѣ покорителей, желающихъ господствовать и подчинять чужихъ себѣ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ пришли; нужно было только, чтобъ они были просто разбойники, у которыхъ нѣтъ отечества, у которыхъ цѣль — грабежъ, добыча, дань. Тогда все зависитъ отъ успѣха. При первомъ же успѣхѣ, къ нимъ начнутъ приставать туземцы; увеличеніе матеріальной силы для нихъ выгодно, а они станутъ ихъ принимать и допускать до равенства съ собою; съ каждымъ успѣхомъ масса ихъ будетъ увеличиваться; туземцы тѣмъ легче будутъ къ нимъ приставать, что имъ придется грабить не своихъ, а чужихъ, или тѣхъ, кого они считаютъ чужими и, такъ скоро иноземное зерно сотрется прилипшею къ нему массою туземнаго прироста, — если это зерно было бы вначалѣ и туземное, то по тому же свойству разбойничьяго духа оно будетъ открыто для прироста къ себѣ всякихъ элементовъ, и въ томъ числѣ инородныхъ. Мы видимъ, что такая шайка явилась въ Кіевѣ: образовалась ли она тамъ вслѣдствіе невѣдомыхъ намъ условій, или пришла туда погромомъ извнѣ и тамъ основалась, какъ гласятъ преданія, все-таки она приняла надъ собою господство мѣстной народности, стала Русью, и образовала центръ тяготѣнія для сосѣднихъ земель; но въ ней неизбѣжно были всякіе инородные элементы, которые и видимы отчасти, и которые подавали поводъ ученымъ непремѣнно отыскивать господствующій не-славянскій элементъ.

Въ сущности эти признаки инородности не доказываютъ ничего; потому что инородное ли было зерно или русское, результаты были одни и тѣ же. Для расшире-

нія этой хищнической шайки, не было необходимо пополненіе ея преимущественно инородными элементами, когда въ русско-славянскихъ земляхъ было много охотниковъ пополнять ее; разбойничьи шайки составлялись у насъ въ громадныхъ размѣрахъ и позже, но тогда онѣ должны были бороться съ существующею уже государственною властію; имъ не удавалось сломить эту власть, и онѣ погибали сами, иногда успѣвъ громкими дѣлами проявить себя. Но въ то отдаленное время не было никакой государственной власти, съ которою пришлось бы стать въ борьбу этой шайкѣ, а потому она невольно сама стала зародышемъ государственности. Ей надобно было содержать себя, а содержать себя она могла только оружіемъ, отнимая у другихъ то, чего ей нужно, и поэтому то начала она нападать на сосѣдей. — Въ славяно-русскихъ земляхъ было нестроеніе, безладица, элементы враждебные одинъ другому; объ этомъ гласятъ и преданія, и такъ было неизбѣжно по причинѣ разъединенности и отсутствія связующихъ и примиряющихъ установленій. Повсюду были готовые примкнуть къ этой шайкѣ Микулы Селяниновичи и идти съ нею противъ своей братіи; легко было натравлять одно племя на другое племя, одинъ родъ противъ другаго рода, а потому легко было «примучивать» ихъ и подчинять обязанности платить дань; правда, легко вспыхивало возстаніе и покушеніе свергнуть съ себя это принужденіе, но за то легко было погашать такія возстанія и уничтожать покушенія при помощи сосѣдей. Тѣ же, которые не поддавались подданству, или пытались свергнуть его, находили, при случаѣ, умѣстнымъ дѣйствовать заодно съ разбойничьею шайкою, ихъ грабившею. Такъ, по извѣстію нашей лѣтописи, Олегъ собиралъ дани съ нѣкоторыхъ народовъ, другіе же сопротивлялись ему; но какъ подчиненные, такъ

и неподчиненные представляются идущими на Грецію. Если бы самый походъ Олега былъ чистымъ вымысломъ, сто ве-таки исторически для насъ важно то, что народное преданіе, а слѣдовательно и народное міровоззрѣніе представляетъ дѣломъ обычнымъ такой фактъ, что тѣ же, которые отбиваются отъ Олега, становятся подъ его знамя тогда, когда приходитъ случай идти грабить другихъ. Въ былинѣ Вольга называется даже не княземъ, а атаманомъ, и можно сказать, что не безъ смысла: если, конечно, между первобытными князьями Рюрикова дома и выборными атаманами казацкихъ шаекъ послѣдующихъ временъ было много различія, за то было много и сходства въ способахъ ихъ дѣятельности, да отчасти и въ самомъ отношеніи къ подвластнымъ. Вольга съ своей дружиною хочетъ брать дань съ городовъ, и достигаетъ своей цѣли при помощи оратая Селяниновича, именно оттого, что такому Вольгѣ съ своею дружиною легко было найти такого оратая, у котораго была своя вражда, закоренѣлая злоба къ другимъ своимъ сожителямъ, какимъ-нибудь мужикамъ гурженскимъ. Вольга, при всей своей мудрости, со всею хороброю дружиною долженъ былъ сознать надъ собою превосходство громадной силы оратая; онъ едва могъ догнать его, когда тотъ, обрабатывая дикія поля, вывертывалъ коренья и каменья; Вольга съ своею дружиною не могъ сдвинуть съ мѣста сошки Селяниновича, не могъ на своемъ боевомъ конѣ опередить его соловой кобылки; и дѣйствительно — разбойничья шайка, которая завелась тогда въ русско-славянскомъ мірѣ, была въ сущности безсильна, даже ничтожна предъ земской силою этого русско-славянскаго земледѣльческаго осѣдлаго міра, еслибъ только послѣдній захотѣлъ дружно развернуть свою силу; но, какъ видно, это земледѣльческое могущество само оказалось нуждавшимся въ Вольгѣ

и его дружинѣ; при всей своей коренастой крѣпости и гигантской силѣ, оратай долженъ былъ платить гроши подорожные въ городахъ за соль — предметъ первой необходимости, и ничего не могла тутъ подѣлать его шалыга. Очевидно, онъ былъ враждебенъ къ мужикамъ гуржевцамъ и орѣховцамъ, но былъ самъ одинъ противъ нихъ несостоятеленъ; а только вмѣстѣ съ Вольгою задалъ имъ страху и заставилъ покориться. Былина не досказываетъ ясно того, что, однако, само собою слѣдуетъ: если для мудраго Вольги нужна была необычная сила оратая, то для этого оратая нужна была необычная мудрость Вольги. Здѣсь намъ представляется самый первичный зародышъ государства. Дружина съ княземъ, вначалѣ имѣвшая подобіе рязбойничьей шайки, съ атаманомъ во главѣ, содержа себя на счетъ получки даней и грабежа, естественно, для поддержанія своего существованія, должна была безпрестанно ходить на войну, нападать на кого бы то ни было, и мы знаемъ изъ другихъ иноземныхъ источниковъ о такихъ нападеніяхъ Руси, о которыхъ нѣтъ слѣдовъ въ нашей лѣтописи; изъ восточныхъ писателей мы узнаемъ о нападеніяхъ Руси на берега Каспійскаго моря, Куры, о грабежахъ въ Азербайджанѣ.

Развитіе дружиннаго начала — иначе, расширеніе разбойничьей шайки было характеристическимъ явленіемъ вѣка; направленіе это все болѣе и болѣе пріобрѣтало пространства и силы; князья и сами ходили собирать дани, и своихъ мужей посылали за этимъ, и оставляли своихъ мужей съ дружиной въ разныхъ земляхъ для собранія даней, да, наконецъ, и сами сильные мужи собирали по себѣ дружины и ходили за данями, какъ показываетъ примѣръ Свѣнельда, о которомъ мы скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ. Такъ какъ элементовъ враждебныхъ другъ къ другу было слишкомъ много и

они облегчали княжеское и дружинное дѣло, то отсюда неизбѣжно вытекало, что запросъ на присоединеніе къ дружинѣ и на совмѣстную съ нею дѣятельность сталъ превышать призывъ къ этому присоединенію, и такимъ образомъ не всѣ уже примыкавшіе къ дружинѣ составляли ея тѣло и не пользовались выгодами бывшихъ въ этомъ тѣлѣ; образовалась, кромѣ дружины, рать шедшая на помощь дружинѣ, но уже не имѣвшая того значенія, какое имѣла дружина. Микула Селяниновичъ оказалъ важное пособіе Вольгѣ, но не вошелъ въ его дружину, они разъѣхались другъ съ другомъ — обоимъ разная дорога: одному приниматься за свою сошку, вывертывать каменья и коренья, другому собирать дани и, конечно, дозволительно предположить возможность при случаѣ, что Вольга-богатырь захочетъ брать дань и съ Микулы Селяниновича, а когда послѣдній станетъ противиться, то Вольга начнетъ принуждать его вмѣстѣ съ гружевскими и орѣховскими мужиками. Селяниновичъ, то-есть селянинъ отъ дѣда и прадѣда, земледѣлецъ, привыкшій съ дѣтства къ сохѣ, отрывался отъ своей сохи, чтобъ употребить свою крѣпкую руку на убійство и грабежи, но потомъ все-таки ворочался къ своей сохѣ, а тогда ему приходилось почувствовать и на себѣ тяжелый гнетъ той дружины, которой онъ недавно помогалъ налагать гнетъ на подобныхъ себѣ мужиковъ. Но дружина сама по себѣ все-таки не оставалась чѣмъ-нибудь строго замкнутымъ за переходимою чертою, протянутою между нею и народомъ, составлявшимъ примыкавшую къ ней рать точно также, какъ въ послѣдующія времена казацкія шайки, хотя и составляли корпораціи, отличныя отъ народной массы, которая часто приставала къ нимъ и содѣйствовала имъ, но эти корпораціи постоянно пополнялись изъ того же народа. Личныя доблести и разныя обстоятельства

всегда выдѣляли людей изъ рати и вводили въ дружину. Подчиненіе того или другаго русско-славянскаго племени, выражавшееся на первыхъ порахъ данью, не было тождественно съ тѣми покореніями, какія мы встрѣчаемъ въ исторіи там, гдѣ приходитъ извнѣ одно племя и покоряетъ другое. У насъ было внутреннее броженіе, а не иноплеменное завоеваніе. Дружина, собиравшая дани съ племенъ, не была для нихъ чѣмъ-нибудь въ родѣ варяговъ, козаровъ или даже одноплеменныхъ ляховъ или дунайцевъ: она заключала въ себѣ слишкомъ много главныхъ этнографическихъ признаковъ, общихъ каждому изъ племенъ; инородные элементы, входившіе въ нее, не имѣли столько крѣпости и размѣра, чтобъ заявить себя отдѣльною силою. Господствующій элементъ въ дружинѣ былъ русскій, кіевскій, и Русь кіевская сознала свое первенство надъ родственными русско-славянскими городами: преданіе, приписывающее Олегу наименованіе Кіева матерью городовъ русскихъ, показываетъ во всякомъ случаѣ, что въ Кіевѣ образовался такой взглядъ: Русь кіевская при случаѣ заявляла о своемъ превосходствѣ и внѣшними знаками почета, какъ видно изъ преданія о томъ, что Олегъ, при возвращеніи отъ Царьграда, приказалъ для Руси изготовить паруса изъ лучшей ткани, чѣмъ для славянъ; но Русь кіевская, по отношенію и къ славянамъ новгородскимъ, и къ другимъ русско-славянскимъ племенамъ, была, при всѣхъ отличіяхъ, настолько родственна, что ея первенство было первенство домашнее, можетъ быть подъ-часъ непріятное и тяжелое, но все-таки домашнее, а не чужеземное. Притомъ же, при господствѣ русскаго, т.-е. кіевскаго элемента, въ дружинѣ, послѣдняя все-таки никогда не была, да и не могла быть герметически заперта для другихъ русскихъ племенъ. Самый разбойничій характеръ дру-

жины, который она сохраняла замѣчательно долго, содѣйствовалъ сближенію и примиренію дружиннаго элемента съ народнымъ. Дружина брала дани, но тѣмъ и ограничивалась; затѣмъ племена жили себѣ какъ встарь, управлялись сами собою, не было того насилія и униженія народныхъ обычаевъ, которое часто является послѣдствіемъ иноземнаго завоеванія; съ другой стороны, походы и нападенія, въ которыхъ рати земскія содѣйствовали дружинѣ, соединяли ихъ взаимными интересами. Микулѣ Селяниновичу постоянно приходилось идти въ товарищи къ Вольгѣ Святославичу.

Мы не думаемъ, однако, чтобы народные поэтическіе образы въ былинахъ, приведенныхъ нами, касались исключительно одной только эпохи. Мы не думаемъ, подобно нѣкоторымъ нашимъ ученымъ, чтобы пѣсенный Вольга былъ только непосредственнымъ выраженіемъ народнаго воспоминанія объ историческомъ князѣ Олегѣ. Народная поэзія гораздо шире и произведенія ея творчества очень часто совсѣмъ не подходятъ подъ ту мѣрку, какая годится для какихъ бы то ни было историческихъ или литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ потомству на письмѣ. Обыкновенно, чѣмъ глубже поэтическіе образы въ этихъ произведеніяхъ выражаютъ духовную жизнь народа, тѣмъ менѣе они приростаютъ къ даннымъ эпохамъ, событіямъ, лицамъ. Образъ, по внѣшнимъ признакамъ, повидимому, относящійся къ опредѣленной эпохѣ, можетъ, равнымъ образомъ быть выраженіемъ и для послѣдующихъ и для предшествовавшихъ эпохъ, а также, выражая въ народномъ воспоминаніи одинъ извѣстный предметъ, въ то же время можетъ выражать и другой, если между тѣмъ и другимъ есть внутренняя связь по отношенію къ народному міросозерцанію и народнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Дѣйствительно, образъ Вольги

въ былинѣ содержитъ въ себѣ много чертъ, напоминающихъ лѣтописнаго Олега, какъ и собственное имя пѣсеннаго богатыря — одно и то же съ именемъ послѣдняго; но сущность былины можетъ также удобно приспособляться и къ гораздо древнѣйшимъ временамъ, напр., хоть бы къ Аттилѣ, къ полчищу котораго примыкали земледѣльцы, чтобы свергнуть съ себя иго «мужиковъ-злодѣевъ», именуемыхъ въ исторіи готами. Устраняя случайныя и временныя черты, мы придемъ къ тому, что признаемъ главную идею былины въ томъ, что бродячее воинственное полчище сознаетъ великую силу земледѣльческаго осѣдлаго общества и сближается съ нимъ потому, что у нихъ обоихъ являются общіе интересы и общіе враги. Эти враги для осѣдлаго общества могутъ быть свои, и воинственной шайкѣ представляется случай воспользоваться раздорами, съ тѣмъ, чтобы употребить силу одной стороны противъ другой; но иногда эти враги осѣдлаго общества могутъ быть и чужіе, и тогда осѣдлое общество ищетъ помощи у бродячаго для своего освобожденія. Издавна въ русскомъ мірѣ, посреди осѣдлаго отъ вѣковъ земледѣльческаго населенія являлись воинственные элементы, и между тою и другою стороною должны были возникать общіе сближающіе ихъ интересы, побуждающіе ко взаимному дѣйствію. Образы, подобные Вольгѣ-богатырю и Селяниновичу-оратаю, могли возникнуть очень давно. Былина о Вольгѣ вѣетъ миѳическою стариною. Вольга народной поэзіи, какъ и его товарищъ Селяниновичъ, до того титаничны, до того общепримѣнимы къ разнымъ положеніямъ, что скорѣе лѣтописный Олегъ можетъ показаться локализаціею древняго миѳологическаго представленія, въ которомъ выразилось два идеала древней человѣческой дѣятельности: война и

земледѣліе, чѣмъ Вольга простымъ воспоминаніемъ о лѣтописномъ Олегѣ.

Смерть Олега въ лѣтописи носитъ признакъ древняго миѳа, примѣненнаго къ данной личности. Вѣщій Олегъ, при всей своей мудрости, успѣхахъ, могуществѣ, славѣ, не можетъ уразумѣть смысла прорицанія, голоса судьбы, не можетъ понять, что избѣгать своей судьбы не нужно, потому что невозможно. Волхвы, по его желанію знать о своемъ концѣ, предсказываютъ ему смерть отъ любимаго коня. Олегъ удаляетъ отъ себя коня, но черезъ четыре года, когда уже конь околѣлъ, осенью, Олегъ отыскиваетъ кости своего коня, и, наступя ногою на черепъ, смѣется надъ прорицателями. Вдругъ изъ черепа выползаетъ змѣя, ужаливаетъ героя въ ногу—и прорицаніе сбывается. Сущность этого сказанія въ томъ, что человѣку, желающему раскрыть тайну будущаго, открывается правда, но онъ не можетъ понять ее, потому что она выражена такъ, что не все досказано, а прорицаніе сбывается тогда, когда, повидимому, уже не представляется никакой возможности, чтобъ оно сбылось. Многіе отвѣты греческихъ прорицалищъ носятъ именно такой характеръ недосказа. И многія поэтическія сказанія греческой миѳологіи содержатъ въ себѣ эту идею, давшую смыслъ древней трагедіи. Съ особенною полнотою она проявилась въ Эдипѣ: страшное прорицаніе, положенное на немъ при рожденіи, сбывается, несмотря на то, что приняты были мѣры для того, чтобъ оно не сбылось. Преданія и сказанія съ такимъ смысломъ очень распространены и чрезвычайно развѣтвлены; къ нимъ принадлежитъ сказаніе о ходячемъ лѣсѣ, состоящее въ томъ, что богатырю предсказана смерть тогда, когда противъ него пойдетъ лѣсъ; богатырь не боится смерти, потому что лѣсъ ходить не можетъ, но враги его идутъ противъ него съ

вѣтвями въ рукахъ—и предсказаніе сбывается. Подобное тому находится въ малорусскомъ преданіи о Савѣ Чаломъ, которое отразилось даже въ нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни объ этомъ любимомъ народною поэзіею лицѣ. Сава былъ характерникъ (волшебникъ), и какой-то волхвъ сказалъ его врагамъ, запорожскимъ казакамъ, что его уничтожить можетъ только тотъ, кто будетъ стоять одною ногою на польской, а другою на запорожской землѣ. Тогда одинъ изъ нихъ, Игнатъ Голый набираетъ въ сапогъ запорожской земли, надѣваетъ его на одну ногу, другую оставляетъ босою и идетъ въ Польшу. Сава погибаетъ въ то время, когда, находясь въ Польшѣ, считаетъ невозможнымъ исполненіе прорицанія. Въ этомъ родѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько поразительно сходныхъ сказаній со сказаніемъ о смерти Олега. Въ скандинавскихъ сагахъ разсказывается, что богатырю Орвару Одду предсказана смерть отъ любимаго коня. Богатырь умертвилъ его, но чрезъ много лѣтъ (баснословная сага даетъ ему триста лѣтъ жизни) смерть постигаетъ Орвара отъ укушенія ящерицы, которая выползла изъ черепа его коня. Это сходство нашего преданія со скандинавскимъ не можетъ быть признакомъ перенесенія его къ намъ изъ Скандинавіи, такъ какъ оно сходно съ преданіями и такихъ странъ, куда не проникало прямое скандинавское вліяніе. Профессоръ Сухомлиновъ (см. «Основа», 1861 г. іюнь) записалъ въ глубинѣ Сербіи три преданія, сходныя съ нашимъ. Одно изъ нихъ гласитъ такъ: турскому царю докторъ предсказалъ смерть отъ любимаго коня. Царь приказалъ отвести коня въ лугъ и оставить безъ присмотра; конь осенью околѣлъ. Спустя послѣ того пять или шесть лѣтъ, царь, послѣ пира, вздумалъ прогуляться по лугу и наткнулся на голову своего коня. Онъ посмѣялся надъ прорицаніемъ, но въ это время изъ

изъ черепа выползла змѣя и ужалила его въ ногу; отъ того царь умеръ, и прорицаніе сбылось. Другое сказаніе, видоизмѣненное, перенесено на женскую особу. У царя была дочь, которой предсказали смерть отъ змѣи. Отецъ приказалъ сдѣлать ей стекляный домъ, куда никакъ не могла заползти никакая гадина; но однажды царевнѣ захотѣлось винограду; ей принесли его, и вдругъ изъ кисти выскочила змѣя и ужалила царевну, которая и умерла. Третье сказаніе переноситъ этотъ миѳъ изъ богатырскаго и царскаго міра въ простой сельскій: дѣвушкѣ предсказана смерть отъ волка. Она всѣми силами избѣгаетъ возможности встрѣтиться съ волкомъ. Спустя девять лѣтъ, дѣвушка, уже вышедши замужъ, умерла отъ раны, нанесенной ей зубомъ убитаго волка, котораго голову она толкнула ногою. Въ нашихъ малорусскихъ сказаніяхъ есть одно, также близко подходящее ко всему этому. Пану предсказывается смерть отъ дерева, растущаго въ саду у него; панъ приказалъ срубить дерево, разрубить на полѣнья и сжечь въ печкѣ, но, бросая въ печь полѣнья, занозилъ себѣ руку и умеръ отъ этого.

Какъ бы то ни было, только сказаніе о смерти Олега есть древній миѳъ, примѣненный къ Олегу, какъ къ лицу полумиѳическому, къ которому вообще воображеніе примкнуло разные образцы героическаго эпоса. Случайность примѣненія миѳа о смерти отъ коня къ Олегу видна уже изъ того, что, тогда какъ преданіе это назначаетъ Олегу смерть въ Кіевѣ и даже указываетъ мѣсто его погребенія, другое преданіе говоритъ, что онъ умеръ въ Ладогѣ.

VIII.

Преданія объ Игорѣ и Ольгиной мести

Князь Игорь представляется въ лѣтописи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Олегъ. Кромѣ договора съ греками, лѣтописецъ имѣлъ подъ рукою греческое письменное извѣстіе о его несчастномъ походѣ на Грецію, и согласно ему изобразилъ это событіе въ своемъ повѣствованіи. Но вслѣдъ затѣмъ у нашего лѣтописца слѣдуетъ описаніе событія, которое противорѣчитъ, по своему смыслу, предшествовавшему. Разбитый греками въ 941 г., Игорь въ 944 совокупилъ снова войско русскихъ народовъ: полянъ, славянъ, кривичей, и кромѣ того пригласилъ варяговъ изъ-за моря и нанялъ печенѣговъ, явившихся въ первый разъ по лѣтосчисленію русскаго лѣтописца въ 915, и собрался идти на грековъ и въ лодьяхъ, и конницей. Херсонесцы (корсунцы), услышавъ объ этомъ, дали знать Ѳоману, правившему тогда государствомъ, и говорили такъ: «вотъ Русь идетъ, все море кораблями покрыли!» и болгары послали сказать: «Русь идетъ и печенѣговъ наняла себѣ». Царь греческій послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ, и тѣ говорили: «не ходи на насъ, возьми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ еще къ этой дани». И печенѣгамъ послалъ греческій царь золота и паволоки. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ свою дружину и передалъ ей рѣчь греческаго царя «Если такъ говоритъ царь, — сказала дружина — то чего намъ болѣе, когда, не сражавшись, получимъ золото, серебро и паволоки. Какъ знать, кто одолѣетъ! Мы ли, они ли! А съ моремъ кто въ совѣтѣ. Это не то, что по землѣ ходить, — по глубинѣ морской: тамъ всѣмъ равная смерть!» Игорь послушалъ приговора дружины,

велѣлъ печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ взялъ у грековъ золота, серебра, паволокъ на всѣхъ своихъ воиновъ и отправился къ Кіеву во-свояси.

Это извѣстіе несогласимо съ тѣмъ, которое заимствовано у греческихъ писателей. Если греки недавно разбили русскихъ, то не могли до такой степени перепугаться ихъ новаго нашествія, особенно когда были предупреждены заранѣе и слѣдовательно могли предпринять всѣ средства и способы къ отраженію наступавшаго непріятеля. Согласиться на унизительныя условія, не бившись съ врагами, которые недавно потерпѣли пораженіе, было бы ужь черезчуръ нелѣпо, и Византія не была еще въ то время безсильною. Притомъ же самый договоръ Игора съ греками, который внесъ лѣтописатель въ свою лѣтопись, вовсе не заключаетъ такихъ условій, о какихъ говорится въ приведенномъ разсказѣ о трусости грековъ. Очевидно, разсказъ этотъ русскаго происхожденія, и такъ какъ у лѣтописца не могло быть туземныхъ письменныхъ памятниковъ въ этомъ родѣ, современныхъ событію, то онъ, значитъ, почерпнулъ его не иначе, какъ изъ устнаго сказанія или вѣрнѣе изъ думы, какъ можно заключать по драматичности разсказа. Въ думахъ и сказаніяхъ того времени должно быть ничего не говорилось о дѣйствительной войнѣ, веденной Игоремъ противъ грековъ, войнѣ, несчастной для русскихъ, а потому лѣтописецъ передалъ объ ней иностранное свѣдѣніе; но ему, кромѣ того, извѣстна была дума или сказаніе, гдѣ представлялось, что Игорь только собрался воевать и однимъ своимъ сборомъ на войну навелъ такой ужасъ на грековъ, что они заранѣе стали просить пощады и мира. Лѣтописецъ соединилъ два противорѣчивыя извѣстія и занесъ въ свою лѣтопись два событія, поставивъ ихъ одно за другимъ, по естественному

соображенію: сначала войну, описанную греками, а потомъ сборъ Игоря на новую войну по русскому преданію. Это сопоставленіе историческаго извѣстія съ преданіемъ показываетъ намъ наглядно характеръ преданій въ сказаніяхъ и думахъ, когда эти преданія относились къ военнымъ предпріятіямъ русскихъ и къ войнамъ ихъ съ другими народами. Они были хвастливы и не только преувеличивали успѣхи, раскрашивая ихъ узорами древняго своего эпоса, но и самыя неудачи превращали въ успѣхи. Понятно, что объективной исторической правды въ нихъ было мало. Собственно это были не простонародныя пѣсни массы — пѣсни, которыя создаются всѣмъ народомъ и поются въ его массѣ; то были пѣсни и сказанія дружины, люда военнаго, распѣваемыя и сказываемыя гуслярами передъ князьями и боярами, и въ нихъ естественно обращалось вниманіе на то, чтобъ наиболѣе восхвалить подвиги предковъ. Такого рода пѣснопѣнія, какъ показываетъ ихъ содержаніе, передаваемое лѣтописцемъ, подходило къ велико-русскимъ богатырскимъ былинамъ, но болѣе всего къ нашимъ малорусскимъ думамъ, которыя хотя и принадлежатъ къ области народной поэзіи, но отличаются отъ пѣсенъ, какъ особою стройностію повѣствовательнаго характера, такъ еще болѣе и тѣмъ, что поются исключительно однимъ классомъ пѣвцовъ — кобзарями. Различіе между древними пѣснопѣніями и позднѣйшими казацкими думами заключалось, какъ въ формахъ и пріемахъ рѣчи, языка, такъ и въ слушателяхъ, для которыхъ они пѣлись или сказывались, что̀ зависѣло отъ иныхъ условій исторической жизни. Насколько казакъ отличался отъ дружинника, настолько разнилось и впечатлѣніе, производимое на слушателей поэтическимъ произведеніемъ. Изложивъ договоръ, заключенный Игоремъ, въ его текстѣ, очевидно по переводу

съ греческаго, какъ показываетъ языкъ, лѣтописецъ отъ себя разсказываетъ, что Игорь, принявъ греческихъ по-словъ, съ своею дружиною произносилъ клятву въ со-блюденіи договора на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, полагая предъ нимъ оружіе, щиты и золото, а тѣ рус-скіе, которые уже приняли крещеніе, присягали въ церк-ви св. Иліи, которой мѣстность указывается по этому поводу лѣтописцемъ съ замѣчательною точностію, хотя для насъ теперь уже и непонятною («иже есть надъ ручьемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и козарѣ»). Затѣмъ, Игорь отпустилъ греческихъ пословъ, одаривъ ихъ шку-рами, рабами и воскомъ.

Не трудно видѣть происхожденіе послѣдняго этого извѣстія. Церковь св. Иліи, вѣроятно, существовала на своемъ мѣстѣ и въ эпоху, когда жилъ и писалъ лѣто-писецъ, хотя, быть можетъ, уже перестроенная; что же касается до произнесенія клятвы, то лѣтописцу по пре-данію было извѣстно, какъ въ язычествѣ произносилась клятва, и онъ приложилъ къ Игорю общія черты древ-няго русскаго языческаго быта. Точно также по преда-нію и по соображенію, онъ зналъ, чѣмъ дарили и чѣмъ могли дарить русскіе князя иноземныхъ пословъ.

Подъ 945-мъ и 946-мъ годами у лѣтописца слѣдуетъ стройный разсказъ о смерти Игоря и о мести Ольги, разсказъ довольно живой и драматичный; видно, что лѣ-тописецъ передалъ здѣсь содержаніе цѣлой думы; разсказъ прерывается въ одномъ мѣстѣ собственнымъ замѣчаніемъ лѣтописца, поясняющимъ кіевскую мѣстность для его современниковъ. Дума эта, касаясь внутреннихъ событій края, болѣе исторична, чѣмъ тѣ, которыя относятся къ богатырскимъ подвигамъ противъ внѣшнихъ враговъ, по крайней мѣрѣ она воспроизводитъ дѣйствительно бы-товыя черты. Таково вообще свойство подобныхъ произ-

веденій народнаго творчества: чѣмъ болѣе ихъ предметъ переносится изъ своенародной среды на чужую почву, тѣмъ болѣе поддаются онѣ эпическимъ вымысламъ — «замышленію», какъ выразился пѣвецъ Игоря Сѣверскаго, и напротивъ, если вращаются въ нѣдрѣ своего собственнаго быта, то охотнѣе сохраняютъ характеръ «былинъ времени», отражаютъ въ себѣ дѣйствительныя условія жизни. Такія поэтическія произведенія, по отношенію къ объективной исторической правдѣ, бываютъ нерѣдко важнѣе самыхъ лѣтописей, невольно своими пріемами открывая такія бытовыя черты, которыя сухой лѣтописный разсказъ опускаетъ. Благодаря этому качеству такихъ произведеній, мы узнаемъ въ наглядномъ, типическомъ очертаніи характеръ тогдашней дружины, рѣзко представляющіе подобіе съ разбойничьей шайкою. Дружинное начало дотого развилось, что была уже не одна только дружина княжеская, но, какъ мы уже замѣчали, около сильныхъ мужей также составлялись дружины, жившія грабежемъ, подъ названіемъ сбора даней или хожденія въ дань; и это поясняетъ намъ такія явленія, какъ набѣги русскихъ разбойничьихъ шаекъ за Кавказомъ. Такія дружины при успѣхахъ возбуждали зависть даже у княжеской. У Игоря былъ сильный мужъ Свѣнельдъ. Въ спискѣ Софійскаго Временника приписывается ему успѣшная раздѣлка съ угличами, съ которыми трудно было бороться кіевскимъ князьямъ, хотѣвшимъ брать съ нихъ дань подобно тому, какъ брали ее съ другихъ русско-славянскихъ народовъ. Свѣнельдъ цѣлые три года стоялъ подъ городомъ Пересѣченомъ, пока не взялъ его. Угличи послѣ того двинулись къ Днѣстру изъ своихъ прежнихъ жилищъ, близкихъ къ Днѣпру. «Идоша межи во Днѣстръ (?) и сѣдоша тамо»). Извѣстіе это не только темно, но и сомнительно, такъ какъ

страна ниже устья Роси, внизъ по Днѣпру и на западъ отъ Днѣпра не входила послѣ того во владѣніе кіевскихъ князей, да и въ послѣдующей исторіи она почти ускользаетъ изъ вида, а было бы иначе, еслибъ на самомъ дѣлѣ Кіеву удалось тогда подчинить ее. Еще Карамзинъ съ обычною своею прозорливостію замѣтилъ, что это позднѣйшая выдумка, явившаяся съ цѣлію объяснить возвышеніе Свѣнельда. Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что дружина Свѣнельдова могла стать богаче княжеской дружины только посредствомъ какихъ-нибудь походовъ за данями, а потому если, можетъ быть, въ какомъ-нибудь извѣстномъ намъ древнемъ спискѣ и упоминалось объ угличахъ, то вѣроятно на самомъ дѣлѣ Свѣнельдъ пограбилъ ихъ, обогатившись данью, но едва ли покорилъ и прогналъ. Но такъ какъ извѣстіе о зависти княжеской дружины къ Свѣнельдовой, очевидно, взято изъ пѣснопѣнія или сказанія, то въ такомъ источникѣ легко обходилось и безъ означенія причины приводимаго факта и вѣроятнѣе всего разсказъ начинался именно такъ, какъ онъ начинается въ лѣтописи по извѣстнымъ намъ старымъ ея спискамъ: «Дружина сказала Игорю: молодцы Свѣнельдовы добыли себѣ оружіе и одежды, а мы наги; пойдемъ, князь, въ дань: и ты добудешь, и мы» и пр. Всякъ согласится, что въ этой рѣчи слышится голосъ разбойниковъ къ своему атаману, завидующихъ успѣхамъ другой шайки. Игорь отправляется въ Деревскую землю, беретъ дань больше прежней, и онъ и мужи его совершаютъ насилія надъ жителями и, набравши дани, возвращаются въ свой городъ. Но на дорогѣ захотѣлось Игорю еще походить и пособирать дани. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать необходимости дѣлиться данью съ большимъ числомъ спутниковъ, и потому онъ взялъ съ собой немного дружины и отправился опять въ

Деревскую землю. Древляне, какъ видно, казались ему до того смирными и простоватыми, что онъ не предполагалъ никакой опасности. Но древляне на этотъ разъ собрались на совѣщаніе съ своимъ княземъ Маломъ и такъ порѣшили: повадится волкъ къ овцамъ, то, по одной овцѣ таская, все стадо погубитъ, если не убьютъ его; такъ и этотъ — всѣхъ насъ погубитъ, когда не убьемъ его. Но прежде послали они къ Игорю съ такимъ словомъ: «Зачѣмъ идешь? вѣдь ты всю дань взялъ?» Замѣчателенъ въ этихъ словахъ тотъ взглядъ, какой имѣли древляне и вѣроятно вообще подчиненные русско-славянскіе народы на кіевскую княжескую власть. Она была для нихъ неизбѣжнымъ зломъ, приходившимъ къ нимъ извнѣ, не болѣе. Не предполагалось возможнымъ, чтобы кіевскій князь приходилъ къ нимъ въ землю за чѣмъ бы то ни было кромѣ собиранія дани, иначе, кромѣ грабежа. Впослѣдствіи, уже въ христіанскія времена, мы замѣчаемъ на князѣ нравственную обязанность управлять, творить расправу, защищать землю, но въ языческія времена объ этой обязанности не было и намёка, да и одно приключеніе съ Игоремъ достаточно убѣждаетъ, что тогда еще и не могло быть ничего подобнаго. Въ земляхъ были свои собственные князья, и кіевскіе не думали ихъ уничтожать, потому что политическія соображенія ихъ такъ далеко не заходили; для кіевскихъ князей и ихъ дружины было все равно, что̀ бы ни дѣлалось въ землѣ, какъ бы она себѣ ни устроивалась, лишь бы имъ давали дань. Поэтому, прежде чѣмъ Игорь сталъ собирать дань древляне уже были недовольны и возмутились уже тѣмъ, что онъ идетъ къ нимъ, такъ какъ ему не зачѣмъ инымъ было ходить къ нимъ, и не могъ имъ приходъ его приносить ничего кромѣ тягости. Игорь не послушался, не воротился и былъ убитъ близъ Искоростѣна. И погребли

его — говоритъ лѣтопись — и есть могила его въ Деревской землѣ до сихъ поръ. Существованіе могилы (то-есть кургана), признаваемой въ народѣ Игоревою, очень важно, потому что это содѣйствовало сохраненію самаго преданія о событіи относительно-большей свѣжести, такъ какъ можно вообще поставить правиломъ, что преданія о минувшихъ временахъ сберегаются въ памяти поколѣній долѣе и даже иногда отличаются большею близостію къ исторической правдѣ, когда они связаны съ какими-нибудь вещественными остатками. Надобно предполагать, что или лѣтописецъ сократилъ свой источникъ, выпустивъ нѣкоторыя подробности, или же существовали другія преданія о смерти Игоря: такъ, въ исторіи, сочиненной по-гречески калойскимъ діакономъ Львомъ, приводится письмо греческаго императора Іоанна Цимисхія къ Святославу, въ которомъ греческій императоръ припоминаетъ русскому князю о смерти отца его Игоря и говоритъ, что Игорь былъ растерзанъ между двумя деревьями. Свѣдѣніе это въ Грецію могло только зайти изъ Руси, и это было легко, такъ какъ русскіе постоянно посѣщали Константинополь и служили въ императорскомъ войскѣ, слѣдовательно, такая черта существовала въ древнѣйшихъ разсказахъ о смерти Игоря. Она мѣстно народна и теперь повторяется въ народныхъ разсказахъ о казняхъ разбойниковъ. За смертью Игоря слѣдуетъ всѣмъ извѣстная месть Ольги. Въ ея изображеніи слышится та племенная вражда, которая (какъ очевидно изъ тона повѣствованія лѣтописи въ разныхъ ея мѣстахъ) существовала между полянами — Русью и древлянами. Древніе древляне, жители дремучихъ лѣсовъ, представляются такими же глупцами и простаками, какими до сихъ поръ въ народныхъ разсказахъ слывутъ ихъ потомки полѣщуки. Глупость ихъ предполагается уже въ томъ, что они,

убивъ Игоря, считаютъ возможнымъ соединить бракомъ его вдову съ своимъ княземъ Маломъ. Имя этого князя — Малъ, то-есть Малый, кажется насмѣшливое и презрительное прозвище въ смыслѣ князька или князишки. Глупость древлянъ идетъ возрастающимъ ходомъ въ этомъ сказаніи. Ольга губитъ первыхъ пословъ въ числѣ двадцати человѣкъ, приказавъ засыпать ихъ живьемъ въ лодьѣ, въ которой они, по ея же настоянію, велѣли себя нести для почета; но древляне у себя въ землѣ не догадываются; отчего послы ихъ не возвращаются домой изъ Кіева; по требованію Ольги, они высылаютъ къ ней еще наилучшихъ людей своей земли. Ольга погубила и этихъ, пославъ ихъ мыться въ банѣ, а потомъ приказавъ зажечь двери бани; древляне и послѣ этого не догадались и повѣрили Ольгѣ, когда она, объявивъ, что ѣдетъ къ нимъ, приказала къ своему пріѣзду приготовить много меду надъ могилою Игоря для тризны надъ нимъ; древляне вышли на эту тризну въ числѣ пяти тысячъ. Сдѣлавъ что подобало по языческому обычаю, насыпавъ надъ Игоремъ курганъ и совершивъ тризну, кіевская княгиня ушла, сначала послуживъ древлянамъ при угощеніи, а ея молодцы перебили ихъ всѣхъ, напоивши до-пьяна. Казалось бы, послѣ этого уже никакъ не возможно было имѣть довѣрія со стороны древлянъ, но они были такіе простаки, что еще разъ дозволили себя обмануть и окончательно погубить. Ольга пошла на нихъ открытой войною, но не въ силахъ была взять оружіемъ города Искоростѣня; она притворяется, что уже не хочетъ болѣе мстить за своего мужа, что съ нея довольно и того, что до сихъ поръ случилось, что она хочетъ только дани, и получивъ уйдетъ во-свояси. Древляне предлагаютъ ей дань и медомъ, и шкурами, но Ольга прикидывается добродушною, справедливою, объявляетъ, что не хочетъ съ

нихъ большой дани потому, что они уже и такъ истощились, а требуетъ себѣ только по три голубя и по три воробья отъ двора. Недогадливые древляне обрадовались этому, исполнили требованіе кіевской княгини. Тогда она приказала привязать горящую сѣру къ птичкамъ и пустить ихъ. Произошелъ всеобщій пожаръ, древляне въ переполохѣ выбѣжали изъ пылающаго города, а кіевляне, по приказанію Ольги, старѣйшихъ, то-есть знатнѣйшихъ древлянъ бросали въ огонь, прочихъ всѣхъ перебили. Послѣ того половина жителей Деревской земли отдана была въ рабство кіевскимъ мужамъ, другая обложена тяжелою данью, которой одна половина шла въ Кіевъ, другая въ Вышгородъ, бывшій собиннымъ городомъ Ольги.

Это сказаніе имѣетъ для насъ важность въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ вообще любимыя народомъ пѣснопѣнія, сказанія и воспоминанія отражаютъ и духовное состояніе этого народа. Ольга была лицо, уважаемое въ воспоминаніи народа, «мудрѣйшая всѣхъ человѣкъ», какъ отозвались объ ней кіевляне при ея внукѣ. И какъ же сложилось языческое представленіе объ этой идеально-мудрой личности? Это — типъ коварства и кровожадности. Мало того. что Ольга жестока и безжалостна: она съ особеннымъ злорадствомъ наслаждается мщеніемъ надъ безоружными, обреченными на погибель, врагами. Ей доставляетъ утѣшеніе не только погубить ихъ и притомъ самымъ мучительнымъ образомъ, живьемъ зарывая въ землю, или сожигая огнемъ, — она еще передъ ихъ неминуемою погибелью ставитъ ихъ въ комическое положеніе и заставляетъ, сидя въ лодьѣ, всенародно кривляться и величаться (въ перегбѣхъ и сустугѣхъ) на посмѣяніе кіевлянамъ, а потомъ, когда ихъ бросили въ яму, она сама подходитъ къ этой ямѣ и спрашиваетъ: «хороша ли вамъ честь?» Трупы и огонь, и опять огонь и трупы,

и наконецъ, порабощеніе цѣлаго края! Для Ольги не существуетъ ни великодушія, ни договора, ни обѣщанія! Идеалъ самый дикій, самый варварскій, и по этому идеалу мы можемъ себѣ вообразить, какова была та звѣрская разбойничья шайка, которая создавала себѣ такіе поэтическіе образы и наслаждалась ими.

Въ сказаніи объ Ольгѣ на эту личность перенесены нѣкоторыя эпическія черты народной поэзіи, которыя мы встрѣчаемъ разсѣянно въ другихъ народныхъ памятникахъ и представленіяхъ, но въ соединеніи съ образами существъ темныхъ, злыхъ, враждебныхъ, а никакъ не свѣтлыхъ, идеальныхъ и сочувственныхъ. Ея игра съ древлянскими послами нѣсколько напоминаетъ общерусскую сказку «о царевнѣ Змѣевнѣ», которая заманиваетъ къ себѣ молодцовъ и сожигаетъ ихъ въ печи. Образъ сожженія въ банѣ мы также встрѣчаемъ въ великорусской пѣснѣ о злой свекрови, матери князя, которая не взлюбила своей невѣстки, заманила ее въ баню и тамъ сожгла раскаленными камнями. Затѣйливое сожженіе Искоростѣна посредствомъ птицъ (повторяемое въ скандинавской сагѣ въ XI-мъ вѣкѣ, о Гаральдѣ зятѣ Ярослава) есть повидимому очень старое, общераспространенное представленіе: вспомнимъ библейскую исторію Сампсона съ его лисицами, которымъ онъ привязывалъ горящія головни къ хвостамъ и пускалъ ихъ по полямъ филистимлянъ. Это представленіе существовало и послѣ Ольги и теперь еще существуетъ, примѣняясь къ поступкамъ враждебныхъ и злобныхъ силъ человѣческихъ. Замѣчательно, что въ Чехіи подобное представленіе сложилось о способѣ истребленія Кіева монголами. Въ варіантахъ хроники Далимила встрѣчается такое выраженіе: «v Rusicéch Kyicva holuby dobychu» (Dalim. 219), означающее вѣроятно что-нибудь похожее на мщеніе, совер-

шенное Ольгою надъ Искоростѣномъ, и дающее понять, что преданіе, отнесенное нѣкогда ко временамъ Ольги, впослѣдствіи примѣнялось также къ эпохѣ разоренія Кіева Батыемъ. У насъ на Руси, какъ извѣстно, случались вездѣ (да и теперь, къ несчастію, случаются) такъ-сказать пожарныя эпидеміи; начинаются въ жилыхъ мѣстностяхъ пожары одинъ за другимъ, иногда по нѣскольку пожаровъ въ одинъ день, на жителей находитъ переполохъ, и такъ продолжается, пока не примутся энергическія мѣры осторожности; въ это время ходятъ разные разсказы о продѣлкахъ поджигателей и между прочимъ говорятъ, что поджигатели ловятъ голубей и воробьевъ, привязываютъ къ ихъ ножкамъ трутъ, птицы летятъ въ свои гнѣзда и производятъ пожаръ. Мы сами слышали такіе разсказы отъ лицъ, которыхъ никакъ невозможно заподозрить въ какомъ-нибудь знакомствѣ съ русскими лѣтописями.

Въ нашемъ сказаніи о мщеніи Ольги древляне умышленно представляются глупыми и достойными презрѣнія но по нашимъ понятіямъ возбуждается совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Древляне, въ противопоставленіи съ русскими князьями и ихъ дружинами, оказываются честнымъ, гражданственнымъ народомъ, погибающимъ оттого, что сталкиваются съ звѣрскою шайкою разбойниковъ и имѣютъ слабость обращаться съ нею, какъ съ себѣ подобными. Вмѣсто князей, живущихъ наѣздами и грабежами, у нихъ свои добрые князья, которые даровали своему краю благосостояніе (роспасли Деревскую землю); въ противоположность Ольгѣ, которая коварно заманиваетъ ихъ на погибель, они до того прямодушны, что не нападаютъ нежданно на Игоря, а прежде посылаютъ къ нему, требуя, чтобы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ, и убиваютъ его уже тогда, когда онъ не послушалъ ихъ спра-

ведливаго требованія. Ихъ попытка соединить Ольгу съ своимъ княземъ, показываетъ добродушное желаніе прекратить вражду, водворить дружественныя отношенія между сосѣдями. Ихъ глупость — есть не болѣе какъ довѣріе, привычка полагаться на слово и святость договора. Судя по этому сказанію, въ которомъ былевая сторона можетъ быть вымышленная, но бытовая, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ историческую правду — тотъ княжескій и дружинный элементъ, который призванъ былъ судьбою сдѣлаться когда-то зерномъ государственнаго тѣла, находился на гораздо низшей ступени развитія гражданскаго, чѣмъ тѣ племена, съ которыхъ онъ собиралъ дани.

IX.

Преданія о земскомъ строеніи при Ольгѣ.

Подъ 946-мъ г., вслѣдъ за сожженіемъ Искоростѣна и порабощеніемъ Деревской земли, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о томъ, что Ольга ходила по Деревской землѣ съ своимъ сыномъ (малолѣтнимъ) и дружиною и установляла уставы и уроки, то-есть, въ какихъ мѣстахъ порабощенные древляне должны были исполнять какую повинность и въ какомъ размѣрѣ. При этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что тамъ остались ея становища и ловища; подъ первымъ, вѣроятно, разумѣются опредѣленно устроенныя мѣста, гдѣ слѣдовало останавливаться князьямъ или посылаемымъ отъ нихъ мужамъ для взиманія дани, подъ послѣднимъ — мѣста для охоты, такъ какъ звѣроловство было въ тѣ времена важнѣйшимъ источникомъ богатства. Вслѣдъ затѣмъ, подъ слѣдующимъ годомъ, подъ 947-мъ, мы читаемъ: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и

дани (въ Ипатскомъ: и по Лузѣ погосты и дань, и оброкы), ловища ея суть по всей землѣ и знаменья (въ Ипатскомъ: и знаменія) и мѣста и повосты (въ Ипат.: погосты) и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ и есть село ея Ольжичи и доселе» (Лавр. 59. Ипат. 38).

На основаніяхъ, объясненныхъ выше, мы не можемъ допустить, чтобъ это извѣстіе было взято изъ какого-нибудь древняго, современнаго Ольгѣ письменнаго документа; оно также, какъ и все прочее, досталось въ лѣтопись изъ изустныхъ преданій старины, и, какъ вѣроятно, по своему предмету, въ формѣ простаго воспоминанія, пріуроченнаго книжникомъ къ хронологіи по какимъ-нибудь, теперь для насъ уже неуловимымъ, соображеніямъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что если какое преданіе имѣетъ право на признаніе въ немъ объективной исторической правды, то именно такое, потому что оно подтверждается вещественными памятниками, съ нимъ соединенными. Вѣроятно, когда лѣтописецъ заносилъ это извѣстіе въ свою лѣтопись, въ народѣ дѣйствительно приписывали Ольгѣ и признаки земскаго строенія въ означенныхъ мѣстахъ, и такія вещи, какъ ея сани. Но, вникнувъ въ суть подобныхъ преданій и повѣривъ ихъ аналогію съ преданіями, образовавшимися въ болѣе близкое время къ намъ, мы, однако, не станемъ слишкомъ довѣряться этому извѣстію и, по крайней мѣрѣ, принимать его за несомнѣнную правду въ буквальномъ смыслѣ. Важное сомнѣніе возникаетъ относительно путешествія Ольги на сѣверъ и устроенія погостовъ и даней по Мстѣ и Лугѣ. Дѣло въ томъ, что, вглядываясь въ ходъ событій, передаваемыхъ преданіями, вошедшими въ лѣтопись, мы находимъ такія черты, которыя побуждаютъ насъ, если не признавать безусловно, то предполагать съ боль-

шимъ запасомъ вѣроятности, что новгородскій край былъ передъ тѣмъ оставленъ и не входилъ уже въ кругъ земель, подчиненныхъ кіевскимъ князьямъ. Именно подъ 970 годомъ въ той же лѣтописи читается извѣстіе о томъ, какъ новгородцы пришли къ Святославу просить себѣ князя и при этомъ сказали: «если не пойдете къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя» (Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Новгородьстіи просяще князя собѣ: аще не пойдѣте къ намъ, то налѣземъ князя собѣ). Очевидно, новгородцы обращаются къ Святославу, какъ народъ, совершенно чужой, неподвластный, свободный. И Святославъ въ своемъ обращеніи къ нимъ показываетъ, что признаетъ ихъ такими. Еслибъ то кто пошелъ къ вамъ! говоритъ онъ имъ (и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ кто вамъ). Вслѣдъ затѣмъ, по наущенію дяди Владимира по матери, Добрыни, новгородцы попросили себѣ княземъ сына Святослава, Владимира, и взяли его къ себѣ вмѣстѣ съ его дядею Добрынею. Какъ бы ни ухищрялись, толкуя это извѣстіе, а простое и здравое пониманіе вещей никакъ не представляетъ возможности согласовать такое свободное и смѣлое отношеніе новгородцевъ къ кіевскому князю съ ихъ зависимостію отъ кіевскихъ князей въ близкія времена, предшествовавшія призыву Владимира. Святославъ почелъ бы дерзкимъ бунтомъ такого рода разговоръ съ собою, еслибы новгородцы находились у него въ подчиненіи и подданствѣ. Въ словахъ Святослава: «абы пошелъ кто к вамъ» — чувствуется какая-то досада, какое-то неудовольствіе къ новгородцамъ, но все-таки какъ къ народу независимому, который ищетъ вновь сдѣлки, союза, соединенія, а не какъ къ народу, который фактически находится въ подданствѣ. На этомъ основаніи можно съ большею вѣроятностію допустить,

что кіевскіе князья утратили свою власть надъ отдаленнымъ Новгородомъ, не могли ее возвратить, и, вѣроятно, занятые обращеніемъ дѣятельности съ другой стороны, не хотѣли употреблять усилій къ ея возвращенію; а теперь, когда утраченная власть сама собою возвращалась если не для кіевскаго князя, то для его рода, кіевскій князь, по прежнему опыту не надѣясь большой прочности, не слишкомъ обрадовался предложенію новгородцевъ. Такимъ образомъ, дѣлается сомнительнымъ, чтобъ за двадцать три года предъ тѣмъ кіевская княгиня въ землѣ этого народа устраивала административныя единицы и устанавливала дани, тѣмъ болѣе, что со временъ Олегова похода на Грецію, помѣщеннаго подъ 907 годомъ, когда приводится извѣстіе о надѣленіи славянъ (новгородскихъ) кропинными парусами, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій объ отношеніяхъ кіевскихъ князей къ новгородскому краю, исключая развѣ имени славянъ въ числѣ элементовъ, составлявшихъ полчище Игоря во время его похода на Византію: что ничуть не располагаетъ насъ непремѣнно дѣлать заключеніе о подчиненіи новгородскаго края Игорю, во-первыхъ, потому, что и безъ всякаго подчиненія и подданства въ его полчищѣ могли быть охотники изъ славянъ, какъ и изъ всякаго другаго народа,— во-вторыхъ, потому, что одно голое имя славянъ не можетъ въ этомъ мѣстѣ повести къ какимъ-нибудь заключеніямъ о томъ, чтобъ дѣйствительно славяне были у Игоря въ войскѣ, такъ какъ очевидно это мѣсто не отличается точностію: въ одномъ спискѣ (Лаврентьевскомъ) значатся тиверцы, которые, по всему видно, положительно не подчинялись въ то время Кіеву, а въ Ипатскомъ спискѣ они пропущены, въ Софійскомъ же прибавлены вятичи, которыхъ нѣтъ ни въ Ипатскомъ, ни въ Лаврентьевскомъ. Обращая вниманіе на отсутствіе упоминаній объ отно-

шеніяхъ кіевскихъ князей къ Новгороду такое долгое время, а потомъ на появленіе въ Кіевѣ новгородцевъ въ качествѣ совершенно независимаго народа, полагаемъ, не будетъ лишено основанія, если мы въ преданіи объ Ольгиныхъ дѣяніяхъ въ новгородской землѣ усмотримъ совсѣмъ другой источникъ, вполнѣ сродный вообще натурѣ преданій такого рода. Если нерѣдко сохраненію преданія о лицахъ и событіяхъ способствуютъ вещественные памятники, относимые къ этимъ лицамъ и событіямъ, то, съ другой стороны, часто къ славнымъ лицамъ и событіямъ воображеніе присоединяетъ такіе вещественные памятники, которые никакъ къ нимъ не относились, и слава знаменитаго лица расширяется далѣе тѣхъ предѣловъ, которые бы должна была поставить имъ ихъ вѣрная біографія.

За подобными примѣрами у насъ ходить далеко не придется. Память независимаго Великаго Новгорода почти погибла въ новгородской землѣ, но остались отъ его древней исторіи два лица, живущія въ народныхъ воспоминаніяхъ: Мароа Посадница и царь Иванъ Грозный. Къ имени Мароы Посадницы примыкаетъ все, что только имѣетъ тѣнь воспоминанія о новгородской старинѣ. Темное сознаніе о былой отдѣльности и независимости Новгорода выражается представленіемъ, что когда-то тамъ господствовала Мароа Посадница, богатая, сильная боярыня, или княгиня, которую побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Иванъ Грозный; каждую развалину, каждое древнее зданіе съ перваго вопроса о немъ приписываютъ Мароѣ Посадницѣ: два развалившихся дома въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ недавно называли домами Мароы Посадницы; ей приписывали построеніе такихъ церквей, которыхъ она, разумѣется, не строила; ей даютъ во владѣніе такія мѣст-

ности, которыми она не владѣла; за нею признаютъ такое могущество, какого она не имѣла. Подобно тому, плывя внизъ по Волгѣ, можно услышать, какъ народное преданіе размѣстило по берегамъ этой рѣки бугры Стеньки Разина: тамъ, говорятъ, онъ останавливался съ своею молодецкою дружиною обѣдать; тамъ дожидался судовъ, плывшихъ по Волгѣ, чтобъ ихъ ограбить; тамъ пряталъ награбленныя сокровища, которыя и теперь лежатъ за желѣзными дверьми, за двѣнадцатью замками, заклятыя и никому недоступныя. Такихъ бугровъ могутъ указать цѣлый десятокъ. если не болѣе, потому что и новый, до тѣхъ поръ непричастный имени Стеньки Разина, бугоръ легко превращается въ бугоръ съ этимъ именемъ, подъ вліяніемъ фантазіи разсказчика. И въ наше время лѣтописецъ, говоря объ этомъ историческомъ лицѣ, вправѣ былъ бы сказать: суть же становища его даже до сего дне! Въ эпоху, когда составлялась лѣтопись или записывались книжниками изустныя сказанія, со времени Ольги прошло около полутораста лѣтъ; ея имя, какъ первой христіанской княгини, было повсемѣстно уважаемымъ, священнымъ, національнымъ именемъ въ земляхъ, куда уже вступило христіанство. Естественно было приписывать ей признаки земскаго устроенія, которыхъ начала никто съ точностью не помнилъ. Существовало преданіе, что она была родомъ изъ Плескова; дѣйствительно ли историческая Ольга была уроженкою этой мѣстности, или, какъ бываетъ, впослѣдствіи преданіе, по недоступнымъ намъ причинамъ, назначило ей этотъ край мѣстомъ рожденія — мы не въ силахъ рѣшить, но достаточно было составиться такому преданію, чтобы впослѣдствіи явились во Псковѣ и ея сани, а по Лугѣ и по Мстѣ ея погосты, дани, оброки, тѣмъ болѣе, когда

для тѣхъ, чьи выгоды соединялись съ этими учрежденіями, было столько же полезно, сколько и удобно поддерживать такое преданіе.

X.

Преданіе о крещеніи Ольги и о ея поѣздкѣ въ Константинополь.

Историческая Ольга, несомнѣнно существовавшая на свѣтѣ кіевская княгиня этого имени, дѣйствительно приняла св. крещеніе — это подтверждается, какъ византійскими, такъ и западными источниками. Но о мѣстѣ крещенія ея можетъ происходить нѣкоторое сомнѣніе. Константинопольскій императоръ Константинъ Порфирородный, въ своемъ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора, довольно подробно описываетъ пріѣздъ русской княгини, называемой имъ испорченно Эльгою, но ни слова не говоритъ онъ о томъ, чтобы она въ это время крестилась; напротивъ, въ числѣ лицъ, составлявшихъ ея свиту, называетъ онъ священника Григорія, слѣдовательно, какъ само собою разумѣется, русская княгиня пріѣзжала въ Константинополь уже христіанкою. Это происходило въ 957 году, какъ несомнѣнно оказывается изъ того, что въ годъ пріѣзда русской княгини, по извѣстію Константина, 9-е сентября приходилось въ среду, а 18-е октября въ воскресенье. У позднѣйшаго византійскаго историка Кедрина (XI-го вѣка) есть такое извѣстіе: «Ольга, княгиня русская, пріѣзжала въ Константинополь, и крещенная показала свою щедрость святымъ церквамъ и, одаренная императоромъ, возвратилась домой.» Если судить строго, то слово «и крещенная» (καὶ βαπτισθεῖσα) можно конечно понимать такъ, что она по пріѣздѣ своемъ крестилась, но и такъ, что, будучи кре-

щенною, она показала свою щедрость къ святымъ церквамъ. Если она крестилась въ Константинополѣ, то, значитъ, она посѣщала его два раза, и первый разъ приблизительно можно опредѣлить въ 948 году, какъ можно заключить изъ того, что у Кедрина за извѣстіемъ объ Ольгѣ слѣдуетъ извѣстіе о событіи, случившемся въ 949 году (именно о смерти жены Романа, соправителя Константинова).

До нашего лѣтописца дошло преданіе объ одномъ только путешествіи Ольги въ Константинополь, безъ сомнѣнія о томъ, которое, по достовѣрному показанію Константина, случилось въ 957 году; но у нашего лѣтописца оно поставлено подъ 955-мъ годомъ. Вотъ образчикъ того, какъ правильны были соображенія, по которымъ книжникъ разставлялъ по годамъ слышанныя имъ преданія.

Характеръ повѣствованія объ этой поѣздкѣ и о крещеніи русской княгини, соединяемомъ съ этою поѣздкою, совершенно сказочный. Царь греческій, который въ Лаврентьевскомъ спискѣ названъ Цимисхіемъ, а въ Ипатскомъ поправленъ Константиномъ (вѣроятно, въ первоначальной редакціи онъ былъ Цимисхій, прямо съ изустнаго преданія, превратившаго Константина въ Цимисхія, такъ какъ едвали впослѣдствіи кому-нибудь нужно было превращать Константина въ Цимисхія), плѣнился ея красотой и мудростью и сказалъ ей: «тебѣ подобаетъ царствовать съ нами въ этомъ городѣ (видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова съ ней и рекъ ей: подобна еси царствовати въ градѣ съ нами». Ольга поняла въ чемъ дѣло (разумѣвши), сказала: «я поганая; если меня хочешь крестить, то самъ крести, а иначе не крещусь». Царь крестилъ ее съ патріархомъ. И наречена была она Еленою.

Послѣ того царь сказалъ ей: «хочу взять тебя супругою» (хощу тя понять женѣ); Ольга сказала: «какъ же ты меня хочешь взять, когда самъ меня крестилъ и назвалъ дочерью. Самъ знаешь, у христіанъ нѣтъ такого закона». — «Перемудрила (переклюкала) ты меня, Ольга», — сказалъ царь и отпустилъ ее, одаривши золотомъ, серебромъ, паволоками и многоцѣнными сосудами. Этотъ разсказъ, дышущій простотою и прелестью народнаго вымысла, приправленъ у лѣтописнаго книжника измышленными имъ рѣчами патріарха при крещеніи Ольги и при ея отпускѣ. Преданіе это, конечно, не заключаетъ въ себѣ никакой исторической правды, кромѣ того, что Ольга приняла христіанство, преданіе — какъ преданіе; но замѣчательно, что лѣтописный книжникъ занесъ его въ качествѣ дѣйствительно происходившаго событія, несмотря на то, что по самой лѣтописной хронологіи выходило, что Ольга крестилась черезъ пятьдесятъ два года послѣ ея брака съ Игоремъ, слѣдовательно была никакъ не въ такомъ возрастѣ, чтобы плѣнять кого-нибудь своею красотою, не говоря уже о томъ, что царь, который предлагалъ ей руку и сердце, былъ женатъ, имѣлъ женатаго сына и былъ слишкомъ ученъ, для того, чтобы забыть о невозможности, по правиламъ церкви, вступить въ бракъ съ крестною дочерью. Народное преданіе этимъ не оканчивается. Царь греческій прислалъ къ Ольгѣ посольство напомнить ей, чтобъ она исполнила свое обѣщаніе въ признательность за подарки императорскіе, отдарила бы его рабами, воскомъ, шкурами и послала ему воиновъ въ помощь [1]. Здѣсь опять слышна прежняя язы-

---

[1]) Замѣтимъ по этому поводу вообще странность и уродливость хронологіи, подъ которую лѣтописный книжникъ подводилъ событія, слышанныя имъ изъ преданій и сказаній. Игорю въ то время, когда онъ былъ убитъ древлянами, было 66 лѣтъ. Онъ женился ровно че-

ческая Ольга, обманувшая древлянъ, Ольга мудрая по варварскимъ понятіямъ, по которымъ обмануть, получить съ другаго выгоды какимъ бы то ни было способомъ, значило имѣть мудрость. «Если ты — сказала она чрезъ пословъ императору — постоишь у меня на Почайнѣ столько же, сколько я стояла у тебя въ судѣ, тогда я дамъ тебѣ все это». Кромѣ того, въ этомъ вымыслѣ сказывается досада русскихъ противъ грековъ, которые, гордясь превосходствомъ своей образованности, обращались свысока и съ презрѣніемъ съ народами, которыхъ считали варварами, и безпрестанно давали имъ знать то разстояніе, какое полагали существующимъ между собою и между ними.

Изливаясь въ обычныхъ книжныхъ риторскихъ похвалахъ Ольгѣ, лѣтописецъ сообщаетъ, что она хотѣла обратить къ христіанству Святослава (бывшаго еще несовершеннолѣтнимъ), но онъ былъ склоненъ сохранить языческій нравъ и, отговариваясь тѣмъ, что дружина будетъ смѣяться, если онъ сдѣлается христіаниномъ, гнѣвался на мать свою. Едвали источника этого извѣстія мы должны искать въ народномъ преданіи. Черты эти таковы, что, всего вѣроятнѣе, онѣ приданы описываемымъ лицамъ книжникомъ, по соображенію съ желаніемъ пояснить положеніе Святослава при матери, такъ какъ было ему извѣстно, что, несмотря на крещеніе Ольги, Святославъ остался язычникомъ до мозга костей. Черты эти до того, можно сказать, обычны, что едва-ли бы сохранились въ

резъ двадцать четыре года послѣ смерти своего родителя, прожилъ съ Ольгою въ супружествѣ тридцать девять лѣтъ, и только послѣ такого долговременнаго сожительства у нихъ родился Святославъ. Очевидно, если мать его вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, то и тогда, при рожденіи Святослава, ей было пятьдесятъ три года отъ рожденія.

воспоминаніяхъ объ извѣстныхъ личностяхъ, отличаемыхъ въ народномъ воображеніи. Гораздо удачнѣе заставилъ книжникъ сказать Святослава, что если бы онъ крестился, то надъ нимъ смѣялась бы дружина. Эта черта также не въ духѣ народныхъ преданій, но книжникъ, выдумавъ ее, сказалъ правду: безъ сомнѣнія, для хищнической дружины, стремившейся къ грабежамъ, убійствамъ и чувственнымъ грубымъ удовольствіямъ. кругъ христіанскій съ его любовью кротостію и воздержаніемъ долженъ былъ возбуждать смѣхъ и презрѣніе, пока этотъ кругъ былъ еще безсиленъ.

Достойно замѣчанія, что о посѣщеніи Царьграда Ольгою сохранялись впослѣдствіи такія преданія, которыхъ мы не видимъ въ лѣтописи. Такъ новгородскій архіепископъ Антоній, путешествовавшій въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка, видѣлъ въ Софійской церкви золотое блюдо, подаренное Ольгою, и, говоря объ этомъ, выразился такъ: «и блюдо велико злато служебное Олгы русской, когда взяла дань ходивши ко Царюграду» (Путеш. Ант. стр. 58). Изъ этого слѣдуетъ допустить, что объ отношеніяхъ Ольги къ Византіи существовали въ народномъ воображеніи такія черты, которыя сближали ея путешествіе съ походами Олега, Игоря и Святослава.

XI.

Преданія о Святославѣ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ въ византійскихъ источникахъ, которые могли быть болѣе или менѣе доступны и русскимъ книжнымъ людямъ, о Святославѣ сохранились такія подробныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни о какомъ другомъ русскомъ древнемъ князѣ, въ нашей первоначальной лѣтописи мы встрѣчаемъ только то, что

книжный человѣкъ могъ заимствовать изъ изустныхъ сказаній и, вѣроятно, пѣснопѣній. Въ повѣствованіи о Святославѣ есть даже выраженія, обличающія рѣчь поэтическихъ произведеній: это въ особенности бросается въ глаза въ описаніи образа жизни Святослава.

«Князю Святославу възрастьшю и възмужавшу нача вои совкупляти многи и храбры. И легко ходя аки пардусъ войны многи творяше, ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину или звѣрину или говядину на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше и сѣдло въ головахъ, такоже и прочіи вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ глаголя: хощю на вы ити». (Лавр. 63, Ипатск. 41).

О нѣкоторыхъ подвигахъ Святослава лѣтописецъ вѣроятно не слыхалъ и не зналъ ничего, кромѣ голыхъ воспоминаній, получившихъ въ лѣтописи видъ намековъ или даже оглавленій сказаніямъ, которымъ бы слѣдовало быть занесенными въ лѣтописное повѣствованіе. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что Святославъ ходилъ на Оку, гдѣ нашелъ вятичей и узналъ отъ нихъ, что они даютъ дань козарамъ; ходилъ на Волгу, напалъ на козаръ, разбилъ ихъ кагана, взялъ у нихъ городъ Бѣлу-Вежу (саркелъ на Дону), побѣдилъ ясовъ (ихъ считаютъ осетинцами) и касоговъ (вѣроятно атыховъ) и воротился въ Кіевъ. На этотъ походъ лѣтописецъ отвелъ ему два года (964 и 965) въ своей хронологіи, и конечно, приблизительно, такъ какъ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ у него были очень скудны: иначе бы онъ сообщилъ какія-нибудь подробныя черты. Въ слѣдующемъ году Святославъ побѣдилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань, а въ слѣдующемъ затѣмъ (967-мъ) помѣщенъ походъ въ Болгарію въ видѣ летучаго слуха, хотя лѣтописецъ упомянулъ о

числѣ городовъ, завоеванныхъ тамъ Святославомъ, возвысивъ это число до восьмидесяти. Не беремся рѣшить, что причиною такой короткости: своенравіе ли народной поэзіи, которая, по причинамъ, еще не вполнѣ обслѣдованнымъ наукою, даетъ у себя съ любовью пріютъ однимъ событіямъ, а о другихъ едва сохраняетъ слабое воспоминаніе и даже скоро совсѣмъ забываетъ; или же это своенравіе случая, не давшаго повѣствователю возможности познакомиться съ произведеніями народнаго творчества, касавшимися этихъ событій, или же, наконецъ, какъ мы готовы признать, причина этой скудости въ томъ, что участвовавшіе въ восточномъ походѣ Святослава, его дружинники и соратники, при своей бродячей и, конечно, недолговѣчной жизни не успѣли распространить въ народѣ сказаній о своихъ подвигахъ и возбудить къ нимъ сочувствіе въ грядущихъ поколѣніяхъ. Сами они тотчасъ же съ своимъ вождемъ бросились въ Болгарію, а оттуда возвратилась ихъ ничтожная часть. Народъ кіевскій, не бывши самъ близкимъ очевидцемъ и свидѣтелемъ этихъ дѣлъ, не узналъ ихъ въ подробности и не успѣлъ усвоить въ своемъ поэтическомъ созерцаніи, а сцена, гдѣ происходили славныя военныя дѣла, отъ Кіева была очень далеко. Подобно тому не вошли, какъ видно, въ народныя сказанія и пѣснопѣнія тѣ подвиги русскихъ, о которыхъ насъ извѣщаютъ арабскіе писатели, подвиги совершенные еще до Святослава на востокѣ. Безъ сомнѣнія, Святославъ заходилъ далеко на востокъ не первый; дорога проложена была гораздо ранѣе, хотя быть можетъ походы Святослава особенно предъ другими были громки. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ, которые высказывали догадку, что со времени Святослава явилось въ Черноморьѣ загадочная Тьмутаракань; по всѣмъ вѣроятіямъ, и прежде его

существовалъ уже тамъ притонъ русскихъ удальцовъ, и оттуда-то, какъ должно думать, производили они свои нападенія на закавказскія земли.

При скудости извѣстій о походахъ Святослава на востокъ, народная поэзія надѣлила нашего книжника извѣстіемъ о томъ, что дѣлалось въ Кіевѣ, когда Святославъ былъ въ Болгаріи. Это разсказъ объ осадѣ печенѣгами Кіева, гдѣ заперлась Ольга съ внуками, о смѣлости и находчивости юноши, который далъ знать о голодѣ и безводьѣ воеводѣ Прѣтичу, стоявшему съ войскомъ на другой сторонѣ Днѣпра, объ освобожденіи Кіева и о братскомъ союзѣ, заключенномъ печенѣжскимъ княземъ съ Прѣтичемъ. Извѣстіе это, какъ показываетъ его содержаніе, скорѣе взято не изъ пѣсни, не изъ сказанія съ неизмѣнными поэтическими формами, а изъ изустнаго разсказа, принадлежащаго къ разряду народныхъ разсказовъ анекдотическаго свойства. Главная цѣль его изобразить глуповатость печенѣговъ и страхъ, который въ нихъ возбуждалъ Святославъ однимъ своимъ именемъ. Прѣтичъ разгоняетъ печенѣговъ не оружіемъ, а трубными звуками, которымъ помогаетъ дружный внезапный крикъ осажденныхъ. Печенѣги разбѣгаются безъ оглядки, вообразивъ, что возвращается Святославъ. Затѣмъ печенѣжскій князь приходитъ самъ къ Прѣтичу освѣдомляться, и когда Прѣтичъ солгалъ ему, сказавши, что самъ онъ мужъ княжій, а князь его идетъ сзади съ большою силою, то печенѣжскій князь сейчасъ предлагаетъ ему братство: оба врага мѣняются оружіемъ; печенѣгъ даетъ русскому коня, лукъ и стрѣлы, русскій печенѣгу — броню, щитъ и мечъ. Но въ этомъ разсказѣ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ народныхъ разсказахъ, главной идеѣ принесена въ жертву вѣрность подробностей и весь разсказъ исполненъ нессобразностей, лишающихъ его возможно-

сти быть историческою правдою. Странно кажется, что для подания помощи кіевлянамъ Прѣтичу нуженъ былъ отрокъ, который, умѣя говорить по-печенѣжски, прошелъ чрезъ войско печенѣговъ, переплылъ Днѣпръ подъ вражескими стрѣлами и далъ знать Прѣтичу; послѣдній, стоя на берегу Днѣпра, и безъ него могъ уже знать, что надобно выручать княгиню съ княжичами, когда лѣтописецъ прежде замѣтилъ, что Прѣтичу за печенѣгами нельзя было войти въ городъ. Еще страннѣе то, что печенѣжскій князь пришелъ къ Прѣтичу одинъ предлагать братство; казалось бы, Прѣтичу въ такомъ случаѣ удобнѣе было такого незванаго брата задержать и вынудить хорошія условія отъ его войска, которое продолжало стоять на Лыбеди совсѣмъ не въ дружескихъ отношеніяхъ къ кіевлянамъ, которымъ нельзя было и коня напоить за врагами. Конечно, все это можно объяснить разными прибавками, но мы разсматриваемъ разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ передается. Кіевляне послѣ этого, говоритъ лѣтописецъ, послали къ Святославу съ укоромъ за то, что онъ отправился добывать чужую землю, а свою покинулъ, и Святославъ по этому зову спѣшитъ изъ Болгаріи и прогоняетъ печенѣговъ, но наотрѣзъ объявляетъ матери и болярамъ, что ему нелюбо жить въ Кіевѣ, что онъ хочетъ жить въ Переяславцѣ, на Дунаѣ; тамъ середа земли его, оттуда сходится къ нему всякое добро, отъ грековъ — золото, паволоки, вина, овощи различные, отъ чеховъ и угровъ — серебро и борзые кони, а изъ Руси — шкуры, медъ, воскъ и челядь. Какъ ни характеристичны эти слова, но намъ кажутся они измышленіемъ лѣтописца, объяснявшаго себѣ причину, почему Святославъ предпочелъ Болгарію Кіеву: для народнаго преданія или сказанія — они слишкомъ отзываются разсужденіемъ, резонерствомъ.

По смерти матери, которая скончалась, по соображеніямъ лѣтописца, черезъ три дня послѣ произнесенія этихъ словъ, Святославъ возвращается въ свою Болгарію, но болгары не пускаютъ его. Битва была великая, болгары одолѣвали, но Святославъ ободрилъ своихъ воиновъ и къ вечеру одолѣлъ болгаръ. Онъ взялъ оружіемъ ихъ городъ. Это, конечно, изъ преданія. Вѣроятно, къ этому времени отнести слѣдуетъ извѣстіе Льва Діакона о звѣрствѣ Святослава, который будто бы посадилъ на колъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Далѣе въ нашей лѣтописи слѣдуетъ повѣствованіе о походѣ Святослава на грековъ. Его складъ показываетъ, что содержаніе заимствовано цѣликомъ изъ народной думы. Безъ обозначенія причины, повидимому, ради одной богатырской удали, Святославъ посылаетъ къ грекамъ свое обычное слово: «хочу на васъ идти». Черта эта соотвѣтствуетъ извѣстіямъ Льва Діакона, приводящаго два письма Святослава къ греческому императору, въ которыхъ русскій князь требуетъ дани и угрожаетъ выгнать византійцевъ въ Азію. Письма эти, очевидно, сочинены самимъ греческимъ историкомъ, вообще сочинявшимъ для своихъ героевъ рѣчи, по образцу классическихъ писателей; но несомнѣнно, что письма эти составлены сообразно тому понятію, какое авторъ получилъ о Святославѣ. У византійскихъ писателей война съ Святославомъ ведется упорно, она не кончается въ одно лѣто, прерывается на зиму, возобновляется весною и уже тогда успѣваютъ греки удалить Святослава изъ Болгаріи, но все-таки удалить съ честію, допустивъ свиданіе съ своимъ императоромъ. Народная поэзія передѣлала событія на свой ладъ, сообразно своему хвастливому свойству прославлять героевъ стараго времени. Святославъ побѣждаетъ грековъ, а потомъ наводитъ на нихъ страхъ и заставляетъ платить дань. У

Святослава всего десять тысячъ воиновъ, но онъ объявилъ грекамъ, что у него ихъ двадцать тысячъ, когда греки сознались предъ нимъ, что не могутъ устоять противъ него, и спрашивали, сколько у него человѣкъ войска, чтобъ заплатить ему поголовную дань на его войско. Святославъ прибавилъ, чтобъ больше взять съ грековъ. Но греки спрашивали объ этомъ только для того, чтобъ вывѣдать, сколько у него воиновъ, и потомъ собрать войска гораздо больше, чѣмъ было у противника. Греки, замѣчаетъ лѣтописецъ (привыкшій къ знакомству съ ними въ Кіевѣ въ свое время и не утерпѣвшій, чтобъ не произнести своего сужденія), коварны и до сихъ поръ. Греки выставили противъ Святослава сто тысячъ. Однако съ своими десятью тысячами Святославъ побѣждаетъ и греки бѣгутъ. Черта фантастическая, вполнѣ достойная сказки или думы. Предъ этой-то битвою Святославъ произноситъ ту знаменитую рѣчь (уже намъ нѣкамо ся дѣти и проч.), которою въ насъ въ дѣтствѣ возбуждали патріотическія чувства, и затѣмъ слѣдуетъ мужественный отвѣтъ воиновъ (идѣже твоя глава, ту и свои головы сложимъ). Замѣчательно, что такого же содержанія рѣчь Святославу даетъ и Левъ Діаконъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, именно тогда, когда Святославу приходилось не побѣждать грековъ, а уходить изъ Болгаріи. Такое сходство вовсе не зависитъ отъ какого бы то ни было заимствованія или историческаго признака. Содержаніе этой рѣчи до того банально, до того общеходячее, что въ описаніяхъ битвъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара можно встрѣтить подобное. Оно могло быть и въ народной думѣ, откуда и занесено въ лѣтопись, но полагаемъ, что у лѣтописца рѣчь эта пріукрашена позднѣйшею риторикою. Такимъ образомъ, едва-ли Святославу въ древней редакціи думы давались слова: «не посрамимъ

земли русской». Это понятіе въ тѣ времена могло быть только земское, а не дружинное, и особенно должно было быть чуждымъ такой дружины, какова была Святославова. Да притомъ здѣсь Святославъ противорѣчитъ тому Святославу, который говорилъ: «нелюбо мнѣ жить въ Кіевѣ». Эта черта о землѣ если была въ народной думѣ, то могла быть включена развѣ впослѣдствіи, но всего вѣроятнѣе она явилась въ амплификаціи, сдѣланной лѣтописцемъ или тѣмъ историкомъ, съ котораго списалъ лѣтописецъ. Далѣе — повѣствованіе напоминаетъ тотъ мотивъ малорусскихъ колядокъ, о которомъ мы уже говорили выше, именно: молодецъ съ войскомъ задаетъ страху врагамъ (иногда царю турецкому); его хотятъ склонить къ миру, предлагаютъ одно, онъ дары беретъ, а мириться не хочетъ; предлагаютъ другое — беретъ, а мириться не хочетъ и идетъ дальше и хочетъ брать городъ; наконецъ предлагаютъ третье (обыкновенно въ пѣсняхъ красавицу), и тутъ молодецъ соглашается на миръ. Святославъ идетъ прямо на столицу, разоряя городъ за городомъ; царь греческій собираетъ боляръ въ своей палатѣ и спрашиваетъ: что намъ дѣлать, не можемъ стоять противъ него? А боляре говорятъ: пошли къ нему дары, испытай, падокъ ли онъ на золото и паволоки. И царь послалъ къ нему золото и паволоки съ мудрымъ мужемъ, и говорятъ этому мудрому мужу: поглядывай ему въ глаза, на лицо, узнай, что онъ думаетъ. Мужъ мудрый взялъ дары, пришелъ къ Святославу. И говорятъ Святославу: пришли греки съ поклономъ. Онъ говоритъ: введите ихъ сюда. Пришли греки и поклонились ему, и положили передъ нимъ золото и паволоки. Святославъ и не глядитъ на нихъ, только сказалъ: схороните. Пришли греки къ царю, и созвалъ царь боляръ, и говорятъ посланные: пришли мы къ нему, по-

дали дары, а онъ не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только схоронить. Тутъ одинъ сказалъ: испытай его еще, пошли ему мечъ и другое оружіе. Принесли Святославу оружіе, онъ принялъ, началъ хвалить, говорить ласково и привѣтъ посылалъ царю. Пришли греки къ царю и разсказали. Тогда боляре сказали: о, это человѣкъ лютый, богатствъ не бережетъ, а оружіе беретъ; плати ему дань. Царь послалъ къ Святославу сказать: не ходи къ городу, возьми дань сколько хочешь. Чуть-чуть Святославъ не дошелъ до Царьграда. Взялъ онъ дары, и воротился съ славою великою въ Переяславецъ. Взялъ онъ съ грековъ и за убитыхъ своихъ людей, говорилъ: это ихъ роду будетъ!

Здѣсь, по всему видно, и оканчивалась дума. Святославъ оставался такимъ побѣдителемъ, какъ и Олегъ, какъ и Игорь, отецъ Святослава, который однимъ приготовленіемъ къ войнѣ вынудилъ у грековъ платежъ дани. Но у лѣтописца былъ договоръ Святослава съ Цимисхіемъ, изъ котораго лѣтописецъ узналъ и время совершенія описываемыхъ событій и пригналъ къ хронологіи другія, близкія тому времени событія. Изъ этого договора онъ видѣлъ, что Святославъ обязался покинуть Болгарію, слѣдовательно, послѣ того, что ему сообщала героическая дума, должно было происходить что-то такое, что заставило русскаго князя уйти. Книжникъ по собственному соображенію объяснилъ это тѣмъ, что Святославъ разсчиталъ, что у него дружины мало, и если онъ не примирится съ царемъ, то царь можетъ его осадить, отъ Руси ему далеко, печенѣги во враждѣ съ русскими, поэтому лучше уйти въ Русь, а тамъ, совокупивъ побольше войска, двинуться къ Царьграду. Придѣлка эта сдѣлана такъ неловко, что обличаетъ себя, такъ что одно и то же повторяется некстати. «Видѣвъ же мало дружины своея рече в собѣ: еда како прельстивше избьють

дружину мою и мене, бѣша бо многи погибли въ полку, и рече: поиди в Русь, приведи болѣ дружины». Послѣ этого онъ послалъ въ Деревестръ къ царю съ предложеніемъ мира и любви. Царь былъ радъ и далъ ему дары еще больше прежнихъ. Потомъ Святославъ совѣтуется съ дружиною и опять говоритъ то же, что говорилъ прежде, только нѣсколько подробнѣе о томъ, что надобно идти въ Русь, а если царь не будетъ платить дани, то онъ пойдетъ съ большимъ войскомъ на Царьградъ. Дружина согласилась, и послали лучшихъ мужей къ царю въ Деревестръ. Царь былъ радъ и тогда составили договоръ. Спрашивается: зачѣмъ повторяется нѣсколько разъ это посольство къ греческому царю, который не споритъ, не возражаетъ, а только радуется? Тонъ этого разсказа положительно отзывается книжнымъ измышленіемъ. Народная поэзія такъ хитрить не умѣетъ.

Извѣстіе о томъ, что Святославъ, возвращаясь домой, принужденъ былъ зимовать, терпя голодъ, потому что печенѣги ему не давали проходу, а потомъ былъ убитъ, и печенѣжскій князь изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу для питья, конечно, могло быть заимствовано изъ преданія; но намъ кажется страннымъ сохраненіе въ памяти черезъ двѣсти лѣтъ такого подробнаго признака, что на Бѣлобережьѣ, гдѣ зимовалъ Святославъ, голова лошадиная стоила пол-гривны. Едва ли такая черта сохранилась, бы въ изустномъ преданіи, поэтому надо бы допустить, что или объ этомъ существовало подробное сказаніе или дума, но лѣтописецъ сократилъ ее, или же лѣтописецъ прибавилъ эту черту къ изустному преданію по собственному соображенію.

XII.

Междоусобія сыновей Святослава.

Описаніе этихъ событій въ нашей лѣтописи представляетъ болѣе историческихъ чертъ, нежели прежнія повѣствованія, заимствованныя изъ преданій. Здѣсь книжникъ-лѣтописецъ не передаетъ цѣликомъ содержанія одного какого-нибудь поэтическаго сказанія, а составляетъ свою повѣсть изъ разныхъ слышанныхъ имъ извѣстій; на это указываетъ то, что онъ приводитъ въ связи событія, совершавшіяся въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, напр., смерть Олега въ Древлянской землѣ за пять лѣтъ до смерти Ярополка, дѣла новгородскія, захватъ Ярополковыхъ посадниковъ, исторія Рогволода и Рогнѣди, греческая черница жена Ярополка, все это хотя и состоитъ въ связи съ главными моментами событія—смертью Ярополка и покореніемъ Кіева, но, зная пріемы, допускаемые народными произведеніями, едва ли можно признать, чтобы все это соединялось въ одной народной думѣ въ томъ видѣ, какъ соединено въ разсказѣ; притомъ же тонъ разсказа чисто повѣствовательный и не обличаетъ ничего сказочнаго, исключая развѣ трехъ ссорящихся братьевъ; но присущность такого образа сказочному міру не уничтожаетъ здѣсь возможности такого явленія въ исторической области. Самъ книжникъ даетъ о себѣ знать нравоучительными сужденіями по поводу коварства Блуда и рожденія Святополка; разсказъ его отличается библейскою простотою и своеобразнымъ изяществомъ, дѣлаясь увлекательнымъ отъ живости изображенія противоположныхъ характеровъ: съ одной стороны, добродушный Ярополкъ, плачущій надъ убитымъ въ битвѣ братомъ, съ другой — свирѣпый, кровожадный, чувствен-

ный Владимиръ, который перерѣзываетъ все семейство полоцкаго князя и беретъ себѣ въ жены его дочь, коварно и безжалостно умерщвляетъ брата и принуждаетъ раздѣлять съ собою ложе его беременную вдову. Тутъ лукавый предатель Блудъ; тамъ вѣрный и честный Варяжко. Участіе во всей этой трагедіи женской личности — несчастной Рогнѣди, придаетъ болѣе поэтическаго колорита этой повѣсти. Видно, что преданіе объ этой эпохѣ особенно врѣзалось въ памяти кіевлянъ, такъ что лѣтъ черезъ сто слишкомъ можно было по немъ составить описаніе, до такой степени заключающее въ себѣ живыя, внушающія довѣріе черты. Кіевляне помнили даже мѣсто, гдѣ стоялъ Владимиръ съ своими скандинавами, и показывали ровъ, оставшійся отъ тѣхъ временъ (стояше Володимеръ на Дорогожичи межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ до сего дне), а голодъ, который терпѣли сторонники Ярополка въ Роднѣ на устьѣ Роси, оставилъ даже по себѣ поговорку: «бѣда аки въ Роднѣ». Кажется, не такъ трудно уразумѣть, отчего именно эта эпоха особенно врѣзалась въ народную память. Это было первое междоусобіе князей Рюрикова дома, открывшее собою рядъ другихъ, сдѣлавшихся обычнымъ явленіемъ. Съ этой стороны, оно оставило сильное впечатлѣніе; но кромѣ того, и можетъ быть еще сильнѣе, оно осталось воспоминаніемъ покоренія Кіева скандинавами, потому что это было настоящее покореніе, и иноземное господство вѣроятно дало себя чувствовать. Очевидно, успѣхъ Владимира зависѣлъ отъ однихъ скандинавовъ. Новгородцы не могли для него быть достаточною силою, и притомъ новгородцы сами вовсе не расположены были поддерживать Владимира; явное и неоспоримое доказательство тому служитъ то обстоятельство, что Владимиръ на долгое время убѣжалъ изъ Новгорода къ скандина-

вамъ, а новгородцы безъ него приняли къ себѣ посадниковъ Ярополка. Новгородъ, также какъ и впослѣдствіи Кіевъ, былъ тогда покоренъ скандинавскимъ оружіемъ. Тѣмъ же оружіемъ Владимиръ на пути въ Кіевъ завоевалъ Полоцкъ. Взявши Кіевъ, варяги считали себя господами въ немъ и потребовали большаго окупа, по двѣ гривны съ человѣка. Владимиръ, по извѣстію лѣтописи, провелъ ихъ и оставилъ лучшихъ изъ нихъ, которымъ роздалъ въ управленіе города, прочихъ спровадилъ въ Грецію и будто бы при этомъ написалъ греческому царю совѣтъ разослать ихъ врознь, а не держать вмѣстѣ въ городѣ, иначе они надѣлаютъ также зла, какъ надѣлали на Руси. Можно сомнѣваться, писалъ ли такимъ образомъ Владимиръ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что преданіе объ этомъ сохранялось подъ постояннымъ воспоминаніемъ о той тягости, какую русскіе переносили отъ чужеземцевъ, и, слѣдовательно, отношенія скандинавовъ къ русскимъ въ ту эпоху были таковы, какъ отношенія покорителей къ покореннымъ. Если Владимиръ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, сумѣлъ хитрымъ образомъ отдѣлаться отъ платежа окупа съ кіевлянъ, то сдѣлалъ это только посредствомъ такой мѣры, которая облегчила городъ Кіевъ на счетъ другихъ городовъ; онъ произвелъ раздѣленіе между скандинавами; однихъ изъ нихъ приласкалъ, другіе довольствовались тѣмъ, что ихъ спровадили на службу греческимъ царямъ. Такъ какъ въ византійскихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ еще въ то время варяговъ, то самый фактъ отправки въ Грецію скандинавовъ, помогавшихъ Владимиру, можетъ подвергаться сомнѣнію, хотя съ другой стороны уже невозможно отрицать его.

Несмотря на историчность чертъ въ этомъ разсказѣ, есть однако въ немъ и несообразности. Вообще дѣй-

ствующія лица кажутся очень молодыми для такихъ отношеній, какія имъ придаются. Такъ, напр., Святославъ привелъ Ярополку гречанку черницу и далъ ему въ жены по причинѣ красоты ея лица. Но Святославъ жилъ всего на-всего на свѣтѣ двадцать восемь лѣтъ, слѣдовательно, Ярополкъ могъ имѣть никакъ не болѣе десяти лѣтъ отъ роду, когда получилъ отъ отца жену себѣ.

XIII.

Преданіе о Владимирѣ до крещенія.

Въ извѣстіяхъ, касающихся этого времени, надобно отличать преданія чисто народныя отъ тѣхъ книжныхъ, которыя естественно образовались вслѣдствіе принятія христіанской вѣры и появленія житій и легендъ, по образцу византійскихъ. Всѣ извѣстія, относящіяся не только къ событію принятія христіанства, но и къ чертамъ жизни Владимира, состоявшимъ въ тѣсной связи съ этимъ принятіемъ, мы считаемъ вполнѣ основательнымъ причислить къ книжнымъ преданіямъ, какъ по ихъ тону и составу, такъ и потому, что самъ лѣтописецъ проговаривается о скудости, невѣрности и разнорѣчіи преданій народныхъ. Такимъ образомъ, изложивъ всю исторію крещенія, книжникъ замѣчаетъ: «Другіе, не вѣдая правды, говорятъ, будто онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, а иные говорятъ еще иначе». Представляя событіе въ томъ видѣ, въ какомъ считаютъ его на самомъ дѣлѣ происходившимъ, намъ прямо даютъ знать, что въ народѣ ходили совсѣмъ иныя преданія, которыя къ сожалѣнію, не излагаютъ въ подробности.

Къ народнымъ преданіямъ этого времени принадлежатъ короткія воспоминанія о походахъ Владимира.

Такимъ образомъ сообщается, что (по лѣтописной хронологіи въ 980 мъ г.) Владиміръ завоевалъ у ляховъ города: Перемышль, Червенъ и другіе — то-есть страну, извѣстную впослѣдствіи подъ именемъ Червоной Руси. Въ тотъ же годъ Владиміръ побѣждаетъ вятичей, налагаетъ на нихъ дань, а въ слѣдующемъ году, такъ какъ они отпали и не хотѣли повиноваться, принудилъ ихъ къ покорности оружіемъ, въ другой разъ. Въ 983-мъ г. онъ ходилъ на ятвяговъ и побѣдилъ ихъ, но вслѣдъ затѣмъ у лѣтописца помѣщенъ разсказъ о мученикахъ-варягахъ, отцѣ и сынѣ, пострадавшихъ вслѣдствіе того, что на сына палъ жребій принести его въ жертву богамъ — уже чисто христіанская, книжная легенда. Подъ 984-мъ и 985-мъ годами помѣщаются преданія о походѣ на радимичей и о походѣ на болгаръ волжскихъ [1]).

Въ извѣстіи о походѣ на болгаровъ ощутителенъ элементъ народной поэзіи. Способъ выраженія присяги,

---

[1]) Относительно разсказа объ усмиреніи радимичей мы имѣемъ странное совпаденіе. Въ лѣтописномъ повѣствованіи говорится, что Владиміровъ воевода Волчій-Хвостъ побѣдилъ радимичей на рѣкѣ Пищанѣ и оттого произошла пословица: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Мы слышали одну малорусскую весеннюю пѣсню такого рода:

Пищано, Пищанино,
По березі ходило;...
Ишовъ вовкъ мимо дівокъ,
Усімъ дівкамъ шапку знявъ,
А парубкамъ хвістъ піднявъ.

Чтó такое «Пищано, Пищанино» — непонятно, да поющіе эту пѣсню могли только сказать, что такъ поется и болѣе ничего. Между тѣмъ до крайности поразительно совпаденіе неизвѣстныхъ словъ «Пищано, Пищанино», съ рѣкою Пищанкою въ лѣтописи, и волка поднимающаго хвостъ, въ той же пѣсни съ Волчьимъ-Хвостомъ, побѣждающимъ пищанцевъ и оставляющимъ по себѣ поговорку: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Предполагать, что въ народной пѣсни осталось воспоминаніе о томъ событіи, какое разсказываетъ лѣтопись, было бы совершенно неумѣстно, потому что

влагаемой болгарамъ: «толи не будетъ межю нами мира, оли камень почнетъ плавати, а хмель тонути», есть не что иное, какъ эпическое пѣсенное выраженіе идеи невозможности, повторяемое и теперь въ малорусскихъ пѣсняхъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Казакъ, прощаясь съ семьею, говоритъ сестрѣ (въ иномъ варіантѣ, матери) что, когда мельничный камень будетъ плавать, а перо (въ однихъ варіантахъ «павяне», то-есть павлинье, въ другихъ «легкое», въ третьихъ «хмельевое») или хмѣль («тонка хмелина») будетъ тонуть, тогда онъ пріѣдетъ въ гости къ своимъ роднымъ. Народный тонъ слышенъ также и въ томъ, что, послѣ побѣды надъ болгарами Добрыня, осмотрѣвъ плѣнныхъ, говоритъ Владимиру: «съглядахъ колодникъ, а суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ» Здѣсь слышится иронія надъ князьями и дружиною, которые не въ силахъ обложить данью народовъ зажи-

---

остаться такому черезчуръ отдаленному и притомъ черезчуръ мѣстному событію въ памяти народа, притомъ въ краяхъ, удаленныхъ отъ сцены самаго событія—рѣшительная невозможность. Но намъ кажется, что связь между приведенною нами пѣснею и лѣтописнымъ сказаніемъ дѣйствительно существуетъ, только никакъ не путемъ какого-нибудь воспоминанія о событіи. Должно быть, въ древнихъ миѳологическихъ преданіяхъ и сказаніяхъ, болѣе или менѣе общихъ, болѣе или менѣе въ свое время повсемѣстныхъ, было что-то такое, выражавшееся именемъ похожимъ на слова: Пищано, Пищанино, Пищана, Пищанцы, и состояло въ какой-то связи съ представленіемъ о волкѣ и волчьемъ хвостѣ, а народное преданіе въ оное время примѣнило его къ событію о радимичахъ, какъ вообще часто бываетъ, что какой-нибудь общій миѳъ, видоизмѣняясь, примѣняться къ опредѣленному событію и данной мѣстности, но это не мѣшаетъ ему распространяться и развиваться и наконецъ разлагается независимо отъ такой локализаціи. Только такимъ путемъ объяснимо странное совпаденіе малорусской обрядной пѣсни (записанной въ Старобѣльскомъ уѣздѣ) и разсказа стараго кіевскаго лѣтописца о событіяхъ, случившихся въ Х-мъ вѣкѣ въ странѣ близко береговъ Сожи.

точныхъ и болѣе образованныхъ, а единственно способны обирать бѣдняковъ, что и на самомъ дѣлѣ было. Очень знаменательно здѣсь выраженіе о дани: народное міросозерцаніе представляетъ себѣ взиманіе дани главнымъ и единственнымъ побужденіемъ походовъ своихъ князей и дружинъ. Собственно по отношенію къ исторической достовѣрности, это извѣстіе, подобно почти всѣмъ, сколько-нибудь съ подробностями описаннымъ (если ихъ источникомъ было народное преданіе), имѣетъ мало значенія, когда здѣсь Владиміръ идетъ на болгаръ съ своимъ дядею Добрынею на ладьяхъ, а берегомъ слѣдуютъ на тѣхъ же болгаръ конные торки; между тѣмъ, изъ этого же лѣтописца мы узнаемъ, что торки появляются только въ половинѣ XI-го вѣка.

XIV.

Принятіе христіанства Владиміромъ и крещеніе Руси.

Мы считаемъ большимъ недостаткомъ нашей исторіи, что такое важнѣйшее событіе, какъ водвореніе христіанства при Владимірѣ, намъ извѣстно только по источникамъ мутнымъ и заключающимъ въ себѣ рядъ несообразностей, по источникамъ, составленнымъ книжными людьми. Конечно, въ общихъ чертахъ и въ нихъ есть справедливость, но мы все-таки были бы гораздо богаче, если бы вмѣсто того, что въ нихъ есть вымышленнаго книжниками, до насъ дошли тѣ народныя преданія объ этой эпохѣ, о которыхъ въ лѣтописи есть слабые намеки; все-таки они сообщили бы намъ, какимъ образомъ отпечатлѣлась эта великая эпоха въ народныхъ воспоминаніяхъ. Теперь, лишенные этого, мы остаемся постоянно въ возможности впадать въ капитальныя ошибки, при-

знавая дѣйствительно совершившимся то, въ чемъ при строгомъ критическомъ взглядѣ никакъ не можемъ быть увѣренными.

Не только самая исторія принятія христіанства, но и описанія языческаго нрава Владимира до крещенія есть очевидно книжное измышленіе. Повѣствователь, съ цѣлію возвысить сильнѣе дѣйствіе измѣняющей человѣка благодати крещенія, умышленно наложилъ на этого князя черныхъ кратокъ. Мы не можемъ сказать, въ такихъ ли мрачныхъ чертахъ происходило, напримѣръ, на самомъ дѣлѣ избіеніе полоцкихъ князей и убійство Ярополка, но не имѣемъ никакихъ доводовъ и отрицать справедливость этихъ преданій; что же касается до грекини, жены Ярополка, то считаемъ повѣствованіе о ней баснею, сочиненною впослѣдствіи, чтобъ очернить Святополка и наложить печать отверженія на его рожденіе. Владимиръ представляется чрезвычайнымъ женолюбцемъ, и быть можетъ мы бы не имѣли права не вѣрить этому, если бы его женолюбіе не изображалось красками черезчуръ уже библейскими и чуждыми тогдашней русской жизни. У него кромѣ женъ «водимыхъ» (настоящихъ супругъ) было триста наложницъ въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ и двѣсти въ Берестовѣ. Сразу видно, что это подражаніе извѣстіямъ книги Царствъ о Соломонѣ, и самъ книжникъ проговаривается, проводя параллель между Владимиромъ и Соломономъ: у Владимира двумя стами женъ было однако менѣе, чѣмъ у Соломона, по сказанію книжника. Но что, быть можетъ, удобно было для Соломона, то совсѣмъ неудобно было для Владимира, и что было въ нравахъ востока, то едва-ли было въ нравахъ и обычаяхъ славянскаго сѣвера. Для того, чтобъ содержать такіе гаремы, необходимы были крѣпкія, обширныя, приспособленныя къ этому зданія, которыхъ по-

стройка совсѣмъ не была въ обычаѣ у нашего народа, стоявшаго слишкомъ близко къ природѣ; нужны были евнухи. Не варяги же стерегли этихъ женъ. Мы ни тѣни подобнаго не видимъ у насъ прежде, да и склонности къ этому не было вообще у европейскихъ племенъ; одинъ Владиміръ вдругъ составляетъ исключеніе и среди бродячаго, въ высшей степени подвижнаго общества, довольствовавшагося самою простою и незатѣйливою обстановкою, является какимъ-то вавилонскимъ или персидскимъ царемъ. Но вѣдь такія условія быта возникаютъ не вдругъ, а вырабатываются разомъ со многими другими явленіями, принадлежащими къ цѣлой сложной области той культуры, которая господствовала на Востокѣ. Чтобъ у князя кіевскаго могли быть такіе гаремы, нужно было, чтобы цѣлый строй общественной жизни подвластной ему страны соотвѣтствовалъ этому. Только воображенію монаха, забывшаго жизнь и углубившагося въ палею и житія, могло казаться возможнымъ, чтобъ Владиміръ былъ нѣсколько искаженнымъ портретомъ Соломона. А что книжникъ рисовалъ его по Соломону, это чувствуется и изъ того, что онъ далъ Владиміру женъ разныхъ націй: грекиню, чехиню, болгарыню, подобно тому, какъ о Соломонѣ онъ читалъ, что у него были и дщерь Фараоня и моавитяныни, аммонитяныни, сиріяныни, идуемеяныни, хеттеяныни, аморреяныни.

Въ лѣтописи разсказывается, что Владиміръ, внѣ своего теремнаго двора, на холмѣ поставилъ кумиры Перуна, Хърса, Дажъбога, Стрибога, Сима, Регла и Мокоши. Изъ нѣсколькихъ мѣстъ нашей лѣтописи мы вправѣ заключить, что на этомъ холмѣ стоялъ только одинъ кумиръ — Перуна, и Владиміръ первый придалъ ему въ товарищи шестерыхъ подобныхъ ему болвановъ. Названія божествъ, изображаемыхъ этими болванами, не выдуманы,

такъ какъ мы встрѣчаемъ эти названія и въ другихъ памятникахъ (въ Ипатск. сп. кіевск. лѣт., въ Словѣ о П. Иг., въ Словѣ христолюбца и друг. поучит. словахъ); поэтому не могло бы, казалось, возникать сомнѣніе въ справедливости извѣстія о поставленіи Владиміромъ шестерыхъ кумировъ на перуновомъ холмѣ; однако, всматриваясь поглубже въ этотъ вопросъ, мы увидимъ нѣкоторыя несообразности, ведущія, если не къ отрицанію факта, то къ сомнѣнію въ его историчности, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ намъ условіяхъ. Отчего никто изъ прежнихъ князей не думалъ ставить этихъ кумировъ на холмѣ для народа, который — какъ слѣдуетъ заключить на основаніи этой лѣтописи — обходился около цѣлаго столѣтія съ однимъ Перуномъ? Отчего не сдѣлалъ этого никакой другой князь, жившій и умершій въ нѣдрѣ язычества, а сдѣлалъ это именно такой князь, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того изрубилъ, сжегъ и потопилъ поставленныхъ имъ же болвановъ? Не дѣйствовало ли, при составленіи этого извѣстія, тоже побужденіе представить сколько возможно болѣе противоположности между Владиміромъ язычникомъ и Владиміромъ христіаниномъ, съ цѣлью выставить блистательное торжество благодати? Если Владиміръ былъ прежде ревностстнымъ язычникомъ, а потомъ скоро сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, то, не прибѣгая къ объясненіямъ дѣйствія наитія свыше, можно объяснить такое явленіе тѣмъ, что это была одна изъ тѣхъ легкихъ, впечатлительныхъ, увлекающихся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мелкихъ натуръ, которыя быстро перебѣгаютъ отъ одного къ другому, не имѣютъ никакого твердаго убѣжденія въ жизни и не могутъ имѣть его. Но Владиміръ, послѣ крещенія, представляется намъ (разумѣется, насколько позволяетъ намъ наблюдать эту личность окружающій ее туманъ) не только

ревностнымъ, но и постояннымъ въ теченіе довольно долгаго періода времени христіаниномъ, распространителемъ христіанства и вообще человѣкомъ мудрымъ, какимъ и считали его современники и близкіе потомки современниковъ. Можно вообще признать за истину, что чѣмъ тверже, постояннѣе и долговременнѣе люди слѣдуютъ избранному направленію, тѣмъ болѣе прежде было у нихъ условій и задатковъ къ воспринятію этого направленія и тѣмъ менѣе было такихъ условій и задатковъ, которые бы ихъ располагали къ сохраненію противнаго направленія. Несравненно правдоподобнѣе допустить, что обращенію Владимира къ христіанству помогло именно то, что онъ не былъ ревностнымъ язычникомъ, къ чему должны были подготовить его и дѣтскія воспоминанія, и вліяніе христіанъ, умножавшихся въ Кіевѣ, и болѣе всего природный умъ его, вѣроятно, дававшій ему превосходство предъ другими бывшими до него князьями.

Но вопросъ о поставленіи болвановъ можетъ приводить только къ сомнѣніямъ: отрицать вполнѣ и рѣшительно этого извѣстія, не зная обстоятельствъ того времени, мы не считаемъ себѣ вправѣ; но не такъ можно отнестись къ слѣдующему затѣмъ извѣстію о человѣческихъ жертвахъ: «жряху имъ нарицающе я боги, привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля русска и холмъ-отъ». Здѣсь повѣствователь просто перефразировалъ въ 105 псалмѣ слова: «И проліаша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и дщерей, яже пожроша истуканнымъ ханаанскимъ и убіена бысть земля ихъ кровьми и осквернися въ дѣлѣхъ ихъ»... Что нашъ книжникъ несомнѣнно разумѣлъ человѣческія жертвы также точно, какъ и псалмопѣвецъ, послужившій образцомъ для его краснорѣчія, это поясняется разсказомъ объ

убійствѣ крещенаго варяга и сына его. Старцы и боляре, по возвращеніи Владимира изъ похода на ятвяговъ, сказали: «мечемъ жребій на отроки и дѣвицу, на него же падетъ жребій, того зарѣжемъ богамъ!» Человѣческія жертвы (въ собственномъ смыслѣ этого слова) появлялись тамъ, гдѣ жертвоприношеніе имѣло смыслъ лишенія себя чего-нибудь цѣннаго и дорогаго для умилостивленія божества и своего очищенія отъ поступковъ, которые могли разгнѣвать божество. У русскихъ славянъ, да и вообще у большей части славянъ, жертвы имѣли значеніе угощенія, какъ это ясно выражается въ извѣстномъ старочешскомъ произведеніи «Забой, Славокъ и Людекъ», въ которомъ изображается борьба язычества съ христіанствомъ въ Чехіи. «Не смѣютъ уже бить челомъ передъ богами и въ сумерки давать имъ ѣсть; куда батюшка ходилъ давать богамъ кормъ, куда ходилъ глашать съ нимъ, тамъ порубили всѣ деревья и ниспровергли всѣхъ боговъ». Но, въ сущности, такъ какъ боги ѣсть не могли, то ѣли за нихъ люди, воображая, что и боги ѣдятъ съ ними, такъ какъ и теперь малоруссы, отправляя поминки по умершимъ, ѣдятъ и пьютъ въ память ихъ, воображая, что участвуютъ въ пиршествѣ, и это выражается словами: «нехай се буде передъ его душею!»— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи на поминкахъ, отправляемыхъ на кладбищахъ, отливаютъ вино на могилу покойника, воображая, что тѣмъ усопшій дѣлается участникомъ пиршества. То же въ сущности въ язычествѣ было по отношенію къ воображаемымъ божествамъ. Въ древнемъ поучительномъ словѣ укоряютъ придерживающихся язычества въ томъ, что они «кумирскую жертву ѣдятъ»: это-то ядѣніе жертвы и составляетъ суть жертвоприношенія. Точно то же и о питьѣ: «вѣруютъ въ Стрибога, Дажъ-бога и Переплута, иже вертячися ему

піютъ въ розѣхъ». Жертвоприношеніе божествамъ выражалось, что ѣли и пили имъ (то-есть въ честь ихъ). Оттого-то и всѣ извѣстія, какія только сохранились о жертвоприношеніяхъ, начиная отъ Прокопія до тѣхъ поучительныхъ словъ, которыя раздавались у насъ противъ медленно исчезавшаго язычества, состоятъ въ томъ, что приносились въ жертву быки, овцы, разная птица, особенно куры, медъ, сыръ, хлѣбы, короваи, вино, то-есть все, что было съѣдомымъ для людей и составляло матеріалъ для ихъ пира. У прибалтійскихъ славянъ, гдѣ религія была гораздо развитѣе, чѣмъ у другихъ, у которыхъ были жрецы и священные храмы, обычное жертвоприношеніе по окончаніи жатвы, описанное у Саксона Грамматика и происходившее въ Арконѣ, имѣетъ значеніе пира. У русскихъ, у которыхъ жрецовъ не было, приносившій жертву богамъ не отдавалъ ее какимъ-либо облеченнымъ особымъ достоинствомъ или святостію особамъ, а употреблялъ ее прямо на пиръ съ своими близкими, сохраняя представленіе, что это дѣлается богамъ. Наши братчины и складчины есть непосредственное продолженіе языческихъ жертвоприношеній, очень легко и при христіанствѣ сохранившихъ свой способъ отправленія; и теперь еще въ деревняхъ въ извѣстные дни собираются крестьяне міромъ, рѣжутъ быка, барановъ, варятъ браги и призываютъ священника благословить трапезу, а иногда носятъ и въ церковь часть съѣдомаго для освященія.

Относительно поклоненія водѣ можно, дѣйствительно, встрѣтить черты, способныя навести на мысль о чемъ-то, похожемъ на человѣческія жертвы. Левъ Діаконъ, повѣствуя о войнѣ со Святославомъ, разсказываетъ, что «послѣ битвы, когда наступила ночь и взошла на небѣ полная луна, русскіе вышли въ поле, собрали всѣ трупы

убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили». Но тотъ же греческій историкъ вотъ что сообщаетъ намъ о русскихъ по этому поводу: «Уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ: Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія (русс. перев. 93). Нельзя, конечно, принять такого объясненія, дѣлаемаго византійскимъ писателемъ; нельзя также, слѣдуя ему, признать на вѣру, что описываемыя имъ убійства плѣнныхъ были дѣйствительно жертвоприношеніями. Русскіе отличались варварствомъ и плѣнниковъ убивали часто; даже во времена христіанскія мы встрѣчаемъ такіе случаи. Въ 1153 году, князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, «видя множесто многое колодниковъ галичанъ вязячи и тако повелѣ сѣчи». Если, чуть не черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Святослава, поступилъ такъ кіевскій князь, — и притомъ князь изъ самыхъ любимыхъ народомъ, — поступилъ съ плѣнниками русскаго происхожденія, единовѣрцами, то естественно было жестоко поступать свирѣпому предку его, притомъ съ греками, пришедшими выгонять его изъ страны, которая ему такъ нравилась, и съ болгарами, которые на него подвели грековъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, если тотъ же Святославъ, который, по извѣстію самого же византійскаго историка, такъ свирѣпствовалъ надъ болгарами за то, что они не хотѣли ему покоряться, умерщвлялъ ихъ теперь съ женами и младенцами, подозрѣвая, а можетъ быть и уличая въ содѣйствіи его врагамъ, и притомъ въ такое время, когда онъ былъ въ крайне стѣсненномъ положеніи, способномъ внушить

жестокость отчаянія и личности, болѣе образованной и болѣе человѣколюбивой. Очень могло быть, что византійскій историкъ смѣшалъ воедино и далъ одинъ смыслъ двумъ различнымъ фактамъ — происходившимъ разомъ, какъ ему передавали: избіенію плѣнныхъ и жертвоприношенію водѣ. По извѣстію Козьмы Пражскаго, чехи весною приносили въ жертву черныхъ куръ и пѣтуховъ при водѣ, однако о младенцахъ при этомъ нѣтъ помина. Въ былинѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ, этотъ Садко послѣ счастливаго плаванія по Волгѣ въ благодарность кидаетъ въ ея волны большой укрой хлѣба, посыпаннаго солью. До поздняго времени оставался у русскихъ дѣйствительно обычай бросать что-нибудь въ воду въ благодарность за благополучное плаваніе, а въ Сибири существуетъ обычай кидать въ воду именно кусокъ хлѣба съ солью во время освобожденія водъ отъ ледяной коры. Это даетъ вѣроятіе, что и въ древности въ качествѣ жертвы бросали въ воду что-нибудь подобное. До насъ дошло нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о поклоненіи водѣ; изъ нихъ мы узнаемъ, что озерамъ, рѣкамъ, колодцамъ приносились жертвы; есть выраженія «въ воду мечють», но нигдѣ въ древнихъ свидѣтельствахъ не говорится, чтобъ метали въ воду людей Напротивъ, въ старинномъ поучительномъ словѣ противъ язычества приводится черта, свидѣтельствующая о томъ, что жертвоприношенія водѣ по своей сущности были пиры, отправляемые при водѣ. «Надъ источники свѣщи вжигающе и кумирьскую жертву ядятъ». Если при этомъ происходило и метаніе части пиршества въ воду, то также точно, какъ чешскіе язычники ходили въ лѣсъ кормить своихъ боговъ, а нынѣшніе русскіе, совершая поминки на кладбищѣ, отливаютъ часть напитка на могильную землю.

Въ одной изъ позднихъ передѣлокъ нашей первона-

чальной лѣтописи, изданной подъ именемъ Густынской, мы находимъ какъ будто прямое указаніе на человѣческія жертвы, именно, какъ должно думать, водяному божеству. «Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же до нынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ въ день Воскресенья Христова собравшеся юніи и играюще вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ си есть бѣсовъ, яко пометаемыи въ воду или о древо, или о камень въ водѣ разбиваются и умираютъ или утопаютъ, во иныхъ же странахъ не скидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ». Но здѣсь лѣтописца соблазнилъ народный малорусскій обычай «волочинья», еще до сихъ поръ, какъ увѣряютъ, коегдѣ не пропавшій въ западной Малороссіи. Молодежь, играя, обливаетъ другъ друга водою а иногда и пихаетъ въ воду; конечно, при этомъ могутъ происходить и непріятные случаи, но нечаянно. Книжникъ XVII-го вѣка, зная объ этомъ обычаѣ, тотчасъ вывелъ заключеніе, что онъ есть остатокъ древняго языческаго приношенія людей въ жертву. Само собою разумѣется, къ этому заключенію не было надлежащаго основанія. Если этотъ обычай дѣйствительно былъ языческаго происхожденія, то никакъ не слѣдовало, чтобы въ язычествѣ онъ былъ топленіемъ людей въ угоду нѣкоему богу; онъ и въ тѣ времена могъ быть только игрою молодежи въ угоду этому нѣкоему богу, и могъ встарину отправляться точно такъ же, какъ и въ болѣе позднія времена, только съ большею свѣжестью языческихъ воззрѣній. Въ заключеніе, мы скажемъ, что убѣжденіе наше въ ложности извѣстія о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся будто бы на перуновомъ холмѣ, подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ описаніи языческихъ нравовъ рус-

ско-славянскихъ племенъ (находящемся при нашей лѣтописи какъ-бы предисловіемъ вмѣстѣ съ космографіею), при всѣхъ черныхъ краскахъ, наложенныхъ авторомъ на нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, нѣтъ намека на человѣческія жертвы, а это бы непремѣнно было, еслибы въ самомъ дѣлѣ такія жертвы совершались. Во-вторыхъ, тотъ же образъ языческаго поклоненія богамъ, приведенный выше изъ мѣста нашей лѣтописи, непосредственно слѣдующаго за извѣстіемъ о поставленіи кумировъ, повторяется ниже, но уже не отъ лѣтописца, а въ рѣчи философа, будто бы произнесенной Владиміру: «по семъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки и начаша кумиры ставити ови древяны, ови мѣдяны, а другіе мраморяны, а иные златы и сребрены, кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дьщери и закалаху предъ ними и бѣ вся земля осквернена» (Лаврент. 89). Это сходство двухъ мѣстъ убѣждаетъ насъ, что лѣтописное извѣстіе о человѣческихъ жертвахъ такое же общее мѣсто, составленное по образцу библейскому, какъ и рѣчь, которую лѣтописецъ нашелъ нужнымъ вложить греческому философу.

Доказательство существованія человѣческихъ жертвъ у славянъ обыкновенно видятъ въ извѣстіяхъ о закланіи христіанскихъ нѣмецкихъ плѣнниковъ передъ истуканами прибалтійскихъ славянъ. Но, во первыхъ, — прибалтійскіе славяне не могутъ служить намъ примѣромъ въ нашихъ сужденіяхъ о язычествѣ прочихъ славянъ: у прибалтійскихъ славянъ религія получила уже дальнѣйшее развитіе, тамъ были храмы, жрецы, правильно установленные жреческіе обряды, чего не было у другихъ и въ томъ числѣ у русскихъ славянъ. Во вторыхъ — и у прибалтійскихъ славянъ избіеніе плѣнниковъ передъ истуканами было скорѣе месть и кара, чѣмъ жертвоприношеніе. Плѣнники

эти, христіане, приходили въ славянскій край за тѣмъ, чтобъ ниспровергнуть боговъ, и передъ истуканами этихъ самыхъ боговъ ихъ, какъ враговъ и оскорбителей, казнили. Вотъ, какъ у семитическихъ народовъ родители приносили сами своего младенца и клали на раскаленныя руки металлическаго истукана, или отецъ заносилъ ножъ надъ своимъ отрокомъ вмѣсто барана, воображая, что такъ повелѣло ему божество, либо умерщвлялъ дочь свою въ благодарность за одержанную побѣду: вотъ настоящія жертвы! Если же признавать жертвою закланіе предъ кумиромъ нѣмца-христіанина, хотѣвшаго ниспровергнуть этотъ кумиръ, то придется признать жертвами и сожженіе еретиковъ, покушавшихся ниспровергнуть догматы и уставы церкви, а идя далѣе, можно жертвами считать и наши ссылки въ Сибирь за богохульство; наконецъ, можно дойти до того, что всякое уголовное наказаніе за преступленіе, противное ученію евангелія, будетъ жертвою и станетъ въ одной категоріи съ жертвоприношеніями дѣтей Молоху.

Признавая недостовѣрнымъ сказаніе о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся на перуновомъ холмѣ, мы естественно должны отнестись съ недовѣріемъ къ легендѣ о жребіи, павшемъ на молодаго варяга.

Изобразивъ Владимира женолюбцемъ по образу Соломона и кровавымъ жертвоприносителемъ по подобію разныхъ нечестивыхъ израильскихъ царей, книжникъ описываетъ намъ длинную исторію обращенія. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что съ точки зрѣнія книжника мы имѣемъ дѣло съ ярымъ язычникомъ.

Въ 986-мъ году пришли къ Владимиру представители разныхъ вѣръ, одни за другими, предложить принять ихъ вѣру. Что это такое? Какъ могъ сложиться такой фактъ, чтобы вдругъ разомъ изъ отдаленныхъ

странъ приходили къ кіевскому князю съ одинакимъ предложеніемъ и притомъ непремѣнно въ послѣдовательномъ порядкѣ, не сталкиваясь другъ съ другомъ? Положимъ, миссіонеры всѣхъ показанныхъ въ лѣтописи вѣръ могли въ тотъ вѣкъ дѣлать попытки къ обращенію русскихъ, но почему же именно вмѣстѣ въ одинъ годъ; и притомъ у лѣтописца они являются здѣсь какъ-бы первый разъ, потому что Владиміръ кажется въ нѣкоторыхъ пунктахъ незнакомымъ съ ними въ такой степени, въ какой могъ быть только въ первый разъ ихъ встрѣтившій. Уже эти черты обличаютъ сочиненность и искусственность.

Прежде всѣхъ явились къ нему болгары (волжскіе) мухамеданской вѣры, и говорятъ ему: «ты князь хорошій, только идоламъ кланяешься, прими нашу вѣру». Казалось бы, Владиміръ, какъ ярый язычникъ, прежде всего долженъ былъ заступиться бы за своихъ идоловъ. Нѣтъ; онъ любопытствуетъ узнать, что̀ у нихъ за вѣра, о которой, повидимому, не слыхивалъ, хотя, конечно, могъ бы и прежде что-нибудь услышать (даже отъ тѣхъ «колодниковъ», которыхъ велъ Добрыня). Извѣстно, что мухамедане въ своемъ проповѣданіи вѣры на первый планъ ставили единобожіе со всѣмъ его величіемъ; здѣсь не то: проповѣдники, хотя и замѣтили вскользь, что вѣруютъ Богу, но главными признаками своего закона поставили не ѣсть свинины, обрѣзаться, не пить вина, за то,—творить блудъ сколько угодно и надѣяться, что по смерти Мухамедъ дастъ каждому по семидесяти женъ, то-есть все то, что бросалось въ глаза иновѣрцу при поверхностномъ соприкосновеніи съ мусульманствомъ. Женолюбивый Владиміръ очень прельщается позволеніемъ творить блудъ, но не нравится ему все прочее, особенно запрещеніе вина. «Руси веселіе пити, не можетъ безъ того быти», влагаетъ книжникъ Владиміру отвѣтъ, вѣ-

роятно заимствовавъ эти слова изъ пословицы. Съ этими словами Владиміръ прогналъ мусульманскихъ проповѣдниковъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что если онъ не склонился къ мухамеданамъ, то главнымъ образомъ по тому, что, принявши мухамеданство, уже нельзя было пить вино. Но вѣдь къ блуду онъ былъ болѣе склоненъ, чѣмъ къ вину, и однако это не воспрепятствовало ему принять христіанство, которое воспрещало блудъ.

За мухамеданами приходятъ нѣмцы, т.-е. западные христіане. Они представляются посланными отъ папы. Сказавши общее мѣсто о единомъ Богѣ Творцѣ, но столько же, сколько могли сказать и мухамедане, и евреи, на вопросъ, въ чемъ ихъ вѣра, нѣмцы сказали такъ: «пощенье по силѣ, а кто что ѣстъ или пьетъ, тотъ все творитъ во славу Божію, такъ говоритъ намъ нашъ учитель Павелъ.» И только всего! Возможно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ папскіе миссіонеры изложили такимъ образомъ ученіе церкви? Ясное дѣло, что это сочинялъ монахъ, у котораго не хватало ни познаній, ни ума, чтобы представить что-нибудь похожее на правду. Что отвѣчаетъ Владиміръ? «Идите отъ насъ, отцы наши не приняли этого»! — Да вѣдь отцы не принимали ничего и другаго. Такой отвѣтъ могъ дать Владиміръ всѣмъ и со всѣми покончить дѣло. Но какъ такой отвѣтъ обращенъ только къ западнымъ католикамъ, то тутъ ясно обличаетъ себя и свое время книжникъ келейный, слагатель всей это небывалой исторіи. Такъ отвѣчать могъ бы князь XII-го вѣка на попытки западной церкви склонить Русь къ папѣ и отклонить отъ Востока. Такія слова возможны были послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, когда уже на западныхъ католиковъ стали рѣшительно смотрѣть какъ на иновѣрцевъ. Владиміръ и послѣ, получивъ крещеніе съ Востока, не имѣлъ такого взгляда

на западное христіанство, что доказывается пріемомъ, какой онъ оказалъ западному миссіонеру Бруно.

За нимъ пришли къ Владимиру «жидове хазарскіе».— Мы слышали—говорятъ они—что къ тебѣ приходили христіане, но знаешь ли, что предки наши распяли ихъ Бога. Разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ нѣмцахъ, которые передъ тѣмъ только приходили къ Владимиру. Но почему приходъ нѣмцевъ могъ оставить такое вліяніе, что извѣстіе о немъ довольно скоро передано было въ Хазарію и тамъ придали этому событію такую важность, что тотчасъ же послали миссіонеровъ, какъ будто перебивать у нѣмцевъ Русь для себя? «Гдѣ ваша земля?» спрашиваетъ Владимиръ. — Въ Іерусалимѣ, — отвѣчаютъ ему. — «Вы тамъ живете?»—Нѣтъ; Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ за наши грѣхи по всѣмъ странамъ, а земля наша предана христіанамъ.— «Чтожь вы другихъ учите, когда сами отвержены отъ Бога? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то вы бы не были разсѣяны по чужимъ землямъ! Развѣ и намъ того же хотите?» — Слишкомъ много нужно легковѣрія, чтобы здѣсь искать хотя тѣни объективной правды. Книжникъ измыслилъ эту бесѣду для того, чтобы имѣть возможность поставить противныхъ ему іудеевъ въ самое глупое положеніе и излить надъ ними или свою собственную, или имъ перенятую у современниковъ остроту, вложивъ ее въ уста Владимира. Зачѣмъ Владимиру съ языческимъ невѣдѣніемъ спрашивать у нихъ, гдѣ ихъ земля, когда для него достаточно было, когда онъ зналъ, что они пришли изъ Хазаріи? Чтобъ задать такой вопросъ, нужно было, чтобъ онъ зналъ напередъ, что̀ іудеи должны будутъ ему отвѣтить, а онъ бы имѣлъ поводъ поострить надъ ними. Надобно было, чтобъ Владимиръ зналъ прежде исторію и судьбы іудейскаго на-

рода настолько, насколько знали грамотѣи уже послѣ распространенія христіанства; онъ же въ другихъ пунктахъ въ этомъ же сказаніи представляется круглымъ невѣждою. Книжникъ заставилъ жидовъ хазарскихъ сказать, что земля ихъ, то-есть Палестина, предана христіанамъ. Но въ X-мъ вѣкѣ, когда происходить слѣдовало этому событію, Палестина не была въ рукахъ христіанъ, а досталась имъ только въ концѣ XI-го. Ясно, что сказатель писалъ эти строки послѣ того, какъ крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ, и слыхалъ объ этомъ отъ поклонниковъ, ходившихъ изъ Руси на поклоненіе св. мѣстамъ.

Напослѣдокъ является представитель грековъ философъ; его должно было приложить въ концѣ, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ успѣхъ въ томъ, чего домогались другіе безуспѣшно. Оказывается, что греки, подобно хазарамъ, знали, что къ Владимиру приходили проповѣдники иныхъ странъ, точно какъ будто въ то время, какъ онъ по-добру по-здорову спрашивалъ этихъ проповѣдниковъ, какіе-то курьеры бѣгали въ разныя страны съ извѣстіями. Впрочемъ, греческому философу вѣдомо было только о мухамеданахъ и о западныхъ христіанахъ, о «козарахъ» же онъ не зналъ; но оказывается, что такъ нужно было для эффекта, чтобъ была возможность отъ лица Владимира сообщить объ этомъ философу и вызвать его на приличную по такому поводу рѣчь. Философъ о мухамеданахъ наговорилъ Владимиру такихъ непристойностей, что тотъ даже плюнулъ; о западныхъ же христіанахъ сказалъ единственно то, что они ѣдятъ опрѣсноки. Вопросъ объ опрѣснокахъ развился уже въ XI-мъ вѣкѣ, когда онъ игралъ важную роль въ окончательномъ раздѣленіи церквей, послѣ чего и у насъ появились сочиненія объ опрѣснокахъ съ цѣлію вооружить русскихъ противъ Запада. Это поставленіе опрѣсноковъ главнымъ и единствен-

нымъ признакомъ «развращенія» западной церкви показываетъ только, что слагатель скропалъ свое сказаніе тогда уже, когда толки и сочиненія объ опрѣснокахъ пошли въ ходъ. Съ какой стати философу было говорить объ опрѣснокахъ и только объ нихъ? Если для того, чтобъ отклонить Владимира отъ Запада, то для Владимира въ этомъ отношеніи были совершенно безразличны какъ опрѣсноки, такъ и хлѣбъ; если же онъ хотѣлъ указать на отличія церквей, то указалъ бы еще на что-нибудь, тѣмъ болѣе когда преданія и воспоминанія о первомъ спорѣ по поводу различія церквей привели бы этому философу на память иные вопросы.

Когда Владимиръ сообщилъ философу, что къ нему приходили іудеи и говорили, что нѣмцы и греки вѣруютъ въ того Бога, котораго они распяли, философъ какъ-бы ухватился за идею распятія и началъ свое поученіе, состоящее въ изложеніи, не только по Библіи, но и со включеніемъ бредней изъ палеи и отреченныхъ книгъ, исторіи Ветхаго, а потомъ Новаго Завѣта и закончилъ тѣмъ, что показалъ Владимиру картину (запону) страшнаго суда, которая вызвала у русскаго князя восклицаніе, что хорошо тѣмъ, которые нарисованы на правой сторонѣ (идущіе въ рай), и горе тѣмъ, которые на лѣвой сторонѣ. «Крестись, сказалъ грекъ, и будешь съ праведниками!» — Подожду немного, отвѣчалъ Владимиръ. — Это показаніе изображенія страшнаго суда перенесено на Владимира цѣликомъ съ исторіи обращенія болгарскаго царя Бориса, котораго воображеніе также тронулъ Меѳодій картиною страшнаго суда.

Владимиръ созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ и объявляетъ, что приходили такіе-то, напирая на то, что греки говорятъ очень хитро, обѣщаютъ безсмертіе для тѣхъ, кто вступитъ въ ихъ вѣру, и горѣніе въ огнѣ

вступившимъ въ другой законъ. — Ему дается отъ лица бояръ и старцовъ такой отвѣтъ: «всякъ свое хвалитъ, а не хулитъ; испытай, пошли мужей узнать, какъ они Богу служатъ». Отвѣтъ мудрый, но боляре и старцы не могли такъ сказать, будучи въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились. Надобно напередъ предположить, что они пошатнулись въ своей языческой вѣрѣ, иначе бы прямо заявили, что ихъ вѣра лучше всѣхъ и никакой другой имъ ненадобно; но если они уже пошатнулись въ своей прежней вѣрѣ, то это могло случиться только подъ вліяніемъ греческаго христіанства, давно уже бросившаго свои корни на русской землѣ; и тогда бы они сразу дали предпочтеніе греческой вѣрѣ и заговорили бы такъ, какъ впослѣдствіи и заставилъ ихъ говорить книжникъ. Какъ бы то ни было, только Владимиръ послѣ этого отправляетъ своихъ мужей для узнанія вѣръ въ Грецію, къ нѣмцамъ, болгарамъ, но не къ хазарамъ, съ которыми онъ, какъ видно, покончилъ сношенія, рѣшившись не принимать іудейской вѣры. Но зачѣмъ, когда такъ, онъ посылаетъ къ мухамеданамъ, когда по отвѣту, какой онъ далъ имъ, можно думать, что и ихъ вѣру принимать онъ уже призналъ неумѣстнымъ? Самая посылка для узнанія вѣръ есть уже несообразность: предполагается, что люди вдругъ стали недовольны вѣрою, полученною отъ отцовъ и дѣдовъ, видятъ нужду принять какую-нибудь иную вѣру, и сами не знаютъ, какую имъ принимать. Есть большое вѣроятіе, что разсказъ о посылкѣ для узнанія вѣръ есть видоизмѣненіе существовавшаго уже прежде въ Византіи разсказа о крещеніи русскаго князя, послѣдовавшемъ послѣ извѣстнаго чуда Влахернской ризы Богоматери и разсѣяніи русскаго флота подъ Константинополемъ. Разсказъ этотъ изложенъ въ такъ-называемомъ анонимѣ Бандури, рукописи греческой,

хранящейся въ парижской библіотекѣ. Сцена происходитъ при Василіѣ Македонянинѣ, къ царствованію котораго нѣкоторые византійскіе историки относятъ самое крещеніе русскихъ, случившееся спустя нѣсколько времени послѣ пораженія ихъ флота. Русскій князь отправилъ четырехъ мужей для узнанія богослуженія въ Римъ и Константинополь. Пребываніе въ Константинополѣ пословъ этого князя описано сходно съ пребываніемъ тамъ же мужей Владимира. И для тѣхъ и другихъ устраивается великолѣпное праздничное богослуженіе въ Софійскомъ храмѣ. И тѣ и другіе приходятъ въ неожиданный восторгъ, съ тою только разницею, что послы князя при Василіѣ Македонянинѣ увидали ангеловъ, а послы Владимира ангеловъ не видѣли, а узрѣли только такую красоту, что сами не знали: на землѣ ли они или на небѣ. Мы не думаемъ, чтобы нашему составителю сказанія извѣстенъ былъ греческій разсказъ въ той редакціи, въ какой онъ былъ изложенъ въ анонимѣ Бандури, иначе бы онъ не уступилъ сказать о явленіи ангеловъ. Но самая эта легенда дошла до него или въ иной редакціи, или даже въ изустномъ пересказѣ преданія; это тѣмъ вѣроятнѣе, что у насъ въ воспоминаніи смѣшивались обстоятельства двухъ принятій крещенія, и въ самой исторіи крещенія Владимира являлся дѣйствующимъ лицомъ патріархъ Фотій (Соф. Лѣт. П. С. Л. V. 121).

По возвращеніи пословъ, Владимиръ опять совѣщался съ боярами и старцами, которые на этотъ разъ ему сказали: «еслибъ дуренъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ человѣковъ». Изъ всего до сихъ поръ сообщеннаго сказаніемъ, только въ этомъ отвѣтѣ можно признавать несомнѣнную истину, именно — въ такомъ смыслѣ должны были отвѣчать Владимиру кіевляне, но съ перваго же

раза, не дожидаясь посольства для извѣданія: какая вѣра всѣхъ лучше. Видно, что, по естественному обычному ходу человѣческихъ дѣлъ, обращеніе Владимира къ христіанству, а затѣмъ и крещеніе Руси, совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго элемента, пришедшаго изъ Греціи еще въ половинѣ IX-го вѣка, постепенно возраставшаго и усиленнаго крещеніемъ Ольги; вмѣстѣ съ нимъ Русь сближалась съ Греціею. Это сближеніе было причиною, что какъ скоро у язычника рождалось недовольство своими богами, то такое ощущеніе происходило вслѣдствіе знакомства съ христіанскимъ и греческимъ міромъ, и слѣдовательно перемѣна вѣры могла выразиться только принятіемъ христіанской вѣры изъ Греціи. Поэтому Владимиру, желавшему оставить язычество, не было нужды, да и нравственно невозможно было отправлять пословъ въ разныя страны, чтобъ узнать, какая вѣра лучше, чтобъ изъ нихъ принять одну; желаніе оставить язычество только и могло въ немъ возбудиться желаніемъ принять греческую вѣру, которую приняла его бабка мудрѣйшая.

Самое событіе крещенія русскаго князя изображается съ явными несообразностями. Рѣшившись принять отъ грековъ крещеніе, Владимиръ начинаетъ тѣмъ, что идетъ войною на грековъ. Какъ! идетъ драться съ тѣми, отъ которыхъ хочетъ принять вѣру! Неужели это съ чѣмъ-нибудь сообразно? Старались у насъ объяснить это желаніемъ придать бо̀льшую торжественность крещенію, но для торжественности совсѣмъ не нужно было заводить драку. Говорили, что Владимиръ хотѣлъ завоевать вѣру и проч. Но это въ сущности не болѣе какъ фразы. Было бы на что-нибудь похоже, еслибы Владимиръ сватался на той самой царевнѣ, которую потомъ получилъ женою, и раздраженный отказомъ, пошелъ принудить оружіемъ

уважать себя и заставить волей-неволею вступить съ собою въ родственный союзъ. Но сказаніе намъ говоритъ, что предложеніе о сватовствѣ послѣдовало уже послѣ взятія греческаго города Корсуня, а желаніе креститься отъ грековъ выразилось ранѣе. Рѣшившись на совѣщаніи съ болярами и старцами принять греческую вѣру, онъ спрашиваетъ ихъ: «гдѣ крещеніе пріимемъ?» — Они отвѣчаютъ — гдѣ ти любо? — Послѣ этого тотчасъ въ лѣтописи говорится: «И минувшу лѣту (спустя годъ) иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ греческій.» Въ византійскихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на войну Владимира съ греками и на взятіе Корсуня, но есть извѣстіе вскользь о томъ, что Владимиръ былъ женатъ на сестрѣ императоровъ Василія и Константина и посылалъ своимъ шурьямъ помощь противъ мятежниковъ Фоки и Калокира. Въ византійскихъ источникахъ не найдено также современныхъ извѣстій о крещеніи Владимира, но такое молчаніе объяснимо. Дѣло крещенія Владимира само по себѣ было событіемъ исторіи русской, а не византійской. О крещеніи русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка упоминалось, потому что оно связано было съ теченіемъ дѣлъ въ самой имперіи и притомъ тогда въ глазахъ грековъ было положено начало русской церкви, зависимой отъ патріарха. Впослѣдствіи, языческіе князья и ихъ хищническія дружины задерживали успѣхъ благовѣствованія и расширенія этой церкви, но самая церковь не переставала существовать, и принятіе однимъ изъ князей вѣры христіанской былъ фактъ дѣйствительно очень важный, но важный для мѣстной русской церкви, а не для Византійской имперіи, тѣмъ болѣе, что тогда еще не видѣли всѣхъ громадныхъ послѣдствій этого факта. Если у византійскихъ историковъ есть упоминовеніе о крещеніи Ольги, то един-

ственно по поводу пріѣзда ея въ Константинополь и милостыни, поданной тамошнимъ церквамъ; безъ этого фактъ этотъ остался бы незамѣченнымъ. Византійскіе историки очень скупы относительно событій въ другихъ странахъ и даютъ имъ цѣну только по ближайшему ихъ отношенію къ имперіи. Крещеніе Владимира, какъ фактъ, относящійся къ Руси и притомъ не представлявшій еще всего того, что̀ онъ повлекъ за собою и для Византіи, и для цѣлаго міра, легко былъ пропущенъ, коль-скоро онъ совершился спокойно; но едвали бы онъ остался незамѣченнымъ, если бы сопровождался войною и покореніемъ Корсуня. Для объясненія того, что̀ говорится объ этой войнѣ въ нашей лѣтописи, для которой до сихъ поръ постоянно народныя преданія были главнымъ источникомъ, всего умѣстнѣе обратиться къ духу нашей народной поэзіи. Что Владимиръ былъ одною изъ самыхъ любимѣйшихъ личностей нашей народной поэзіи — въ этомъ, кажется, и спора быть не можетъ: это доказывается поэтическими сказаніями о его княженіи уже послѣ крещенія, помѣщенными въ нашей первоначальной лѣтописи; на это указываетъ его имя, постоянно сопровождающее до сихъ поръ великорусскія былины даже и такого содержанія, которое ничего общаго не представляетъ съ дѣйствительною эпохою Владимира. Вглядываясь въ складъ и духъ сказанія о походѣ Владимира подъ Корсунь, о взятіи этого города, о сватовствѣ Владимира вслѣдъ затѣмъ, мы увидимъ, что оно составлено подъ вліяніемъ того же присущаго народной поэзіи образа молодца, добывающаго городъ, наводящаго страхъ на враговъ и заставляющаго давать себѣ дары, изъ которыхъ, одни вслѣдъ за другими отвергая, онъ выбираетъ самое дорогое, обыкновенно красавицу. Вліяніе этого глубоко народнаго пѣсеннаго образа, отражаясь на

вымыслахъ о подвигахъ Олега и Святослава, разными своими признаками отразилось и на Владимирѣ и притомъ самымъ обще-любимымъ народною поэзіею признакомъ. Побѣдитель Владимиръ требуетъ себѣ именно того, чѣмъ удовлетворяется обыкновенно герой нашихъ колядокъ — дѣвицы: «се градъ ваю славный взяхъ, слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему якоже и сему створихъ». Объявленіе, сдѣланное Владимиромъ корсунцамъ: «если не сдадитесь, буду стоять три года» (аще ся не вдасте имамъ стояти и за три лѣта), сразу отзывается народною поэзіею уже и потому, что здѣсь число три выступаетъ на первый планъ. Пущеніе стрѣлы съ надписью о перерывѣ воды есть такой, можно сказать, избитый образъ, который легко найти и прежде и послѣ Владимира: въ Солуни, напримѣръ, совершенно то же разсказывается о монахѣ, который турецкому султану пустилъ изъ города стрѣлу съ надписью о перерывѣ воды. Мы объясняемъ себѣ дѣло такимъ образомъ. Изъ самой лѣтописи положительно видно, что о крещеніи Владимира ходили различныя сказанія въ народѣ, видно, что въ концѣ XI-го и началѣ XII-го вѣка Владимиръ былъ уже эпическимъ лицомъ народной поэзіи. Книжники познакомили насъ коесъ-чѣмъ изъ того, что̀ ходило въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о его временахъ, но о крещеніи подставили намъ свои измышленія, однако, прилѣпили къ нимъ и народное преданіе: это преданіе, обличающее себя сразу произведеніемъ живой, народной, а не келейной фантазіи, и есть походъ на Корсунь, завоеваніе города и женитьба. Владимиръ, любимый народною поэзіею, естественно представился тѣмъ молодцомъ, котораго идеальный образъ давно уже созданъ былъ въ воображеніи на-

рода и примѣнялся легко то къ тому, то къ другому герою старины.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ весь разсказъ о взятіи Корсуня чисто пѣсеннымъ вымысломъ. Можетъ быть вопросъ только о мѣстѣ крещенія Владимира, но никакъ не о войнѣ его за крещеніе. Слова лѣтописныя «несвѣдуще право глаголютъ яко крестилъ ся есть въ Киевѣ, инии же рѣша Василеве, друзии же инако скажють», ясно даютъ знать, что черезъ столѣтіе послѣ крещенія на Руси уже не сохранялось единообразной памяти о мѣстѣ крещенія Владимира, хотя и существовало нѣсколько различныхъ объ этомъ сказаній. Не зная этихъ всѣхъ сказаній, не зная, на чемъ опирались представленія о его крещеніи въ Кіевѣ или въ Василевѣ, невозможно произнести такого рѣшенія, которое по совѣсти можно было бы считать непогрѣшимымъ. Но мы видимъ, однако, черты, побуждающія насъ придать болѣе всего вѣроятности тому, что онъ крестился въ Корсуни. На это указываетъ извѣстіе о вещественныхъ памятникахъ, свидѣтельствовавшихъ о славномъ событіи. Въ лѣтописи говорится, что Владимиръ поставилъ въ Корсуни церковь, которая стоитъ «и до сего дне». Слѣдовательно въ Корсуни была церковь, которой построеніе приписывалось Владимиру. Въ Кіевѣ за святою Богородицею стояли двѣ какихъ-то статуи и четыре мѣдныхъ коня, которые считались привезенными изъ Корсуня. Наконецъ, особы Анастаса Корсунянина и поповъ корсунскихъ, о которыхъ говорится въ лѣтописи, — не вымышленныя, и такъ какъ Херсонесъ былъ самымъ близкимъ къ Кіеву греческимъ городомъ, то и естественно, что оттуда взятъ былъ необходимый на первый разъ запасъ духовенства. То обстоятельство, что о крещеніи Владимира образовались у народа различныя преданія, вполнѣ

согласуется съ фактомъ дѣйствительнаго его крещенія въ Корсунѣ. Изъ всей нашей лѣтописи можно замѣтить, что заимствованныя ею наиболѣе типичныя и подробныя преданія относятся къ тѣмъ событіямъ, которыя совершались на глазахъ у кіевлянъ или имѣли къ нимъ непосредственно близкое отношеніе, когда свидѣтелями ихъ все-таки были въ значительной степени обитатели кіевской Руси. О прочихъ же, далекихъ, обыкновенно лѣтописецъ ограничивается упоминовеніями. Свидѣтелями крещенія собственно Владимира въ Корсуни могли быть немногіе; для большинства оставалось только то представленіе, что князь выѣзжалъ въ Корсунь и оттуда воротился крещенымъ; но какъ яснаго образа о фактѣ крещенія не было въ воображеніи, поэтому представленіе о Корсуни въ послѣдующихъ поколѣніяхъ стало стираться; воображеніе созидало другія мѣстности, прилагая ихъ къ созидаемымъ различнымъ образамъ одного и того же факта. Противъ всего нами приводимаго могутъ сдѣлать одно вѣское возраженіе, что Владимиръ можетъ быть и ѣздилъ въ Корсунь, но уже крещенымъ, ѣздилъ встрѣчать свою невѣсту и тамъ сочетался съ нею. Противъ такого возраженія свидѣтельство вещественныхъ памятниковъ, напоминающихъ сношеніе Владимира съ Корсунью, почти не можетъ служитъ доказательствомъ его крещенія въ этомъ мѣстѣ, и это событіе останется не болѣе какъ вѣроятнымъ; несомнѣнно же только то, что Владимиръ дѣйствительно принялъ крещеніе и женился на греческой царевнѣ.

Изъ письменныхъ извѣстій, касающихся крещенія Владимира, насъ поражаетъ своею историчностію свидѣтельство одного араба, приводимое д'Оссономъ (Les peuples de Caucase): «Два сына Романа, Василій и Константинъ, императоры константинопольскіе, просили у

русскаго государя помощи противъ непріятелей, и отдавали ему свою сестру въ супружество, но она не хотѣла выходить замужъ за государя чужой религіи; онъ сталъ христіаниномъ, и такимъ образомъ христіанская вѣра распространилась между русскими. Когда онъ принялъ христіанство, она вышла за него, а было это въ 375 году геджры (985—986)».

Мы не касаемся легенды о томъ, что Владимиръ предъ крещеніемъ заболѣлъ глазною болѣзнію до того, что ничего не видѣлъ, но по настоянію своей невѣсты крестился и тотчасъ сталъ видѣть хорошо. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ внутренняго благочестія, которыя, взяты будучи отдѣльно, не подлежатъ исторической критикѣ, тѣмъ болѣе, что наши духовные ученые давали ей духовное значеніе. Все прочее въ исторіи крещенія Владимира, дѣтей его и народа большею частію представляетъ амплификацію того, чего содержаніе (хотя подробности и были измѣняемы и вымышляемы) было историческою правдою; представляя въ себѣ черты общія и неизбѣжныя въ явленіяхъ такого рода, мы не затруднимся признать вполнѣ естественнымъ и достовѣрнымъ то извѣстіе, что кіевляне покорно и безропотно пошли креститься по приказанію князя, говоря: «если бы это не было хорошо, князь и боляре не приняли бы этого». При тогдашнемъ способѣ міровоззрѣнія народа, незнавшаго ни храмовъ, ни жрецовъ, ни строгой религіозно-общественной системы догматовъ и обрядовъ, не руководимаго къ противодѣйствію особымъ классомъ, привыкшимъ внушать уваженіе къ своему голосу, приказаніе Владимира не было собственно тѣмъ, чѣмъ оно кажется намъ. Для толпы оно было только приказаніемъ исполнить обрядъ, который сочтенъ хорошимъ; народъ не видѣлъ въ этомъ обрядѣ ничего ужаснаго: онъ шелъ просто купаться въ

Днѣпрѣ, только съ соблюденіемъ положенныхъ и ему неизвѣстныхъ правилъ. Такъ, безъ сомнѣнія, долго было вездѣ на Руси. Противодѣйствіе со стороны древняго языческаго быта происходило не за введеніе новаго, а за насильственное истребленіе стараго; разсматривая этотъ вопросъ съ такой точки, мы вполнѣ поймемъ, почему русскіе вездѣ крестились легко, но оставляли свои языческія вѣрованія и привычки очень туго. Поэтому, если можетъ возникать вопросъ, требующій разсмотрѣнія, то именно вопросъ о томъ, какъ могло совершиться въ Кіевѣ безъ всякаго противодѣйствія истребленіе идоловъ? Это можетъ объясниться только тѣмъ, что или въ Кіевѣ христіанская партія такъ была значительна, что могла поставить противовѣсъ языческой, или же что сами язычники смотрѣли на болвановъ, поставленныхъ княземъ и вообще поставленныхъ въ значеніи общественныхъ истукановъ, совсѣмъ не такъ, какъ мы о нихъ думаемъ, и истребленіе ихъ фигуръ не заключало въ себѣ въ такой степени оскорбленія святыни для каждаго въ отдѣльности, какъ можно полагать: незнаніе обстоятельствъ оставляетъ для насъ этотъ вопросъ темнымъ. Несомнѣнно только, что исторія низверженія Перуна и прочихъ идоловъ (вообще сомнительныхъ) въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказывается въ лѣтописи, есть чистый вымыселъ. Владиміръ приказалъ однихъ идоловъ изрубить, другихъ сжечь, а Перуна привязать лошади къ хвосту и двѣнадцати человѣкамъ бить палками, таща съ горы, потомъ бросить въ Днѣпръ. Приказали-было людямъ съ берега отпихать его, пока пройдетъ пороги, а тогда оставить его. Перунъ прошелъ чрезъ пороги, и вѣтеръ выбросилъ его на рѣнь (мель), которая съ того времени прозвалась Перунова рень. Если у истукана была серебряная голова, то какъ онъ могъ плыть? Если же съ него голова была снята, то что за

безуміе было бросать его въ воду и разставлять людей на берегу и слѣдить за чурбаномъ нѣсколько сотъ верстъ? Само собою разумѣется, что удобнѣе было его сжечь. И что это за различіе, что однихъ болвановъ жгли, другихъ рубили, третьяго по водѣ пустили! Все это несообразности, показывающія, что всѣ эти разсказы не болѣе какъ фантазіи, родившіяся въ воспоминаніяхъ объ эпохѣ Владимира.

Извѣстія о построеніи церквей, о разосланіи священниковъ, объ основаніи школъ, о взятіи дѣтей у родителей для обученія и о плачѣ матерей, у которыхъ для этой цѣли брали дѣтей — слѣдуетъ признать за несомнѣнныя достовѣрныя событія, прямыя и законныя послѣдствія принятія христіанства. Заботы о книжномъ обученіи показываютъ свѣтлый умъ Владимира.

XV.

Преданія о княженіи Владимира послѣ крещенія его.

Къ этому періоду въ нашей лѣтописи отнесенъ разсказъ о единоборствѣ молодца съ печенѣжскимъ богатыремъ; безъ сомнѣнія, основаніемъ его было народное сказаніе, а можетъ быть и пѣсня. Разсказъ этотъ намъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе миѳы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. Разсказъ этотъ, въ своей сущности, подставленный лѣтописцемъ подъ 992-й годъ и связанный съ основаніемъ Переяславля, есть не что иное, какъ видоизмѣненный и локализованный глубоко-древній миѳъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ,

миѳъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендой о Егоріѣ Храбромъ. Въ запискахъ о Южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, пріуроченной къ Кіеву (т. II. 27). Богатырь-силачъ, разрывающій въ досадѣ разомъ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, по княжескому приглашенію, обматываетъ себя насмоленною коноплёю и въ виду всего Кіева вступаетъ въ битву съ змѣемъ, съ цѣлію освободить княжескую дочь отъ плѣна и страну свою отъ постыдной дани. Змѣй, разбѣсившись, вырываетъ нѣсколько разъ кусками насмоленную коноплю, но все-таки не можетъ одолѣть своего противника и погибаетъ, а изъ его трупа нарождаются мошки и комары. Въ разсказѣ, внесенномъ въ лѣтопись, вмѣсто змѣя, фантастическаго образа враждебной силы, является дѣйствительно существовавшая для Руси враждебная сила — печенѣги, предлагающіе устроить единоборство между двумя богатырями, выбранными съ той и съ другой стороны по одному. Условія побѣды вполнѣ пѣсенныя съ завѣтнымъ числомъ трехъ лѣтъ: побѣдитъ печенѣгъ — его соотечественникамъ воевать три года, а побѣдитъ русскій — печенѣгамъ не воевать три года. По княжескому призыву, отецъ выставляетъ меньшого изъ сыновей своихъ, силача, который, подобно Кириллѣ Кожемякѣ, въ припадкѣ досады разрываетъ воловьи кожи. Русскій силачъ вступаетъ въ бой съ печенѣжскимъ. Въ сказкѣ о Кожемякѣ змѣй вырываетъ насмоленную коноплю, которою обмотанъ былъ Кирилла Кожемяка; въ лѣтописномъ разсказѣ сохранился тотъ же образъ вырыванія, но совсѣмъ иначе: русскій силачъ, чтобъ показать передъ своимъ княземъ свою силу, вырываетъ кусокъ кожи съ мясомъ у быка, нарочно разъяреннаго прикосновеніемъ раскаленнаго же-

лѣза. Битва съ печенѣжскимъ богатыремъ происходитъ при глазахъ обоихъ враждующихъ полчищъ, такъ какъ битва Кирилла со змѣемъ въ виду кіевлянъ. Русскій силачъ одолѣваетъ и убиваетъ печенѣжина, какъ Кирилло змѣя, и въ лѣтописномъ разсказѣ враги разбѣгаются врознь, подобно тому, какъ мошки и комары разлетаются изъ трупа убитаго чудовища. На мѣстѣ, гдѣ произошла побѣда, Владимиръ закладываетъ городъ Переяславль, потому что молодецъ тамъ «перея̂лъ славу»: уже забылось, что Переяславль помянутъ въ числѣ городовъ русскихъ еще при Олегѣ.

Другой, несомнѣнно народный, разсказъ о киселѣ и медѣ въ Бѣлгородѣ принадлежитъ къ типическимъ способамъ изображенія глупости народа, которую считаетъ его прирожденнымъ свойствомъ другой народъ. Въ разсказѣ, приведенномъ выше, въ которомъ дѣйствуетъ воевода Прѣтичъ, видно уже, что русскіе печенѣговъ считали крайними глупцами. Въ этомъ разсказѣ мысль эта проявляется еще рѣзче. Осажденные бѣлогородцы, по совѣту мудраго старца, копаютъ двѣ ямы и одну изъ нихъ наливаютъ растворомъ киселя, другую медовою сытой, и увѣряютъ приглашенныхъ печенѣговъ въ числѣ цѣлаго десятка, что земля здѣсь такова, что сама родитъ кисель и медъ, а потому невозможно ихъ взять осадою. Печенѣги, по своей глупости, повѣрили, никакъ не въ состояніи будучи отгадать, что русскіе нарочно выкопали ямы и налили туда меда и киселя; печенѣги удалились прочь. Разсказъ этотъ принадлежитъ къ ряду безчисленныхъ въ подобномъ родѣ, существующихъ въ настоящее время и особенно любимыхъ малоруссами, у которыхъ комизмъ смѣшнаго анекдота чаще всего вертится на готовности простака повѣрить, въ силу подготовленнаго искусно подобія, такому явленію, которое, по

здравому уму, невозможно, напр.: является живая рыба, и простака увѣряють, что ее поймали въ травѣ; плуты продають мужику лошадь, а когда хозяинъ, купивъ ее, повелъ домой, не оглядываясь, одинъ изъ плутовъ вынулъ голову лошади изъ оброти, и вложилъ свою и потомъ увѣрилъ мужика, что онъ былъ заклятъ въ лошадь за грѣхи; мужикъ повѣрилъ, отпустилъ его; впослѣдствіи же увидѣвъ купленную имъ лошадь опять на рынкѣ, нагнулся къ ней на ухо и сказалъ: вѣрно опять согрѣшилъ, нимало не подозрѣвая, что его дурачатъ. Къ этому же разряду относится анекдотъ о томъ, какъ москали (солдаты) надуваютъ малорусскихъ поселянъ, въ родѣ, напримѣръ, того, какъ москаль отвлекаетъ чумаковъ отъ ихъ возовъ, увѣряя ихъ, что онъ ловитъ долотомъ рыбу, и въ то время, когда простодушные чумаки отправились смотрѣть на это диво, другіе москали выбрали у нихъ съ воза рыбу.

Извѣстія о пирахъ Владимира, о его милосердіи, щедрости, заботахъ объ устроеніи земли и защитѣ ея отъ внѣшнихъ враговъ совсѣмъ отличны отъ тѣхъ банальныхъ похвалъ, которыя расточаютъ лѣтописи разнымъ князьямъ за такія же качества, въ общихъ риторическихъ выраженіяхъ. Извѣстія, касающіяся Владимира, живы, образны и конечно перешли въ первоначальную лѣтопись изъ преданій и воспоминаній, переходившихъ отъ современниковъ Владимира къ ихъ потомкамъ. На нихъ-то сложился тотъ типическій образъ этого князя, который, воспринимая въ себя черты послѣдующихъ временъ, дошелъ, наконецъ, до великорусскихъ былинъ. Согласно съ тѣмъ закономъ, по которому вообще скопляются около любимыхъ лицъ разныя, прежде бывшія въ воображеніи народа представленія, мы не думаемъ, чтобы эти преданія были прямымъ исключитель-

нымъ воспоминаніемъ историческаго былаго. Это не просто только память о Владимирѣ дѣйствительномъ, историческомъ: — это народный идеалъ князя, и если онъ соединился съ именемъ Владимира, то потому, что во Владимирѣ были черты, удовлетворявшія этому идеалу, хотя, быть можетъ, черты эти вовсе были не главными въ историческомъ лицѣ, и самимъ пребываніемъ его имени въ памяти послѣдующихъ вѣковъ онъ одолженъ не этимъ чертамъ, которыя въ фантазіи выдвинулись на первый планъ. Если Владимиръ ярче всѣхъ князей остался въ памяти потомства, то, конечно, оттого, что онъ былъ великій преобразователь земли и народа, просвѣтитель свѣтомъ христіанства; но, уважая въ немъ эти высокія заслуги, народъ, относясь къ нему съ любовью, болѣе всего плѣнялся въ немъ такими качествами, которыя, по понятію народа составляли и носили образъ добраго, любимаго князя: образъ князя гостепріимнаго, радушнаго, милостиваго и, главное, устраивающаго пиры и кормящаго всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ, — и за этимъ образомъ потускнѣли уже самыя тѣ черты, которыя составили историческую славу Владимира. Народу отрадно было, что такой князь, который совершилъ такія великія перемѣны въ его судьбѣ, былъ князь добрый, милостивый и любилъ творить пиры и праздники, и всякаго кормить и поить. Всякую недѣлю — гласитъ преданіе, передаваемое лѣтописцемъ — у Владимира былъ пиръ въ гридницѣ: къ нему приходили, по его распоряженію, бояры, гриди, сотскіе, десятскіе, нарочитые мужи: былъ ли самъ князь лично на пиру или не было, всего было изобильно: мяса, звѣрины, скота; бѣдные смѣло приходили на княжескій дворъ, брали все, что имъ нужно было: и яденье, и питье, — и деньгами имъ давали; мало этого, князь заботился о тѣхъ, которые были немощны

и не въ силахъ были придти на княжій дворъ: для тѣхъ приказалъ онъ возить по городу хлѣбъ, рыбу, мясо, овощь, медъ и квасъ. Какъ не видѣть въ этихъ чертахъ простодушнаго идеала князя въ воображеніи народа! Владиміръ не ограничивался обычными каждонедѣльными пирами: въ большіе праздники, особенно въ случаѣ освященія церквей, Владиміръ устраивалъ пиры на самую широкую ногу. Такой пиръ остался въ народной памяти, занесенный въ лѣтописи подъ 996 годомъ, по поводу освященія церкви Преображенія въ Василевѣ, построенной по обѣту въ память избавленія отъ печенѣговъ. Пиръ продолжался восемь дней, а возвратившись въ Кіевъ къ Успенію Богородицы, князь устроилъ тамъ другой праздничный пиръ. На такія особыя торжественныя празднества созывались гости изъ другихъ городовъ. При этомъ всегда раздавалась щедрою рукою милостыня убогимъ. Такимъ образомъ, по народному представленію, князь Владиміръ не только не похожъ былъ на отцовъ и дѣдовъ, но составлялъ имъ противоположность. Прежніе князья только и знали, что брали съ людей, да накладывали дани; Владиміръ, напротивъ, представляется болѣе дающимъ народу, чѣмъ берущимъ отъ него. Это уже князь не дружинный, а земскій. Вмѣсто того, чтобъ примучивать подданныхъ да вымучивать изъ нихъ послѣднее, Владиміръ дотого добродушенъ, что боится даже казнить разбойниковъ, которые, по замѣчанію лѣтописца, очень умножились въ тѣ времена. Мы думаемъ однако, что эти жалобы на умноженіе разбойниковъ были скорѣе сознаніемъ, возникшимъ при вѣяніи новой христіанской жизни, необходимости безопасности и мѣръ къ недопущенію своевольства, къ положенію предѣла дикимъ страстямъ. Разбой, по смыслу, какой давался этому слову, не значилъ исключительно того, что мы, въ строгомъ

значенiи его, понимаемъ теперь; но обнималъ собой и всякое своевольство, не щадившее правъ личности и собственности, свойственное дикому языческому обществу, но возбуждавшее негодованiе христiанъ. Епископы требовали казнить разбойниковъ, но скоро туземныя понятiе взяли верхъ; вмѣстѣ съ епископами и старцами рѣшено было наказывать ихъ вирою, которую употреблять на средства къ защитѣ страны. Съ принятiемъ Христовой вѣры измѣнялось значенiе князя и вмѣстѣ съ тѣмъ его дружины. Если князь попрежнему бралъ дань, то уже на него также ложились и обязанности; онъ дѣлался охранителемъ страны, блюстителемъ правды внутри и безопасности извнѣ; онъ долженъ былъ строить церкви, заботиться о распространенiи вѣры, о благосостоянiи края, о просвѣщенiи жителей, кормить голодныхъ, призрѣвать убогихъ и сирыхъ; уже то, что онъ получалъ со страны, не дѣлалось его исключительною собственностью, но значительная часть взятаго должна была возвращаться въ нѣдра страны для общей пользы. Его дружина переставала быть отрѣзанною отъ земства шайкою, служащею только князю и собственнымъ выгодамъ, но вмѣстѣ съ своимъ княземъ она должна была служить землѣ. Еще и прежде Владимира дружина не могла удержатьз наченiя корпорацiи, противоположной и враждебной земству, какою она вѣроятно была при своемъ зародышѣ, такъ какъ изъ земскихъ людей поступали въ дружинники, оставаясь мимо своей воли въ связи съ землею. Походы князей на иноплеменниковъ и возможность наживы на счетъ сосѣдей, отвлекали дружину отъ грабежей въ русскихъ земляхъ и тѣмъ привлекали къ ней болѣе людей изъ этихъ земель. Съ принятiемъ христiанства интересы дружины еще больше стали совпадать съ интересами земства, и дружина дѣлалась собственно только выборомъ

изъ того же земства, окружавшимъ князя и вмѣстѣ съ нимъ долженствовавшимъ охранять землю и работать для ея пользы. Такія условія вырабатывались, разумѣется, не вдругъ, но преданіе уже на времена Владимира относитъ ихъ, какъ видно изъ сказанія, что дружина Владимира, подпивши, стала жаловаться, что ей даютъ ѣсть деревянными, а не серебряными ложками, и Владимиръ, исполняя такую прихоть своей дружины, сказалъ: «сребромъ и златомъ я не куплю дружины, а дружиною достану сребро и золото». На этомъ пирѣ, на которомъ по преданію дружина обмѣнялась съ княземъ такими замѣчаніями, по извѣстію лѣтописца, была не одна дружина, въ тѣсномъ смыслѣ, но всякіе люди нарочитые, да и слова Владимира, что онъ не можетъ купить сребромъ и золотомъ дружины, показываютъ, что князь представленъ здѣсь понимающимъ дружину въ смыслѣ широкомъ, въ значеніи людей близкихъ къ себѣ, совѣтниковъ. Въ Софійскомъ спискѣ эта дружина называется просто «люди».— Въ этихъ преданіяхъ видно уже начало инаго строя, который неизбѣжно возникалъ подъ вліяніемъ великаго преобразованія Владимирова времени.

Преданіе о населеніи городовъ по Деснѣ, Острѣ, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, куда набраны были поселенцы изъ (новгородскихъ) славянъ, вятичей, кривичей и чуди, носитъ на себѣ несомнѣнную печать достовѣрности. Понятно, что черезъ восемьдесятъ и даже черезъ сто лѣтъ живы были воспоминанія такого рода, и потомки поселенцевъ помнили свое происхожденіе. Также вполнѣ исторично, кажется намъ, извѣстіе о заведеніи училищъ, разомъ съ построеніемъ церквей, и назначеніе при нихъ духовенства (и нача ставити по градомъ церкви, и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селамъ. Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и

даяти нача на ученье книжное, матере же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвеци плакахуся) (Лавр. 116). Такое извѣстіе не могло возникнуть путемъ составленія поэтическихъ преданій, когда готовые въ воображеніи народа представленія примыкаютъ къ данному лицу, событію и мѣсту, на основаніи какихъ-нибудь сходныхъ признаковъ дѣйствительности съ идеальнымъ образомъ. У народа не могло быть прежде такого представленія о князѣ, обучающемъ народъ грамотѣ, какъ о князѣ задающемъ веселые пиры, раздающемъ щедро дары или охраняющемъ край отъ враговъ. Извѣстіе это могло быть только прямымъ воспоминаніемъ объ историческомъ фактѣ, поддерживаемымъ продолженіемъ его въ послѣдующее время. У насъ въ наукѣ возникалъ вопросъ о томъ, какъ понимать это обученіе: какъ необходимую подготовку духовныхъ, которые становились нужными при распространенія вѣры, или же какъ намѣреніе вообще распространить въ народѣ книжное просвѣщеніе. Судя, съ одной стороны, по смыслу, въ какомъ передается это извѣстіе въ лѣтописи, а съ другой, по замѣчательно быстрому, хотя и короткому процвѣтанію умственной дѣятельности въ кіевскій періодъ, надобно полагать, что предпріятіе Владимира имѣло и ту и другую цѣль. Восторженный тонъ, съ какимъ говоритъ лѣтописецъ объ этомъ (симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ събыстся пророчество на русьстѣй земли глаголющее: во оны дни услышать глусіи словеса книжная и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей, помилова Богъ) показываетъ, что по воззрѣнію писавшаго извѣстіе объ обученіи народа, это обученіе было въ широкомъ размѣрѣ, что вполнѣ возможно, такъ какъ и въ Византіи, откуда

онъ принялъ крещеніе, грамотность была значительно распространена въ народѣ. Владиміръ понялъ, что для утвержденія новой вѣры, а съ ней вмѣстѣ и христіанскихъ порядковъ, первое и важнѣйшее средство было обученіе народа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, которыя способствовали бы намъ получить отвѣтъ на нѣкоторые вопросы первой важности, которые возникаютъ для насъ по этому поводу. Заведеніе училищъ требовало учителей, которыми вѣроятно были болгары, знавшіе славянскій языкъ. Какъ бы то ни было, какъ ни скудны данныя, которыя бы могли дать намъ болѣе ясный образъ Владиміра и его эпохи, самыхъ тусклыхъ представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владиміра, хотя видимая нами сквозь призму народныхъ преданій, все-таки настолько кажется высокою, громадною, что въ нашей исторіи одна только личность можетъ стать съ нимъ въ уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорятъ за него. Онъ былъ также истиннымъ творцомъ гражданственности и политическаго бытія Руси, какъ и ея просвѣтителемъ въ религіозномъ отношеніи.

XVI.

Полоцкія преданія о Рогнѣдѣ.

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ въ продолженіи первоначальной лѣтописи подъ 1128 годомъ (см. стр. 284—285) занесены преданія, относящіяся ко времени Владиміра, изъ которыхъ одно съ измѣненіями вошло въ первоначальную лѣтопись, а другое не только не вошло въ нее, но противно ей по главнымъ чертамъ содержанія. Это преданіе о Роговолодѣ и Рогнѣдѣ. Сватовство Владиміра

на Рогнѣдѣ и его трагическая развязка приписываются здѣсь не прямо Владимиру, какъ въ первоначальной лѣтописи, а Добрынѣ, самъ же Владимиръ былъ тогда еще очень юнъ. Добрыня называется не дядею Владимира, какъ въ первоначальной лѣтописи, а только его воеводою (Володимиру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода и храборъ и нарядень мужь и съ посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Владимира). Отвѣтъ Рогнѣды тотъ же, что и въ первоначальной лѣтописи, но въ описаніи убійства Роговолода есть отличія и несходства. Въ первоначальной лѣтописи говорится, что, когда хотѣли Рогнѣду отдавать замужъ (вести) за Ярополка, пришелъ Владиміръ съ войскомъ, состоявшимъ изъ варягъ, словѣнъ, чуди и кривичей, убилъ Роговолода и двоихъ сыновей его, а дочь взялъ себѣ женою. Въ Лаврентьевской — Добрыня съ Владимиромъ набираетъ войско, но не говорится, изъ кого оно состоитъ. Роговолодъ вступаетъ въ битву и побѣжденный убѣгаетъ въ городъ. Добрыня съ Владимиромъ приступаютъ къ городу; городъ взятъ, Роговолодъ съ женою и дочерью попадаютъ въ плѣнъ. Тогда Добрыня поругался надъ отцомъ и дочерью. О двоихъ сыновьяхъ, о которыхъ сообщаетъ первоначальная лѣтопись, здѣсь нѣтъ и помина (Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Володимиру быти съ нею предъ отцемь ея и матерью). Потомъ отца убили, а дочь Владимиръ взялъ себѣ въ жену и нарекли ей имя Горислава. Она родила Изяслава. Этотъ разсказъ приводитъ лѣтописецъ вообще по поводу полоцкихъ князей и ихъ родовыхъ отношеній и ссылается, что такъ говорили вѣдущіе (о сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущіи преже). Преданіе, очевидно, въ сущности одно и то же, что и въ пер-

воначальной лѣтописи, однако въ Лаврентьевской оно взято изъ инаго варіанта. Но при крупныхъ отличіяхъ и несходствахъ этихъ варіантовъ, какъ въ первоначальной лѣтописи, такъ и въ Лаврентьевской, мы встрѣчаемъ буквально однѣ и тѣ же выраженія, а именно: «Онъ же (Роговолодъ) рече дъщери своей: хощеши ли за Володимира? Она же рече: не хочу розути робичича, но Ярополка хочю. Бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья имѣяше волость свою Полтескъ (въ первоначальной лѣтописи: имѣяше власть свою въ Полтскѣ). Такая одинаковость нѣсколькихъ выраженій, при различіи разсказа, могла произойти оттого, что оба лѣтописца заимствовали изъ разныхъ варіантовъ одного и того же сказанія, существовавшаго, вѣроятно, въ формѣ думы или пѣсеннаго повѣствованія, причемъ всегда бываетъ, что въ различныхъ варіантахъ сохраняются постоянно одинакія типическія выраженія. Мы не можемъ допустить, чтобы занесшій это сказаніе въ Лаврентьевскую лѣтопись умышленно старался согласовать его съ повѣствованіемъ первоначальной лѣтописи. Если во фразѣ о Всеславичахъ (о сихъ Всеславичахъ сице есть яко сказаша вѣдущи преже) слово «преже» понимать какъ намекъ на записанное въ первоначальной лѣтописи (что, однако, можетъ имѣть совсѣмъ иной смыслъ: что прежде сказывали знающіе ъюди), то и тогда слѣдуетъ принять во вниманіе, что этого слова въ нѣкоторыхъ спискахъ (Радзивилловскомъ и Троицкомъ) Лаврентьевской лѣтописи совсѣмъ нѣтъ, а это скорѣе можетъ повести къ догадкѣ, что слово «преже» не составляетъ существенной части рѣчи.

Второе преданіе, какъ видно, неизвѣстно было первоначальному лѣтописцу. Оно очевидно исключительно полоцкое. У Рогнѣды — иначе Гориславы — отъ Владимира былъ сынъ Изяславъ. Владимиръ взялъ себѣ иныхъ

многихъ женъ и не взлюбилъ Рогнѣду. Однажды онъ пришелъ къ ней и уснулъ. Рогнѣда хотѣла зарѣзать его соннаго, но онъ въ это время проснулся и схватилъ ее за руку. «Горько мнѣ стало — сказала она — ты убилъ моего отца и полонилъ его землю, все за меня, а теперь не любишь меня съ этимъ ребенкомъ». Владиміръ приказалъ ей одѣться, какъ въ день свадьбы, понаряднѣе, и сѣсть на постелѣ въ украшенномъ покоѣ: туда придетъ онъ и тамъ убьетъ ее. Но Горислава научила своего сына Изяслава, взявъ мечъ, выступить на встрѣчу отцу и сказать: «ты думаешь, что ты здѣсь одинъ». Когда сдѣлалось такъ, Владиміръ бросилъ свой мечъ, которымъ хотѣлъ умертвить Рогнѣду, созвалъ боляръ и передалъ имъ на обсужденіе свое семейное дѣло. Боляры сказали: «не убивай ее, ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и отдай ей вмѣстѣ съ сыномъ». Владиміръ построилъ Рогнѣдѣ и ея сыну городъ и назвалъ его Изяславль. Лѣтописецъ оканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, которое поясняетъ и смыслъ разсказа и его происхожденіе. «И оттолѣ — говоритъ онъ — мечъ взимаютъ внуки Роговоложи противу Ярославовымъ внукомъ». Такимъ образомъ, это преданіе ставится въ тѣсную связь съ тою враждою, какую дѣйствительно мы видимъ въ продолженіе многихъ поколѣній между родомъ Изяслава, княжившимъ въ Полоцкѣ и развѣтвившимся по всей Кривской и Дреговицкой землѣ, и родомъ Ярослава, развѣтвившимся по остальной Руси. Должно быть, въ этой враждѣ принимали участіе не однѣ родовыя причины, но и земскія; во всякомъ случаѣ такое преданіе, какъ смерть Роговолода, трагическая судьба Гориславы — праматери полоцкаго княжескаго рода, должно было нравственно поддерживать и освящать враждебныя побужденія общимъ родовымъ воспоминаніемъ. Весь родъ

полоцкихъ князей помнилъ свое происхожденіе по женской линіи, болѣе чѣмъ по мужеской. Ихъ лѣтописецъ называетъ общимъ именемъ внуковъ Роговолода и, дѣйствительно, имя Роговолода не умирало въ потомкахъ его дочери; многіе изъ послѣднихъ полоцкихъ князей носили это имя.

Второе преданіе о Рогнѣдѣ, записанное въ Лаврентьевской лѣтописи, діаметрально противоположно первоначальной лѣтописи, главнымъ образомъ потому, что по Лаврентьевской выходитъ, что у Рогнѣды отъ Владимира былъ одинъ только сынъ Изяславъ. Съ нимъ съ однимъ онъ удалилъ ее отъ себя и, слѣдовательно, онъ не могъ уже имѣть отъ нея другихъ дѣтей. Но въ первоначальной лѣтописи сыновьями Рогнѣды называются, кромѣ старшаго Изяслава, въ такомъ порядкѣ еще три князя: Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ, и такъ какъ самъ Ярославъ, родоначальникъ тѣхъ всѣхъ русскихъ князей, съ которыми въ родовой враждѣ находились потомки Рогнѣды, былъ самъ сыномъ Рогнѣды, то здѣсь уже нѣтъ мѣста связи между этой враждой и исторіею Рогнѣды, да и самое преданіе, записанное въ Лаврентьевской лѣтописи, дѣлается невозможнымъ въ соглашеніи съ первоначальною лѣтописью. Но въ первоначальной лѣтописи по этому поводу возникаетъ противорѣчіе и нелѣпость. Ярославъ, какъ сказано подъ 1054 годомъ, скончался 76-ти лѣтъ отъ роду (жилъ же всѣхъ лѣтъ 70 и 6). Но если такъ, то значитъ онъ долженъ былъ родиться въ 978 году, и это выходитъ за два года до брака его отца съ его матерью! Все это наглядно показываетъ, что въ лѣтописные своды входили разнородныя и противорѣчивыя извѣстія, и сводчики мало обращали вниманія на то, чтобъ соглашать ихъ, а часто помѣщали какъ попало то, что слышали. Разность представленій о Рогнѣдѣ и

ея потомствѣ служитъ для насъ образчикомъ и разительнымъ доказательствомъ того, что преданія, занесенныя въ лѣтописи, ходили (какъ и слѣдовало ожидать сообразно общему свойству преданій) въ разныхъ варіантахъ, а намъ большая часть ихъ досталась только въ одномъ, и потому основываться на нихъ и считать за ними фактическую правду въ томъ видѣ, въ какомъ они занесены въ лѣтописи, будетъ до крайности опрометчиво. Изъ двухъ извѣстій о Рогнѣдѣ и ея потомствѣ можно скорѣе считать ближе къ фактической правдѣ преданіе полоцкое, по крайней мѣрѣ потому, что съ нимъ соединяли понятіе о причинѣ вражды полоцкихъ князей къ князьямъ Ярославова дома, факта несомнѣннаго. У полоцкихъ князей, такимъ образомъ. было убѣжденіе, что они по происхожденію отличны отъ Ярославичей; они одни считали себя внуками Роговолода; у нихъ одннхъ было въ употребленіи предковское имя. Что касается до самой личности Роговолода, то надобно думать, что пѣсенная фантазія сдѣлала его пришельцемъ изъ-за моря, по общему свойству преданій выводить героевъ и предковъ издалека. Имя Роговолода чисто славянское. Вѣроятнѣе всего, онъ былъ природный мѣстный князь Полоцкій, и оттого-то имя его такъ прильнуло къ роду князей мѣстныхъ, происходившихъ отъ него только по женской линіи. Народъ видѣлъ въ своихъ князьяхъ близкій себѣ мѣстный, а не прихожій, не завоевательный элементъ.

XVII.

Преданія о Владимирѣ и его эпохѣ въ Никоновскомъ сводѣ лѣтописныхъ сказаній.

Въ строю нашихъ историческихъ источниковъ вообще, а въ особенности по отношенію къ эпохѣ Владимира, есть вопросъ, еще не установившійся и нерѣшенный безповоротно, — это вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать тѣ сказанія о разсматриваемой нами эпохѣ, которыя, не находясь въ спискахъ болѣе древнихъ нашей первоначальной лѣтописи, встрѣчаются въ такъ-называемой Никоновской лѣтописи, сводѣ списковъ, составленномъ въ XVI-мъ вѣкѣ и напечатанномъ по разнымъ спискамъ этого свода, подъ именемъ патріаршей или Никоновой, лѣтописи въ 9-мъ томѣ полнаго собранія лѣтописей, изданныхъ археографическою коммиссіею. Карамзинъ положительно отвергалъ фактическую достовѣрность этихъ сказаній, но позднѣйшіе историки и изслѣдователи, вполнѣ почтенные и авторитетные, смотрѣли на нихъ иначе, руководствуясь вообще довольно легкимъ критическимъ правиломъ допускать за вѣрное то, что̀ кажется правдоподобнымъ.

Для насъ вопросъ о фактической достовѣрности, хотя самъ по себѣ очень важенъ, не составляетъ, однако, главнаго достоинства сказанія. Изъ того, что вошло въ первоначальную лѣтопись, мы только за немногимъ и то больше въ общихъ чертахъ, признаемъ фактическую достовѣрность, однако тѣмъ не менѣе считаемъ большою историческою драгоцѣнностію все содержаніе этой лѣтописи. Что нужды, что походъ Святослава на грековъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ описанъ въ лѣтописи, очевидно, на основаніи народнаго сказанія, или

народной думы? Все равно, остается тотъ фактъ, что именно такъ сложилось о немъ представленіе у народа, а такого рода факты мы считаемъ столько же важными, какъ и то, какимъ образомъ происходило на самомъ дѣлѣ сообщаемое событіе; иногда же фактическая достовѣрность, по незначительности самаго факта, бываетъ въ особенности важною только потому, что служитъ мѣриломъ важности сообщаемыхъ въ данномъ источникѣ вымысловъ, въ смыслѣ признанія такихъ вымысловъ народнымъ произведеніемъ цѣлыхъ массъ и поколѣній, а не личности какого-нибудь писателя. Нельзя признавать вообще недостовѣрными и неважными извѣстія, встрѣчаемыя въ позднѣйшихъ спискахъ, единственно на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ въ болѣе старыхъ спискахъ, такъ какъ у насъ нѣтъ такихъ списковъ первоначальной лѣтописи, которые бы мы могли хотя приблизительно назвать современными ея составленію. Самый сравнительно древній списокъ, Лаврентьевскій, двумя стами семидесятью годами моложе извѣстной намъ ранней редакціи первоначальной лѣтописи, указываемой подъ 1110-мъ годомъ. Если мы видимъ въ болѣе позднихъ спискахъ то, чего не находимъ въ извѣстныхъ намъ болѣе старыхъ, то въ послѣднихъ могло быть упущено то, что находилось въ тѣхъ болѣе древнихъ, которые не дошли до насъ, и въ позднѣйшіе списки могли заноситься извѣстія изъ этихъ неизвѣстныхъ для насъ древнѣйшихъ списковъ. Вѣроятность этого подтверждается нѣкоторыми примѣрами, показывающими, что въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаются и опущенія того, что находится въ болѣе старыхъ. Напр., въ Софійскомъ спискѣ первоначальной лѣтописи, который позднѣе Лаврентьевскаго, при исчисленіи событій временъ Владимира, опущены кое-какія

извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ, какъ-то: подъ 6506—6519-мъ годами мы не видимъ преставленія Мальфрѣди, Рогнѣды, Всеслава, перенесенія святыхъ въ церковь Богородицы, также подъ 6524-мъ о сгорѣніи церквей въ Кіевѣ, подъ 6537-мъ годомъ о мирѣ, подъ 6545 о построеніи церкви Ирины, о любви Ярослава къ книгамъ; подъ 6559 нѣтъ пространнаго сказанія объ основаніи Печерскаго монастыря. Въ патріаршей или Никоновой лѣтописи многіе разсказы, подробно изложенные въ старыхъ спискахъ, сокращены, напр.: о мести Ольги надъ древлянами; а о распоряженіяхъ Ольги въ Древлянской землѣ вовсе нѣтъ ничего; въ повѣствованіи о Владимирѣ нѣтъ ничего о низверженіи Перуна въ Днѣпръ, о пирѣ, устроенномъ въ Василевѣ, о возобновленіи виры и проч.; такимъ же образомъ, по аналогіи, можно допускать, что и въ Лаврентьевскомъ упущено что-нибудь такое, что находилось въ болѣе древнихъ спискахъ; наоборотъ, могли быть и несомнѣнно были такія извѣстія, которыя не входили въ первую редакцію первоначальной лѣтописи, а включены въ нее послѣ, и которыя однако имѣютъ одинаковое значеніе съ вписанными первымъ составителемъ лѣтописнаго свода. Таковы извѣстія, касающіяся Новгорода, очевидно вписанныя новгородцами, знавшими свои мѣстныя событія и преданія лучше другихъ. Въ числѣ ихъ бросается намъ въ глаза преданіе о низверженіи Перуна въ Волховъ. Когда этого идола бросили въ Волховъ, то вошелъ въ него бѣсъ; и сталъ идолъ кричать, и бросилъ на мостъ палицу свою и сказалъ: «поминайте меня, новгородскія дѣти!» оттого новгородцы такъ и дерутся между собою. Преданіе это выдумано въ Новгородѣ въ качествѣ остроты надъ новгородскими драками, часто происходившими на волховскомъ мосту. Другой анекдотъ о Пидьблянинѣ, который,

ѣдучи въ городъ съ горшками, увидѣлъ Перуна, приплывшаго къ берегу, и оттолкнулъ его, сказавши: «довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, теперь плыви прочь!» также носитъ насмѣшливый колоритъ. Можно принять за вѣрное, что оба преданія первоначально сочинены были книжными людьми, потому что въ нихъ виденъ взглядъ автора, какъ бы стоящаго внѣ массы и наблюдающаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насмѣхающагося надъ свойствами этой массы. Но преданія эти таковы, что, бывъ сочинены отдѣльными лицами, могли легко разойтись въ народѣ; до какой степени они въ свое время онародились, мы не знаемъ, но если только съ ними это случилось, то конечно въ тѣ времена, когда уже христіанство восторжествовало, и воспоминанія о язычествѣ, теряя его признаки, возбуждавшіе прежде живую злобу, облекались насмѣшкою. Новгородскіе книжники занесли это преданіе въ первоначальную лѣтопись. Подобнымъ путемъ входило въ лѣтопись и многое другое по мѣрѣ того, какъ лѣтопись распространялась по русскимъ землямъ. Какъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вполнѣ законно появлялись такія вставки, показываетъ мѣсто подъ 6527-мъ годомъ, гдѣ описывается, какъ Ярославъ бился съ Святополкомъ Окаяннымъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ разсказывается, какъ кіевляне издѣвались надъ новгородцами, называли ихъ плотниками и грозили приставить ихъ строить себѣ хоромы. Новгородцы раздражились, кричали, что терпѣть болѣе не станутъ и непремѣнно перевезутся утромъ черезъ Днѣпръ. Святополкъ стоялъ между озерами и всю ночь пилъ съ своею дружиною. Утромъ Ярославъ съ новгородцами переправился и началась сѣча. Но новгородецъ, списывавшій это извѣстіе рибавилъ такія черты, которыя были извѣстны ему изъ мѣстныхъ новгородскихъ преданій и были неизвѣстны

кіевскому описателю тѣхъ же событій. У Святополка былъ мужъ, расположенный къ Ярославу; къ нему послалъ Ярославъ отрока своего сказать ему: «Оньси! что ты тому велишь творити? Меду мало, а дружины много». На это мужъ, находившійся въ противномъ станѣ, отвѣчалъ: «Рчи Ярославу: да че меду мало, а дружины много, а къ вечеру вдати!» Ярославъ изъ этихъ неясныхъ словъ уразумѣлъ, что надобно сдѣлать нападеніе въ ночь и тотчасъ, вечеромъ — а не утромъ, какъ поставилъ кіевлянинъ, описывавшій это событіе — переправился черезъ Днѣпръ и приказалъ своей дружинѣ въ знакъ отличія отъ враговъ обвивать головы платками, а послѣ одержанной побѣды раздавалъ своимъ воинамъ деньги. Эти извѣстія вставлены, но, какъ мѣстныя преданія, они не портятъ, а поправляютъ первоначальную редакцію и дополняютъ ее. Понятно, что подобныя мѣстныя преданія, вписанныя въ тѣ списки, которыя попали въ тѣ земли, откуда эти преданія могли быть заносимы, или которые составлялись въ этихъ земляхъ съ прежнихъ списковъ, не попадали въ другіе списки, миновавшіе эти земли. Бывало, какъ видно, и наоборотъ. Переписчикъ, по своему вкусу и понятіямъ, находилъ неважнымъ сказаніе и и сокращалъ его, другое находилъ непонятнымъ и выпускалъ либо измѣнялъ. Этимъ можно объяснить сокращенныя извѣстія о мести Ольги въ патріаршей лѣтописи, а равно и то, какимъ образомъ цѣрь измѣнялась въ сѣру, капища въ болваны, ладья (оноя страны въ разсказѣ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ при Святославѣ) въ людей, усніе въ кожу сыромятную, провары въ берковски и проч. и проч. Иныя извѣстія показывались переписчикамъ требующими тутъ же поясненій. Напр., извѣстіе первоначальной лѣтописи о томъ, что Владимиръ, строя города въ русской землѣ, населялъ ихъ словѣнами и кри-

вичами, у послѣдующаго переписчика потребовали пояснительныхъ словъ, и въ Никоновой лѣтописи мы встрѣчаемъ фразу: «словѣни сирѣчь новгородци, кривичи сирѣчь смольняни». Были и такія измѣненія, относительно которыхъ теперь намъ уже трудно рѣшить, какая редакція древнѣе и правильнѣе, напр., въ извѣстіи о томъ, что Владимиръ совѣтовался съ близкими себѣ людьми о строеніи земли: въ Лаврентьевскомъ спискѣ эти близкіе названы дружиною, а въ Софійскомъ они названы просто люди, и послѣднее быть можетъ точнѣе, такъ какъ и по Лаврентьевскому списку смыслъ предшествовавшихъ словъ не даетъ намъ права заключать, чтобы здѣсь рѣчь шла о дружинѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого названія. Подобныхъ примѣровъ можно представить довольно, но подробный анализъ лѣтописныхъ текстовъ не составляетъ цѣли настоящаго сочиненія, котораго кругъ указывается его названіемъ. Мы хотимъ только указать, что ненахожденіе извѣстія въ спискахъ, которые въ нашихъ глазахъ имѣютъ сравнительно авторитетъ древности, а равно и измѣненія въ изложеніи и выраженіи этихъ извѣстій не могутъ такое извѣстіе или измѣненіе лишать права на историческое значеніе. Подновленный языкъ, хотя вообще служитъ качествомъ ослабляющимъ достовѣрность, самъ по себѣ не можетъ уничтожать этого права, если при этомъ не измѣняетъ смыслъ рѣчи. За то не слѣдуетъ, опираясь на это, быть легковѣрнымъ и успокоиваться на правдоподобіи, какъ у насъ нерѣдко бывало. Правдоподобіе хотя всегда будетъ важнѣйшимъ признакомъ, ведущимъ къ признанію историческаго значенія за даннымъ извѣстіемъ, не можетъ однако и не должно быть исключительною и единственною нашею опорою въ этомъ отношеніи. Если очень часто выдумки обличаютъ себя неправдоподобіемъ и неловкостію сочиненія, то можетъ быть

и ложь правдоподобная. Съ другой стороны, наше незнакомство съ разными подробностями прошедшаго стариннаго быта можетъ привести насъ къ искушенію признавать неправдоподобнымъ, по нашимъ соображеніямъ, то, что въ свое время по прежнимъ условіямъ было вполнѣ естественно. Вообще въ такихъ случаяхъ, кромѣ чутья, которое составляетъ душу исторической критики и которымъ въ замѣчательной степени обладалъ Карамзинъ, мы должны смотрѣть на характеръ источника, и если онъ окажется безспорно мутнымъ, исполненнымъ очевидной лжи, то самое подробное извѣстіе, имъ передаваемое, нельзя принимать за достовѣрное, если это извѣстіе не подтверждается другимъ источникомъ, заслуживающимъ болѣе вѣры. Такое извѣстіе ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть исторической важности, кромѣ только для характеристики самаго источника. Приложеніе этихъ правилъ къ нашимъ лѣтописнымъ спискамъ представляетъ большое затрудненіе именно потому, что всякій изъ этихъ списковъ не есть произведеніе одной личности или одной эпохи, и явныя черты, дающія тексту въ одномъ мѣстѣ характеръ недостовѣрности и незначительности по отношенію къ исторической важности, въ другомъ не могутъ всегда служить опорою, такъ какъ переписчикъ, списывая чужое, могъ списать и правду и ложь, сочиненную прежними книжниками, или же могъ въ одномъ мѣстѣ по своему вкусу исказить текстъ переписываемаго, а въ другомъ оставить его неискаженнымъ. Отъ этого при самыхъ счастливыхъ для насъ сочетаніяхъ признаковъ, дающихъ право на соображенія, необходимо должны будутъ оставаться такія извѣстія, о которыхъ придется ограничиться однимъ сомнѣніемъ.

Предъ нами патріаршая или Никонова лѣтопись съ

ея воспроизведеніемъ первоначальной Сильвестровой лѣтописи и съ ея прибавками. Такъ какъ разсмотрѣніе ея цѣлости не составляетъ въ настоящее время нашей цѣли, то мы ограничимся тѣмъ періодомъ, который насъ занимаетъ въ данную минуту, періодомъ княженія Владимира отъ его крещенія до смерти.

Кромѣ такихъ извѣстій, которыхъ, какъ и самаго предмета ихъ, вовсе нѣтъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ, мы встрѣчаемъ здѣсь такія описанія, которыя явно взяты изъ того же текста, какой находится въ означенныхъ нами двухъ раннихъ спискахъ, но съ такою амплификаціею, которая показываетъ, что книжникъ, передавшій эти описанія своду патріаршей лѣтописи, не слишкомъ застѣнчиво обращался съ тѣмъ, что переписывалъ, а находя кое-что по своему вкусу недостаточнымъ, дополнялъ собственными измышленіями.

Вотъ битва силача съ печенѣжаниномъ. Разсказъ въ сокращенномъ видѣ противъ извѣстнаго намъ болѣе древняго текста; онъ лишенъ здѣсь прелести народнаго сказанія, за то есть свои прибавки и измѣненія, но такого свойства, что никакъ нельзя растолковать ихъ тѣмъ, что книжникъ внесъ ихъ потому, что узналъ какія-нибудь подробности, которыхъ не зналъ записавшій сказаніе прежде. Ничего подобнаго не выказывается. Вмѣсто современнаго, естественнаго по своему строю, извѣстія о томъ, что послѣ вызова со стороны печенѣговъ Владимиръ послалъ биричей (или вирича, по Ипатскому) «по товаромъ», то-есть по войсковому обозу, въ Никоновскомъ сводѣ «по всей русской землѣ пославъ взыскати такова человѣка»: замѣненіе русскою землею «товаровъ», конечно, позднѣйшее и не могло основываться на какой-нибудь поправкѣ другою древнею редакціею, потому что посольство «по товарамъ» вяжется

со всѣмъ тономъ сказанія, а посольство по всей русской землѣ никакъ съ нимъ не вяжется. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ отецъ говоритъ Владиміру, что сынъ его мялъ кожу, а въ патріаршей лѣтописи, что онъ кроилъ кожу, да еще прибавлено «сыромятную» великаго вола «аргичнаго» (обознаго); очевидно, книжникъ по собственному соображенію добавилъ то, чего не было въ текстѣ, и уже измѣнилъ нѣсколько смыслъ разсказа. Далѣе въ текстѣ старинныхъ списковъ сказано только, что печенѣжанинъ, увидя русскаго силача, посмѣялся, но книжнику, котораго передѣлка вошла въ Никоновскій сводъ, этого показалось недостаточно; онъ вообразилъ себѣ, какъ печенѣжанинъ посмѣялся, что̀ именно печенѣжнинъ тогда сказалъ въ насмѣшку, и привелъ слова, которыя вложилъ ему въ уста: «како сей худый грядетъ противъ мене братися?» Мы увѣрены, что если бы въ первоначальной редакціи, вмѣсто словъ «посмѣвся» было выражено, какими словами посмѣялся печенѣжанинъ надъ русскимъ, то вышло бы что-нибудь позамысловатѣе; напротивъ, неприведеніе точныхъ словъ насмѣшки печенѣга вполнѣ естественно: печенѣгъ этотъ не зналъ по-русски и русскіе могли только замѣтить, что онъ смѣялся или издѣвался надъ русскимъ силачомъ, но не понимали словъ его; предшествовавшіе переговоры могли происходить черезъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли по-русски, а вся рать не знала чужаго языка. Такъ всегда бываетъ, и если самая битва есть локализованный сказочный вымыселъ, то нельзя не признать естественности и стройности за его изложеніемъ въ старинныхъ спискахъ. Въ этихъ спискахъ битва изображается просто, но образно и естественно: «и размѣрившe межи обѣма полкома, пустиша я ксобѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣжанинъ въ руку до смерти и удари имъ

о землю»; — въ Никоновской лѣтописи, вмѣсто этого, напыщенная книжная риторика съ религіознымъ колоритомъ, показывающая, что духовное книжное лицо нашло простое описаніе слишкомъ недостойнымъ своего пера и замѣнило его своимъ: «И поиде ко отроку яростно дыша яко левъ и гордостію вздымаяся яко демонъ, и крича и въпіа на отрока; отрокъ же, надежу имѣя на Бога и на пречистую Богородицу, не бояся противу его идяше и одолѣвъ уби богатыря печенѣжьскаго».

Посмотримъ на другое сказаніе. Въ старинныхъ спискахъ подъ 6504, а въ Никоновой подъ 6506 г., разсказывается о свершеніи церкви Десятинной (замѣтимъ, что въ первыхъ спискахъ это происходитъ до приключенія въ Василевѣ, а въ Никоновской послѣ). Въ старинныхъ спискахъ послѣ молитвы Владимира говорится отъ его имени просто: «даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». Въ Никоновскомъ эти слова уже и сами по себѣ измѣнены, да еще прибавленъ «отецъ митрополитъ» (объ этомъ предметѣ скажемъ ниже). Владимиръ произноситъ эти слова «восплакавъ и прислезився» — опять прибавка очевидно риторичная. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ сообщается только, что Владимиръ далъ десятину Настасу Корсунянину, а въ Никоновскомъ, собственно безъ всякаго существенно новаго извѣстія (кромѣ присутствія митрополита), это выражается уже рѣчью Владимира и самая должность Анастаса для поясненія расширяется. «И рече ко Анастасу Корсунянину: да будетъ въ покореніи и послушаніи всяцемъ о Господи отцемъ нашимъ митрополитомъ, и вдаде десятиномъ и инымъ вещемъ хранителя Анастаса Корсунянина». Извѣстіе о томъ, что Владимиръ боялся казнить разбойниковъ, выражено въ старинныхъ спискахъ просто: «и умножишася разбоеве

и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ? онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбойникы». Все это въ Никоновской лѣтописи выражено съ амплификацiей, измѣняющей значительно смыслъ; вмѣсто «умножишася разбоеве» говорится «ненавидяй же добра дiаволъ сотвори въ людехъ лукавство и братъ брата и другъ другъ лихоимствоваша и сице умножишася разбои въ землѣ русстѣй». Епископы не прямо обращаются къ Владимиру, а къ митрополиту съ жалобой на великую кротость и тихость Владимира; митрополитъ посылаетъ ихъ же ко князю съ нравоученiемъ: «идите и рците ему, да воспрещаеть злымъ и да казнитъ разбойники по божественному закону, со испытанiемъ и разсмотрѣнiемъ, писано бо есть: овѣхъ милуйте разсужающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, тако бо есть воля Божiя, рече апостолъ: благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ неразумiе, и яко власти не суть боязнь благымъ дѣломъ, но злымъ, аще ли кто хощетъ власти небоятися, благое да творить, и имать похвалу отъ нея». Епископы идутъ къ Влади миру и начинаютъ вести рѣчь не отъ себя, а отъ лица митрополита: «отецъ твой Леонтъ, митрополитъ всея Руси, посла насъ къ тебѣ сице глаголя»; однако затѣмъ передается не то, что прежде влагалосъ въ уста митрополиту, а слѣдующее: «яко умножишася разбойници въ земли нашей и почто не воспрещаеши и не казниши ихъ?» Зачѣмъ явился здѣсь митрополитъ? Очевидно, это придумано было тогда, когда возникла мысль о безусловномъ iерархическомъ подчиненiи духовенства митрополиту, на что, какъ извѣстно, упирали особенно митро-

политы въ XIV и XV вѣкахъ по отношенію къ Новгороду. Епископы сами не смѣютъ идти ко князю Владиміру мимо своей верховной церковной власти, что̀ въ сущности нелѣпо, потому что вопросъ былъ не прямо церковный. Если митрополитъ былъ ближе ко князю, то почему же митрополитъ самъ не сказалъ ему того, что̀ передаетъ епископамъ? Далѣе: вмѣсто простого отвѣта Владимирова «боюся грѣха», въ Никоновской лѣтописи Владиміръ упражняется въ риторикѣ: «боюся Господа Бога; кто бо есмь азъ, яко много согрѣшихъ и беззаконновахъ паче всѣхъ человѣкъ подъ солнцемъ»; и епископы, вмѣсто простаго, но благоразумнаго совѣта Владиміру казнить преступниковъ съ разсмотрѣніемъ,—читаютъ ему проповѣдь объ обязанностяхъ князя въ самыхъ избитыхъ выраженіяхъ (поставленъ еси отъ Христа Бога на воспрещеніе и на обузданіе и на казнь злодѣйствующимъ, а добрымъ на милованіе и подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ злыхъ казнити, по закону божественному, а добрыхъ миловати, понеже власть въ обоихъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію, безъ сихъ бо властъ никакоже пребываетъ). Владиміра, послѣ того, заставляютъ произнести такое рѣшеніе: «да творю тако, якоже учить отецъ нашь и ваша свстость наказуеть». Все это выдумано, очевидно, для того, чтобъ изобразить похвальное смиреніе Владиміра и покорность духовной власти въ примѣръ другимъ свѣтскимъ властямъ; митрополитъ, какъ средоточіе духовной власти, стоитъ на первомъ планѣ. Въ старинныхъ спискахъ Владиміръ измѣняетъ систему правосудія по совѣту епископовъ и старцевъ и возобновляетъ виры, прежде отмѣненныя; сами епископы увидали, что смертная казнь не въ духѣ народа, и сообразили, что виры могутъ быть допущены, тѣмъ болѣе, что со-

ставляютъ доходъ, обращаемый на защиту страны. Въ Никоновскомъ сводѣ совсѣмъ нѣтъ ничего о возобновленіи виръ, и понятно почему: не слѣдовало представлять духовную власть такою измѣнчивою, да и съ достоинствомъ святого мужа въ особѣ Владимира сообразнѣе будетъ удержать тотъ способъ правосудія, какой принятъ въ благочестивой Византіи, чѣмъ допустить его предпочесть тотъ способъ, который соблюдался въ язычествѣ.

Въ старинныхъ спискахъ подъ 6508 годомъ сказано: «преставися Малъфрѣдь», очевидно лицо женскаго пола. Но позднѣйшій книжникъ, не понимая этого, и относя событіе къ 6510 г., вообразилъ, что идетъ рѣчь о мужчинѣ, передѣлалъ «Малъфрѣдь» въ «Малъврѣдъ» и прибавилъ эпитетъ «сильный», вѣроятно, соображая, что если смерть этого Малъврѣда заслужила упоминанія, то стало быть онъ отличался чѣмъ-то необыкновеннымъ, и потому позволительно прибавить къ нему «сильный». Подъ 6509 годомъ въ старинныхъ спискахъ говорится: «преставися Изяславъ, отецъ Брячиславовъ, сынъ Володимирь». И только. Но въ Никоновскомъ сводѣ подъ 6511 годомъ этотъ преставившійся князь является съ такими добродѣтелями, какими вообще привыкли украшать память князей, то-есть къ нему приложены избитыя фразы, подходящія къ кому угодно: «бысть же сей князь тихъ и кротокъ и смиренъ и милостивъ, и любя зѣло и почитая священническій чинъ, и иноческій, и прилежаше прочитанію божественныхъ писаній и отвращаяся отъ суетныхъ глумленій, и слезенъ и умиленъ и долготерпѣливъ». Такимъ образомъ, здѣсь риторическая амплификація смѣло создаетъ историческое лицо такимъ, какимъ, быть можетъ, оно вовсе не было.

Замѣчательно, однако, что подобныя прикрасы и прибавки, показывающія недобросовѣстное обращеніе съ

источниками, не систематически и не повсемѣстно вошли въ Никоновскій сводъ. Подъ 6523 годомъ, уже одновременно съ годомъ, указываемымъ въ старинныхъ спискахъ, разсказывается смерть Владимира, сходно съ описаніемъ въ Лаврентьевскомъ и въ Ипатскомъ спискахъ, и если бы гдѣ, то здѣсь кстати привести было митрополита, но его здѣсь именно нѣтъ. Такимъ образомъ, оказывается, что тогда какъ нѣкоторыя мѣста подвергнуты измѣненіямъ, прибавкамъ, выпускамъ и вставкамъ, другія остались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ въ спискахъ XIV-го и XV-го вѣка, съ небольшими перемѣнами въ языкѣ. Само собою разумѣется, что такимъ образомъ въ Никоновскій сводъ могло войти нетронутое позднѣйшими переписчиками и такое мѣсто изъ стариннаго списка, которое намъ является въ первый разъ въ позднемъ спискѣ, но которое все-таки принадлежитъ старинѣ. Но это предположеніе не должно насъ слишкомъ увлекать къ довѣрчивости, какъ только мы критически разсмотримъ правдивость и древность нѣкоторыхъ извѣстій, ненаходящихся въ старинныхъ спискахъ и сохранившихся въ Никоновскомъ сводѣ.

Въ прибавкахъ Никоновскаго свода, относящихся къ періоду Владимира послѣ крещенія, первое мѣсто по значенію занимаетъ исторія митрополитовъ, съ явнымъ желаніемъ указать на ихъ силу и вліяніе. Подъ годомъ крещенія говорится, что Владимиръ посылалъ въ Грецію къ преосвященному патріарху Фотію и взялъ отъ него перваго русскаго митрополита Михаила. Очевидно, невѣжда, выдумавшій это, слыхалъ о крещеніи русскихъ при Фотіѣ, въ половинѣ IX-го вѣка, и перенесъ это событіе на времена Владимира, а переписчики свода не задавали себѣ вопроса о томъ, какъ это Фотій, о которомъ они сами списывали извѣстіе по случаю похода Оскольда и Дира,

могъ дѣйствовать въ концѣ X-го вѣка, или же воображали себѣ другаго Фотія цареградскимъ патріархомъ во времена Владимира. Самый митрополитъ, присланный Фотіемъ, былъ родомъ сирянинъ; его очертили, какъ слѣдуетъ, качествами, подходящими къ званію: «учителенъ зѣло и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родомъ Сиринъ, тихъ убо бѣ, и кротокъ и смиренъ, и милостивъ премного, иногда же страшенъ и свирѣпъ, егда время требоваше».

Уже самое назначеніе въ русскіе митрополиты сирянина вещь странная: почему не прислали славянина, которому легче было привыкнуть обращаться съ своею паствою?

Но вотъ, послѣ этого извѣстія, которое могло быть взято изъ источника, совершенно независимаго отъ первоначальной лѣтописи, этого митрополита, такъ сказать, суютъ повсюду въ текстъ лѣтописи, гдѣ только пригодно. Въ старинныхъ спискахъ отъѣздъ Владимира изъ Корсуня описывается такъ: «Володимиръ же поемъ царицю и Настаса и попы корсуньски с мощми святого Климента и Фифа ученика его, поима съсуды церковныя иконы на благословеніе себѣ» (Лавр. стр. 112). Въ Никоновскомъ сводѣ это самое мѣсто преобразилось уже въ такой видъ: «Поиде Володимеръ съ отцемъ своимъ митрополитомъ къ Кіеву и взятъ съ собою мощи святаго Климента и Фива ученика его и святыя кресты и святыя иконы и священныя сосуды церковныя и отъ пресвитеровъ корсунскихъ многихъ избравъ взятъ и Онастаса» и пр. (Ник. С. Л. I. стр. 57).

Митрополитъ креститъ дѣтей Владимира, присутствуетъ при крещеніи народа, тогда какъ въ старинныхъ спискахъ при этомъ событіи упоминаются только «попы царицыны и попы корсунскіе»; съ митрополитомъ

совѣтуется Владимиръ о заведеніи училищъ. Подъ 990 годомъ митрополитъ Михаилъ съ шестью епископами идетъ въ Новгородъ, сокрушаетъ идоловъ, строитъ церкви, поставляетъ пресвитеровъ по городамъ и селамъ; на слѣдующій затѣмъ годъ онъ идетъ до Ростова съ четырьмя епископами, о которыхъ, какъ и о шести сопровождавшихъ митрополита въ Новгородъ, сдѣлано замѣчаніе, что ихъ далъ ему патріархъ Фотій; и въ Ростовѣ митрополитъ креститъ людей, строитъ церкви. На слѣдующій годъ — Владимиръ идетъ въ Суздальскую землю, уже безъ митрополита, съ двумя епископами патріарха Фотія, креститъ людей и строитъ городъ Владимиръ-на-Клязьмѣ. Между тѣмъ митрополитъ Михаилъ умираетъ. «Владимиръ о немъ поскорбѣ и прослезися», и едва утѣшили его отъ такой потери епископы Фотія. Немедленно тотъ же Фотій присылаетъ другаго митрополита Леонта, который ставитъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, послѣдній разорилъ достальныя требища, сокрушилъ идоловъ, разсѣкъ Перуна и бросилъ въ Волховъ. Самъ Леонтъ ставитъ епископовъ въ Черниговъ, Ростовъ, Владимиръ, Бѣлградъ. Но въ 1008 году вмѣсто ихъ другой уже митрополитъ, Іоаннъ, строитъ каменную церковь Петра и Павла въ Кіевѣ.

Все это очень правдоподобно и въ сущности согласуется съ короткимъ извѣстіемъ старинныхъ списковъ: «и нача (Владимиръ) ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ», но тѣмъ не менѣе эти правдоподобныя извѣстія не что иное, какъ правдоподобныя выдумки. Въ старинныхъ спискахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе митрополитовъ на Руси до самаго Ярослава, а между тѣмъ встрѣчаются мѣста, гдѣ бы неизбѣжно было упомянуто о митрополитѣ, еслибъ онъ былъ въ Руси на

самомъ дѣлѣ. Изъ этихъ списковъ видно, что Владиміръ, отъѣзжая изъ Корсуня, взялъ съ собою поповъ, которыхъ было два рода: попы царицыны, то-есть прибывшіе изъ Константинополя вмѣстѣ съ царевною Анною, которая, какъ видно, по выходѣ замужъ за русскаго князя носила титулъ царицы, и попы корсунскіе, то-есть взятые изъ Корсуня отъ тамошняго архіерея. При описаніи крещенія народа въ Кіевѣ являются тѣ же самые попы царицыны и корсунскіе, которыхъ привезъ съ собою Владиміръ изъ Херсонеса. Еслибы при такомъ великомъ, торжественномъ и вѣчнопамятномъ событіи были епископы и тѣмъ болѣе митрополитъ, то возможно ли, чтобъ лѣтописецъ не упомянулъ о нихъ, упомянувши о попахъ? Да и переписчики именно въ этомъ мѣстѣ едвали бы сдѣлали такое опущеніе, возможное при описаніи другихъ событій, менѣе бросающихся въ глаза своею крупностію! Епископское достоинство не замедлило явиться въ Руси, какъ только стали умножаться церкви и начала распространяться вѣра. Въ 996-мъ году, слѣдовательно, черезъ восемь лѣтъ послѣ крещенія, мы встрѣчаемъ указаніе уже не на епископа, но на епископовъ: о нихъ упоминается по поводу разсказа объ умноженіи разбоевъ и о нежеланіи Владиміра, изъ боязни грѣха, казнить разбойниковъ. По поводу построенія Десятинной церкви (которой окончаніе отнесено также къ 996 году) въ Лаврентьевскомъ спискѣ говорится (подъ годомъ 996). «И наченшу же здати и яко сконча зижа украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину и попы корсуньскыя пристави служити въ ней вдавъ ту еже бѣ взялъ въ Корсуни иконы и съсуды и кресты» (Лавр. стр. 113; Ипат. 83). Но въ Новгородскомъ спискѣ (Новикова Продолж. Вивліоф. II. 319) это мѣсто выражено такъ: «и наченшу ему ставити, яко сконча церковь и украси ю святыми и

честными иконами и поручивъ ю Ерею Анастасу Корсунянину, епископы Корсунскія пристави служити в ней и вда ту все еже бѣ въ Корсунѣ взялъ, иконы, съсуды и кресты». Намъ кажется, что здѣсь епископы — не плодъ празднаго измышленія позднѣйшихъ книжниковъ. Мы дозволяемъ себѣ догадываться, что въ древней редакціи были епископы и попы корсунскіе, и переписчики впослѣдствіи въ этомъ мѣстѣ случайно опускали то епископовъ, то поповъ, и большинство списковъ намъ досталось съ одними попами безъ епископовъ. Мы опираемся не на правдоподобіи, а на неизбѣжности такого извѣстія. Такъ какъ въ старинныхъ спискахъ нашей первоначальной лѣтописи именно подъ тѣмъ же годомъ (996) являются епископы по поводу вопроса о казни разбойниковъ, то само собою разумѣется, что эти епископы должны были отправлять богослуженіе въ главной церкви, которою была Десятинная; слѣдовательно, какъ скоро въ Кіевѣ около Владимира допускаются епископы, то уже извѣстіе объ отправленіи богослуженія въ Десятинной церкви посредствомъ однихъ только корсунскихъ поповъ представляется недостаточнымъ. А что эти епископы были корсунскіе, то это вполнѣ естественно, и показываетъ, что юная русская церковь находилась подъ непосредственною зависимостію отъ архіепископа или митрополита корсунскаго. Въ старыхъ спискахъ, которые имѣлъ подъ рукою Длугошъ, также, вѣроятно, были указанія, давшія польскому историку право положительно сообщить, что корсунскій владыка ставилъ въ Руси духовныхъ [1]), и слѣдовательно тѣмъ самымъ Русь принадлежала

---

[1]) Aedificat alteram (послѣ церкви св. Василія) ecclesiam b. Mariæ Virgini in Kyjow et ornat eam vasis aureis et preciosa suppelectili, et tam in ea quam in aliis ecclesiis Russiae aedificatis corsunensis episcopus ministros et sacerdotes instituit.

къ его діэцезіи. Что духовные въ Кіевѣ, помѣщенные при новопостроенныхъ храмахъ, были корсунскіе, слѣдовательно ставленики тамошняго владыки, это говорится ясно во всѣхъ спискахъ нашей лѣтописи; и пока не было на Руси архіерея, то естественно отъ корсунскаго владыки они зависѣли; но очень вѣроятно, какъ указываетъ новгородскій лѣтописецъ, что и епископы, водворившіеся на Руси уже въ 996 году, были корсунскіе, то-есть зависимые отъ тамошняго архіепископа. Вполнѣ естественно было на первыхъ порахъ именно корсунскому владыкѣ завѣдывать юною и немногочисленною русскою церковью, во-первыхъ, потому, что его мѣстопребываніе было относительно самое близкое къ Кіеву, и во-вторыхъ — что всего важнѣе, — у него въ епархіи крестился русскій князь, отъ него получилъ первыхъ духовныхъ для распространенія вѣры въ своей странѣ. Десятинная церковь, главная въ Кіевѣ, нигдѣ не называется митрополіею, какъ это названіе дается послѣ св. Софіи. Въ 1037-мъ году мы встрѣчаемъ извѣстіе: «заложи же (Ярославъ) и церковь святыя Софья митрополью»; здѣсь въ первый разъ является намъ названіе «митрополья». Намъ кажется яснымъ, что лѣтописецъ, сообщая извѣстіе о заложеніи св. Софіи, имѣлъ мысль указать, что Ярославъ закладывалъ и строилъ эту церковь, какъ митрополію — то-есть, какъ храмъ и сѣдалище митрополита, первопрестольника русской церкви. Въ Софійскомъ Временникѣ къ этому извѣстію (церковь св. Софіи представляется уже не заложенною, но оконченною) присоединяется слѣдующее: «Того же лѣта великій князь Ярославъ митрополію устави». Еслибъ эта фраза была и позднѣйшею прибавкою, то она не измѣняетъ сущности дѣла, потому что извѣстіе старинныхъ списковъ о заложеніи Софіи, какъ митрополіи, въ то время, какъ ника-

кая другая церковь до того не называлась митрополіею, уже само собою указываетъ, что, по взгляду лѣтописца, митрополія установлена была во время Ярослава. Все это совпадаетъ съ извѣстіемъ о томъ, что въ это время христіанская вѣра начала особенно распространяться въ Руси (присемъ нача вѣра христіанская плодитися и расширяти). Съ этихъ-то поръ мы начинаемъ встрѣчаться съ митрополитами въ старинныхъ спискахъ лѣтописи: подъ 1039-мъ годомъ читаемъ объ освященіи Десятинной церкви, совершенномъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ. (Въ лѣто 6547-го священа бысть церква Святыя Богородицы юже созда Влодимерь отецъ Ярославль митрополитомъ Ѳеопемптомъ). Это первое упоминовеніе о митрополитѣ; затѣмъ уже подъ 1051-мъ годомъ говорится о поставленіи митрополита Иларіона (постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ русскимъ въ святѣй Софьи, собравъ епископы). Мы не знаемъ навѣрно, что̀ такое былъ митрополитъ Ѳеопемптъ: слѣдуетъ ли его считать предшественникомъ Иларіона, или же быть можетъ (какъ мы готовы предпочительнѣе признать) это былъ пріѣзжій изъ Греціи или изъ Корсуня митрополитъ; но объ Иларіонѣ мы имѣемъ уже ясное и положительное извѣстіе, что онъ былъ поставленъ у св. Софіи, созданной нарочно для того, чтобы быть митрополіею, и не могъ быть никакимъ другимъ митрополитомъ, какъ только русскимъ: онъ несомнѣнно открылъ собою рядъ кіевскихъ іерарховъ съ титуломъ митрополита. На основаніи этихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ старѣйшихъ по времени списковъ первоначальной лѣтописи, открывается намъ естественный ходъ исторіи церковнаго строя. Сначала, когда шло дѣло о первомъ крещеніи погруженной въ язычество массы, Владиміръ привезъ съ собой только священниковъ отъ корсунскаго архіепископа, потомъ вѣра христіанская

стала распространяться; этому распространенію способствовало, вѣроятно, то, что посреди язычества уже существовала христіанская община, зависимая, въ духовномъ отношеніи, отъ того же корсунскаго архіепископа, какъ отъ ближайшаго; понадобились епископы, и они пришли изъ того же Корсуня, гдѣ князь русскій принялъ крещеніе, отъ того же корсунскаго архіепископа, отъ котораго этотъ князь взялъ на первый разъ необходимый запасъ духовенства и церковныхъ вещей. Но вотъ выросло другое поколѣніе, воспитанное въ христіанской вѣрѣ, оно изъ своей среды выпустило въ значительномъ числѣ людей книжныхъ, твердыхъ въ вѣрѣ и знающихъ науку вѣры: это тѣ, которыхъ Владимиръ еще дѣтьми отдавалъ въ ученье; тогда новая вѣра расширилась, и возникла потребность верховной іерархіи надъ епископами, и въ Кіевѣ явился митрополитъ, главный между русскими архіереями. Поставленіе Илариона очень замѣчательно. Ярославъ не посылаетъ его для посвященія къ цареградскому патріарху, а повелѣваетъ избрать епископскимъ соборомъ, и притомъ выборъ падаетъ не на грека, какъ послѣ бывало, а на русина. Книжники, которыхъ мудрованія, приплетенныя къ тексту первоначальной лѣтописи, вошли въ Никоновскій сводъ, передавая это извѣстіе, приложили отъ себя такое приличное объясненіе: «Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославлю, съ греки брань и нестроенія быша, и сице Ярославъ съ епископы своими русскими съвѣщавшеся, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило св. апостолъ 1-е: два или тріе епископа да поставляютъ единаго епископа; и по сему священному правилу и уставу божественныхъ апостолъ съшедшеся русскіе епископы поставиша Иларіона русина митрополита Кіеву и всей русской землѣ, не отлучающеся отъ

православныхъ патріархъ и благочестія греческаго закона, ни гордящеся отъ нихъ поставлятися, но съблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже бѣша тогда» (П. С. Р. Л. IX. стр. 83). По наружности — ловкое объясненіе, но совсѣмъ невпопадъ. Брань и нестроеніе съ греками происходили въ 1043-мъ году, а чрезъ три года, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ. заключенъ былъ миръ съ греками, то-есть въ 1046-мъ году; избраніе же Иларіона происходило въ 1051-мъ году; слѣдовательно, лѣтописецъ, такимъ образомъ распредѣляющій событія, никакъ не могъ имѣть повода приписывать фактъ избранія митрополита посредствомъ русскихъ епископовъ брани и нестроенію съ греками. Вѣроятнѣе, это событіе произошло по другимъ причинамъ, именно отъ желанія отрѣшиться отъ той зависимости, въ какой находилась до того времени русская церковь отъ корсунской архіепископіи, и въ исполненіи этого предпріятія встрѣчались какія-нибудь задержки со стороны грековъ, оттого Ярославъ и прибѣгнулъ къ рѣшительному и самостоятельному средству.

Какъ бы то ни было, но всѣ приведенныя нами заключенія могутъ вести къ тому, чтобъ лишить исторической важности выдумки о митрополитахъ до Ярослава, внесенныя въ Никоновскій сводъ. Замѣчательно, что сами выдумщики разногласятъ въ своихъ показаніяхъ. Въ Софійскомъ спискѣ (въ Воскресенскомъ тожъ) первымъ митрополитомъ показанъ Леонтъ, за нимъ слѣдуютъ Михаилъ, Іоаннъ, Ѳеопемптъ, Иларіонъ. Въ Никоновскомъ сводѣ — Михаилъ, Леонтій, Іоаннъ, Ѳеопемптъ, Кириллъ, Иларіонъ. Карамзинъ отвергалъ всѣхъ митрополитовъ до Иларіона, за исключеніемъ Ѳеопемпта, а Михаилу, котораго мощи почиваютъ въ лаврѣ, благоразумно отвелъ мѣсто въ IX-мъ вѣкѣ. Но послѣдующіе наши историки и изслѣдователи, искушаясь правдоподобіемъ нѣкоторыхъ

сторонъ въ позднѣйшихъ выдумкахъ, опять повѣрили въ существованіе этихъ митрополитовъ, тогда какъ одно правдоподобіе не всегда можетъ служить поводомъ допускать извѣстіе, передаваемое слишкомъ поздними источниками о временахъ отдаленныхъ. Намъ придется въ этомъ случаѣ возвратиться къ той основной точкѣ зрѣнія на Никоновскую лѣтопись, какую имѣлъ Карамзинъ, къ чести его ума и прозорливости.

Такое же значеніе, какъ извѣстія о митрополитахъ, имѣютъ извѣстія Никонова свода о монастыряхъ и инокахъ до Ярослава. Вмѣсто словъ «и се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ идѣже стояху кумиры, и постави церковь святаго Василія на холмѣ» (Лавр. стр. 116. Ипат. 81), мы читаемъ въ Никоновскомъ сводѣ: «и повелѣ въздвизати церкви и съставляти честныя монастыри и постави церковь святого Василія на холмѣ». (Никон. П. С. Р. Л. IX, 58). Ниже этого, вмѣсто словъ старинныхъ списковъ: «нача ставити по градомъ церкви», въ Никоновскомъ прибавлено «сице же и по всѣмъ градомъ воздвизахуся церкви и монастыри»; также при описаніи пира, даннаго Владиміромъ по поводу свершенія Десятинной церкви, слова Лаврентьевскаго списка: «створи праздникъ великъ, въ ту день боляромъ и старцемъ людскимъ и убогимъ раздая имѣнье много» (Лавр. 112), въ Никоновскомъ сводѣ передаются такъ: «И сотвори пированіе свѣтло съ отцемъ своимъ митрополитомъ въ той день и съ всѣми бояры и вельможи своими, также недѣлю всю пиры творя, веселяся съзывая отъ многихъ странъ люди и раздая имѣнія много убогимъ и нищимъ страннимъ, и по церквамъ и по монастыремъ» (П. С. Р. Л. IX стр. 67). Подъ 1006 годомъ въ Никоновскомъ сводѣ опять извѣстіе: «сътвори празднованіе свѣтлое милостиню многу раздаде по цер-

квамъ и по монастыремъ» (ibid. 68). Все это противорѣчитъ извѣстію старинныхъ списковъ, указывающихъ на время Ярослава, какъ на эпоху водворенія монастырскаго житія на Руси: «черноризьцы почаша множитися и монастыреве починаху быти». Если до того времени были начатки монашества, то, вѣроятно, въ такой незначительной степени, что фраза «разсылалъ большую милостыню по монастырямъ» есть перенесеніе признака быта послѣдующихъ временъ на болѣе раннюю эпоху Владимира.

Мы не станемъ разбирать сказаній Никоновскаго свода о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, но остановимся на сношеніяхъ съ Римомъ. Они бросаются въ глаза. Послы отъ папы приходятъ къ Владимиру во время его крещенія и приносятъ ему мощи святыхъ. Подъ 6499 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что пришли послы отъ папы съ честію и любовію. Въ 6502 г. возвратились послы Владимира отъ папы. Въ 6509 г. (П. С. Р. Л. IX. стр. 68) въ Римъ, а другихъ въ Іерусалимъ, въ Египетъ и въ Вавилонъ (?!) Владимиръ отправляетъ пословъ. Доброе отношеніе Владимира къ западному христіанству подтверждается прибытіемъ къ нему Бруно, получившаго у русскаго князя радушный пріемъ, но едвали вѣроятно такое частое сношеніе, какое показывается въ Никоновскомъ сводѣ. Это представляется намъ будто измышленнымъ позднѣйшими сторонниками подчиненія восточной церкви папѣ, вообще старавшимися проводить мысль, что въ древности русская церковь была близка къ латинской.

Въ Никоновской лѣтописи, наконецъ, есть объ этомъ времени такія извѣстія, которыя по ихъ качеству легко принять за народныя преданія. Таковы извѣстія объ

Александрѣ Поповичѣ, богатырѣ [1]) Владимира. Подъ 6508 (1000) годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что къ Кіеву подступилъ съ половцами какой-то Володарь. Владимиръ былъ тогда въ Переяславцѣ на Дунаѣ. На встрѣчу Володаря выступилъ Александръ Поповичъ, убилъ Володаря, брата его и множество половцевъ, а остальныхъ прогналъ въ поле. По этому поводу Владимиръ возложилъ на него златую гривну и сдѣлалъ его большимъ человѣкомъ въ своей палатѣ. Подъ слѣдующимъ затѣмъ годомъ другой подвигъ того же Александра Поповича: вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ, убившимъ печенѣжскаго силача, онъ разбилъ печенѣговъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ Владимиру въ Кіевъ князя ихъ Родмана съ тремя сыновьями. (Ник. лѣт. ibid). По этому поводу Владимиръ устроилъ праздникъ и раздавалъ милостыню по церквамъ, по монастырямъ и убогимъ. Подъ 1004 г. мы встрѣчаемъ того же Александра Поповича, вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ, отбивающихъ и прогоняющихъ печенѣговъ отъ Бѣлграда.

Это имя Александра Поповича — мы встрѣчаемъ также въ особѣ богатыря въ XIII-мъ вѣкѣ и притомъ на разныхъ мѣстахъ. Въ описаніи битвы Мстислава Удалого на Авдовой горѣ (1216 г.) по позднѣйшимъ спискамъ говорится: «пріиде на него (на Мстислава) Александръ Поповичъ имѣя мечь нагъ хотя разсѣщи его, бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: азъ есмь князь Мстиславъ. И рече ему Поповичъ: «То ти не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ будеши, камо другимъ дѣти (Карамз. прим. 168, 3 тома)?» Въ тверской лѣтописи объ этомъ событіи мы встрѣчаемъ

---

[1]) Самое слово богатырь позднее и не могло быть на Руси въ до-татарскія времена.

такое извѣстіе: «у князя Константина (Ростовскаго) тогда бяше въ полку два человѣка храбрыхъ Олешка Поповичъ и человѣкъ его Торопъ и Тимоня Золотой Поясъ». (П. С. Р. Л. т. XV стр. 323). Такимъ образомъ, этотъ Александръ Поповичъ представляется ростовскимъ витяземъ. Карамзинъ говоритъ, что Никоновскій лѣтописецъ упоминаетъ о витязяхъ ростовскихъ: Александрѣ Поповичѣ, слугѣ его Торопѣ, Добрынѣ Резаничѣ Златомъ Поясѣ и Нефедіѣ Дикунѣ. Александръ Поповичъ является въ битвѣ при Калкѣ (и Александръ Поповичъ убіенъ ту бысть со инѣми 70 храбрыхъ). Нѣтъ основанія принимать, чтобъ этотъ послѣдній Александръ Поповичъ было историческое лицо одно и то же съ Александромъ Поповичемъ, богатыремъ ростовскимъ. На Калкѣ участвовали только южнорусскіе князья съ ихъ дружинами и ратью; но если даже допустить, что ростовскій витязь перешелъ на югъ, то все-таки остается тотъ важный фактъ, что имя его упоминается только въ позднѣйшихъ спискахъ, а въ болѣе раннихъ его нѣтъ. Въ отношеніи же извѣстій XIII-го вѣка мы должны прилагать уже нѣсколько иные пріемы критики источниковъ, чѣмъ по отношенію къ извѣстіямъ X-го вѣка, такъ какъ въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ мы постоянно замѣчаемъ, что событія записывались уже не изъ преданій, дошедшихъ отъ прежнихъ поколѣній, а современниками, стоявшими болѣе или менѣе близко къ тому, что они описывали; потому, какъ скоро мы не встрѣчаемъ извѣстія въ старыхъ лѣтописяхъ, а находимъ его въ позднѣйшихъ и не видимъ, откуда позднѣйшія его заимствовали, и если притомъ позднѣйшія таковы, что есть основаніе сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, то это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы выбросить такое извѣстіе изъ исторіи. За то Александръ Поповичъ, ростовскій

богатырь, одно и то же лицо съ Алёшою Поповичемъ великорусскихъ былинъ; это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ Тверской лѣтописи тотъ же Александръ называется Алёшкою, а во-вторыхъ, въ былинахъ — Алёша Поповичъ уроженецъ Ростова, сынъ ростовскаго попа. Но какъ въ Никоновскомъ спискѣ Александръ Поповичъ, такъ и въ великорусскихъ былинахъ Алёша Поповичъ переходятъ къ эпохѣ Владимира. Такимъ образомъ, это лицо является намъ лицомъ преданія, лицомъ миѳическимъ, прилагаемымъ къ разнымъ временамъ. Нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это лицо первоначально принадлежало временамъ Владимира, а потомъ уже прилагалось къ позднѣйшимъ временамъ. Скорѣе можно полагать обратное, такъ какъ онъ является только въ позднихъ спискахъ лѣтописей, и, какъ въ былинѣ, такъ и въ лѣтописи представляется ростовцемъ, сыномъ попа, а въ близкія къ Владимиру времена едвали могло сложиться представленіе о сынѣ ростовскаго попа, когда въ Ростовѣ едва только возникали начатки христіанства и не успѣло еще вырости второе поколѣніе христіанское. Вѣроятнѣе допустить, что такъ какъ память о Владимирѣ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и все болѣе и болѣе ссединялась съ разными посторонними представленіями, то и миѳическій образъ Александра Поповича, составившійся позже, облекаясь въ обычныя народной поэзіи формы, какъ самородныя, такъ и заимствованныя, въ воображеніи народа примкнулъ къ эпохѣ Владимира. Во всякомъ случаѣ, книжникъ, занеся его въ рядъ извѣстій о Владимирѣ и его временахъ, не выдумалъ его самъ, и не самъ первый отнесъ его къ эпохѣ Владимира, а сдѣлалъ это потому, что уже существовалъ въ народномъ преданіи образъ богатыря временъ Владимира подъ такимъ названіемъ. Что же касается до тѣхъ

событій, въ которыхъ, по Никоновскому списку, участвуетъ Александръ Поповичъ, то они вымышлены книжникомъ. Половцы, которыхъ [1]) привелъ какой-то Володарь, по всѣмъ извѣстнымъ намъ другимъ древнѣйшимъ спискамъ, пришли и столкнулись съ русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться въ древнемъ спискѣ во времена Владимира, а тѣмъ болѣе не было подручно Владимиру находиться въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть можетъ что-нибудь и существовало въ народныхъ сказаніяхъ о подвигахъ Александра или Алёши Поповича, аналогичное извѣстной намъ по былинамъ его побѣдѣ, одержанной надъ Тугариномъ Змѣевичемъ; быть можетъ, это подало книжнику поводъ, передѣлавъ такое сказаніе по-своему, представить то, что онъ представилъ; но такая передѣлка имѣла бы для исторіи преданій о Владимирѣ такое же значеніе, какъ и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то онъ здѣсь не болѣе, какъ выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему печенѣга; онъ сочинилъ это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверхъ того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, такъ какъ онъ зналъ, что Владимиръ сдѣлалъ большимъ человѣкомъ побѣдителя печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія. Еще съ большею вѣроятностію мы вправѣ сдѣлать подобное заключеніе о Рагдаѣ Удаломъ, который, по словамъ Никоновскаго списка, «наѣзжаше на триста воинъ», и котораго кончину оплакивалъ Владимиръ, погребая его «съ отцомъ своимъ митрополитомъ Леонтомъ». Во-первыхъ, здѣсь является отецъ митропо-

---

[1]) По Никоновскому списку.

литъ — чисто книжное измышленіе; во-вторыхъ, имя Рагдай, по своему окончанію, напоминаетъ имена татарскихъ богатырей — Угадай, Себядяй, Ногай, Рамзай, Алчедай, Беркай, Бурундай, Кутлубай; въ-третьихъ, образъ наѣзжанія на трехсотъ воиновъ своею гиперболичностію не подходитъ къ тону старыхъ преданій, а потому, на основаніи этихъ признаковъ, мы съ полною увѣренностію думаемъ, что это позднее измышленіе. Подъ 1008 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о разбойникѣ Могутѣ, который, будучи взятъ хитростію, испросилъ милости у Владиміра, обѣщавъ пребывать въ покаяніи, былъ отосланъ къ митрополиту Ивану, и съ тѣхъ поръ, не выходя изъ митрополичьяго дома, жилъ крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ и, «провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи». Присутствіе митрополита сразу побуждаетъ отнести это сказаніе къ разряду выдумокъ, составленныхъ тѣми, которые измыслили и небывалыхъ до Ярослава митрополитовъ. Самый образъ кающагося разбойника — обычный въ христіанскихъ легендахъ, имѣвшихъ своимъ прототипомъ евангельскаго разбойника. Нашъ разбойникъ Могута представляетъ подобіе въ нѣкоторыхъ чертахъ съ св. Варваромъ, который былъ злѣйшимъ разбойникомъ, принесъ покаяніе и былъ взятъ въ домъ пастыря, у котораго проводилъ крѣпкое и жестокое житіе. Самое имя Могута; впрочемъ, быть можетъ, взято изъ какого-нибудь сравнительно болѣе поздняго преданія о разбойникѣ, такъ какъ на Волгѣ въ Жегуляхъ, въ классической странѣ разбоевъ, есть горы, называемыя Могутовыми.

Мы не касаемся болѣе мелкихъ извѣстій Никоновской лѣтописи, отнесенныхъ къ эпохѣ Владиміра, въ родѣ отравленія какого то храбраго Андриха Добрянкова, или замѣчаній о погодѣ и небесныхъ знаменіяхъ. Разобран-

наго нами достаточно, чтобы въ извѣстіяхъ Никоновской лѣтописи о Владимирѣ, не вошедшихъ въ болѣе старые списки первоначальной лѣтописи, не искать ничего ни для исторіи событій временъ Владимира, ни для древнихъ преданій о немъ и о его временахъ.

Изъ всего сдѣланнаго нами обзора преданій нашей *первоначальной лѣтописи* о древнихъ временахъ, — преданій, изъ которыхъ бо́льшая часть, по своимъ основамъ, строю или пріемамъ, имѣетъ соотвѣтственныя черты въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ народной русской поэзіи, легко можно видѣть, какъ мало намъ доставляютъ эти преданія исторической фактической правды. Но это нисколько не отнимаетъ у нихъ высокаго историческаго значенія правды, того образа, въ какомъ эти времена съ своими событіями и дѣйствовавшими лицами явились въ народномъ воззрѣніи, по крайней мѣрѣ настолько, насколько, изъ многихъ еще неизвѣстныхъ намъ варіантовъ, одинъ можетъ служить образчикомъ, и кромѣ того, настолько, насколько при передачѣ ихъ лѣтописцами свѣжесть ихъ и правдивость могли уцѣлѣть отъ книжныхъ пріемовъ выраженія и отъ смѣси съ книжными измышленіями. За исключеніемъ немногаго, что почерпнуто изъ письменныхъ источниковъ, все повѣствованіе о временахъ древнихъ включительно до смерти Владимира взято изъ народныхъ преданій, сказаній, пѣсенъ и пересказовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти древнія времена отражались въ нихъ во второй половинѣ XI-го и въ началѣ XII-го вѣка. Только не теряя изъ вида этой основной точки зрѣнія, мы можемъ относиться сознательно и справедливо къ нашей древней исторіи.

ЛИЧНОСТЬ
ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГРОЗНАГО.

ЛИЧНОСТЬ
ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Въ нашей русской исторіи царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго, обнимающее половину лѣтъ, составляющихъ XVI-е столѣтіе, есть одна изъ самыхъ важныхъ и достойныхъ особаго изслѣдованія эпохъ. Оно важно, какъ по расширенію русской территоріи, такъ и по крупнымъ и знаменательнымъ событіямъ и измѣненіямъ во внутренней жизни. Много было совершено въ этотъ полувѣковой періодъ славнаго, свѣтлаго и великаго, по своимъ послѣдствіямъ, но еще болѣе мрачнаго, кроваваго и отвратительнаго. Понятно, что, при такомъ противоположномъ качествѣ многихъ важныхъ явленій, характеръ главнаго дѣятеля — царя Ивана Васильевича представлялся загадочнымъ; уяснить и опредѣлить его было не маловажною задачею отечественной исторіи, а это было возможно только при разнообразномъ изученіи, какъ былевой, такъ и бытовой стороны того вѣка, къ которому принадлежалъ царь Иванъ Васильевичъ. Къ счастію, Карамзинъ именно на этой части русской исторіи показалъ всю силу своего таланта, болѣе чѣмъ на всякой другой, и съ замѣчательною вѣрностію угадалъ характеръ этой личности; оставалось доканчивать начатый имъ мастерской очеркъ и, при помощи новыхъ данныхъ

и при дальнѣйшей разработкѣ источниковъ, сообщать ему болѣе тѣлесности, красокъ и жизни, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поправлять допущенныя исторіографомъ невѣрныя черты, касающіяся, впрочемъ, большею частію подробностей. Но историки наши и изслѣдователи не удовольствовались намѣченнымъ путемъ и стали пролагать пути иные, находя взглядъ Карамзина невѣрнымъ и образъ царя Ивана Васильевича, имъ первоначально обрисованный,—несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Само собою разумѣется, что разнообразныя мнѣнія и противорѣчія во взглядахъ бываютъ полезны для установленія, посредствомъ борьбы между ними, правильныхъ взглядовъ; поэтому и различныя мнѣнія о личности царя Ивана Васильевича не принесутъ вреда русской исторіи даже и тогда, когда бы намъ пришлось, предавъ ихъ, по разсмотрѣніи, полному забвенію, возвратиться къ Карамзину и разрабатывать эпоху Грознаго, руководствуясь основными началами его взгляда.

Предъ нами «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго», подписанныхъ именемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора Санктпетербургскаго университета. Эти «Нѣсколько словъ» были сказаны въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета и напечатаны въ мартовской книжкѣ «Зари». Здѣсь воздается похвала «великолѣпному разсказу о завоеваніи Сибири Ермакомъ», который «года два тому назадъ въ одномъ изъ собраній читалъ А. Н. Майковъ», заявляется желаніе, чтобъ этотъ поэтъ представилъ въ поэтическихъ образахъ всю эпоху Грознаго, и въ противоположность этому поэту говорится о другомъ поэтѣ въ такихъ выраженіяхъ:

«Другой поэтъ вывелъ намъ царя Ивана Васильевича Грознаго такимъ, какимъ онъ его себѣ представляетъ, и мнѣ кажется, что выведенное имъ лицо недостаточно соотвѣтствуетъ настоящему лицу; это тѣмъ прискорбнѣе, что вредъ, производимый впечатлѣніемъ поэтическаго произведенія, долженъ быть весьма силенъ».

Хотя этотъ другой поэтъ и не названъ по имени, но для всякаго слишкомъ ясно, что дѣло идетъ объ А. К. Толстомъ, авторѣ трагедіи «Смерть Грознаго». Мы до сихъ поръ убѣждены, что главнѣйшее достоинство этого произведенія именно и состоитъ въ замѣчательной вѣрности характера царя Ивана, въ томъ, что выведенное лицо достаточно соотвѣтствуетъ настоящему лицу. Чѣмъ же именно недовольны въ произведеніи Толстаго? «Тѣмъ — говорятъ намъ — что предъ намый является коварный тиранъ, самолюбивый и самовластный деспотъ и болѣе ничего». Въ противность этому хотятъ возвысить царя Ивана Васильевича въ образъ великаго человѣка, поставить его почти въ уровень съ Петромъ. «Если — говорятъ намъ — передъ нами стоятъ два человѣка съ одинаковымъ характеромъ, съ одинаковыми цѣлями, съ одинакими почти средствами для достиженія ихъ, за измѣненіемъ только нѣкоторыхъ несущественныхъ обстоятельствъ, то мы обыкновенно отдаемъ преимущество, вѣнчаемъ лаврами того, который одержалъ полную побѣду; мы видимъ человѣка, достигшаго послѣднихъ результатовъ, видимъ торжество блистательное — униженіе сосѣдняго государства, стоявшаго прежде на первомъ планѣ на всемъ Сѣверѣ — мы видимъ полное достиженіе цѣли и видимъ его торжественно сходящимъ съ своего поприща. Мы говоримъ: вотъ великій человѣкъ! Обращаясь къ другому, мы видимъ, что цѣли были тѣ же, но не было того торжества, и говоримъ: этотъ не былъ ве-

ликимъ человѣкомъ! Будемъ ли мы правы? Если мы будемъ называть великимъ человѣкомъ только того, кто, идя къ цѣли, при извѣстномъ положенiи дѣлъ, выбираетъ средства, дѣйствительно соотвѣтствующiя этой цѣли, тогда мы будемъ совершенно правы; но дѣйствительно ли всегда можно, съ имѣщимися подъ рукою средствами, достигнуть желаемой цѣли, и неужели человѣкъ, ранѣе другаго стремившiйся къ извѣстной цѣли, но не имѣвшiй подъ руками средствъ для ея достиженiя, не заслуживаетъ, если не вѣнчанiя лаврами, то, по крайней мѣрѣ, нашего участiя, нашего внимательнаго изученiя? Въ такомъ положенiи мы стоимъ передъ двумя нашими великими историческими лицами: передъ Петромъ Великимъ и Iоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Оба они одного хотѣли, къ одному стремились; но одинъ имѣлъ Полтаву и Ништатскiй миръ, другой же имѣлъ миръ на Киверовой горкѣ» и проч.

Прежде всего нужно уяснить себѣ — что̀ слѣдуетъ называть великимъ, что̀ дѣйствительно достойно этого названiя. Намъ кажется, слѣдуетъ строго отличать великое отъ крупнаго. Побѣды, кровопролитiя, разоренiя, униженiя сосѣднихъ государствъ для возвышенiя своего — явленiя крупныя, громкiя, но сами по себѣ не великiя. Сочувственное названiе великаго должно давать только тому, что̀ способствуетъ благосостоянiю человѣческаго рода, его умственному развитiю и нравственному достоинству. Тотъ только великiй человѣкъ, кто дѣйствовалъ съ этими цѣлями и достигалъ ихъ удачнымъ, сознательнымъ выборомъ надлежащихъ средствъ. Относительная степень историческаго величiя можетъ быть опредѣлена какъ суммою добра, принесеннаго человѣчеству, такъ и умѣньемъ находить для своихъ цѣлей пути и средства, преодолѣвать препятствiя и, наконецъ, пользоваться своими

успѣхами. Если историкъ называетъ человѣка великимъ только тогда, когда видитъ за нимъ успѣхъ, и настолько признаетъ за нимъ величія, насколько дѣятельность его была плодотворна — историкъ вполнѣ правъ; это, безъ сомнѣнія, не лишаетъ его права на сочувствіе къ тѣмъ, которые имѣли хорошія цѣли, но не могли или не умѣли найти средствъ и путей къ ихъ выполненію; нужно только при этомъ быть увѣреннымъ, что дѣйствительно такія цѣли существовали.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право питать сочувствіе къ тому испанцу, который въ XII-мъ столѣтіи, въ Барцелонѣ, показывалъ первую попытку къ устроенію пароваго судна и до нѣкоторой степени исполнилъ свою идею, хотя не можемъ придать ему одинаковое историческое величіе съ Уаттомъ и Фультономъ, потому что это была бы историческая ложь. Но въ такомъ ли отношеніи стоитъ царь Иванъ Васильевичъ къ царю Петру Алексѣевичу? Насъ именно въ этомъ хотятъ увѣрить. Чѣмъ же? Указываютъ на такого рода сходство въ дѣйствіяхъ того и другаго: Иванъ въ XVI-мъ столѣтіи стремился завоевать Ливонію, а Петръ въ XVIII-мъ. Петру удалось; Ивану не удалось, потому что было еще рано. Вотъ что значитъ сопоставлять одни внѣшніе признаки: на подобномъ сходствѣ можно выводить въ исторіи Богъ знаетъ какія произвольныя заключенія.

Съ нашей точки зрѣнія, и удачное завоеваніе Ливоніи Петромъ Великимъ совсѣмъ не великое дѣло само по себѣ, и за подобныя дѣла мы бы и самому Петру не дали названія великаго человѣка, если бы не видѣли за нимъ дѣйствительно великихъ намѣреній и дѣяній, клонившихся къ полезнымъ для народа преобразованіямъ и къ расширенію его благосостоянія. За Иваномъ Васильевичемъ мы не знаемъ такихъ цѣлей и намъ не ука-

казываютъ ничего подобнаго, кромѣ попытки завоеванія Ливоніи. Но вѣдь нужно еще доказать, что у него, при этой попыткѣ, были дѣйствительно намѣренія и планы, сколько-нибудь подобные преобразовательнымъ намѣреніямъ Петра. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и поверхностнѣе взгляда тѣхъ историковъ, которые, не вдаваясь въ исходы явленій, безъ дальнихъ разсужденій, готовы приписывать все, совершенное въ монархическомъ государствѣ, сидѣвшимъ тогда на престолѣ государямъ, довольствуясь, какъ будто, только тѣмъ, что ихъ именемъ производились всѣ дѣла. Этакъ можно всѣ дѣянія Ришлье при Людовикѣ XIII-мъ и дѣянія Мазарини въ малолѣтство Людовика XIV-го приписывать тѣмъ лицамъ, которыя носили въ то время титулъ французскихъ королей. Сколько примѣровъ встрѣчаемъ мы въ исторіи, когда на престолѣ находился младенецъ, между тѣмъ, все дѣлалось его именемъ и носило видъ, какъ будто бы все исходило отъ него и зависѣло отъ его благоусмотрѣнія и воли. Руководствуясь офиціальными источниками, можно и въ самомъ дѣлѣ приписывать государственныя дѣла младенцу или же слабоумному, который, какъ извѣстно, попавши, по слѣпому случаю рожденія, на престолъ, нуждается въ опекѣ, какъ и младенецъ. Всякій признаетъ ошибочность такого рода обращенія съ исторіею, а между тѣмъ этому упреку справедливо подвергаться могутъ, въ извѣстной степени, историки, которые станутъ приписывать царю Ивану Васильевичу всѣ дѣла, совершенныя въ его царствованіе, хотя бы даже и со времени его совершеннолѣтія.

Исторія Карамзина приводитъ читателя къ такому заключенію, что царствованіе Грознаго, съ того времени, когда онъ уже сколько-нибудь могъ имѣть вліяніе на ходъ событій собственною волею, разбивается на три

части. Сперва, испорченный въ дѣтствѣ воспитаніемъ, этотъ царь, достигши юношескаго возраста, является съ признаками своевольства, разврата и жестокости, потомъ — онъ попадаетъ подъ вліяніе Сильвестра, Адашева и кружка умныхъ бояръ; тогда творятся великія дѣла, правленіе государствомъ показываетъ признаки политической мудрости и попеченія о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народа; но потомъ Иванъ свергаетъ съ себя власть своихъ опекуновъ и является необузданнымъ, кровожаднымъ, трусливымъ и развратнымъ тираномъ. Новые историки приписываютъ самодѣятельности царя Ивана Васильевича все хорошее, совершенное во второмъ изъ періодовъ или частей своего царствованія со времени совершеннолѣтія, и хотятъ представить въ болѣе свѣтломъ видѣ третій періодъ.

Во всемъ капитальная ошибка.

Изучая характеръ личности царя Ивана Васильевича, мы сомнѣваемся, чтобъ онъ когда-нибудь дѣйствовалъ самостоятельно, и думаемъ, что этотъ государь всю жизнь находился подъ вліяніемъ то тѣхъ, то другихъ, какъ это бывало, большею частію, съ подобными ему тиранами (причемъ очень часто оказывать вліяніе на тирана было вѣрнѣйшимъ средствомъ быть отъ него современемъ замученнымъ). Но, по отношенію къ третьему періоду его царствованія, со времени такъ-называемой перемѣны, происшедшей будто бы въ его характерѣ по смерти Анастасіи, мы должны будемъ нашу мысль доказывать наблюденіями надъ фактами и проявленіями характера Ивана Васильевича въ разныхъ положеніяхъ его жизни, тогда какъ по отношенію ко второму періоду намъ не нужно даже и этого труда, потому что есть данныя, вполнѣ несомнѣнныя, доказывающія отсутствіе самостоятельности Ивана Васильевича въ это время. Излагать все это

подробно и доказывать—значило бы повторять то, что уже было однажды высказано нами въ печати [1]). Здѣсь считаемъ неизлишнимъ напомнить только то, что состав ляетъ главную и основную тему нашихъ доказательствъ: царь Иванъ Васильевичъ въ письмахъ своихъ къ Курбскому сознавался самъ, что онъ находился подъ опекою Сильвестра и его кружка до такой степени, что всѣ дѣла совершались не только не по его указанію, но часто противъ его желанія. Это сознаніе царя подтверждаетъ истину того, что говоритъ о томъ же Курбскій, какъ и вообще довѣріе наше къ Курбскому увеличивается оттого, что Иванъ Васильевичъ не отвергаетъ фактической дѣйствительности того, что говоритъ Курбскій, а только представляетъ въ иномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что дѣла, составляющія славу царствованія Ивана до паденія Сильвестра, исходили отъ этого послѣдняго и отъ людей его кружка, тогдашнихъ совѣтниковъ царя, истинныхъ правителей государства. Только ливонская война, предпринятая уже тогда, когда Иванъ Васильевичъ сталъ чувствовать тягость опеки надъ собою и поддавался вліянію иныхъ совѣтниковъ, была не ихъ дѣломъ. Тутъ-то возникла размолвка царя со своими опекунами. Новые историки наши по этому поводу берутъ сторону царя. «Что это были за люди? говорятъ они:— представляли ли эти люди собою болѣе широкій политическій идеалъ, чѣмъ идеалъ Грознаго? Этихъ людей мы знаемъ отчасти, мы знаемъ, что въ политическомъ отношеніи они были противъ ливонской войны, а за войну съ Крымомъ, съ татарами, т.-е. за продолженіе стараго... Когда царь Иванъ Васильевичъ Грозный говорилъ: я

---

[1]) См. нашу статью: «Начало единодержавія», помѣщенную въ «Вѣст. Евр.», декабрь 1870 г., стр. 534—546.

хочу завоевать Лифляндію, хочу утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, ему отвѣчали на это самые близкіе совѣтники, которыхъ мы до сихъ поръ не отвыкли называть лучшими его внушителями и относить къ лучшимъ людямъ своего времени, Сильвестръ и Адашевъ: зачѣмъ идти туда, не лучше ли завоевать Крымъ, идти по старому пути». Такъ смотрятъ новые историки.

Не все новое непремѣнно должно быть лучше стараго. Новая ошибка все будетъ ошибкою, а правда не старѣется. Но въ какомъ отношеніи можно назвать старымъ путемъ стремленіе овладѣть Крымомъ? Развѣ въ томъ смыслѣ, что нѣкогда Русь стремилась къ югу, Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ двигались на византійскіе предѣлы, а Черное море носило названіе Русскаго? Но то были дѣла, давно минувшія; наплывъ иныхъ историческихъ условій стеръ живость воспоминаній объ нихъ. Событія XVI-го вѣка вызывали возобновленіе этого давняго, позабытаго стремленія Руси къ югу, безъ всякой привычки идти по старому пути, и въ этомъ отношеніи стремленіе покорить Крымъ, которое инымъ кажется старымъ путемъ, по нашему крайнему разумѣнію, было путемъ самымъ разумнымъ, вытекавшимъ изъ настоятельной потребности, какъ для государства, такъ и для безопасности дальнѣйшаго развитія народной жизни.

Борьба Руси съ татарщиною была борьба на жизнь и на смерть. Освободиться отъ ига, тяготѣвшаго надъ Русью два вѣка слишкомъ, и тѣмъ ограничиться — было невозможно. Исторія это доказала. Переставши составлять могучую азіатскую завоевательную державу, монголо-татарщина, разбившись на части, не могла уже владѣть Русью; за то этой Руси не давали жить на свѣтѣ разныя орды, изъ которыхъ главнѣйшія носили названія царствъ. Если не мытьемъ, такъ катаньемъ — говоритъ

извѣстная русская поговорка. Казанцы и крымцы, не въ силахъ уже будучи заставить, какъ дѣлали предки ихъ въ Золотой Ордѣ, пріѣзжать русскихъ государей къ себѣ съ данью, то и дѣло что грабили, разоряли русскія жилища, русскія поля, убивали, уводили въ неволю десятки тысячъ русскаго народа, заставляли откупаться отъ себя, что̀ въ сущности было продолженіемъ платежа дани, не давали русскимъ ни подвинуться въ плодороднѣйшія пространства, ни улучшать свой бытъ. По ихъ милости, русскій народъ продолжалъ быть самымъ несчастнымъ, нищимъ народомъ; вся его исторія наполнена однообразными, неисчислимыми и въ свое время страшными разореніями. Первое условіе возможности благосостоянія и процвѣтанія Руси — было уничтоженіе этихъ хищническихъ гнѣздъ, покореніе татарской расы славянскою, присоединеніе къ себѣ ея территорій. Того требовала не алчность къ завоеваніямъ, а потребность самосохраненія; это было неизбѣжное условіе благосостоянія. Ввести у татаръ иной образъ жизни, сдѣлать ихъ спокойными сосѣдями — новозможно было иначе, какъ подчинивъ ихъ: въ принципѣ монголо-татарскихъ царствъ быть самостоятельными значило то же, что нападать, грабить и разорять сосѣдей. Царство Казанское было разрушено: первымъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ этого событія было то, что болѣе сотни тысячъ несчастныхъ русскихъ рабовъ получили свободу и возвращены были отечеству и христіанству, — второе, что уже не сотни тысячъ, а милліоны грядущихъ поколѣній избавлены были отъ той судьбы, которая ожидала ихъ самихъ и угрожала ихъ предкамъ. За Казанью покорена была Астрахань. Та же участь должна была постигнуть и другихъ татаръ: это была потребность не царская, а всенародная; и дѣйствительно, впослѣдствіи Ермакъ Тимоѳеевичъ, мимо всякихъ

царскихъ указовъ, довершалъ на дальнемъ востокѣ путь, проложенный русскими подъ Казанью. Но на югѣ торчало, между тѣмъ, татарское царство—болѣе всѣхъ несносное для Руси, болѣе всѣхъ мѣшавшее ея движенію впередъ: то былъ Крымъ. Важность этого края въ русской исторіи недостаточно еще оцѣнена историками. Пока тамъ существовало хищническое гнѣздо, Русь не могла безопасно подвигаться на югъ и занять пространства плодородныхъ земель, которыя должны были составить главнѣйшее ея богатство, экономическую силу и богатство государства и народа. Въ XVI-мъ вѣкѣ граница спокойныхъ владѣній Руси оканчивалась какихъ-нибудь верстъ за сто отъ Москвы: далѣе начиналось рѣдкое населеніе бѣдныхъ острожковъ, гдѣ жители безпрестанно должны были опасаться за свою жизнь и гдѣ не могло быть спокойнаго улучшенія быта: по мѣрѣ удаленія къ югу, русскіе должны были дичать и дѣлаться болѣе азіатскимъ, чѣмъ европейскимъ народомъ.

Въ слѣдующее за тѣмъ столѣтіе народонаселеніе на югѣ увеличивалось очень медленно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно въ той же полосѣ увеличивалось въ болѣе позднее время—по завоеваніи Крыма. Что касается до культуры въ этомъ краѣ, то въ царствованіе Анны, Елисаветы и даже Екатерины южная Россія и даже прилегавшая къ ней часть средней были очень дики. Мы прожили какихъ-нибудь лѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ на свѣтѣ, а помнимъ видѣнныхъ нами въ юности престарѣлыхъ жителей южныхъ (даже не совсѣмъ крайнихъ) губерній, которые, въ качествѣ воспоминаній своего дѣтства, разсказывали намъ о страхѣ татарскихъ набѣговъ, которому подвергались земледѣльцы; послѣдніе тогда не слишкомъ заботились о выгодахъ осѣдлаго житья, опасаясь, что, быть можетъ, придется покинуть свое гнѣздо

и бѣжать куда глаза глядятъ. Безспорно, что существованіе Крымскаго царства, которому, кромѣ полуострова, были подчинены на материкѣ бродячія орды, готовыя во всякое время дѣлать набѣги на Русь, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ медленности разселенія русскаго народа на огромномъ материкѣ средней и южной Руси, и плохаго хода культурнаго развитія вообще въ русской странѣ. Если и теперь мы чувствуемъ и сознаемъ нашу отсталось отъ западной Европы, то въ числѣ многихъ неблагопріятныхъ условій мы обязаны этимъ и Крыму. Наша исторія пошла бы совсѣмъ иначе, еслибъ въ XVI-мъ столѣтіи исполнились замыслы тѣхъ людей, которыхъ новѣйшіе историки лишаютъ умственнаго превосходства предъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ за то, что они хотѣли овладѣть Крымомъ, идя «по старому пути». Намъ могутъ возразить: да, овладѣть Крымомъ было бы хорошо, но это было въ тѣ времена невозможно, и потому-то прозорливый и мудрый царь, видѣвшій лучше своихъ совѣтниковъ эту невозможность, обратилъ свою дѣятельность въ иную сторону. Но, вникая въ тогдашнія обстоятельства, окажется, что именно тогда наступало самое удобное время къ осуществленію такого намѣренія и, слѣдовательно, за людьми, хотѣвшими вести Русь «по старому пути», придется не только признать вѣрный взглядъ на потребности Руси, но еще и практическое пониманіе условій времени, умѣнье поступать сообразно пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо! Послушаемъ Курбскаго, современника и участника этихъ замысловъ. Пусть онъ за насъ защититъ своихъ друзей, сторонниковъ «стараго пути», противъ строгаго суда нашихъ ученыхъ.

«Богъ пустилъ на татаръ нагайскихъ зиму жестокую—весь скотъ у нихъ пропалъ и стада конскія, и самимъ имъ на лѣто пришлось исчезать, потому что орда

питается отъ стадъ, а хлѣба не знаетъ; остатки ихъ перешли къ перекопской ордѣ, и тамъ рука Господня казнила ихъ: отъ солнечнаго зноя все высохло, изсякли рѣки; три сажени копали въ глубину и не докопались до воды, а въ перекопской ордѣ сдѣлался голодъ и великій моръ; нѣкоторые самовидцы свидѣтельствуютъ, что во всей ордѣ не осталось тогда и десяти тысячъ лошадей. Тутъ-то было время христіанскимъ царямъ отмщать бусурманамъ за безпрестанно проливаемую православную христіанскую кровь и на вѣки успокоить себя и свое отечество; вѣдь они на то только и на царство помазываются, чтобы судить справедливо и оборонять врученное имъ отъ Бога государство отъ варваровъ. Тогда и нашему царю нѣкоторые совѣтники, храбрые и мужественные, совѣтовали и налегали на него, чтобъ онъ самъ, своею головою, двинулся съ великими войсками на перекопскаго царя, пользуясь временемъ, при явномъ божескомъ хотѣніи подать помощь, чтобы уничтожить враговъ своихъ старовѣчныхъ и избавить множество плѣнныхъ отъ издавна заведенной неволи. И еслибъ онъ помнилъ значеніе своего царскаго помазанія, да послушалъ добрыхъ и мужественныхъ стратиговъ, получилъ бы великую славу на семъ свѣтѣ и наградилъ бы его тьмами кратъ болѣе Создатель Христосъ Богъ въ будущей жизни. А мы готовы были души свои положить за страдавшихъ много лѣтъ въ неволѣ христіанъ, потому что это была бы добродѣтель выше всѣхъ добродѣтелей. Но нашъ царь не радѣлъ объ этомъ и едва послалъ только пять тысячъ войска съ Димитріемъ Вишневецкимъ рѣкою Днѣпромъ, а на другое лѣто — восемь тысячъ также водою съ Даниломъ Адашевымъ и другими военачальниками; они, выплывъ Днѣпромъ въ море, нежданно для татаръ учинили въ ордѣ большое опустошеніе: многихъ убили, женъ и

дѣтей ихъ немало взяли въ плѣнъ, немало освободили изъ неволи христіанскихъ людей и вернулись благополучно домой. Тогда мы паки и паки налегали на царя и совѣтовали ему: или самъ бы шелъ, или хоть бы великое войско послалъ во́-время въ орду; но онъ не послушалъ, спорилъ противъ насъ, а его настраивали ласкатели, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ, друзья различныхъ наслажденій».

Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ вѣрности извѣстій и взгляда Курбскаго, тѣмъ болѣе, когда извѣстный намъ ходъ тогдашнихъ событій вполнѣ согласуется съ Курбскимъ. Мы видимъ въ Иванѣ Васильевичѣ какое-то колебаніе въ этомъ вопросѣ; замѣтно, что онъ находился подъ различными противоположными двигательными силами, то дѣлалъ шагъ впередъ, то отступалъ назадъ, то поддавался мысли покоренія Крыма, то боялся вдаться въ ея исполненіе; а между тѣмъ, обстоятельства такъ были благопріятны для такого исполненія, что всѣ его даже несмѣлые и боязливые шаги впередъ пророчили ему дальнѣйшій успѣхъ. Прежде всего, въ 1557 году, онъ, поддаваясь, конечно, внушеніямъ сильвестровскаго кружка, послалъ Ржевскаго съ отрядомъ, и Ржевскій совершилъ свое порученіе такъ удачно и съ такими надеждами на будущія удачи, какъ только возможно было при тѣхъ слабыхъ силахъ, какія имѣлъ онъ въ своемъ распоряженіи. Онъ разбилъ крымцевъ подъ Исламъ-Кирменемъ, взялъ очаковскій острогъ, разбилъ тамъ татаръ и самыхъ турокъ: такіе блестящіе подвиги произвели сильное возбужденіе въ Днѣпровской Украинѣ, гдѣ уже образовалось воинственное казачество, всегда готовое броситься на татаръ, какъ только завидитъ надежное знамя, подъ которымъ можно было собраться. Князь Димитрій Вишневецкій, этотъ первообразъ цѣлаго ряда послѣдо-

вавшихъ за нимъ героевъ, этотъ богатырь-Байда народныхъ казацкихъ пѣснопѣній, предлагалъ московскому государю свои услуги противъ Крыма. Онъ тогда же готовъ былъ поклониться царю съ Черкасами, Каневомъ, съ казацкою Украиною, сердцевиною той разросшейся Украины, которая поклонилась другому московскому царю черезъ столѣтіе. Царь Иванъ не рѣшился принять его съ землями: быть можетъ, онъ имѣлъ тогда основаніе, не желая раздражать литовскаго государя, съ которымъ союзъ могъ ему пригодиться противъ того же Крыма. Онъ далъ Вишневецкому Бѣлевъ. А потомъ что? Не рѣшившись идти самъ съ войскомъ, онъ, однако, какъ будто не прочь былъ вести дѣло, а хотѣлъ еще разъ испытать безсиліе своихъ враговъ. Вишневецкій отправился къ Перекопу. На этотъ разъ пошло дѣло еще успѣшнѣе, чѣмъ съ походомъ Ржевскаго. Ханъ испугался, сѣлъ въ осадѣ, орда не отражала нападенія. Ханъ отпустилъ русскаго посла, котораго, до того времени, держалъ въ неволѣ, изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ царемъ. Ясно было, что Крымъ не въ силахъ будетъ защититься, если на него пойдутъ новыя и притомъ большія силы съ самимъ царемъ во главѣ. Но царь Иванъ Васильевичъ и теперь не поддался увѣщаніямъ принять начальство надъ войскомъ и идти на Крымъ. Въ то же время, однако, не примирился онъ съ ханомъ, а еще разъ послалъ на Крымъ новый отрядъ, какъ будто еще разъ хотѣлъ сдѣлать попытку и узнать: точно ли врагъ безсиленъ, хотя узнавать уже было тогда нечего. Данило Адашевъ отправился на судахъ по Пслу, а потомъ Днѣпромъ въ море и причинилъ большое опустошеніе на западномъ берегу полуострова. Отпора не было. Хану Девлетъ-Гирею было съ разныхъ сторонъ дурно. Черкесы отняли Таманскій полуостровъ. Внутри Крыма происходило междоусобіе.

Мурзы, недовольные правленіемъ Девлетъ-Гирея, хотѣли возвести на престолъ Тохтамышъ-Гирея, это не удалось. Тохтамышъ бѣжалъ въ Московское государство. Это могло быть новою помощью московскому государю: объявивъ себя покровителемъ претендента, онъ могъ внутри Крыма между татарами найти партію, которая невольно способствовала бы его успѣхамъ въ надеждѣ посадить на престолъ Тохтамыша и заслужить вниманіе и благодарность новаго хана. Царь Иванъ ничѣмъ не воспользовался.

Царь Иванъ тогда вообще все болѣе и болѣе старался дѣйствовать наперекоръ Сильвестру и его кружку. Онъ уже завязался въ ливонскую войну и былъ чрезъ то самое наканунѣ разрыва съ Литвою и Польшею, съ которыми предполагали его бывшіе опекуны дѣйствовать совмѣстно для покоренія Крыма.

Время показало все неблагоразуміе поведенія царя Ивана Васильевича по отношенію къ Крыму. Ужь если онъ не хотѣлъ завоевать Крыма, то не нужно было и раздражать его нерѣшительными и неважными нападеніями. Напротивъ, московскій царь начиналъ и не кончалъ, не воспользовался удобнымъ временемъ — эпохою крайняго ослабленія врага, а только раздразнилъ его, далъ ему время оправиться и, впослѣдствіи, возможность отомстить вдесятеро Москвѣ за походы Ржевскаго, Вишневецкаго и Адашева. Тотъ же Девлетъ-Гирей, который трепеталъ отъ приближенія немногочисленныхъ русскихъ отрядовъ, въ 1571-мъ году съ большимъ полчищемъ въ 120,000 (какъ повѣствуютъ бывшіе въ Москвѣ иностранцы) прошелъ до Москвы, опустошая все русское на своемъ пути, и появленіе его подъ столицею было поводомъ такого страшнаго пожара и разоренія, что московскіе люди не забыли этой ужасной эпохи даже послѣ смутнаго времени, и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ

иноземцы слышали отъ нихъ, что Москва была многолюднѣе и богаче до онаго крымскаго разоренія, а послѣ него съ трудомъ могла оправиться.

Однако, наши почтенные историки увѣряютъ, что царь Иванъ поступилъ благоразумно, не послушавшись совѣтовъ устремить всѣ силы на Крымъ. Возиться съ Крымомъ, по ихъ соображеніямъ, было некстати московскому государю; во-первыхъ — очень затруднительно было сообщеніе Москвы съ Крымомъ, не то что съ Казанью и Астраханью, куда можно было дойти значительную часть пути водою; во-вторыхъ — если бы и удалось покорить Крымъ, то невозможно было удержать его, при сравнительномъ малолюдствѣ русскаго народа, такъ какъ трудно было бы отдѣлить значительное русское населеніе въ новопокоренную землю; въ-третьихъ, покореніе Крымскаго полуострова вовлекло бы Русь въ войну съ Турціею, которая находилась въ то время въ апогеѣ своей славы и силы, была страшна всей Европѣ.

Нельзя не признать основательности такихъ замѣчаній. Но для всякаго предпріятія, особенно такого, которое сопряжено съ борьбою, есть свои препятствія однако, для всякихъ препятствій найдутся соотвѣтствующія средства избѣгать ихъ или преодолѣвать, и если историкъ, оцѣнивая намѣренія историческихъ дѣятелей, будетъ подбирать одни препятствія, съ которыми эти дѣятели должны были бороться, не обращая вниманія на средства, возможныя въ свое время для устраненія препятствій, то взглядъ историка будетъ одностороненъ и, слѣдовательно, не вѣренъ. Указавши на препятствія, возникавшія противъ исполненія извѣстнаго предпріятія, надобно указать и на средства, какія могли быть найдены, чтобы побѣдить эти препятствія. Намъ говорятъ, что сообщеніе съ Крымомъ было затруднительнѣе сообщенія съ Казанью и Астра-

ханью. Мы соглашаемся съ этимъ, но не думаемъ, чтобы затрудненія эти были совершенно непреодолимы. Главное удобство, по тогдашнимъ условіямъ, состояло въ водяныхъ путяхъ. И что же? Мы видимъ, что большая половина пути отъ Москвы до береговъ Крымскаго полуострова могла быть пройдена водою. Данила Адашевъ съ восемью тысячами отправился на судахъ по рѣкѣ Пслу, а потомъ по Днѣпру и, такимъ образомъ, могъ достигнуть западныхъ береговъ Крымскаго полуострова. Былъ еще и другой пунктъ водянаго пути — тотъ же Воронежъ, на который, впослѣдствіи, обратилъ вниманіе Петръ Великій. Нужно было, говорятъ намъ, большое войско; однако, нѣтъ основанія думать, чтобы войско, необходимое для завоеванія Крыма, при тѣхъ критическихъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда орда, требовалось въ такомъ количествѣ, которое было бы затруднительно выставить Московскому государству. Для покоренія Казани, Московское государство должно было послать до 130,000 воиновъ, а завоеваніе отдаленной Астрахани потребовало менѣе третьей части этого количества. Если крымскія дѣла были до того разстроены, что отряды въ пять и въ восемь тысячъ могли безотпорно опустошать владѣнія хана и наводить на него великій страхъ, то что же могло быть, еслибы, вмѣсто восьми тысячъ, явилось восемьдесятъ, да еще съ самимъ царемъ, котораго присутствіе столько же благодѣтельно въ нравственномъ отношеніи подѣйствовало бы на русскую рать, сколько зловредно на враговъ? Появленіе царя на челѣ войска русской державы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покорить Крымское царство подняло бы, воодушевило и привлекло къ царю, для совмѣстнаго дѣйствія противъ крымцевъ, съ одной стороны днѣпровское, съ другой донское казачество, а казачество, особенно днѣпровское,

было бы совсѣмъ не малочисленною военною силою, потому что, при той воинственности, которая охватывала украинское населеніе, ряды его тотчасъ же увеличивались бы множествомъ свѣжихъ охотниковъ и эта сила почти ничего бы царю не стоила. Мы не говоримъ, впрочемъ, чтобы Крымъ, во всякое время, могъ быть такъ легко завоеванъ; мы имѣемъ въ виду только то печальное и разстроенное его состояніе въ половинѣ XVI-го вѣка, которымъ хотѣли воспользоваться совѣтники царя Ивана Васильевича. Намъ говорятъ — если бы даже царю и удалось завоевать Крымъ, то невозможно было бы его удержать по причинѣ какъ отдаленности края, такъ и при малолюдствѣ русскаго народонаселенія, причемъ нельзя было бы доставить въ новопокоренный край достаточное количество русскихъ поселенцевъ. Но не надобно выпускать изъ вида того важнаго обстоятельства, что Крымъ, по качеству народонаселенія, въ XVI-мъ вѣкѣ былъ не то, что въ XVIII-мъ и даже уже въ XVII-мъ. Крымскіе ханы были страшны преимущественно тѣми ордами, которыя бродили и кочевали въ степяхъ и находились въ ихъ распоряженіи, когда нужно было ихъ подвинуть на опустошеніе сосѣднихъ земель. На самомъ полуостровѣ собственно татарское населеніе еще не составляло большинства; въ XVI-мъ вѣкѣ въ Крыму еще очень много было христіанъ; ихъ потомки, одичавшіе, лишенные средствъ религіознаго воспитанія, подъ гнетомъ господства магометанъ не ранѣе, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ (а многіе уже въ XVIII), отатарившись, мало-помалу, перешли къ исламу, такъ что Екатеринѣ II удалось спасти только остатокъ ихъ, переселенный на берегъ Азовскаго моря подъ именемъ крымскихъ грековъ [1]).

---

[1]) Поразителенъ тотъ фактъ, что еще въ XVII-мъ вѣкѣ въ Кефе (Θеодосія), при 6,000 домахъ, было 12 греческихъ церквей, 32 ар-

Въ XVI-мъ вѣкѣ христіане были еще многочисленны и конечно встрѣтили бы русское завоеваніе, какъ избавленіе отъ иновѣрной неволи. Вотъ уже былъ готовый контингентъ для того населенія, которое бы вначалѣ послужило ручательствомъ во внутреннемъ спокойствіи края подъ русскимъ владычествомъ. При такомъ выгодномъ условіи, Руси предстояло менѣе труда закрѣпить за собою новопокоренный край, чѣмъ это случилось съ Казанскою землею, гдѣ, кромѣ татаръ, магометанская и языческая черемиса долго враждебно относилась къ русской власти. Опасность вовлечься въ войну съ сильною Турціею была важнѣйшимъ препятствіемъ. Но и это препятствіе не было вполнѣ неотвратимо. Нельзя сказать чтобъ Московское государство, овладѣвши Крымомъ, никакъ уже не могло сойтись дружелюбно съ Турціею. Турція была сильна, но Турція была падка на выгоды. Если бы московскій государь, сдѣлавшись обладателемъ Крыма, предложилъ Турціи выгодныя условія, даже извѣстный постоянный платежъ за тотъ же Крымъ (которымъ вѣдь Турція собственно не владѣла), то едвали бы Турція не предпочла мирную сдѣлку трудной войнѣ. А еслибъ и не такъ, еслибы пришлось Руси воевать съ Турціею — война эта представляла бы для Турціи гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ всякая другая въ Европѣ. Легко было нагайскимъ летучимъ загонамъ и различнымъ ордамъ нападать на южные предѣлы Московскаго государства внезапно и убѣгать въ свои степи съ добычею. Но двинуться съ многочисленнымъ турецкимъ войскомъ, въ глубину необозримыхъ степей, подвергаться всевоз-

---

мянскихъ и одна католическая, а въ 1778 число найденныхъ въ Крыму православныхъ, но совершенно отатарившихся, простиралось только до 15,000 (см. Хартохая, Истор. судьба крымск. татаръ. «Вѣстн. Евр.» 1867, II. стр. 152—173).

можнѣйшимъ лишеніямъ и неудобствамъ непривычнаго климата, встрѣтить противъ себя всю сосредоточенную силу Руси—это было такое предпріятіе, что, сдѣлавши опытъ, Турція отказалась бы отъ него, особенно, когда могла сойтись съ Московскимъ государствомъ выгодно. Вѣдь, впослѣдствіи посылали же турки янычаръ на помощь Девлетъ-Гирею отнимать у Москвы Астрахань. Предпріятіе не удалось. Это уже можетъ служить примѣромъ, что Турціи не легко было воевать на русскомъ материкѣ. При этомъ, надобно замѣтить, что Москвѣ представлялись пути дѣйствовать съ постепенностію, которая бы задержала быстрые поводы къ разрыву съ Турціею. Можно было и въ Крыму употреблять ту же политику, какую употребляли надъ Казанью и Астраханью, и прежде чѣмъ завоевать окончательно Крымъ, сажать на крымскій престолъ такихъ претендентовъ, которые были бы подручниками Москвы. Личность Тохтамыша была уже первымъ готовымъ образчикомъ. Постепенно, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, страна, управляемая подручникомъ, все болѣе и болѣе подчинялась главенствующей державѣ, пока, наконецъ, не прильнула бы къ ней и не вошла бы въ систему ея непосредственныхъ владѣній.

Замѣчательно, что тогдашніе московскіе руководители крымскаго дѣла хотѣли дѣйствовать такъ, чтобы, елико возможно, не дойти до разрыва съ Турціею: поэтому Данило Адашевъ, захвативши въ Крыму, въ числѣ плѣнныхъ, кромѣ татаръ—турокъ, отослалъ ихъ къ очаковскому пашѣ, объяснивши, что московскій государь воюетъ съ крымскимъ ханомъ, а никакъ не съ падишахомъ. Видно, что, по ихъ соображеніямъ, можно было овладѣть Крымомъ и уклониться отъ войны съ Турціею, по крайней мѣрѣ до времени.

Всѣ намѣренія насчетъ Крыма, долженствовавшія, въ случаѣ удачнаго исполненія, открыть для Руси совсѣмъ иную дорогу, разбились объ упрямство деспота, который уже вырвался изъ-подъ долгой опеки умныхъ людей. Наши историки приписываютъ его нежеланіе продолжать крымское дѣло его прозорливости, политическому дальновидѣнію, чуть не геніальности. «Онъ понималъ — говорятъ они — лучше своихъ совѣтниковъ несвоевременность попытки надъ Крымомъ». Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ было такъ, то для чего-жь онъ посылалъ Ржевскаго, Адашева, Вишневецкаго задирать крымцевъ? Результатъ вышелъ очень плохой, когда крымцамъ дали оправиться. Нажъ кажется, побужденія, руководившія Иваномъ Васильевичемъ, гораздо проще объясняются: съ одной стороны, онъ тяготился опекою, но, по недостатку нравственной силы, не могъ свергнуть ее съ себя сразу и переживалъ эпоху колебанія; оттого выходило, что онъ то, по прежней привычкѣ, поддавался внушеніямъ своихъ опекуновъ и уступалъ ихъ совѣтамъ, то перечилъ имъ и своенравно пріостанавливалъ ходъ начатаго предпріятія и портилъ его. Кромѣ того, какъ самое предпріятіе представляло для него личныя опасности, то здѣсь вступало въ свои природныя права то всегдашнее свойство его характера — трусость, свойство неизмѣнно общее всѣмъ, подобнымъ ему, тиранамъ. Вѣдь и противъ Казани онъ лично поѣхалъ неохотно и послѣ, когда уже Казань находилась подъ его властію, съ досадою вспоминалъ, какъ его противъ воли повезли сквозь безбожную землю.

Но отчего историки наши величаютъ царя Ивана Васильевича за ливонскую войну? Говорятъ, что царь Иванъ лучше своихъ опекуновъ видѣлъ невозможность сладить съ Крымомъ и обратилъ свою дѣятельность къ такому предпріятію, которое могло быть полезнѣе для Россіи.

Но развѣ это предпріятіе удалось? Нѣтъ. Не послушавши своихъ совѣтниковъ, оставивъ крымское дѣло на четверти дороги и затѣявши покореніе Ливоніи, Иванъ навлекъ только на Россію бѣдствія и пораженія съ двухъ сторонъ: раздраживъ крымскаго хана и давши ему время оправиться, подвергъ страшному разоренію Москву и центральныя области государства и, вооруживши противъ себя Польшу, былъ побѣжденъ Баторіемъ и не удержалъ Ливоніи, стоившей напрасной потери русской крови. Но если — возражаютъ намъ — онъ и не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, все-таки онъ достоинъ уваженія и сочувствія, какъ шедшій по тому пути, по которому шелъ Петъ Великій. А что́ общаго между дѣлами Ивана и Петра? Только то, что какъ Иванъ, такъ и Петръ воевали въ Ливоніи. И только: это одни внѣшніе признаки; на нихъ исключительно нельзя опираться историку при оцѣнкѣ и опредѣленіи характеровъ и значенія историческихъ лицъ. Петру нужно было возвратить Россіи море, загороженное Столбовскимъ договоромъ; Ливонія вовсе не была его цѣлію — она ему только подвернулась въ войнѣ, и онъ завоевалъ ее, дѣйствуя въ силу обстоятельствъ, вслѣдствіе войны, которая велась совсѣмъ не ради Ливоніи, а для другихъ цѣлей. Царь Иванъ не былъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ былъ Петръ. То море, котораго только и добивался первоначально Петръ, у Ивана было уже во владѣніи. Еслибы Россія при Петрѣ была въ такихъ границахъ, какъ и при Иванѣ, то Петру не нужно было бы начинать наступательной войны: ему пришлось бы просто начать строить Петербургъ на русской землѣ, и еслибы то вызвало со стороны завистливыхъ сосѣдей нападеніе, то война съ ними имѣла бы чисто оборонительный характеръ. Впрочемъ, и безъ того война Петра съ Карломъ XII поднята за возвращеніе

Россіи ея достоянія, не очень давно захваченнаго. Было ли у Ивана что-нибудь въ головѣ, подобное тому, что было у Петра? Думалъ ли Иванъ о заведеніи флота, о введеніи въ государство образовательныхъ началъ, о сближеніи съ Европою? Думалъ ли онъ объ этомъ хотя настолько различно отъ Петра, насколько XVI-й вѣкъ отличался отъ XVIII-го? Наши историки говорятъ — да; но историческіе факты не даютъ намъ ни малѣйшаго права согласиться съ этимъ. Правда, если (какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки) составлять выводы на основаніи внѣшнихъ, случайныхъ признаковъ, то можно, пожалуй, натягивать и отыскивать что-то такое, что̀ покажется зачинающимся стремленіемъ къ знакомству съ Западомъ и къ преобразованію Руси; но такіе выводы разсыпятся отъ одного прикосновенія даже слабой исторической критики. Болѣе всего и прежде всего способенъ соблазнить насъ саксонецъ Шлиттъ, который, въ 1547-мъ году, хотѣлъ привезти въ Московское государство полезныхъ иноземцевъ. Но когда это происходило? Именно въ тотъ періодъ Иванова царствованія, когда этотъ государь находился подъ вліяніемъ Сильвестра, Адашева и другихъ лицъ ихъ кружка, когда, по собственному признанію Ивана, онъ часто совѣтовалъ противное тому, что дѣлалось, да его не слушали (аще и благо совѣтующе, сія непотребно имъ учинихомся); слѣдовательно, если съ порученіемъ Шлитту соединить какія-нибудь образовательныя цѣли, то ихъ надобно приписывать не царю Ивану Васильевичу, а тѣмъ же самымъ его совѣтникамъ, которыхъ ученые историки хотятъ унизить, возвышая Ивана Васильевича. Но такой единичный фактъ, какъ исторія саксонца Шлитта, не настолько замѣчателенъ и важенъ, чтобъ къ нему привязывать, какъ слѣдствія къ причинѣ, крупныя историческія явленія, очевидно, истекавшія прямымъ

путемъ изъ инаго источника. Съ одной стороны самая исторія Шлитта не была чѣмъ-либо новымъ, до сего времени неслыханнымъ; это собственно было только повтореніемъ того, что дѣлалось при дѣдѣ Ивана Васильевича Грознаго, великомъ московскомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, когда въ Москвѣ отличались: Аристотель, Марко Алевизо, Дебосисъ, Антонъ лекарь и другіе; а то, что дѣлалось при Иванѣ III-мъ, было продолженіемъ того, что бывало и въ прежнія времена, при случаѣ, и мы дойдемъ до построекъ, совершенныхъ нѣмецкими мастерами во Владимирѣ. По отношенію къ сближенію съ Европою, которое было одною изъ главныхъ сторонъ петровскаго преобразованія, всѣ такіе случаи прибытія въ Россію иноземцевъ, знающихъ то или другое полезное дѣло, хотя были, до извѣстной степени, предварительными явленіями, но не иначе, какъ въ своей совокупности, а не въ отдѣльности, потому что каждое изъ этихъ явленій не имѣло само по себѣ слишкомъ большой важности. Съ другой стороны, причинъ войны съ Ливоніею нельзя искать главнымъ образомъ въ исторіи саксонца Шлитта и еще менѣе въ какихъ-то образовательныхъ цѣляхъ Московскаго государства. Война царя Ивана Васильевича была непосредственнымъ послѣдствіемъ и возобновленіемъ войны его дѣда, а послѣдняя имѣла свой корень въ старинной враждѣ прибалтійскихъ рыцарей съ русскимъ міромъ, враждѣ, которая наполняетъ всю исторію Пскова и упирается въ подвиги Александра Невскаго. Если нападенія царя Ивана Грознаго на Ливонію приписывать образовательнымъ цѣлямъ и за то возводить Ивана въ званіе сознательнаго предшественника Петра Великаго по дѣлу преобразованія Россіи, то въ равной степени можно сочинять такія же побужденія и для предшествовавшихъ столкновеній русскихъ съ прибалтійскими нѣмцами.

Московское государство, основавшись какъ изъ зерна— —изъ Москвы, образовывалось присоединеніемъ ближнихъ земель одна за другою и расширялось. Это характеристическое явленіе, лежавшее въ его натурѣ. Какъ оно начало первоначально слагаться, такъ и продолжало. Ради собственнаго существованія ему приходилось расширяться и забирать земли за землями. Только впослѣдствіи судьба должна была указать, гдѣ предѣлъ этому расширенію. Въ XVI-мъ столѣтіи было много такого, что могло искушать московскую политику забиранія. Но отъ мудрости правительства зависѣло понять, за что слѣдовало приняться прежде, а съ чѣмъ надобно было обождать. Ливонія, рано или поздно, попалась во власть Московскаго государства; если бы послѣднее ея вовсе не трогало, и тогда нѣмцы вызвали бы Москву на предпріятія, которыя могли бы окончиться завоеваніемъ Ливоніи. Уже тогда возрастающая сила Московскаго государства возбуждала зависть какъ въ Ливоніи, такъ и въ Швеціи, и побуждала къ выходкамъ, показывавшимъ нерасположеніе и злобу. Но Москвѣ слѣдовало пока устраняться; чередъ для Ливоніи еще не пришелъ, какъ и показали послѣдствія. Мудрые совѣтники царя Ивана находили, что прежде всего нужно уничтожить хищническія орды или царства, возникшія на развалинахъ громадной монголо-татарской державы, такъ какъ это было необходимо для существованія Руси, для ея мирнаго развитія. Своенравный царь, желая перечить своимъ опекунамъ, обратился въ иную сторону — на Ливонію, поддерживаемый или скорѣе побуждаемый, какъ говорятъ современники, иными совѣтниками (кѣмъ именно — подлинно не знаемъ). Но для того, чтобъ туда обратиться, не нужно было никакой изобрѣтательности, никакихъ передовыхъ стремленій, мудрыхъ соображеній, высокихъ политическихъ и об-

разоѓательныхъ цѣлей. Колея была уже проложена; н слѣдовало только въ видахъ здравой политики пускаться по ней во-всю-ивановскую. Сильвестръ и другіе совѣтники его кружка противились войнѣ съ Ливоніею, и не удивительно. Она была преждевременна, а потому несправедлива, и притомъ велась черезчуръ варварскимъ способомъ. Быть можетъ, и даже вѣроятно, они отнеслись бы сами иначе къ этому предпріятію въ иное время, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, но въ данную минуту они не могли одобрять предпріятія. Великое дѣло овладѣнія Крымомъ, подчиненія татарскихъ племенъ русской державѣ, расширенія государственной территоріи на югъ, требовало сосредоточенности всѣхъ силъ народа и государства; нельзя было развлекаться въ разныя стороны; татарскій вопросъ былъ важнѣе всего для Руси; жертвовать имъ для какихъ бы то ни было иныхъ цѣлей было невыгодно для нея. Послѣдствія оправдали вѣрность взглядовъ мудрыхъ совѣтниковъ царя Ивана. Ливонія не была покорена, а Москва была разорена, держава истощена, народъ подвергся великимъ бѣдствіямъ. Замѣчательны слова современника, псковскаго лѣтописца, сказанныя по этому поводу: «и сбыстся писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочетъ, по малѣ и своего останетъ; царь Иванъ не на велико время чужую землю веземъ, а по малѣ и своей не удержа, а люди вдвое погуби».

Если бы у царя были какія-нибудь широкія политическія и образовательныя цѣли, онъ сколько-нибудь высказалъ бы ихъ въ своихъ письмахъ къ Курбскому, когда онъ, оправдывая себя, касался вопроса о ливонской войнѣ. Но мы встрѣчаемъ у него только такую выходку, которая прилична не мудрому политику, какимъ его хотятъ представить, а скорѣе пришедшему въ патріотическій за-

доръ простолюдину, у котораго, однако, горизонтъ міровоззрѣнія чрезвычайно туманенъ за предѣлами его деревни. «Если бы — пишетъ царь Иванъ Курбскому — не ваше злобѣсное претыканіе было, то бы, за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ». Уже этой одной выходки достаточно, чтобъ видѣть, какъ широко размахивались мечтанія царя Ивана о своемъ могуществѣ и какъ узко было у него пониманіе настоящихъ потребностей своей страны. Не встрѣчая признаковъ, которые бы показывали въ Иванѣ такія высокія побужденія сблизить Россію съ Европою, какія навязываютъ Ивану, перенося ихъ на него съ Петра (по обратному смыслу пословицы — не съ больной головы на здоровую, а съ здоровой на больную), мы и въ другихъ его поступкахъ не видимъ ничего такого, что бы свидѣтельствовало о чемъ-нибудь подобномъ. Онъ приближалъ къ себѣ иноземцевъ? А какихъ? Бомелія, подававшаго ему совѣты какъ мучить людей и впослѣдствіи достойно поплатившагося за такія услуги? Вообще не только о царѣ Иванѣ, но о всѣхъ деспотическихъ государяхъ въ мірѣ слѣдуетъ замѣтить, что держаніе около своей особы полезныхъ иноземцевъ, въ родѣ лекарей, аптекарей, строителей, мастеровъ и пр., не даетъ еще нимало права подозрѣвать въ нихъ какія-либо образовательныя стремленія по отношенію къ управляемой имъ странѣ. Такіе люди были нужны царямъ собственно для ихъ частной жизни. Царь Иванъ находился въ сношеніяхъ съ Англіею. Но чѣмъ отзывались эти сношенія для народнаго благосостоянія и образованія? Заимствовалъ ли царь для своей страны что-нибудь изъ того, въ чемъ Англія ушла впередъ отъ Россіи? Извѣстно, что эти сношенія не заведены царемъ; англичане сами начали ихъ, а что касается русскихъ, то послѣдніе, сообразно своему глу-

бокому невѣжеству, дозволяли предпріимчивымъ иноземцамъ поживляться насчетъ русской простоты безцеремоннымъ образомъ и вести торговыя дѣла такъ, что они приносили пользы англичанамъ несравненно болѣе, чѣмъ русскимъ. Намѣренія обратить это появленіе европейцевъ въ Россіи къ дѣлу просвѣщенія своей страны — мы не видимъ и тѣни у Ивана. Царь относился къ этому явленію эгоистически; онъ былъ радъ, что могъ получать предметы для нарядовъ, роскоши, сластолюбія, какихъ не было у него въ подвластной землѣ. Вся англійская торговля въ Москвѣ направлена была, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы служить выгодамъ царя и двора его. Никто не могъ покупать товаровъ, прежде чѣмъ лучшіе изъ нихъ возьмутся для царя; другимъ смертнымъ дозволялось покупать то, что царю уже не годилось. Да если бѣломорская торговля и подѣйствовала на дальнѣйшее движеніе внутренней жизни и въ нѣкоторой степени на умноженіе благосостоянія, то въ этомъ все-таки нельзя считать виновникомъ Ивана, такъ какъ вообще не слѣдуетъ ставить въ заслугу человѣку дѣла, въ которомъ онъ участвуетъ, если хорошія послѣдствія возникли мимо его воли, по обстоятельствамъ, которыхъ онъ и не предвидѣлъ и не старался сознательно имъ содѣйствовать.

Нашъ почтенный ученый говоритъ: «Іоаннъ Грозный въ умственномъ отношеніи былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, близко знакомый съ письменностью своей земли, одинъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Блескъ, юморъ, огромная начитанность, логичность изложенія, отличающія всѣ его произведенія, рѣдко встрѣчаются даже и у писателей по призванію, а не только у писателей случайныхъ, каковымъ

можетъ быть правитель великаго народа. Слѣдовательно, у окружавшихъ Іоанна не было даже и умственнаго превосходства надъ нимъ; мы знаемъ произведенія одного изъ нихъ — Домострой, образецъ узкости и мелочности; это произведеніе того, который считается геніемъ, ангеломъ-хранителемъ Грознаго, который внушалъ ему благородныя идеи, и подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Книга «Домострой» довольно извѣстна и нѣтъ нужды вдаваться въ подробную ея характеристику».

Да — скажемъ мы — «Домострой» сочиненіе извѣстное и приводитъ насъ къ иному мнѣнію о немъ, совершенно иному. Пусть «Домострой» не изъятъ отъ узкости, господствовавшей въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ его составитель, все-таки, по своимъ взглядамъ, по уму и, главное, по сердцу, послѣдній безмѣрно былъ выше Ивана. Мы видимъ тутъ человѣка благодушнаго, честнаго, глубоконравственнаго, чистаго и добраго семьянина, превосходнаго хозяина. Царь XVI-го вѣка, взявши себѣ за образецъ «Домострой» и приложивъ его духъ къ государственному строенію, былъ бы идеаломъ своего времени и вполнѣ могъ бы стать виновникомъ благосостоянія и счастія подвластнаго народа. Самая характеристическая черта «Домостроя» — это любовь къ слабымъ, низшимъ, подчиненнымъ и заботливость о нихъ нелицемѣрная, не риторичная, не педантская, не теоретическая, а простая, сердечная, истинно-христіанская. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ говоритъ о справедливости къ слугамъ и подчиненнымъ, о попеченіи объ нихъ; видно, что его особенно трогалъ и занималъ этотъ вопросъ. Напримѣръ, онъ приказываетъ хозяйкѣ каждый день самой отвѣдывать пищу, которая готовится для прислуги. Одна эта черта въ человѣкѣ, бывшемъ царскимъ ближнимъ совѣтникомъ, возбуждаетъ глубокое

къ нему уваженіе. «Какъ свою душу любить — поучаетъ онъ — такъ слѣдуетъ кормить слугъ и всякихъ бѣдныхъ. Пусть хозяинъ и хозяйка всегда наблюдаютъ и спрашиваютъ своихъ слугъ объ ихъ нуждахъ, о ѣдѣ и питіи, объ одеждѣ, о всякой потребѣ, о скудости и недостаткѣ, объ обидѣ и болѣзни, помышлять о нихъ, пещись сколько Богъ поможетъ, отъ всей души, все равно, какъ о своихъ родныхъ». Не ограничиваясь этимъ, онъ приказываетъ заботиться и объ ихъ нравственномъ и отчасти объ умственномъ развитіи.

Такого рода правила, разумѣется, внушались царю по отношенію къ подвластнымъ ему людямъ. Отсюда-то истекаютъ тѣ граматы и распоряженія лучшихъ лѣтъ Иванова царствованія, въ которыхъ видно желаніе давать народу какъ можно болѣе льготъ, свободы и средствъ къ благосостоянію. Авторъ «Домостроя» сознаетъ мерзость рабства, и самъ лично уже отрѣшился отъ владѣнія рабами; онъ то же заповѣдуетъ и сыну. «Я всѣхъ своихъ рабовъ освободилъ и надѣлилъ, я чужихъ выкупалъ изъ рабства и отпускалъ на свободу. Всѣ бывшіе наши рабы свободны и живутъ добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Многихъ оставленныхъ сиротъ и убогихъ мужскаго и женскаго пола и рабовъ въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ я воскормилъ и воспоилъ до совершеннаго возраста, и выучилъ ихъ, кто къ чему былъ способенъ, многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ писать иконы, иныхъ книжному рукодѣлію, серебренному мастерству и инымъ рукодѣліямъ, а нѣкоторыхъ научилъ торговать разною торговлею. А мать твоя воспитала многихъ дѣвицъ и вдовъ, оставленныхъ и убогихъ, научила ихъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и надѣливъ, замужъ повыдала, а мужескій полъ поженила у добрыхъ людей. И

всѣмъ тѣмъ далъ Богъ — свободны: многіе въ священническомъ и діаконскомъ чинѣ; во дьякахъ, въ подъячихъ, во всякомъ званіи, кто къ чему способенъ по природѣ и чѣмъ кому Богъ благословилъ быть; тѣ рукодѣльничаютъ, другіе торгуютъ въ лавкахъ, многіе ѣздятъ для торговли (гостьбу дѣютъ) въ различныхъ странахъ со всякими товарами. И Божіею милостію, всѣмъ нашимъ воспитанникамъ и послуживцамъ не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи отъ людей, и людямъ отъ насъ не бывало никакой тяжбы: во всемъ насъ до сихъ поръ соблюдалъ Богъ, а отъ кого намъ отъ своихъ воспитанниковъ бывали досады и убытки — все это мы на себѣ понесли; никто этого не слыхалъ, а намъ Богъ все пополнилъ. И ты, дитя мое, такъ же поступай: всякую обиду перетерпи — Богъ тебѣ все пополнитъ! Я не зналъ никакой женщины, кромѣ твоей матери; какъ мы съ нею обѣщались, такъ я и сдержалъ свое обѣщаніе. И ты, дитя мое, храни законный бракъ и, кромѣ жены своей, не знай никого. Берегись пьянственнаго недуга. Отъ этихъ двухъ пороковъ все зло» и пр. Такіе-то совѣты, безъ сомнѣнія, подавалъ Сильвестръ царю Ивану. И что же могло быть лучше, еслибы царь прилагалъ эти правила къ обращенію съ подданными и къ своей собственной нравственности, отъ которой зависѣли или по крайней мѣрѣ съ которою тѣсно были связаны его поступки въ области самодержавнаго правленія? По освобожденіи своемъ отъ узъ Сильвестрова ученія, пьяный, развратный, кровожадный тиранъ показывалъ собою во всемъ противоположность идеалу трезваго, нравственнаго, дѣятельнаго и благодушнаго государя, идеала, до котораго хотѣлъ довести его Сильвестръ при помощи своихъ совѣтниковъ.

Но ученые говорятъ, что идеалъ Ивана былъ выше и шире идеала его совѣтниковъ!

Этого мало: насъ хотятъ увѣрить, что «задуманный Грознымъ планъ переустройства государства хорошо подходилъ къ общеславянскому всегдашнему плану государственнаго устройства».

Слово «общеславянское» имѣетъ неопредѣленное значеніе общаго мѣста, которое можно прилагать къ чему угодно. Можно употреблять его и тогда, когда, заглянувши внутрь себя построже, мы должны будемъ сознаться, что сами не понимаемъ того, о чемъ толкуемъ. Общеславянскій планъ государственнаго устройства! Легко сказать! А кто для славянъ составлялъ этотъ планъ? Кто одобрялъ его? Какія, въ самомъ дѣлѣ, данныя представляетъ намъ исторія, по которымъ мы вправѣ сказать, что вотъ такой-то, а не иной какой-нибудь государственный строй болѣе пригоденъ для всѣхъ вообще славянъ, болѣе любимъ всѣми славянами, болѣе удовлетворяетъ ихъ характеру, ихъ нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ?

Чтобы опредѣлить «общеславянское», нуженъ гигантскій трудъ, нужно въ исторіи всѣхъ славянъ отдѣлить то, что входило къ славянамъ отъ другихъ народовъ, потомъ исключить то, что составляло историческую принадлежность быта только нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ и было чуждо другимъ, и потомъ уже собрать въ совокупность и привести въ порядокъ то, что окажется въ равной степени присущимъ всѣмъ вообще славянамъ. Но такой трудъ еще никѣмъ не совершенъ, и едва ли результатъ его въ надлежащей степени можетъ быть когда-либо достигнутъ: своеобразное и повсемѣстное, національное и заимствованное — такъ перепутываются между собою, что очень часто нѣтъ возможно-

сти ясно отдѣлить и обозначить то и другое. Въ настоящее время выраженіе: «общеславянскій планъ» государственнаго устройства, будетъ означать не болѣе, какъ тотъ планъ, который автору нравится и который авторъ, по собственному вкусу, полагаетъ умѣстнымъ считать пригоднымъ для всѣхъ славянъ. Но, такимъ образомъ, каждый будетъ навязывать на славянъ все, что ему самому вздумается; разумѣется, никто не будетъ объ этомъ спрашивать, да и спросить ихъ, очевидно, нѣтъ возможности: желаютъ ли они такого или инаго государственнаго устройства? Тотъ, кто будетъ навязывать славянамъ свои мечтанія, тотъ же будетъ и отвѣчать за нихъ. Развѣ изъ этого не выйдутъ одни мыльные пузыри! Съ одинакимъ правомъ одинъ будетъ доказывать, что общеславянское государственное устройство должно быть абсолютная монархія, другой — что федеративная республика. Одинъ будетъ, злоупотребляя словомъ *общеславянство*, усердно кадить той или иной существующей въ данное время силѣ, другой — изъ тумана общеславянскихъ воззрѣній показывать ей кулакъ. Научной правды, плодотворной для жизни, не будетъ ни здѣсь, ни тамъ!

Мы не считаемъ совѣтниковъ царя Ивана, составлявшихъ около него, по выраженію Курбскаго, избранную раду, изъятыми отъ узкости, свойственной вѣку, а равно и отъ личныхъ недостатковъ. Вообще же главный недостатокъ у нихъ у всѣхъ былъ тотъ, что они были слуги, а не граждане и, по всему складу подготовлявшей ихъ предшествовавшей исторіи Московскаго государства, не могли быть ничѣмъ другимъ. Все-таки — они были полезнѣйшіе и здравомыслящіе дѣятели въ своей странѣ. Отъ своей узкости они пали.

Ставятъ въ заслугу царю Ивану Васильевичу, что онъ утвердилъ монархическое начало; — но будетъ гораздо точнѣе, прямѣе и справедливѣе сказать, что онъ утвердилъ начало деспотическаго произвола и рабскаго безсмысленнаго страха и терпѣнія. Его идеалъ состоялъ именно въ томъ, чтобы прихоть самовластнаго владыки поставить выше всего — и общепринятыхъ нравственныхъ понятій, и всякихъ человѣческихъ чувствъ, и даже вѣры, которую онъ самъ исповѣдывалъ. И онъ достигъ этого въ московской Руси, когда, вмѣсто старыхъ князей и бояръ, поднялись около него новые слуги — рой подлыхъ, трусливыхъ, безсердечныхъ и безнравственныхъ угодниковъ произвола, кровожадныхъ лицемѣровъ, автоматовъ деспотизма: они усердно выметали изъ Руси все, что въ ней было добраго; они давали возможность быстро разростись и процвѣтать всему, что въ ней, въ силу прежнихъ условій, накопилось мерзкаго. Намъ совѣтуютъ не довѣрять Курбскому и другимъ писателямъ его времени насчетъ злодѣяній Ивана. Не отрицаютъ, впрочемъ фактической дѣйствительности казней, совершенныхъ имъ: это было бы черезчуръ произвольно, при собственномъ сознаніи тирана. Задаютъ вопросъ: «да не было ли, въ самомъ дѣлѣ, измѣны? Точно ли выгодно было московскому боярству не измѣнять и неужели оно не имѣло гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своихъ идеаловъ». И на такой вопросъ отвѣтъ сейчасъ готовъ: «идеалы эти были, и были рядомъ, въ Литвѣ». Бросается подозрѣніе на замученныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; они, подобно Курбскому, хотѣли бѣжать въ Литву; тамъ у нихъ были свои идеалы. Но исключая немногихъ — неясныхъ — примѣровъ (въ родѣ поступка князей Ростовскихъ), исторія не представляетъ никакихъ, даже слабыхъ, доводовъ къ подкрѣпленію такихъ произвольныхъ подозрѣній. Чтобы

ихъ разсѣять, достаточно указать на то обстоятельство, что тѣ люди, которыхъ Иванъ перемучилъ, въ періодъ господства Сильвестра и его партіи не измѣняли и не думали бѣжать ни въ Литву, ни куда-нибудь въ иную землю. Стало быть — еслибъ и на самомъ дѣлѣ у кого-либо изъ казненныхъ Иваномъ было намѣреніе послѣдовать примѣру Курбскаго, то это происходило бы не оттого, что у него въ Литвѣ были какіе-то идеалы, а просто отъ крайней необходимости спасать свою жизнь, которой угрожала безумная прихоть тирана; и въ этомъ случаѣ вина падаетъ на мучителя, а не на замученныхъ. Мучительства производили бѣгства, а не бѣгства и измѣны возбуждали Ивана къ мучительствамъ. Тѣ доводы, которые приводитъ Курбскій въ свое оправданіе, имѣютъ характеръ общечеловѣческой правды. Курбскій жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ, едва ли умѣстно въ XIX-мъ судить дѣятелей прошедшаго времени по правиламъ того крѣпостничества, по которому каждый, имѣвшій несчастіе родиться въ какомъ-нибудь государствѣ, непремѣнно долженъ быть привязаннымъ къ нему даже и тогда, когда за всѣ его услуги, оказанныя этому государству, онъ терпитъ одну несправедливость и долженъ каждую минуту подвергаться опасности быть безвинно замученнымъ! Неужели намъ велятъ сочувствовать аргументамъ царя Ивана, писавшаго къ Курбскому: «аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити»? Историкъ, оправдывающій мучительства Ивана и похваляющій «логичность» въ его письменныхъ произведеніяхъ, вѣроятно, не рѣшится сказать, что онъ сочувствуетъ подобнымъ софизмамъ шекспирова Ричарда III, доказывающаго вдовѣ убитаго имъ принца, что онъ оказалъ убитому благодѣяніе, отправивъ его въ царство небесное?

Если въ личности Курбскаго можно указать на что-нибудь черное, то никакъ не на бѣгство его въ Литву, а скорѣе на участіе въ войнѣ противъ своего бывшаго отечества; но это происходило именно оттого, что, какъ мы сказали, московскіе люди, даже лучшіе, были слуги, а не граждане. Курбскій былъ преступенъ только какъ гражданинъ; какъ слуга — онъ былъ совершенно правъ, исполняя волю господина, которому добровольно обязался служить и который его, изгнанника, принялъ и облагодѣтельствовалъ. Мы не думаемъ, чтобы вообще у бѣжавшихъ въ тѣ времена въ Литву московскихъ людей были какіе-нибудь идеалы въ Литвѣ. Имъ просто становилось по чему нибудь дурно и опасно жить въ Московскомъ государствѣ и они бѣжали изъ него; бѣжать въ Литву имъ было и ближе, и подручнѣе, чѣмъ въ другое государство: и языкъ и, обычаи тамъ были для нихъ ближе, чѣмъ въ иной землѣ, и принимали ихъ тамъ радушно; какъ люди служилые, они въ Литвѣ видѣли для себя службу, только служба тамъ казалась польготнѣе, особенно послѣ того, какъ почему-нибудь въ Москвѣ служба становилась имъ черезчуръ тяжела. Точно то же мы должны сказать и о тѣхъ, которые, наоборотъ, изъ Литвы бѣжали въ Москву: и у этихъ людей въ Москвѣ не было предуготованныхъ идеаловъ: имъ дурно становилось въ Литвѣ, — вотъ, поэтому только они и бѣжали въ Москву; стѣсненныя обстоятельства ихъ выгоняли изъ отечества. Прежніе господа считали ихъ измѣнниками, но тѣ, которые ихъ принимали, напротивъ, находили вполнѣ справедливымъ, если эти перебѣжцы, служа новому господину, пойдутъ войною и на землю прежняго, то-есть на свое прежнее отечество. Руководясь русскимъ патріотизмомъ, конечно, можно клеймить порицаніемъ и ругательствами Курбскаго, убѣжавшаго изъ Москвы въ

Литву и потомъ, въ качествѣ литовскаго служилаго человѣка, ходившаго войною на московскіе предѣлы, но въ то же время не находить дурныхъ качествъ за тѣми, которые изъ Литвы переходили въ Москву и по приказанію московскихъ государей ходили войною на своихъ прежнихъ соотечественниковъ: эти послѣдніе *намъ* служили, слѣдовательно хорошо дѣлали! Разсуждая безпристрастно, окажется, что ни тѣхъ, ни другихъ не слѣдуетъ обвинять, да и вообще, чтобы вмѣнять человѣку измѣну въ тяжкое преступленіе, надобно прежде требовать, чтобъ онъ былъ гражданинъ, чтобы, вслѣдствіе политическихъ и общественныхъ условій, въ немъ было развито и чувство и сознаніе долга гражданина: безъ этого онъ или слуга, или рабъ. Если онъ слуга — то что дурнаго, когда слуга оставляетъ господина, который не умѣетъ его привязать къ себѣ, и переходитъ на службу къ другому? Если же онъ рабъ, то преступленія раба противъ господина могутъ быть судимы только предъ судомъ того общества, которое допускаетъ рабство, но не предъ судомъ исторіи, которая, изслѣдуя причины явленій, должна осуждать тѣ неестественныя общественныя условія, которыя производятъ подобныя явленія.

Намъ говорятъ: «во всѣхъ вопросахъ русской исторіи, съ которыми она соприкасается, можно припомнить много такого, что выставляетъ намъ личность царя Ивана совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Завоевавъ, напримѣръ, Ливонію, что́ дѣлаетъ царь Иванъ Васильевичъ? Въ Ливоніи появляется дерптскій епископъ, появляется юрьевское помѣстное дворянство. Совсѣмъ иначе онъ дѣйствуетъ на востокѣ; такъ, завоевавши Казань, онъ старается привлечь къ себѣ мѣстное населеніе».

Кроткія мѣры по отношенію къ обитателямъ покореннаго Казанскаго царства, послѣ завоеванія Казани, принадлежатъ къ тому періоду царствованія Ивана Васильевича, когда онъ находился подъ вліяніемъ Сильвестра и людей его кружка, слѣдоватетьно, по всѣмъ соображеніямъ, онѣ истекали отъ тогдашнихъ дѣйствительныхъ правителей государства и свидѣтельствуютъ о государственной мудрости и гуманности послѣднихъ. Что же касается до варварскихъ, жестокихъ и вѣроломныхъ мѣръ обращенія съ покоренною Ливоніею, то ученый профессоръ, котораго строки мы привели, не излагаетъ тѣхъ своихъ основныхъ взглядовъ, которые побуждаютъ его видѣть въ хорошемъ свѣтѣ такіе поступки. какъ намѣреніе устроить юрьевское помѣстное дворянство, съ которымъ, какъ извѣстно, соединялось насильственное переселеніе нѣмцевъ въ московскіе города и московскихъ людей въ ливонскіе. Поэтому и намъ слѣдуетъ воздержаться отъ спора объ этомъ вопросѣ, такъ какъ мы опасаемся не точно понять то, что̀ станемъ опровергать, и такъ какъ, притомъ, мы слишкомъ уважаемъ автора, чтобы по какимъ-либо недоумѣніямъ признавать за нимъ такіе взгляды, отъ которыхъ онъ, быть можетъ, отшатнется такъ же. какъ и мы. Скажемъ только, что каковы бы ни были причины, побуждающія ученыхъ мужей оправдывать, восхвалять и вообще представлять въ хорошемъ свѣтѣ разныя насилія, совершенныя историческими дѣятелями и часто оправдываемыя «политическою необходимостью, государственными цѣлями» и т. п., мы всеже надѣемся, что уже близко то время, когда встрѣтить у историка похвалу насильственнымъ мѣрамъ, хотя бы предпринимаемымъ или допускаемымъ съ цѣлью объединенія и укрѣпленія государствъ, будетъ такъ же дико, какъ было бы теперь дико услышать съ каѳедры одобренія

инквизиціонныхъ пытокъ и сожженій, совершавшихся не только съ высокою цѣлью единства вѣры, но еще съ самою высшею и благою — ради спасенія многихъ душъ отъ адскаго огня въ будущей жизни. Въ прежнія времена были же люди, очень ученые и почтенные, находившіе хорошую сторону въ такихъ мѣрахъ. Укажемъ, однако, какъ смотрѣли люди XVI-го вѣка на слѣдствія тѣхъ мѣръ государственной политики царя Ивана, которыя заслужили одобреніе ученыхъ XIX-го вѣка. Описавши, какъ погибали русскіе люди въ Ливоніи отъ голода, мороза и, наконецъ, отъ непріятельскаго меча, умный псковской лѣтописецъ восклицаетъ: «Исполни грады чужіе русскими людьми, а свои пусты сотвори!» Такъ-то люди простые, неученые, руководствуясь здравымъ природнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, приходятъ часто къ болѣе правильнымъ и человѣческимъ взглядамъ, чѣмъ ученые люди, вѣдущіе многое и многое!

Напрасно историки наши силятся опровергнуть основное воззрѣніе Карамзина на личность царя Ивана Васильевича и представить его великимъ государственнымъ мужемъ, свѣтлымъ умомъ, достойнымъ уваженія и сочувствія, предшественникомъ Петра Великаго, и оправдать его звѣрскія дѣянія.

Принимаемъ смѣлость представить на обсужденіе читателей нашъ взглядъ на характеръ царя Ивана Васильевича, составленный на основаніи посильнаго уразумѣнія явленій его государственной и частной жизни.

Личность эта принадлежитъ къ разряду тѣхъ нервныхъ натуръ, которыхъ можно встрѣчать много вездѣ въ разныхъ положеніяхъ, зависящихъ отъ разныхъ условій рожденія, жизни, воспитанія. Способности ихъ отъ

природы могутъ быть различны, начиная очень талантливыми и оканчивая очень тупоумными, но при всемъ различіи они всѣ имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ, общее, свойство — чрезвычайная чувствительность къ внѣшнимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого, быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ обыкновенно слабая; великими дѣятелями они быть не способны. Устойчивости у нихъ нѣтъ, терпѣнія у нихъ очень мало. Сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства. Воображеніе у нихъ сильнѣе и разсудка и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять, но легко покидаютъ ихъ, когда являются препятствія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душею. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ и нерѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ безпрерывную и странную смѣну умныхъ поступковъ глупыми и наоборотъ; нерѣдко. однако, послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству воображенія и внезапныхъ побужденій Эти личности неспособны къ самостоятельности и нуждаются въ опекѣ надъ собою, хотя, обыкновенно, не замѣчаютъ этого; они не надолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще они не любятъ послѣднихъ; они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію, когда же они почуютъ унизительность своей зависимости. то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли ими, но, по слабости воли и по трусости, и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Они

чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ и, въ то же время, крайняя трусость—ихъ неизбѣжное свойство, потому что та же чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача повергаетъ въ прахъ. Отъ этого —они высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушны, нетерпѣливы въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспріимчивы ко всему доброму, но еще чаще къ злу и порокамъ, потому что для добра, на практикѣ всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, возвышенны, благородны на словахъ и совсѣмъ не таковы на дѣлѣ: слова легче дѣлъ, и при извѣстной долѣ способностей изъ нихъ вырабатываются превосходные риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а малоспособныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ безвредными нулями; всего болѣе можетъ обуздать и даже отчасти переродить ихъ нужда, но за то многихъ изъ нихъ она убиваетъ, и никто такъ легко и безпомощно не падаетъ подъ гнетомъ нужды, какъ люди этого рода. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозмож-

наго безумія. Многіе тираны, прославленные исторіею за свою кровожадность и вычурныя злодѣйства, принадлежали къ такимъ натурамъ. Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Иванъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ, при всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другаго несходными обстоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Иванъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ; какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра и подъ ихъ вліяніемъ показались признаки мудраго и добраго правленія, такъ Иванъ Васильевичъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка, и его именемъ совершено было не мало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Иванъ, удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, пустились во вся тяжкая, не зная предѣловъ своимъ развратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона и Ивана облекались характеромъ вычурности иногда театральности. Неронъ вначалѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Иванъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, за то убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ (какъ говорятъ) Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьею; — Иванъ не жегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, по безразсудству и трусости Ивана; за то Иванъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьею. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произ-

волу своихъ вольноотпущенниковъ; Иванъ уѣхалъ въ Александровскую слободу, разыгрвыалъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнинѣ. Неронъ и Иванъ были равно жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали — первый языческимъ храмамъ, второй — христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Иванъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти, и неограниченный произволъ самовластія былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Ивану не приходилось спасать себя отъ опасности испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, за то во все свое царствованіе онъ многообразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Нашъ почтенный исторіографъ, при оцѣнкѣ характера царя Ивана, воздержался отъ сравненія его съ Нерономъ, замѣтивъ, что одинъ былъ христіанинъ, другой язычникъ. Правда, Иванъ каялся и посылалъ въ монастыри поминовенія по тѣмъ, которыхъ самъ убилъ, но это дѣлалось не потому, чтобъ чудовище возненавидѣло зло и обратилось на путь добра: то было проявленіе трусости; московскій царь боялся Царя небеснаго и хотѣлъ Его умилостивить; но безсердечіе было одинаково, какъ у русскаго, такъ и у римскаго тирана, только римскій — не боялся своихъ боговъ; — и правду сказать: этимъ отличіемъ русскій тиранъ дѣлается еще омерзительнѣе римскаго. Наконецъ, Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Иванъ щеголялъ риторикою, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи, вообще резонерствомъ. По странному стеченію — московскій царь въ этомъ отношеніи оказался

счастливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тирана превозносятъ теперь за «блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изслѣдованія и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени». За то Сенека оказался счастливѣе Сильвестра. Воздавая хвалу Ивану и противополагая его литературнымъ произведеніямъ творенія Сильвестра, какъ «образчикъ» узкости и мелочности, упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что если Иванъ, котораго воспитаніе въ дѣтствѣ оставлено было въ крайнемъ небреженіи, отъ кого либо набрался какихъ нибудь свѣдѣній и науки писательства, то скорѣе всего отъ того же Сильвестра.

Разсмотримъ же литературныя произведенія московскаго Нерона; увидимъ изъ нихъ, кáкъ и насколько высказалъ онъ намъ свой талантъ, душу, сердце, понятіе и нравъ.

Вотъ передъ нами письмо царя Ивана къ Курбскому— широковѣщательное и многошумящее посланіе, какъ назвалъ его Курбскій. Оно заключаетъ въ печати цѣлыхъ восемьдесятъ шесть страницъ in 8°, составляя отвѣтъ на письмо Курбскаго, которое могло умѣститься на какихъ-нибудь семи съ половиною страницахъ того же формата. Самый фактъ существованія такого отвѣта очень знаменателенъ и поясняетъ многое въ личности Ивана. Если бы царь былъ правъ въ своихъ поступкахъ, какъ хотятъ изобразить его историки, — никогда бы не рѣшился онъ оправдываться передъ виновнымъ; еслибы онъ руководился умомъ, а не мелочнымъ самолюбіемъ — ни за что бы онъ не отвѣчалъ Курбскому. Съ какою цѣлію писано это письмо и чего добивался царь отъ

Курбскаго? Неужели онъ хотѣлъ, ему нужно было, и онъ надѣялся убѣдить Курбскаго признать царя во всемъ правымъ, а себя и всѣхъ опальныхъ и замученныхъ виновными? Но еслибы у Ивана была такая цѣль, мы бы должны были признать за нимъ умственный уровень еще ниже того, какой признаемъ теперь на основаніи его поступковъ и словъ. Или ужь не хотѣлъ ли Иванъ склонить Курбскаго воротиться? Но этого намѣренія и въ письмѣ Ивана не видно. Побужденіе Курбскаго, рѣшившагося писать къ своему бывшему государю, понятно и естественно. Изгнаннику хотѣлось излить тирану все, что накопилось у него на сердцѣ, чего онъ не смѣлъ прежде высказать. Тутъ было своего рода мщеніе за себя и за другихъ: отрадно было заставить тирана поневолѣ выслушать правду, которая инымъ путемъ до него не достигла бы никогда. Но со стороны царя Ивана Васильевича не могло быть иного побужденія къ написанію такого длиннаго письма, кромѣ безразсуднаго нервнаго самолюбія, уязвленнаго голосомъ правды, кромѣ мелкой, безсильной злобы, подстрекавшей его. Ивану нельзя было ничего уже сдѣлать Курбскому: ему въ воображеніи рисовались истязанія, муки, страданія, которымъ бы хотѣлось подвергнуть дерзкаго раба, переставшаго быть и называться его рабомъ—а исполнить этого не было возможности. Излить свою досаду потокомъ словъ, а иногда и слезъ, при невозможности проявить ее дѣломъ — самый обыкновенный пріемъ у такихъ натуръ, къ которымъ принадлежалъ царь Иванъ Васильевичъ. И вотъ, въ порывѣ раздраженія, забывая свое достоинство, тиранъ посылаетъ длинное письмо Курбскому: здѣсь площадныя ругательства перемѣшаны съ дикими, уродливыми софизмами; они подкрѣпляются то некстати выхваченными примѣрами изъ сокровищницы тогдашней учености, то

явнымъ искаженіемъ истины фактовъ изъ современной жизни. Курбскій достойно оцѣнилъ это письмо, замѣтивъ, что оно совсѣмъ не прилично царю, походитъ на «басни неистовыхъ бабъ, и не слѣдовало было посылать его въ такую страну, гдѣ есть много людей искусныхъ въ грамматическихъ, риторическихъ, діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ».

Главная мысль царскаго письма состоитъ въ изложеніи ученія о безмѣрномъ величіи царской власти; это апотеозъ не только самодержавія, но безграничнаго произвола.

Курбскій ушелъ отъ царя, Курбскій, изгнанникъ, упрекаетъ царя въ неправосудіи, жестокостяхъ, неистовствахъ. Что̀ отвѣчаетъ на это царь? Онъ ставитъ Курбскому въ ину, что Курбскій не претерпѣлъ мученій отъ царя для полученія небеснаго царства, не исполнилъ долга, предписывающаго рабамъ повиноваться господамъ. Царь ставитъ ему въ примѣръ доблесть раба самого Курбскаго, Васьки Шибанова, который, стоя у смертныхъ вратъ передъ царемъ и передъ всѣмъ народомъ, не отвергся отъ своего господина. Что́ можетъ быть возмутительнѣе этого? Извергъ, самъ замучивъ несчастнаго Ваську Шибанова, восхищается его доблестію и ставитъ его въ примѣръ [1])!

Царь можетъ дѣлать все, что захочетъ, и никто не долженъ судить его поступковъ; эту основную мысль письма Иванъ Васильевичъ подкрѣпляетъ множествомъ мѣстъ и

[1]) Возмутительнымъ казался поступокъ самого Курбскаго, рѣшившагося послать вѣрнаго слугу на явную погибель, но въ лѣтописи, означенной Карамзинымъ именемъ Александроневской, о Ваською Шибановѣ говорится, что онъ способствовалъ бѣгству Курбскаго, и самъ былъ схваченъ; слѣдовательно, вовсе не посланъ въ Москву съ письмомъ своего господина, какъ обыкновенно полагали.

примѣровъ изъ священнаго писанія, святыхъ отцовъ, византійской исторіи. Способъ этого подкрѣпленія таковъ, что не только не оправдываетъ взглядовъ тѣхъ ученыхъ мужей, которые признаютъ Ивана однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени, а напротивъ, свидѣтельствуетъ о его ограниченности, тупоуміи и невѣжествѣ.

Считая самъ себя правымъ, Иванъ, однако, сознается, что есть и за нимъ кое-какія согрѣшенія, но они произошли отъ измѣны тѣхъ бояръ, къ кругу которыхъ принадлежалъ Курбскій. Курбскій укоряетъ царя Ивана въ жестокостяхъ; за это Иванъ обвиняетъ Курбскаго въ ереси;—нѣтъ человѣка безъ грѣха, а Курбскій, обвиняя Ивана въ грѣхахъ, стало быть требуетъ, чтобы человѣкъ былъ безгрѣшенъ, хочетъ поставить человѣка въ-равнѣ съ ангелами! Ужь не это ли юморъ, который находятъ въ сочиненіяхъ царя Ивана? По нашему взгляду, трудно выдумать остроту, болѣе тупую и плоскую. Въ другомъ мѣстѣ царскаго письма (стр. 88), запрещая Курбскому порицать свои поступки, Иванъ приводитъ изъ книги «О старчествѣ» монашескую легенду о томъ, какъ нѣкій старецъ, «егда возстена о нѣкоемъ братѣ, живущемъ во всякомъ небреженіи и въ піянствѣ и въ блудѣ», видѣлъ видѣніе, которое вразумило его, что онъ грѣшитъ, присвоивая себѣ судъ, принадлежащій Богу. Но что, быть можетъ, имѣло смыслъ въ мірѣ отшельниковъ, то совсѣмъ не годилось въ мірѣ общественномъ, потому что, если приложить это правило вообще къ нравственности, то значило бы оставить полную возможность дурнымъ людямъ дѣлать какое угодно зло. Очевидно, примѣръ приведенъ вовсе некстати. Также точно нельзя было заграждать Курбскому право указать Ивану на его худыя дѣла словами св. Григорія, упрекающаго юношу, который хочетъ поучать старика. Примѣръ этотъ совсѣмъ не идетъ къ

дѣлу, о которомъ велась рѣчь. Ни по лѣтамъ, ни по умственному авторитету, Иванъ не имѣлъ подобнаго права. Обвиняя Курбскаго за бѣгство, Иванъ хотѣлъ поразить его примѣрами изъ Ветхаго Завѣта, но выбралъ ихъ неудачно. Допустимъ, что исторія Авенира (стр. 26) имѣетъ еще какое-то отдаленное подобіе; но что общаго между Курбскимъ, ради спасенія жизни убѣжавшимъ въ чужую землю, и Іеровоамомъ, который отторгнулся отъ Іерусалима и основалъ особое царство Самарійское? Во-первыхъ—покушеніе Іеровоама на отторженіе провинцій отъ власти Давидова дома не могло, по смыслу повѣствованія въ самой Библіи, толковаться какъ дѣло, неугодное Богу и преступное, такъ какъ самъ Господь, еще при Соломонѣ, изрекъ свою волю Іеровоаму чрезъ пророка Ахію, состоящую въ томъ, что за грѣхи Соломона значительная часть его владѣній должна быть отнята отъ его потомства и передана Іеровоаму, котораго, такимъ образомъ, по библейскому смыслу, самъ Богъ избралъ своимъ орудіемъ, и если впослѣдствіи Іеровоамъ навлекъ на себя Божій гнѣвъ идолопоклонничествомъ, то все-таки, въ дѣлѣ отпаденія отъ іерусалимскаго престола, онъ не можетъ подвергаться обвиненію и этотъ его поступокъ не можетъ служить подобіемъ такому поступку, который, опираясь на св. писаніе, желаютъ представить въ дурномъ свѣтѣ. Во-вторыхъ — безсмысленно и противно св. писанію приписывать паденіе царства Самарійскаго означенному поступку Іеровоама и связывать съ этимъ поступкомъ отступленіе самарійскихъ царей отъ Бога и поклоненіе золотому тельцу, такъ какъ подобное идолопоклонство происходило и въ Іудейскомъ царствѣ, да и послѣднее также точно погибло, какъ и Самарійское, только нѣсколько позже. Иванъ говорилъ: «Смятеся царство въ Самаріи и отступи отъ Бога и поклонися тельцу,

и како оубо смятеся царство Самаріи тое неудержаніемъ царей и вскорѣ погибе; Іюдино же аще и мало бысть, но странно и пребысть до изволенія Божія». Но царство Израильское погибло совсѣмъ не вскорѣ, а просуществовало 253 года, а царство Іудейское хотя продержалось до 604 г. до Р. Х. и даже (если считать отведеніе въ плѣнъ Седекіи его концомъ) до 585, то все-таки погибло тѣмъ же способомъ, какъ Самарійское: и о царствѣ Израильскомъ, какъ и о царствѣ Іудейскомъ одинаковымъ образомъ можно сказать, что оно погибло по изволенію Божію. Наконецъ, выставляя Курбскому на видъ, какъ примѣръ, исторію Іеровоама, тиранъ въ той же исторіи могъ съ бо́льшимъ смысломъ увидѣть собственное свое подобіе въ Ровоамѣ, который не послушался ни Іеровоама, ни умныхъ совѣтниковъ, не хотѣлъ облегчить повинностей, лежавшихъ на народѣ, а еще поругался надъ народнымъ горемъ (нынѣ отецъ мой наложи на вы яремъ тяжекъ, азъ же приложу къ ярму вашему: отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами. Царствъ II, гл. 12, ст. 11). Распаденіе государства было достойнымъ послѣдствіемъ такой тиранской выходки. Мы позволили себѣ распространиться объ этомъ именно съ тою цѣлью, чтобъ показать, какъ нелогично, какъ некстати пользовался Иванъ тѣми источниками знанія и размышленія, какіе были у него подъ рукою.

Горькое воспоминаніе о томъ, какъ онъ нѣкогда слушался совѣтовъ Сильвестра и его партіи (слѣдовательно, по его выводамъ, не былъ самодержавнымъ государемъ), тяжело лежало у него на сердцѣ. Онъ постоянно чувствовалъ, что былъ униженъ. Понятно, что самолюбіе его уязвлено было паче всего тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ его (стр. 94), «попъ Селивестръ и Алексѣй», считая его «неразумна суща или разумомъ младен-

чествующа», прельстили его «лукавымъ совѣтомъ» и держали подъ своимъ вліяніемъ, пугая «дѣтскими страшилы». Теперь онъ пришелъ къ такому убѣжденію, что слушаться совѣтовъ умныхъ людей для царя унизительно: это значило — дозволить рабамъ владѣть царемъ. И по этому поводу оказалось нужнымъ блеснуть передъ Курбскимъ ученостію и мудростію. Иванъ сыплетъ текстами и примѣрами. Но какъ? въ высшей степени невпопадъ. Ни къ селу ни къ городу, какъ говорится, приводитъ онъ мѣсто изъ пророка Исаіи: Людіе, что аще уязвляетеся и пр. (стр. 37), тогда какъ въ этомъ мѣстѣ Ветхаго Завѣта описывается вообще наказаніе, грозящее Израилю за его беззаконія, безъ всякаго отношенія къ тому, для чего привелъ его Иванъ. Далѣе въ своемъ письмѣ (стр. 39) Иванъ указываетъ на разныя смуты, бѣдствія, на ослабленіе и паденіе Восточной Римской имперіи. (Это мѣсто не даетъ намъ права признавать за Иваномъ «огромную» начитанность; онъ могъ всѣ эти знанія перевести на письмо къ Курбскому изъ любаго хронографа). Московскій царь изъ чтенія исторіи вывелъ себѣ такое уродливое заключеніе, что погибель имперіи произошла все отъ того, что цари ея были послушны «епархамъ и сигклитамъ». Вотъ образчикъ того, какъ понималъ умъ Ивана Васильевича то, что ему приходилось читать!

Изложеніе прошедшихъ событій царствованія у Ивана въ письмѣ любопытно: оно преисполнено умышленныхъ невѣрностей. Прежде всего насъ поражаетъ простодушное сознаніе въ своей трусости. Вспоминая о казанскомъ походѣ, онъ говоритъ: «каково доброхотство ко мнѣ этихъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Они меня, какъ плѣнника, посадили въ судно и повезли съ немногими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю; еслибы не всемогущая десница Всевышняго защитила

мое смиреніе, то я бы и жизни лишился». Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что важнѣйшее изъ дѣлъ царствованія Иванова не принадлежало ему: онъ самъ игралъ здѣсь жалкую, глупую, комическую роль; такимъ онъ и самъ себя выставляетъ, нимало не понимая, какъ видно, того положенія въ какомъ онъ является передъ глазами тѣхъ, кто станетъ читать его письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ прилгнулъ, говоря, будто его везли съ немногими людьми (съ малѣйшими), тогда какъ извѣстно, что онъ отправлялся въ походъ съ сильнымъ войскомъ.

Выставляя свою страдательную роль въ казанскомъ дѣлѣ, жалуясь на бояръ, которые его насильно тащили въ походъ и подвергали опасностямъ, черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же своемъ письмѣ Иванъ забываетъ то, что самъ говорилъ, и пишетъ (стр. 70) уже совсѣмъ противное: какъ будто казанское дѣло было ведено самимъ имъ, вопреки совѣтникамъ, какъ будто онъ, царь, побуждалъ своихъ воеводъ идти на войну подъ Казань, а они, воеводы, упрямились, дурно исполняли его порученія и не хотѣли съ нимъ идти подъ Казань. «Когда мы — пишетъ царь — начало восприняли, съ Божіею помощью, воевать съ варварами, тогда посылали прежде князя Симеона Микулинскаго съ товарищи. А вы что тогда говорили? Что мы какъ будто въ опалу ихъ послали! Сколько ни было походовъ на Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, съ желаніемъ? Когда же Богъ явилъ намъ свое милосердіе и покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, вы и тогда не хотѣли съ нами воевать противъ варваровъ и съ нами, по причинѣ нашего нехотѣнія, не было болѣе пятнадцати тысячъ»? Здѣсь прямое противорѣчіе тому, что мы читали въ одномъ и томъ же письмѣ царя Ивана выше. Чему же вѣрить? Гдѣ-нибудь да Иванъ лжетъ. Но въ первомъ

мѣстѣ Иванъ представляетъ самъ себя простакомъ, трусомъ, котораго, пользуясь его царскимъ саномъ, умные люди, для видовъ государственной пользы, везутъ почти насильно туда, гдѣ ему страшно; — во второмъ мѣстѣ Иванъ выставляетъ себя мудрымъ правителемъ, героемъ и обвиняетъ въ трусости и неспособности своихъ совѣтниковъ и воеводъ. Но всегда (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда человѣку нужно бываетъ наклепать на себя, что рѣдко бываетъ, особенно при здравомъ умѣ) лгунъ сочиняетъ о себѣ небылицы съ цѣлью выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ: это согласно съ человѣческими слабостями. Уже по этому одному, мимо всякихъ иныхъ соображенiй, мы признаемъ ложью послѣднее, а не первое мѣсто Иванова письма. Разсмотрѣвъ обстоятельства событiй, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости нашего взгляда. Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени мы узнаемъ, что князь Симеонъ Микулинскiй, о которомъ такъ презрительно отзывается царь Иванъ, вмѣстѣ съ другими воеводами, подготовилъ взятiе Казани, да и самъ царь Иванъ Васильевичъ, слѣдуя съ войскомъ подъ Казань и прибывъ въ Свiяжскъ, изъявлялъ ему благодарность (см. Карамз. VIII. 152). Что же касается до того, будто, по нерадѣнiю воеводъ, съ царемъ подъ Казанью не было болѣе пятнадцати тысячъ, то это вопiющая неправда. У Морозовскаго лѣтописца число всего войска, бывшаго подъ Казанью, показано въ 150,000 человѣкъ.

Еслибы нужно было допустить, что число это преувеличено, какъ дѣйствительно бываетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то ужь, конечно, не пришлось бы его сокращать въ десять разъ. Пятнадцатью тысячами невозможно было осадить Казани. О числѣ бывшаго подъ Казанью войска можно судить изъ описанiя взятiя Казани въ

исторіи, составленной Курбскимъ. Онъ повѣствуетъ, что, по прибытіи подъ Казань, полкъ правой руки, въ которомъ находился и авторъ повѣствованія, посланъ былъ за рѣку Казанку: въ немъ было болѣе (вяще) двѣнадцати тысячъ, а потомъ онъ прибавляетъ: «и пѣшихъ и стрѣлковъ аки шесть тысящей». Въ этомъ мѣстѣ для насъ не совсѣмъ ясно: слѣдуетъ ли причислять эти шесть тысячъ къ числу «болѣе двѣнадцати тысячъ», или считать ихъ особо? Судя по способу описанія, въ подобныхъ случаяхъ, когда пѣшіе считаются отдѣльно отъ конныхъ, которые всегда здѣсь ставятся прежде, можно, съ большою вѣроятностію, полагать, что подъ двѣнадцатью тысячами разумѣются конные, и быть можетъ здѣсь пропущено слово «конниковъ», но мы не рѣшаемся опираться на такія очень смѣлыя толкованія. Уступимъ заранѣе тѣмъ, которые бы упорно хотѣли число двѣнадцать тысячъ считать итогомъ, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли разница не окажется очень важною. Затѣмъ, по отрѣзаніи отъ войска этого отряда въ 18,000 (а можетъ быть только въ 12,000), царь (Сказ. Курб. I, 28) повелѣлъ все свое войско раздѣлить надвое: половину его оставилъ подъ городомъ при орудіяхъ, немалую часть оставилъ при шатрахъ стеречь свое здравіе, а тридцать тысячъ конныхъ, устроивъ ихъ и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставивъ надъ каждымъ полкомъ по два и по три начальника, также и пѣшихъ около пятнадцати тысячъ, вывелъ стрѣльцовъ и казаковъ, и раздѣлилъ ихъ на строевые отдѣлы (гуфы) по воинскому порядку, поставилъ надъ ними главноначальствующимъ князя Суздальскаго, Александра, по прозванію Горбатаго, и велѣлъ ждать за горами, а когда бусурманы, по своему обычаю, выйдутъ изъ лѣсовъ, то сразиться съ ними.

Такимъ образомъ, Курбскій указываетъ, что, за исключеніемъ полка правой руки, половина всего, раздѣленнаго на двое войска, составляла около сорока пяти тысячъ; но, кромѣ двухъ такихъ половинъ, царь оставилъ немалую часть для охраненія своей особы. На стр. 39-й того же изданія сочиненій Курбскаго мы находимъ приблизительное число войска, оставшагося и около царя у шатровъ. Тамъ указывается, что въ царскомъ полку было «вяще, нежели двадесятъ тысящей воиновъ избранныхъ». Слѣдовательно, по извѣстіямъ Курбскаго, выходитъ, что все войско, бывшее подъ Казанью, простиралось отъ 120,000 до 130,000 человѣкъ. Разница между Курбскимъ и Морозовскимъ лѣтописцемъ тысячъ на двадцать или на тридцать — не болѣе, но какъ Курбскій указываетъ свои числа только приблизительно и притомъ два раза говоритъ вяще (болѣе), то очень возможно, что между Курбскимъ и Морозовскимъ лѣтописцемъ разницу слѣдуетъ считать еще менѣе.

Такимъ образомъ, здѣсь Иванъ является лжецомъ наглымъ и до крайности безстыднымъ: онъ лжетъ передъ тѣмъ, кто ни въ какомъ случаѣ не можетъ ему повѣрить, зная хорошо самъ всѣ обстоятельства. Понятно, что, при такой явной лжи, мы не можемъ считать ничѣмъ другимъ его упрековъ, встрѣчаемыхъ въ томъ же письмѣ, будто бы послѣ взятія Казани воеводы торопились скорѣе воротиться домой, тогда какъ Курбскій, въ своей исторіи, разсказываетъ, что мудрые и разумные совѣтовали ему пробыть подъ Казанью всю зиму съ войскомъ, чтобы «до конца выгубить воинство бусурманское и царство оное себѣ покорить и усмирить землю на вѣки; но царь послушалъ совѣта своихъ шурьевъ, которые шептали ему, чтобъ онъ спѣшилъ къ царицѣ, и направили на него другихъ ласкателей съ попами».

Изъ двухъ, совершенно противорѣчивыхъ, извѣстій объ одномъ и томъ же — Ивана и Курбскаго, мы, на основаніи исторической критики, предпочитаемъ послѣднее. Обстоятельства, извѣстныя намъ изъ другихъ свидѣтельствъ, подтверждаютъ Курбскаго. Не воеводы бросали войско, а самъ государь прежде всѣхъ оставилъ его и побѣжалъ, можно сказать, опрометью. Поплывши изъ Казани, и только переночевавши въ Свіяжскѣ, царь безъ остановки плылъ до Нижняго, тамъ распустилъ войско и побѣжалъ на лошадяхъ домой. Оба шурина были съ нимъ; это подтверждаетъ извѣстіе Курбскаго о томъ, что шурья побуждали царя спѣшить къ царицѣ. Въ то время Ивану дѣйствительно былъ поводъ къ этому бѣгству. Царица Анастасія была въ послѣднихъ дняхъ беременности; любившій ее царь, остественно, безпокоился за нее: поэтому-то онъ спѣшилъ ѣхать до Владимира, а тамъ извѣстилъ его бояринъ Трахоніотъ, что Анастасія разрѣшилась отъ бремени благополучно, и царь съ этихъ поръ ѣхалъ уже не торопясь, но заѣзжалъ къ разнымъ святымъ мѣстамъ для поклоненія. Въ письмѣ къ Курбскому Иванъ не признаетъ никакого достоинства, никакихъ заслугъ за боярами и воеводами своими въ казанскомъ дѣлѣ: «Ни единыя похвалы, аще истинно рещи достойно есть, понеже вси яко раби съ понужденіемъ сотворили есте, а не хотѣніемъ, а паче съ роптаніемъ». Но если они были недостойны похвалы, зачѣмъ же самъ Иванъ благодарилъ ихъ и жаловалъ въ свое время? Не у Курбскаго, а въ другихъ источникахъ (Карамз. VIII, пр. 544) мы встрѣчаемъ такую рѣчь царя Ивана къ военачальникамъ, бывшимъ при взятіи Казани: «О мужественніи мои воины, бояре и воеводы, и вси прочіи страдателіи знаменитіи имене ради Божіи и за свое отечество и за насъ! Никто же толикую показа въ нынѣш-

нихъ временѣхъ храбрость и побѣду якоже вы любиміи мною. Вторые есть македоняне, и наслѣдователи есте храбрости прародителей вашихъ, показавшихъ пресвѣтлую побѣду съ великимъ княземъ Дмитріемъ за Дономъ надъ Мамаемъ. За которое ваше преславное мужество достойны есте не точію отъ мене благодаренія, но и отъ Божіей десницы воздаянія» и пр.

Допустимъ, что это болѣе лѣтописная риторика, чѣмъ правда, что царь Иванъ Васильевичъ говорилъ не такъ (хотя онъ несомнѣнно любилъ ораторствовать и вышеприведенная рѣчь совершенно въ его стилѣ); но вотъ другой лѣтописецъ (Ник. VII, 197) описываетъ, какъ царь Иванъ, возвратившись въ Москву, пировалъ три дня, дарилъ и жаловалъ бояръ, воеводъ и дѣтей боярскихъ. За что же онъ ихъ дарилъ и жаловалъ, когда они недостойны были никакой похвалы? Ложь царя Ивана Васильевича о другихъ событіяхъ своего царствованія, допущенная имъ въ его письмѣ къ Курбскому, обличена уже Устряловымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію «Сказаній князя Курбскаго». Такимъ образомъ (стр. 92), царь пишетъ въ этомъ письмѣ: «Мы послали тебя въ нашу отчину Казань привести въ послушаніе непослушныхъ; ты же, вмѣсто виновныхъ, привелъ къ намъ невинныхъ, напрасно на нихъ наговаривая, а тѣмъ, противъ кого мы тебя послали, не сдѣлалъ никакого зла.» Здѣсь припоминается порученіе, данное нѣкогда царемъ Иваномъ Курбскому, усмирить волненіе въ Казанской землѣ (1553—1555 гг.). Но, по справедливому замѣчанію Устрялова, царь не могъ быть недоволенъ дѣйствіями Курбскаго, когда, послѣ того, пожаловалъ его бояриномъ. То же оказывается и по другому поводу. Царь укоряетъ Курбскаго, что когда онъ посланъ былъ противъ Крымцевъ подъ Тулу, то ничего не сдѣлалъ и

только ѣлъ да пилъ у тульскаго воеводы Темкина и потомъ прибавляетъ: «аще убо вы и раны многіе претерпѣсте, но побѣды никоея же сотвористе» (стр. 93). По сопоставленіи царскихъ словъ съ Царственною Книгою оказывается, что дѣйствительно самъ ханъ убѣжалъ изъ-подъ Тулы еще до прихода воеводъ, однако эти воеводы не бездѣйствовали, а погнались за ханомъ, поразили его, отняли у него плѣнниковъ и обозъ, и царь самъ послѣ того жаловалъ воеводъ за эту службу. Самъ царь, въ письмѣ къ Курбскому, говоря, что въ то время воеводы пировали у Темкина и ничего не сдѣлали, упоминаетъ, однако, о ранахъ, которыя они претерпѣли. Но ни Курбскій, ни его товарищи не могли претерпѣть ранъ иначе, какъ въ бою. «Уже сіи раны свидѣтельствуютъ, что Курбскій думалъ тогда не о пирахъ, а о битвахъ» — справедливо замѣчаетъ Устряловъ. Еще лживѣе, несправедливѣе и безстыднѣе является Иванъ Васильевичъ тамъ, гдѣ въ своемъ письмѣ касается ливонскаго дѣла.» Когда мы — говоритъ онъ — посылали васъ на германскіе грады, семь посланій писали мы къ боярину князю Петру Ив. Шуйскому и къ тебѣ; вы же едва пошли съ немногими людьми и по нашему многому приказанію взяли пятнадцать городовъ. Но вы взяли ихъ по нашему напоминанію, а не по своему разуму» (стр. 74). Но, во-первыхъ, если воеводы взяли столько городовъ, сами будучи съ немногими людьми, то тѣмъ самымъ заслуживаютъ болѣе чести и славы; во-вторыхъ, какъ могъ царь ставить имъ въ вину то, что они хорошо исполняли приказаніе царское? Царь не могъ простить имъ того, что, будучи сторонниками Сильвестра, они не считали полезнымъ дѣломъ начинать войны съ Ливоніею. Но если они, какъ совѣтники, по своему убѣжденію, были несогласны съ тѣмъ, что нравилось царю, а какъ вѣрные слуги и по-

корные исполнители воли верховной власти, съ успѣхомъ дѣлали то, что угодно было этой власти, то не должна ли была эта власть тѣмъ болѣе цѣнить ихъ заслуги? Тиранъ этого не понималъ и не чувствовалъ. Онъ помнилъ только одно — и теперь попрекаетъ Курбскому: «Отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ я потерпѣлъ много словесныхъ отягченій; если мнѣ дѣлалось что-нибудь скорбное, вы все говорили, что это случилось ради германовъ». Въ другомъ мѣстѣ своего письма Иванъ Васильевичъ (стр. 83) упрекаетъ Курбскаго и прочихъ бояръ и воеводъ, что еслибы не ихъ злобѣсное претыканіе, то вся бы Германія была за православіемъ, и что они воздвигли на православіе литовскій и готѳскій языкъ и другихъ. (Тоже оттолѣ литовскій и готѳскій языкъ и иные множайшіе воздвигосте на православіе). Такимъ образомъ, по воззрѣнію Ивана Васильевича, его бояре и воеводы помѣшали ему подчинить православію всю Германію и подняли на православную Русь Литву и Швецію: если царь принужденъ былъ вести войну съ этими государствами, то виною этому его бояре и воеводы. Не знаешь, чему болѣе изумляться: безумію ли и невѣжеству тирана и его безсовѣстности, или же тѣмъ историкамъ, которые, слыша отъ самого Ивана такого рода обвиненія, приходятъ въ раздумье и задаютъ вопросъ: да не были ли, въ самомъ дѣлѣ, измѣнниками тѣ, которыхъ Иванъ казнилъ и мучилъ? Но если допустить вѣру словамъ этого чудовища, которое лжетъ на каждомъ словѣ, то почему же не раздѣлить его мнѣнія о томъ, что, еслибы не коварные измѣнники, то Россія подчинила бы всю Германію православію и что Литву и Швецію подвинули на московскаго государя и съ нимъ на православіе все тѣ же измѣнники.

Второе письмо царя Ивана, всего на шести страницахъ, отлично отъ перваго по тону, хотя одинаково съ нимъ по духу. Царь не ругается собакою, какъ въ первомъ, начинаетъ смиреніемъ, называетъ себя беззаконнымъ, блудникомъ, мучителемъ, но это не болѣе, какъ молитвословная риторика; тутъ же онъ хвалится своими побѣдами въ Ливоніи, потому что пишетъ изъ завоеваннаго Вольмара. Опять, какъ въ первомъ письмѣ, вспоминаетъ онъ прошлое и обвиняетъ Сильвестра, Адашева и совѣтниковъ ихъ партіи, приводя нѣкоторыя событія, о которыхъ прежде не говорилъ. Та же ложь, что и въ первомъ письмѣ, пробивается и здѣсь. О нѣкоторыхъ намекахъ мы не можемъ ничего сказать, какъ напр., о дочеряхъ князя Курлятева, о покупкѣ узорочьевъ для нихъ, о какомъ-то судѣ Сицкаго съ Прозоровскимъ, о какихъ-то полуторастахъ четяхъ, которыя, какъ говоритъ царь, были боярамъ дороже его сына Θеодора, о какой-то стрѣлецкой женѣ. Курбскій, въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, опровергая другія обвиненія, объ этихъ отозвался непониманіемъ, замѣтивъ только, что все это смѣху достойно и пьяныхъ бабъ басни. Грозный жалуется, что его разлучили съ женою, Анастасіею, и прибавляетъ, что еслибъ у него не отняли «юницы», то не было бы «кроновой жертвы». Курбскій превосходно отвѣчалъ ему, что предки его не привыкли ѣсть, подобно московскимъ князьямъ, своего тѣла и пить крови своей братьи.

Обвиненіе въ отравленіи Анастасіи, конечно, не имѣетъ никакого основанія; если были недовольны бояре, то собственно не ею, а ея братьями. Курбскій дѣйствительно отзывается объ нихъ неблагосклонно, и потому, еслибы въ самомъ дѣлѣ бояре покусились на злодѣяніе, то жертвою его были бы шурья царевы, а не царица, которую, напротивъ, многіе любили. Другое обвиненіе

бояръ въ намѣреніи возвести на престолъ двоюроднаго брата царскаго, Владимира Андреевича, имѣетъ нѣкоторое основаніе, но перепутывается недоразумѣніями и явною ложью. Иванъ Васильевичъ говоритъ, будто дяди *ваши* (т.-е. бояръ) и господа уморили отца его въ тюрьмѣ, и держали его самого, Владимира, съ матерью въ тюрьмѣ, а онъ, царь, ихъ освободилъ. Но уморила въ тюрьмѣ князя Андрея Ивановича мать царя Елена, а освободили его вдову и сына изъ заключенія бояре послѣ смерти Елены, а не царь Иванъ. Онъ указываетъ на то, будто хотѣли посадить на престолъ Владимира, а его, Ивана, съ дѣтьми извести. Но не видно ничего подобнаго такому злодѣйскому намѣренію. Извѣстное приключеніе во время болѣзни Ивана еще въ 1553-мъ году очень темно. Дѣйствительно, въ виду ожидаемой кончины царя, нѣкоторые боялись, чтобы, при малолѣтствѣ его сына, не захватили власти Захарьины, царскіе шурья, но трудно рѣшить, кто именно и до какой степени готовы были дѣйствительно лишить престолонаслѣдія сына Иванова и возвести Владимира. Самъ Курбскій за себя отвѣчалъ на это обвиненіе Ивану, что онъ никогда не думалъ возводить на царство Влидимира, потому что считалъ его недостойнымъ.

Странно, во всякомъ случаѣ, что царь, послѣ своей болѣзни, долго не выказывалъ злобы на то, что̀ происходило между боярами во время его недуга; люди, которыхъ онъ послѣ обвинялъ по поводу этого событія, долгое время были къ нему близки. Чѣмъ объяснить это? Намъ кажется, тѣмъ, что означенное событіе уже впослѣдствіи раздули въ воображеніи царя новые его любимцы, заступившіе мѣсто Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. У натуръ, подобныхъ царю Ивану Васильевичу, нерѣдко давнія огорченія возрастаютъ въ позднѣйшее

время, когда что-нибудь извнѣ возбуждаетъ объ нихъ воспоминанія. Письмо царя къ Курбскому вообще поясняетъ, что всѣ неистовства тирана происходили оттого, что онъ никакъ не могъ забыть своего униженія, которое онъ перенесъ въ то время, когда допустилъ руководить и собою и всѣми дѣлами государства Сильвестру, Адашеву и ихъ благопріятелямъ. «Вы — пишетъ онъ — хотѣли съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими видѣть всю Русь; вы не только не хотѣли мнѣ быть послушны, но всю власть съ меня сняли, сами государили какъ хотѣли, я только словомъ былъ государь, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Курбскій не отрицаетъ справедливости смысла этихъ словъ! «Ласкатели твои — пишетъ онъ — клеветали на онаго пресвитера, что онъ устрашалъ тебя не истинными, но льстивыми видѣніями. Воистину, скажу я, былъ онъ льстецъ, коварный, но благокозненный; онъ тебя исторгнулъ отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тебя къ Христу Богу нашему. Умные врачи поступаютъ подобно ему, когда вырѣзываютъ бритвами дикое мясо и неудобоисцѣлимыя гангрены, а потомъ возстановляютъ и исцѣляютъ недужныхъ; такъ и онъ творилъ — пресвитеръ блаженный Сильвестръ, видя твои душевные недуги, застарѣлые и неудобные къ исцѣленію!»

Подъ какимъ угломъ зрѣнія ни смотрѣли бы на эту переписку, для насъ второе письмо царя Ивана къ Курбскому служитъ подтвержденіемъ того убѣжденія, что царь этотъ обладалъ недальнимъ умомъ, или по крайней мѣрѣ умственныя способности его были подавлены черезчуръ воображеніемъ и необузданными порывами истерическаго самолюбія. Царь, у котораго неограниченность власти была пунктомъ мышленнаго вращенія, самъ не замѣчаетъ

и не понимаетъ, какъ онъ своими письмами унижалъ себя, какъ становился и страшенъ и жалокъ, и мерзокъ и смѣшонъ. Въ отвѣтъ на второе письмо Курбскій заявилъ ему полное презрѣніе. «Что ты — пишетъ царю изгнанникъ — исповѣдуешь предо мною грѣхи свои, какъ передъ священниковъ; я простой человѣкъ, воинъ. Оно было бы чему порадоваться, не только мнѣ, бывшему твоему рабу, но всѣмъ царямъ и народамъ христіанскимъ, еслибы твое покаяніе было истинное; но въ твоей эпистоліи выказывается несовмѣстимая съ этимъ неблагочинная походка внутренняго человѣка, хромающаго на оба бедра, изумительно и странно, особенно въ земляхъ твоихъ сопостатовъ, потому что здѣсь много людей, свѣдущихъ не только во внѣшней философіи, но и въ священномъ писаніи, а ты — то черезчуръ уничижаешься, то выше всякой мѣры превозносишься!» Намекая на разореніе Москвы татарами, Курбскій выражается въ такомъ презрительномъ тонѣ: «Собравшись со всѣмъ твоимъ воинствомъ, какъ хороняка и бѣгунъ, ты трепещешь и исчезаешь, когда тебя никто не гонитъ. Только совѣсть твоя кричитъ внутри тебя, обличая тебя за твои дѣла и безчисленныя убійства.» Въ довершеніе презрѣнія, Курбскій запрещаетъ Ивану писать къ себѣ: «Не пиши, прошу тебя къ чужимъ слугамъ, гдѣ умѣютъ отвѣчать тебѣ такъ, что сбудется на тебѣ сказанное однимъ мудрецомъ: говорить хочешь, за то услышишь то, чего не хочешь!»

Посланіе царя Ивана Васильевича въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь драгоцѣнно и замѣчательно, какъ образчикъ лицемѣрства, ханжества, самообольщенія — всего, что въ продолженіе многихъ вѣковъ плодило у насъ искаженное, превратно понятое христіанство, легко

успокоивавшее нечистую совѣсть риторикою богомыслія и внѣшними проявленіями благочестія и смиренія, не искореняя въ человѣкѣ дурныхъ наклонностей, не возбуждая въ немъ подвиговъ добра, вмѣсто прежнихъ мерзкихъ дѣлъ, а только прибавляя ко всѣмъ порокамъ еще одинъ, тотъ, который божественный Основатель нашей религіи наиболѣе громилъ въ лицѣ фарисеевъ, во время своей земной жизни. И если гдѣ, то именно въ этомъ посланіи царь Иванъ кажется намъ мерзѣе своего языческаго двойника — Нерона. Монастырское благочестіе, съ его философіею, легендарною исторіею и пріемами аскетической практики, для царя Ивана было такою же забавою воображенія, какъ для Нерона антическое художество. Иванъ входилъ въ роль кающагося грѣшника, смиреннаго отшельника, суроваго умертвителя собственной плоти и тѣшился этою ролью, какъ Неронъ ролью артиста. Неудивительно, что въ посланіи Ивана можно признать извѣстную начитанность по этой части, когда такого рода увлеченіе доставляло ему удовольствіе. Мечтаніе — вступить въ монахи, давно уже не покидало царя Ивана; оно поддерживалось въ немъ его злодѣяніями и безчинствами. Какъ только въ немъ пробуждалась совѣсть, или, лучше сказать, страхъ наказанія на томъ свѣтѣ, такъ тотчасъ являлся въ его воображеніи успокоительный образъ покаянія; ему представлялось, какъ онъ удалится отъ міра, запрется въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, будетъ ходить въ волосяницѣ, изнурять свою плоть сухояденіемъ, набивать себѣ шишки и мозоли поклонами, смирать свою гордыню метаніями предъ игуменомъ, направлять свои помышленія къ небу непрестаннымъ произнесеніемъ Іисусовой молитвы и омывать свои прегрѣшенія слезными токами; — онъ предавался такого рода представленіямъ, и ему становилось на душѣ легче;

онъ читалъ тогда назидательныя поученія о мнишескомъ равноангельскомъ житіи, повѣствованія о подвигоположничествѣ отшельниковъ и воображалъ себѣ, какъ онъ послѣдуетъ ихъ примѣру. Такъ онъ упивался своимъ будущимъ очищеніемъ и примиреніемъ съ Богомъ, пока житейскія ощущенія не извлекали его изъ блаженнаго самообольщенія и не увлекали къ дѣламъ разврата, гордыни и звѣрства. И вотъ въ тѣ минуты, когда царь Иванъ, напившись человѣческой крови, притекалъ къ тихому пристанищу покаянія и благомыслія, написалъ онъ свое знаменитое «суесловіе», какъ самъ онъ, побуждаемый фальшивымъ смиреніемъ, очень вѣрно назвалъ свое посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Трудно прибрать болѣе рѣзкихъ ругательныхъ эпитетовъ, какими угощаетъ себя Иванъ, обвиняя въ тяжкихъ грѣхахъ. Онъ грѣшный, скверный, нечистый, мерзкій, душегубецъ, песъ смердящій, всегда въ пьянствѣ, блудѣ, прелюбодѣйствѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, хищеніи, ненависти, во всякомъ злѣ. Но это не болѣе какъ обычныя выраженія, которыя обильно можно найти въ разныхъ молитвахъ, особенно въ послѣдованіи ко св. причащенію; это для многихъ, если можно такъ выразиться, покаянный циркуляръ, въ которомъ одинъ можетъ увидѣть для себя то, другой иное. Царь Иванъ безъ преувеличенія могъ примѣнить къ себѣ всѣ грѣхи, какіе только могъ вычитать, но еслибы онъ ихъ и половины не сдѣлалъ, то, по благочестивому смиренію, все равно долженъ былъ ихъ перечислить и также точно называть себя всякаго рода бранными эпитетами. Но вотъ гдѣ гнусное лицемѣрство: царь Иванъ считаетъ себя недостойнымъ, какъ-бы не вправѣ вступаться съ своею царственною властію въ дѣла духовныя: «какъ лучше, такъ и дѣлайте; сами вѣдаете, какъ себѣ хотите, а мнѣ до

того ни до чего дѣла нѣтъ». Если онъ рѣшался давать совѣты и напоминать инокамъ о благочестіи и правильномъ соблюденіи монашескаго житія, то это онъ дѣлаетъ только потому, что къ нему обратились, что его просятъ объ этомъ; только поэтому онъ и согласился вмѣшиваться въ церковныя и монастырскія дѣла. Такъ смиренничаетъ предъ достоинствомъ церкви человѣкъ, умертвившій псково-печерскаго игумена Корнилія, задушившій добродѣтельнаго митрополита Филиппа, перебившій и перемучившій монаховъ въ Новгородѣ, грабившій монастыри, облитые свѣжепролитою кровью своихъ обитателей, затравившій собаками Леонида! Сначала въ его посланіи крайнее самоуничиженіе, но подъ конецъ невольно чувствуется близкое пробужденіе обычнаго звѣрства, на время усыпленнаго монашеньемъ. «Намъ къ вамъ писати больши невозможно, да и писать нечего: се уже конецъ моихъ словесъ къ вамъ. А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ такихъ безлѣпицахъ намъ не докучали». За исключеніемъ приступа, преисполненнаго фразъ о собственномъ недостоинствѣ, все посланіе загромождено выписками изъ сочиненій Иларіона Великаго въ похвалу мнишескаго житія, въ назиданіе постничества и умерщвленія плоти, а ближайшій интересъ письма сосредоточивается на личности Шереметева и отчасти Собакина и Хабарова, по поводу послабленій и снисхожденія, оказываемаго въ монастырѣ лицамъ знатнаго происхожденія, принявшимъ постриженіе. Шереметевъ — старецъ Іона — стоитъ царю Ивану бѣльмомъ въ глазу. Царь Иванъ ужасно недоволенъ, что этотъ бывшій бояринъ, постригшись, пользуется возможностью жить съ бо̀льшимъ удобствомъ, чѣмъ прочіе монахи. По этому-то поводу царь прописываетъ игумену съ братіею поученія о монашескомъ воздержаніи и о равенствѣ между бра-

тією, поученія, правда, согласныя съ духомъ иночества въ его идеальномъ значеніи, но нечистый источникъ потребности дѣлать это наставленія черезчуръ видѣнъ. Царь злится на Шереметевыхъ вообще: этотъ боярскій родъ ему ненавистенъ. Онъ прямо обвиняетъ братьевъ постриженнаго Шереметева въ измѣнѣ: «оттого ли — пишетъ онъ монахамъ — вамъ такъ жаль Шереметева, оттого ли такъ жестоко за него стоите, что братья его и нынѣ не перестанутъ въ Крымъ посылати, да басурманство на христіанство наводити». Оказывается, что этотъ постриженный Шереметевъ, подъ именемъ Іоны, былъ одинъ изъ опальныхъ—бояринъ Иванъ Шереметевъ. По извѣстію Курбскаго, вначалѣ своего мучительства, царь Иванъ мучилъ его заключеніемъ въ узкой тюрьмѣ, съ острымъ поломъ, привѣсивъ ему на шею, на руки и на ноги вериги и обручъ въ десять пудовъ на эти вериги. Онъ допрашивалъ Шереметева, гдѣ у него сокровища, говоритъ Курбскій, но страдалецъ отвѣчалъ, что онъ руками убогихъ передалъ ихъ въ небесное сокровище. Царь Иванъ не казнилъ его, однако, приказалъ удавить одного изъ его братьевъ, Никиту, а самъ Иванъ Шереметевъ принялъ монашескій образъ. Такъ говоритъ Курбскій. Царь Иванъ имѣлъ предлогъ быть недовольнымъ Шереметевымъ за его неудачное дѣло съ крымцами въ 1555-мъ году, въ которомъ, однако, Шереметевъ былъ невиноватъ, напротивъ, лично показалъ храбрость, удерживаясь съ семью тысячами противъ многочисленной орды. Вѣроятно, воспоминаніе объ этой неудачѣ, которую припоминалъ царь и въ письмѣ своемъ къ Курбскому, состоитъ въ связи съ тѣми обвиненіями, которыя онъ возводитъ на братьевъ Ивана Шереметева. Царь Иванъ всякую неудачу толковалъ тайною измѣною и припоминалъ то, что было за двадцать лѣтъ, когда

нужно было вылить злобу. Бояринъ Иванъ Васильевичъ постригся, вѣроятно, 1570-мъ году, когда по разряднымъ книгамъ онъ значится умершимъ. У боярина Ивана Васильевича было пять братьевъ: старшій по нимъ Григорій, значащійся въ родословной книгѣ бездѣтнымъ, нигдѣ не является; двое — слѣдующихъ за нимъ — Семенъ и Никита были боярами; Семена не стало въ 1562-мъ году, Никита, по извѣстію Курскаго, умерщвленный царемъ, значится по послужнымъ спискамъ умершимъ въ 1565-мъ году; затѣмъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, называемый для отличія отъ старшаго брата того же имени Иваномъ меньшимъ, былъ убитъ при осадѣ Ревеля въ 1577-мъ году.

Такъ какъ посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь писано послѣ казни Воротынскаго, происшедшей въ 1577-мъ году, то, слѣдовательно, и послѣ смерти Ивана Васильевича Шереметева меньшого; такимъ образомъ, намъ извѣстенъ одинъ только изъ жившихъ братьевъ Шереметевыхъ, сыновей боярина Василія, нѣкогда постригшагося въ Сергіево-Троицкомъ монастырѣ подъ именемъ Вассіана, — то былъ Ѳедоръ Васильевичъ. Что касается до Григорія, втораго изъ этихъ братьевъ, то такъ какъ имя его не упоминается въ продолженіе долгаго времени, когда меньшіе братья его всѣ перебывали окольничими и боярами, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что Григорія давно уже не было на свѣтѣ и онъ скончался молодымъ — отъ этого-то имя его нигдѣ не упоминается, кромѣ родословной книги. Даже — еслибы онъ и былъ живъ, то развѣ гдѣ-нибудь былъ въ монастырѣ, или же, по болѣзни, былъ неспособенъ участвовать въ какихъ-либо дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, поклепъ на братьевъ бывшаго боярина Ивана, въ монашествѣ Іоны, Шереметева, могъ относиться исключительно къ Ѳедору

Васильевичу Шереметеву — къ брату, а не къ братьямъ. Зачѣмъ же Грозный написалъ о братьяхъ, а не о братѣ? Намъ кажется, не по какой иной причинѣ, какъ по привычкѣ лгать, приросшей къ его существу; эту черту также часто можно замѣтить въ такихъ натурахъ, къ какимъ принадлежитъ Грозный. Какъ только ихъ нервы приходятъ въ раздраженіе, такъ языкъ невольно порывается къ усугубленію того, что приходится сказать. До какой степени были основательны подобныя обвиненія у царя Ивана и до какой степени онъ не церемонился съ добрымъ именемъ своихъ слугъ — можно видѣть изъ того, что Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ находился въ званіи окольничаго до самой смерти царя Ивана. Этого мало. Шереметевъ былъ вовсе не хорошій полководецъ и съ другими воеводами бѣжалъ отъ Кеси (Вендена), однако, за это онъ не былъ наказанъ и даже, вслѣдъ затѣмъ, получилъ начальство надъ войскомъ. Ясно, что обвиненіе въ измѣнѣ было ложное. Какъ могъ царь держать въ своемъ государствѣ измѣнника, да еще и поручать ему дѣла? Да и какъ могъ оставаться въ государствѣ самъ измѣнникъ, входившій въ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ ко вреду Московскаго государства? Навлекши на себя подозрѣніе у своего государя, ему прямой разсчетъ былъ уйти къ тому государю, съ которымъ онъ вступилъ въ такую дружбу. А если такъ, если царю Ивану было ни по чемъ всклепать на кого угодно измѣну, то какъ неосновательны сужденія тѣхъ историковъ, которые считаютъ возможнымъ, что царь Иванъ не безъ причины свирѣпствовалъ, казня будто бы за измѣну, — историковъ, допускающихъ, что злоба царя Ивана имѣла справедливую причину! Самъ царь Иванъ Васильевичъ, впрочемъ, потрудился открыть потомству ту причину, за что онъ злился на Шереметевыхъ, осо-

бенно на старца Іону. Зачѣмъ — пишетъ онъ въ монастырь — уже ровно годъ происходитъ у васъ смятеніе изъ-за Шереметева и волнуется такая великая обитель? Другой на васъ Селивестръ наскочилъ, а *однако его семьи* (т.-е. одного съ нимъ поля ягода)!» Бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ принадлежалъ къ кружку бояръ, сторонниковъ Сильвестра, кружку, управлявшему, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, одураченнымъ царемъ Иваномъ! И Сильвестръ, и всѣ его благопріятели — продолжали стоять костью въ горлѣ у царя, котораго оскорбленное самолюбіе не могло удовлетвориться никакими кровавыми потоками. Отъ злобы къ старцу Іонѣ переходила злоба и на братьевъ его; впрочемъ, къ этимъ послѣднимъ, или по крайней мѣрѣ къ Ѳедору Васильевичу, она не выразилась чѣмъ-нибудь особеннымъ, кромѣ, при случаѣ, такихъ обвиненій въ измѣнѣ, которыя напоминаютъ выходки злыхъ и истеричныхъ женщинъ, всегда въ раздраженіи готовыхъ выражать свое неудовольствіе противъ другихъ поклепами и обвиненіями. Есть нервныя натуры, которыя выкупаютъ дурачества минутнаго раздраженія непамятозлобіемъ и добротою сердца. Иванъ Васильевичъ Грозный не принадлежалъ къ такимъ натурамъ. Его глубоко злое сердце высказывается въ той злопамятности, съ какою онъ преслѣдуетъ опальнаго боярина въ монастырѣ, хотя уже много-много лѣтъ протекло съ того времени, въ которое оскорблено было безграничное царское самодержавіе. Еще нагляднѣе выразилось это качество души царя Ивана въ его отношеніи къ замученному уже имъ князю Михаилу Воротынскому. И этого человѣка вина была та же, что и многихъ другихъ: и онъ былъ мужъ Сильвестровой эпохи! Иванъ Васильевичъ обвинилъ его не въ измѣнѣ, а въ чародѣйствѣ, по доносу раба Воротынскаго. Обвиненіе

было подходящее для стараго благопріятеля Сильвестра, котораго, также какъ и самого Сильвестра, враги представляли Ивану чародѣемъ. Царь Иванъ, какъ разсказываютъ, жарилъ на угольяхъ казанскаго героя, побѣдителя крымцевъ, и измученнаго, истерзаннаго, отослалъ на Бѣлоозеро; — Воротынскій на дорогѣ скончался. Его похоронили въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ; быть можетъ, тамъ бы ему пришлось долго жить, еслибъ смерть не сжалилась надъ нимъ и не прекратила его страданій. Но мученикъ безпокоилъ царя и въ своемъ гробѣ. Вдова Воротынскаго построила церковь на могилѣ мужа. Ивану это не понравилось, и вотъ, въ своемъ посланіи, онъ выражаетъ свое неудовольствіе, прикрывая нечистое побужденіе злобной зависти къ мертвому личиною благочестія. «Я слышалъ, — пишетъ царь — что одинъ братъ изъ вашихъ говорилъ: хорошо сдѣлала княгиня Воротынская; а я говорю: нехорошо, во-первыхъ, потому, что это есть образецъ гордости и величанія: церковь, гробница и покровъ приличны только царской власти; это не только не спасеніе душѣ, но пагуба; пособіе же душѣ бываетъ отъ всякаго смиренія; во-вторыхъ, это не малый зазоръ, что надъ нимъ церковь, когда надъ чудотворцемъ нѣтъ церкви». По этому поводу тиранъ прибавляетъ съ ироніею: «И на страшномъ судищѣ Спасовомъ Воротынскій да Шереметевъ станутъ выше чудотворца — Воротынскій церковью, а Шереметевъ закономъ: ихъ законъ у васъ крѣпче чудотворцева».

Кромѣ этого посланія, существуютъ еще два (или три) короткія посланія царя Ивана въ тотъ же Бѣлозерскій монастырь, писанныя во время болѣзни и, очевидно, уже незадолго до смерти. Какъ ни коротки эти посланія, но характеръ царя отразился въ нихъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Видно, что Иванъ, то падавшій ду-

хомъ до уничиженія, то показывавшій чрезмѣрное высокомѣріе, находился въ самой крайней степени паденія духа въ то время, когда писаны были эти посланія. Онъ явно страшится приближенія смерти, боится наказанія за гробомъ и спѣшитъ откупиться отъ него. Вотъ онъ посылаетъ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по гривнѣ, двадцать рублей братіи на кормъ, десять рублей нищимъ за воротами, да сто рублей на масло. Чрезвычайно знаменательная черта, живо представляющая и личность царя, и ту нравственную систему, въ которой воспитывались люди не только вѣка Ивана Васильевича, но люди многихъ вѣковъ подъ вліяніемъ искаженныхъ христіанскихъ понятій. Благочестіе не приводило царя къ обращенію на путь справедливости и человѣколюбія. Его покаяніе, очевидно, было плодомъ страха; ни здѣсь и нигдѣ въ другихъ своихъ писаніяхъ Иванъ не заявлялъ даже на словахъ рѣшимости исправиться, начать иную жизнь; онъ не чувствовалъ въ этомъ потребности. Прежняя жизнь для него не становилась мерзкою, она только внушала опасность. Грѣшить, какъ онъ грѣшилъ, пріятно,—да, говорятъ, за это на томъ свѣтѣ плохо придется, если не успѣешь отмолиться и покаяться! И вотъ царь-грѣшникъ старается отклонить отъ себя грядущій ударъ. Своекорыстіе движетъ его покаяніемъ. Отъ этого онъ на страждущее человѣчество жертвуетъ десять рублей въ видѣ раздачи нищимъ у воротъ монастыря, тогда какъ, будучи государемъ, онъ бы могъ разомъ облагодѣтельствовать многія тысячи подвластнаго народа, еслибы только дѣйствительно, а не призрачно, раскаявшись въ своихъ мерзкихъ дѣлахъ, возъимѣлъ твердое намѣреніе показать предъ Богомъ, требующимъ любви къ ближнему, плоды истиннаго покаянія и обращенія. Всего десять рублей: эти рубли могли насытить только на какихъ-ни-

будь нѣсколько дней толпу нищихъ, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, было не мало праздношатающихся! И только! За то сто рублей — въ десять разъ болѣе того — Богу на масло, т.-е., чтобъ передъ образами горѣло масло. И выходило, что въ головѣ царя Ивана Васильевича существовало такое понятіе, что Бога всего болѣе можно смягчить, — этого мало — подкупить на неправое дѣло (ибо оставить безъ кары неисправившагося злодѣя, по духу христіанства, было бы неправымъ дѣломъ) нѣсколькими пудами масла! Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь какъ будто пытается обмануть Господа Бога ложнымъ смиреніемъ. Въ знакъ смиренія онъ бьетъ челомъ преподобію ногъ игумена и братіи и называетъ себя не царемъ, а только великимъ княземъ — самъ какъ будто понижаетъ свое достоинство. Между тѣмъ, онъ, конечно, неслишкомъ смиренно расправился бы съ тѣми же преподобными отцами и братіями, еслибъ они прогнѣвали его какимъ-нибудь признакомъ неуваженія къ его царственному сану и вздумали бы вправду считать его только великимъ княземъ, а не царемъ. Тиранъ, пришедши въ болѣзненное состояніе и приближаясь къ смерти преждевременно, вслѣдствіе истощенія отъ развратной жизни и частныхъ внутреннихъ потрясеній, не на шутку, видно, испугался тѣхъ чертей, которыхъ изображенія видалъ на иконахъ страшнаго суда и на старыхъ рукописяхъ; вѣрно, живо представлялось ему то ощущеніе, которое должна было почувствовать его душа по исходѣ отъ тѣла, встрѣчаясь съ демонами, готовыми потащить ее крючьями въ преисподнюю, — и въ этомъ испугѣ — царь прибѣгаетъ ко лжи: начинаетъ лгать передъ Богомъ и передъ собственною совѣстью. Безъ лжи онъ не могъ обойтись: она давно уже въѣлась въ его существо.

Духовное завѣщаніе, писанное царемъ Иваномъ, по

всѣмъ вѣроятіямъ, около 1572-го года, страдаетъ чрезвычайнымъ пустословіемъ, лицемѣрствомъ, нескладностію сочиненія. Оно загромождено отрывками изъ Евангелія; приводятся притчи и рѣчи Спасителя, но не вездѣ кстати, то-есть, не каждая въ подтвержденіе данной мысли; нѣсколько разъ одно и то же повторяется, какъ, напримѣръ, повелѣнія сыновьямъ любить другъ друга и жить въ согласіи. Царь Иванъ Васильевичъ сравниваетъ себя съ библейскими грѣшниками, перечисляетъ члены своего тѣла, оскверненные разными грѣхами, соотвѣтствующими отправленіямъ этихъ членовъ; указываются всякаго рода грѣхи, возможные въ человѣческой жизни, подобно тому, какъ они перечисляются въ молитвахъ, которыя рекомендуются для исповѣданія предъ Богомъ грѣховъ даже и тѣмъ, которые нерѣдко неясно понимаютъ значеніе этихъ грѣховъ. Все это не болѣе, какъ формалистика. Вотъ еслибъ Иванъ, вмѣсто общихъ выраженій, перечислилъ бы нѣсколько своихъ гнусныхъ поступковъ, указавъ время ихъ совершенія и обстоятельства, сопровождавшія ихъ — тогда другое дѣло: тогда можно было бы считать такое сознаніе признакомъ истиннаго раскаянія. Но Иванъ не въ силахъ былъ сдѣлать этого.

Въ политическихъ понятіяхъ Иванъ Васильевичъ вовсе не представляется умомъ, достигшимъ до уразумѣнія самобытности государства въ его недѣлимости, и неподлежанія его состава временнымъ перемѣнамъ правительствъ. Для царя Ивана государство не болѣе, какъ вотчина. Онъ дѣлитъ его между сыновьями. Правда, части, предоставляемыя двумъ сыновьямъ, не равны между собою; удѣлъ меньшаго несравненно менѣе владѣній старшаго; кромѣ того, меньшой сынъ долженъ

оставаться въ повиновеніи у старшаго брата; ему запрещается возставать даже и тогда, когда бы старшій братъ обидѣлъ его чѣмъ-нибудь; — но все-таки за этимъ меньшимъ остается нѣкотораго рода феодальное право; его бояре не могутъ отъѣзжать отъ него во владѣнія старшаго брата, а иначе они потеряютъ свои имѣнія: это самое правило наблюдалось и въ случаѣ отъѣзда тѣхъ же бояръ въ иное государство. Сверхъ того, царь Иванъ предоставляетъ нѣкоторые города и волости тѣмъ своимъ дѣтямъ, которыя еще не явились на свѣтъ, но могутъ появиться. При такомъ основномъ взглядѣ на государство, какъ на собственность царственнаго рода, Русь неминуемо раздробилась бы на многія части, еслибы только царская семья размножалась и развѣтвлялась. Владѣтели удѣловъ были бы, по праву, подчинены одному верховному владѣтелю, носящему знаменательное названіе царя; но вѣдь извѣстно, что такого рода подчиненіе бываетъ продолжительно только до тѣхъ поръ, пока подчиняющій въ дѣйствительности силенъ, а подчиняемые въ сравненіи съ нимъ малосильны. Само собою разумѣется, что власть верховнаго владѣтеля тѣмъ болѣе будетъ ослабѣвать, чѣмъ менѣе въ его непосредственномъ владѣніи останется населенной территоріи, а территорія непремѣнно будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ удѣльныхъ владѣтелей станетъ больше, потому что тотъ же верховный владѣтель въ своемъ удѣлѣ долженъ будетъ отводить удѣлы сыновьямъ. Опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ увѣряетъ насъ, что, гдѣ только государственная область дѣлилась между членами царственнаго рода, тамъ неизбѣжны, были междоусобія, и власть того, кто долженъ былъ имѣть значеніе верховнаго владыки, главы всѣхъ владѣтелей, непремѣнно умалялась, до тѣхъ поръ, пока, при содѣйствіи благопріят-

ныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, ей не удавалось подниматься искусственными и всегда насильственными и нечистыми средствами; притомъ она возвышалась болѣе или менѣе постепенно. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что еслибъ у Ивана были живы всѣ рожденныя имъ дѣти и всѣ оставили послѣ себя наслѣдниковъ, Восточная Русь опять бы раздѣлилась, опять бы повторились въ ней прежнія междоусобія. Если произошло иначе, если Восточная Русь сохранила свое государственное единство, то этимъ обязана она была не мудрости царя Ивана, а чисто слѣпому случаю: московская линія Рюрикова дома не расширялась, а вымирала. Что касается до тѣхъ отношеній, которыя устанавливалъ царь Иванъ Васильевичъ между своими сыновьями, то надобно слишкомъ большаго простодушія, чтобы на нихъ основывать какое-нибудь ручательство будущаго спокойствія государства. Если царь, дѣливши государство между сыновьями, расточалъ имъ нравоученія о томъ, чтобъ они жили въ согласіи и меньшой находился въ подчиненіи у старшаго, то это было не болѣе какъ лекарство (притомъ ненадежное и много разъ напрасно употребляемое на Руси) отъ такой болѣзни, которую самъ же царь и производилъ. Если бы московскій тиранъ былъ въ самомъ дѣлѣ мудрый политикъ, какимъ его воображаютъ себѣ нѣкоторые ученые, то, заботясь о единодержавіи и самодержавіи, онъ бы прежде всего избѣжалъ такого опаснаго распоряженія: по стариннымъ примѣрамъ, его послѣдствія могли быть достаточно видны для свѣтлыхъ умовъ и XVI-го вѣка. Положимъ, что въ этомъ отношеніи царь Иванъ поступилъ не безразсуднѣе всякаго другаго на его мѣстѣ человѣка, не особенно умнаго, непроницательнаго и неспособнаго подняться до большей широты и высоты воззрѣ-

нія, чѣмъ какая была у его предшественниковъ; но все-таки несомнѣнно, что здѣсь царь Иванъ вовсе не дальновидный политикъ.

Посреди общихъ и избитыхъ нравоученій, противорѣчившихъ поступкамъ всей жизни Ивана, въ его духовномъ завѣщаніи мы встрѣчаемъ признаки той, такъ сказать, исторической лжи, которая почти нигдѣ не покидала царя Ивана въ его писаніяхъ и рѣчахъ. Въ этомъ духовномъ завѣщаніи говорится, что царь изгнанъ самовольными боярами и скитается по странамъ. (А что по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву распростершуся, изгнанъ есмь отъ бояръ самовольства ихъ ради отъ своего достоянія и скитаются по странамъ, аможе Богъ когда не оставитъ (?) и вамъ *есми* грѣхомъ своимъ бѣды многія нанесены). Всѣ важныя дѣянія царя Ивана и всѣ случаи его царствованія намъ достаточно извѣстны, по крайней мѣрѣ въ общихъ, главныхъ чертахъ: еслибы было иначе, — кто бы рѣшился оспаривать такое важное свидѣтельство, какъ духовное завѣщаніе самого царя о томъ, что онъ былъ изгнанъ, лишенъ власти и скитался по странамъ? Это, повидимому, подтверждается и дальнѣйшими выраженіями того же духовнаго завѣщанія; Иванъ говоритъ своимъ сыновьямъ: «докудова васъ Богъ помилуетъ — освободитъ отъ бѣдъ» и далѣе: «а будетъ Богъ помилуетъ и государство свое доступите и на немъ утвердитеся». Не ясно ли, что завѣщаніе писано въ то время, когда царь находился гдѣ-то въ изгнаніи, въ чужой землѣ или если въ своей, то никакъ не въ столицѣ, не у себя во дворцѣ, и еслибы онъ вскорѣ послѣ этого завѣщанія скончался, то сыновьямъ его пришлось бы вступить въ свои владѣнія, указанныя имъ завѣщаніемъ, не иначе какъ посредствомъ борьбы съ врагами? Такъ подумалъ бы всякій, прочитавъ это за-

вѣщаніе и недостаточно зная событія царствованія завѣщателя. А между тѣмъ исторія не представляетъ намъ ничего подобнаго: Иванъ Васильевичъ не былъ изгнанъ и не скитался, по причинѣ самовольства бояръ. Итакъ, это ложь, — вопіющая, отвратительная ложь предъ самимъ собою, предъ Богомъ, во имя котораго пишется завѣщаніе, ложь предъ современниками и потомствомъ! Какъ же, послѣ этого, можно предполагать какую-нибудь справедливость въ его жалобахъ на измѣну и оправдывать его казни тѣмъ, что, быть можетъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, казнилъ дѣйствительныхъ измѣнниковъ?!

Завѣщаніе это, какъ видно, было составлено недолгое время спустя послѣ знаменитаго сыскнаго измѣннаго дѣла, связаннаго съ страшнымъ разгромомъ Новгорода и послѣ разоренія Московскаго государства Девлетъ-Гиреемъ. На существованіе сыскнаго измѣннаго дѣла указываетъ одна опись дѣлъ 1626-го года. Самое дѣло потеряно. Потеря чрезвычайно важная; но изъ того, что мы знаемъ объ ужасныхъ событіяхъ, относящихся къ утраченному дѣлу, уже можно заключить, что дѣло это было плодомъ необузданной, чудовищной фантазіи кровожаднаго тирана. Въ вышеупомянутой описи дѣлъ 1626-го года указывается, что въ этомъ дѣлѣ разсматривался заговоръ лишить Ивана Васильевича престола и жизни и возвести на его мѣсто его двоюроднаго брата Владимира Андреевича, а Новгородъ и Псковъ отдать великому князю литовскому. Но какое неестественное сочетаніе! Тѣмъ, которые хотѣли возводить на престолъ Владимира Андреевича, зачѣмъ было отдавать Новгородъ и Псковъ? Съ другой стороны, еслибы существовали въ Новгородѣ и Псковѣ такіе, которые желали бы лучше поступить подъ власть Литвы, чѣмъ оставаться подъ властію Москвы, то для нихъ не все ли равно кто бы

послѣ Ивана не царствовалъ? Характеръ расправы царя Ивана по этому дѣлу никакъ не вяжется съ измѣною. Такимъ образомъ, если цѣлью ея было наказать и уничтожить измѣну въ Новгородѣ и Псковѣ, то зачѣмъ онъ сначала производилъ убійства въ Твери? Зачѣмъ началъ съ плѣнниковъ? Зачѣмъ, послѣ бойни въ Новгородѣ, не произвелъ такой же въ Псковѣ: онъ пріѣхалъ въ Псковъ съ цѣлію дѣлать то же, что дѣлалъ въ Новгородѣ, но, какъ говорятъ, былъ потрясенъ выходкою юродиваго Николая, предложившаго ему кусокъ сыраго мяса въ постъ, въ знаменіе того, что онъ, царь, пожираетъ людей. Понятно, что царемъ не руководило правосудіе, онъ дѣйствовалъ только по внушенію страстей; иначе никакіе юродивые не могли бы спасти виновныхъ отъ суда и расправы. Весь характеръ расправы царя Ивана по этому дѣлу носитъ на себѣ такіе признаки, которые несовмѣстны съ производствомъ суда надъ измѣнниками, напротивъ, представляютъ видъ всеобщаго разграбленія съ корыстною цѣлью. Прежде всего собрали со всѣхъ новгородскихъ церквей поповъ, діаконовъ и другихъ лицъ и поставили на правежъ: съ каждаго правили по 20-ти новгородскихъ рублей. За что могли они быть подвергнуты варварскому взысканію по дѣлу объ измѣнѣ? По пріѣздѣ царя, — игуменовъ, поповъ черныхъ и діаконовъ и соборныхъ старцевъ, которыхъ прежде мучили на правежѣ, избили полицами до смерти. Другихъ держали на правежѣ долѣе, а въ заключеніе отправили въ Москву. Какъ согласить такіе поступки: сначала поставить на правежъ, взыскивать деньги, а потомъ побить! Послѣ варварскихъ мученій и утопленій, царь ѣздилъ по монастырямъ, грабилъ монастырскую казну, приказывалъ сожигать разныя хозяйственныя заведенія, истреблять скотъ; тоже, по его приказанію, дѣлалось съ тор-

говыми людьми въ Новгородѣ. Гдѣ же тутъ судъ и кара за измѣну?

Главнымъ поводомъ ко всѣмъ ужасамъ новгородской бойни представляется алчность. Иванъ былъ эгоистъ и потому уже алченъ. Онъ любилъ тѣшиться богатствами и украшеніями. Онъ слышалъ, что въ Новгородѣ, какъ въ монастыряхъ, такъ и у частныхъ лицъ, было много драгоцѣннаго, и ему хотѣлось захватить все это себѣ. Алчность была не только однимъ изъ качествъ его личности, но перешла къ нему и по наслѣдству и по преданію. Всѣ его предки, московскіе государи, отличались скопидомствомъ и рѣдко стѣснялись въ выборѣ мѣръ пріобрѣтенія, когда представлялись удобные случаи. Вот и Ивану такой случай представился. Какой-то Петръ волынецъ подалъ доносъ, будто новгородскій владыка съ нѣкоторыми новгородцами хочетъ измѣнить царю. Письмо такого содержанія, за подписью разныхъ лицъ, было найдено за иконою въ церкви св. Софіи. Это письмо, какъ говорятъ, было подложное; самъ доносчикъ, злобясь на Новгородъ, гдѣ онъ потерпѣлъ наказаніе, составилъ его, искусно поддѣлавшись подъ руки другихъ, положилъ за икону, гдѣ оно по его указанію было потомъ отыскано. Самый способъ отысканія, если не прямо свидѣтельствуетъ о его подложности, то при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, представляетъ возможность подлога. Мы не станемъ уже вдаваться въ то, что въ условіяхъ тогдашняго положенія Новгорода не видимъ никакихъ данныхъ, выказывавшихъ подобный замыселъ отпаденія Новгорода и Пскова отъ Московскаго государства и присоединенія ихъ къ Литвѣ. Предположимъ, что Пимену и другимъ взошло въ голову предлагать Сигизмунду-Августу сѣверныя русскія области во владѣніе. Но какъ же могъ узнать о содержаніи и мѣстѣ храненія такого важнаго

документа не природный новгородецъ, а чужеземецъ, бродяга? Кромѣ того, мы узнаемъ, что этотъ доносъ сдѣланъ послѣ того, какъ уже царь Иванъ положилъ свою немилость на Новгородъ и перевелъ оттуда сто пятьдесятъ семей. Очень подручно было доносчику устроить свои козни: Иванъ, во всякое время склонный вѣрить измѣнамъ, теперь былъ особенно довѣрчивъ; такимъ образомъ, желаніе гребежа само собою покрывалось благовиднымъ предлогомъ кары за измѣну. Но вмѣсто суда и казни тѣхъ, которые по суду оказались бы виновными, тиранъ повальнымъ избіеніемъ и праваго, и виноватаго, правежами и свирѣпствами въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не могли быть включены въ предполагаемый замыселъ, касавшій двухъ древнихъ народоправныхъ земель, слишкомъ обличаетъ несостоятельность обвиненій, которымъ онъ хотѣлъ заклеймить свой народъ.

Къ памятникамъ литературной дѣятельности Ивана Васильевича можно отнести его рѣчи, которыя онъ говорилъ передъ иноземными послами, блистая своимъ краснорѣчіемъ, особенно передъ польскими, которыя, къ сожалѣнію, еще не изданы полнымъ собраніемъ. Изъ нихъ мы преимущественно укажемъ на тѣ, которыя произносились по поводу предположенія избрать королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ принца изъ московскаго дома. По смерти Сигизмунда-Августа хотѣли избрать собственно сына Иванова, Ѳеодора, Ивану же хотѣлось царствовать самому; и вотъ онъ истощалъ свое краснорѣчіе передъ литовскими послами очень оригинальнымъ образомъ. Когда пріѣхалъ въ Москву первый посланникъ по этому поводу, Воропай, царь Иванъ счелъ долгомъ оклеветать ему своихъ. Онъ объявлялъ, что еслибы

его, царя, выбрали королемъ, то онъ былъ бы для избравшихъ его удивительнымъ защитникомъ. Но онъ тогда же сообразилъ, что, конечно, поляки и литовцы знаютъ о его злодѣяніяхъ, и потому надобно было ему оправдать себя передъ ними, а чтобы оправдать себя, неизбѣжно было очернить другихъ. Царь замѣчалъ, что объ немъ разсказывали, будто онъ вспыльчивъ и золъ; онъ сознавался, что точно онъ вспыльчивъ и золъ, только противъ тѣхъ, которые противъ него злы, «а кто противъ меня добръ — говорилъ онъ — тому я не пожалѣю отдать себя цѣпь и одежду! Не диво, что у васъ паны любятъ своихъ людей, когда и люди любятъ своихъ пановъ, а мои люди подвели меня крымскому царю.» Грозный разсказывалъ иноземцу небылицы про посѣщеніе Девлетъ-Гирея. Воеводы его сносились-молъ съ ханомъ, подвели его, оставили царя съ малымъ числомъ войска, только съ шестью тысячами, и онъ, царь, долженъ былъ немного отойти въ сторону! Тогда татары вторгнулись въ Москву. «Если бы въ Москвѣ — говорилъ царь — было не болѣе тысячи людей для обороны, и тогда бы она могла оборониться. Но если большіе люди не хотѣли обороняться, то какъ могли меньшіе. Москву сожгли, а мнѣ знать не дали. Посуди же, какова измѣна моихъ людей и потому, если кто и былъ казненъ, то за свою вину».

Здѣсь ложь. Виноваты ли были воеводы, которыхъ выставили впередъ противъ хана съ войскомъ, или нѣтъ — рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ, если они были виноваты, то развѣ въ неспособности и неискусствѣ, а ужъ никакъ не въ измѣнѣ. Изъ дѣлъ онаго времени, а равно изъ описаній событій не видно, гдѣ именно ханъ, котораго не слѣдовало пропускать черезъ Оку, перешелъ черезъ эту рѣку, и насколько воеводы дѣйствовали по своему усмотрѣнію и насколько по приказанію царя.

Царь Иванъ Васильевичъ говоритъ, что съ нимъ было всего на всего только шесть тысячъ. По всѣмъ вѣроятіямъ — здѣсь значительное уменьшеніе того количества, какое на самомъ дѣлѣ было. Независимо отъ войска, выставленнаго въ числѣ пятидесяти тысячъ противъ хана,— другое войско находилось близъ самого царя, съ передовымъ и сторожевымъ полками. Невозможно, чтобъ все это войско ограничивалось количествомъ шести тысячъ; царь слишкомъ заботился о сохраненіи своей особы, чтобъ ограждать себя такимъ незначительнымъ отрядомъ. Въ тоже время царь, уменьшая передъ литовскимъ посланникомъ число собственнаго войска, уменьшалъ и силу крымскаго полчища до сорока тысячъ, тогда какъ по другимъ извѣстіямъ, его было до 120,000; послѣднее число вѣроятнѣе, потому что татарскій ханъ не пустился бы въ такую даль иначе, какъ съ огромною ордою. Чтобы оправдать себя и обвинить своихъ воеводъ — царю нужно было сдѣлать такое уменьшеніе; разсчетъ понятенъ: когда бы мало было татаръ, — воеводамъ, стало быть, можно было съ ними помѣряться; а когда мало было войска съ царемъ, стало быть, царь не отъ трусости, а отъ крайней необходимости удалился немного въ сторону [1]). Царь Иванъ Васильевичъ лжетъ, увѣряя, будто Москва оставалась безъ обороны, и что еслибъ тамъ была хоть тысяча человѣкъ, то столицу можно было бы охранить. Оказывается, что тѣ воеводы, которыхъ царь чернитъ измѣнниками и предателями, поспѣшили оборонить Москву, тогда какъ царь бѣжалъ въ Ярославль. Девлетъ-Гирей не взялъ Москвы; она сгорѣла во время его приближе-

---

[1]) Воропай передаетъ слова царя Ивана Васильевича слѣдующимъ образомъ въ польскомъ переводѣ: Lecz i na ten czas mocy tatarskiey ni kąska się nie bałem, jedno żem widział zmenność i zdradę ludzi moich, tedy od ludzi tatarskich mało na stronę odwrócilem się.

нія къ ея стѣнамъ, сгорѣла отъ смятенія и безпорядка, возникшаго именно вслѣдствіе того, что царь оставилъ ее въ такое страшное время непріятельскаго нашествія. Ханъ все-таки отступилъ отъ нея, потому что русское войско готово было сразиться съ нимъ. Понятно, что царю надобно было себя какъ-нибудь выгородить, а воеводъ обвинить; еслибы изъ своихъ никто не осмѣлился упрекнуть его въ глаза, то все же самолюбіе его сильно страдало, когда онъ воображалъ, что другіе считаютъ его трусомъ, да и передъ самимъ собою ему дѣлалось стыдно. Одно ему было спасеніе — измѣна другихъ. Измѣна дѣйствительно была. Но какая? Нѣкто Кудеяръ съ пятью дѣтьми боярскими, да послѣ него двое новокрещенныхъ татаръ прибѣжали къ хану, извѣщали его о бѣдствіяхъ въ Московскомъ государствѣ, о томъ, что тамъ уже два года сряду была меженина (голодъ) и моръ, что царь многихъ побилъ въ опалѣ, что большая часть войска въ Ливоніи, а близъ Москвы его немного, что теперь-то наступило самое удобное время напасть на Русскую землю. Этотъ Кудеяръ былъ, во-первыхъ, самъ татаринъ, а во-вторыхъ — разбойникъ: такимъ называетъ его въ своемъ письмѣ къ хану самъ царь; и въ народной памяти сохранилось это имя въ званіи разбойника. Достойно замѣчанія, что во многихъ мѣстахъ Великой Руси осталось преданіе о татаринѣ-разбойникѣ Кудеярѣ; тамъ и сямъ указываютъ даже на слѣды пещеръ, гдѣ жилъ или проживалъ Кудеяръ, на курганъ, гдѣ онъ погребенъ. Народная фантазія представляетъ его необыкновеннымъ силачемъ и волшебникомъ; говорятъ, что много бѣдъ приняли отъ него русскіе, пока побѣдили. Кудеяръ Тишенковъ, называемый въ письмѣ царя къ хану разбойникомъ, вѣроятно одно и то же лицо съ татариномъ-разбойникомъ народныхъ преданій подъ именемъ Куде-

яра. Изъ этого оказывается, что хану Девлетъ-Гирею, во время похода его къ Москвѣ, въ качествѣ измѣнниковъ, помогала разбойничья шайка подъ начальствомъ татарина, а можетъ быть и вообще составленная изъ татаръ, хотя бы и крещеныхъ: нерѣдко крещеный татаринъ долго оставался съ татарскими симпатіями и, при случаѣ, готовъ былъ выказать себя враждебно по отношенію къ Руси. Такимъ образомъ о двухъ измѣнникахъ, въ тоже время подговаривавшихъ хана и служившихъ ему проводниками, Иванѣ Урмановѣ и Степанкѣ, мы положительно знаемъ, что они были новокрещеные татары. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что главный коноводъ этой измѣны, Кудеяръ, былъ татаринъ и помогалъ татарамъ по симпатіи, какую питалъ къ нимъ, какъ къ своимъ землякамъ, да притомъ онъ, какъ разбойникъ, болѣе чѣмъ всякій другой, былъ способенъ на дѣло, вредное тому краю, гдѣ жилъ. Такого рода измѣна была вполнѣ естественна; но царю Ивану она не годилась: ему нужно было измѣны не какого-нибудь разбойника, а людей знатныхъ и начальствующихъ, измѣны боярской и воеводской. И вотъ онъ выдумалъ такого рода необходимую для себя измѣну: онъ взялъ съ одного изъ воеводъ, Мстиславскаго, клятвенную запись съ признаніемъ въ измѣнѣ. Мы не знаемъ, одинъ ли только Мстиславскій давалъ тогда такую запись или, быть можетъ, то же самое взято было и съ другихъ воеводъ; а потому можемъ судить только объ одной и по этой одной дѣлать заключеніе о всемъ дѣлѣ. Въ своей клятвенной записи князь Мстиславскій говоритъ, что онъ «православному христіанству и всей русской землѣ измѣнилъ, навелъ есми съ моими товарищами безбожнаго Девлетъ-Гирея крымскаго на святыя православныя церкви» и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ нѣкоторыхъ бояръ взяли за него, Мстиславскаго, поручную

грамату, чтобъ ему никуда не убѣжать, а за этихъ бояръ взяли поручную грамату съ другихъ лицъ.

Можетъ ли быть какое-нибудь вѣроятіе въ измѣнѣ Мстиславскаго и оговоренныхъ его товарищей воеводъ, начальствовавшихъ разомъ съ нимъ въ войскѣ, выставленномъ противъ татаръ? Если Мстиславскій былъ дѣйствительно измѣнникъ, то какъ онъ могъ оставаться попрежнему близъ царя цѣлъ и невредимъ? Мы видимъ, что Мстиславскій, сознавшись въ измѣнѣ отечеству, на другой же годъ ѣздилъ съ царемъ въ Новгородъ, а потомъ воевалъ въ Ливоніи. Чѣмъ же представляется самъ царь, допускавшій сидѣть у себѣ въ совѣтѣ и начальствовать войскомъ человѣку, умышленно предавшему отечество врагамъ, виновнику страшнаго московскаго пожара и гибели людей, которыхъ число преувеличивали до 800,000? Неужели есть возможность человѣку, принужденному сознаться въ такомъ ужасномъ преступленіи, гдѣ бы то ни было, въ какой бы то ни было странѣ — не только оставаться безъ казни, но даже пребывать съ высшими почестями? А товарищи, на которыхъ Мстиславскій указываетъ, какъ на соучастниковъ своего преступленія, кто они и что̀ съ ними сталось? Это, безъ сомнѣнія, воеводы, начальствовавшіе въ одномъ и томъ же войскѣ, гдѣ Мстиславскій былъ воеводою правой руки. Ближайшій его товарищъ — второй по немъ воевода правой руки, былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ меньшой; мы видѣли, что царь, обвинялъ его, какъ будто еще живаго, уже тогда, когда его не было на свѣтѣ; но такое обвиненіе не имѣетъ основанія. Главнымъ воеводою въ томъ войскѣ, гдѣ былъ Мстиславскій, былъ князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій: по разряднымъ книгамъ онъ значится убитымъ въ приходъ Девлетъ-Гирея къ Москвѣ, а по извѣстію лѣтописи, онъ задохся во время пожара

въ погребѣ, въ своемъ дворѣ. Еслибъ онъ былъ измѣнникъ, едва ли бы онъ поспѣшилъ защищать отъ крымцевъ покинутую царемъ столицу.

Надѣемся, что никто не станетъ чернить клеветою ни князя Михаила Воротынскаго, впослѣдствіи одержавшаго побѣду надъ крымцами на берегахъ Лопасни, ни Ивана Петровича Шуйскаго, геройски защищавшаго Псковъ противъ Баторія. Въ 1570 году, во время нашествія Девлетъ-Гирея, первый начальствовалъ передовымъ, второй—лѣвой руки полкомъ. Нельзя также подозрѣвать въ измѣнѣ воеводу сторожевого полка князя Ивана Андреевича Шуйскаго; онъ оставался въ чести и былъ убитъ въ 1573 въ сраженіи въ Эстоніи. Бывшій товарищемъ князя Воротынскаго въ передовомъ полку, князь Петръ Ивановичъ Татевъ самимъ царемъ Иваномъ впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ окольничаго, а потомъ боярина. Товарищъ князя Ивана Петровича Шуйскаго, Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ пострадалъ отъ царя Ивана Васильевича, но сравнительно уже поздно, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ въ 1577 году, слѣдовательно не за измѣну въ 1571-мъ. Такимъ образомъ, всѣ лица, которыхъ огуломъ царь обвинялъ въ измѣнѣ, изъ которыхъ, сколько намъ извѣстно, одинъ князь Мстиславскій сознался въ измѣнѣ и оговорилъ въ томъ же преступленіи своихъ товарищей—всѣ эти лица остались безъ наказанія, участвовали въ государственныхъ дѣлахъ, начальствовали войскомъ, находились въ царскомъ совѣтѣ и получали отъ царя повышенія. Вслѣдъ за нашествіемъ Девлетъ-Гирея казнены были, въ числѣ другихъ лицъ, князь Михаилъ Темрюковичъ Черкасскій, шуринъ царя, и Василій Петровичъ Яковлевъ; люди эти были, во время нашествія крымскаго хана, воеводами въ томъ войскѣ, которое находилось вмѣстѣ съ царемъ. Но

по всему видно, что казнь ихъ имѣла другой поводъ и связана была, какъ справедливо полагалъ Карамзинъ, съ болѣзнію и скорою смертію новой царской жены, Маррѳы Собакиной, а никакъ не произошла по какимъ-нибудь обвиненіямъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ во время его нашествія, тѣмъ болѣе, что казнь эта въ то же время постигла лицъ, не участвовавшихъ въ отраженіи крымскаго нападенія. Во всякомъ случаѣ, жалуясь литовскому посланнику на измѣну своихъ воеводъ, царь ясно разумѣлъ тѣхъ, которые находились въ выставленномъ впереди войскѣ, гдѣ главнымъ воеводою былъ князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій. Царь говоритъ, что воеводы, которые предъ нимъ *впереди шли*, не дали ему знать о приближеніи крымскаго хана и не хотѣли вступить въ битву, что онъ былъ бы доволенъ, еслибъ они, потерявши нѣсколько тысячъ человѣкъ, прислали ему хоть бы одну татарскую плеть. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что царь Иванъ разумѣлъ здѣсь именно тѣхъ воеводъ, въ числѣ которыхъ былъ признавшійся въ измѣнѣ князь Мстиславскій, а не тѣхъ, которые окружали тогда самого циря. Между тѣмъ, не церемонясь съ другими, царь однако не наказывалъ тѣхъ, кого чернилъ предъ иноземцами, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Иванъ лгалъ, говоря, что если послѣ крымскаго прихода кто и былъ казненъ, то за свою вину. Изъ тѣхъ, кого онъ чернилъ по поводу нашествія Девлетъ-Гирея, никто казненъ не былъ.

Ясно, что тиранъ, для оправданія своей трусости, выдумалъ измѣну и обвинялъ другихъ. Но въ такомъ случаѣ, отчего же онъ прямо не казнилъ тѣхъ, которыхъ обвинялъ, и отчего; взявъ съ Мстиславскаго запись съ сознаніемъ измѣны, совершенной вмѣстѣ съ товарищами,

оставлялъ въ прежнемъ санѣ и Мстиславскаго и его товарищей? Какъ объяснить такую несообразность?

Мы думаемъ, что не ошибемся, если объяснимъ это слѣдующимъ образомъ:

Царь Иванъ въ это время сильно трусилъ, но онъ трусилъ не только хана и его татаръ: онъ трусилъ и своихъ подданныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни покорна была погруженная въ рабство масса, но всему есть предѣлъ и она при своей покорности иногда теряла терпѣніе и проявляла свое неудовольствіе дикимъ, кровавымъ образомъ. Иванъ помнилъ первый московскій пожаръ, послѣ котораго пострадалъ отъ народа царскій дядя Глинскій, и самъ царь подпалъ вліянію ненавистнаго Сильвестра. Онъ могъ опасаться отъ народа волненія, подобнаго прежнему, и предметомъ народной ненависти естественно долженъ былъ на этотъ разъ сдѣлаться самъ царь, постыдно оставившій свою столицу въ минуту опасности и думавшій только о себѣ, а не о своихъ подданныхъ. Съ народной толпой уже не можетъ справиться никакое самовластіе, если только она протретъ себѣ глаза и потеряетъ терпѣніе. И вотъ царь Иванъ Васильевичъ задумалъ обезпечить себя отъ этой стороны. Онъ обвинилъ своихъ воеводъ, но потребовалъ отъ нихъ сознанія въ ихъ винѣ, а за то обѣщалъ помиловать и простить. Повторяемъ — намъ не извѣстно, давалъ ли еще кто-нибудь, кромѣ Мстиславскаго, такую своеобразную запись, какую далъ послѣдній; но еслибы и существовала только одна, которая до насъ дошла, все равно Иванъ имѣлъ уже, на случай народнаго волненія, вмѣсто себя козла отпущенія: онъ выдалъ бы его народу для утоленія народной досады, да не пожалѣлъ бы также и другихъ товарищей Мстиславскаго. Въ такихъ видахъ Ивану Васильевичу гораздо подручнѣе и выгоднѣе было

не казнить обвиненныхъ, а оставить ихъ цѣлыми и невредимыми и беречь ихъ на случай, когда можно будетъ ими замѣстить самого себѣ. Вотъ, по нашему мнѣнію, разгадка такого страннаго и непонятнаго документа, какъ запись Мстиславскаго, въ которой этотъ князь добровольно сознается въ государственной измѣнѣ, оставаясь послѣ того полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Но царю Ивану Васильевичу пригодился тотъ же способъ взваливанія своихъ царскихъ грѣховъ на воеводскія плечи и для оправданія себя предъ иноземцами. Онъ чувствовалъ за собою безславіе какъ трусости, такъ и жестокости; ему досадно было, что за рубежемъ его государства писали и говорили о его порокахъ, — всего болѣе онъ злился за то на своихъ бѣглецовъ, въ родѣ Курбскаго; царю бы хотѣлось увѣрить всѣхъ, что на него наговариваютъ напраслину, а не представляютъ его поступковъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Когда литовскій посланникъ явился къ нему съ предложеніемъ желанія нѣкоторыхъ избрать его королемъ, первымъ дѣломъ царя Ивана было объявить литвину, что московскій царь не трусъ и не мучитель, а человѣкъ очень хорошій, и вмѣстѣ съ тѣмъ очернить своихъ слугъ.

Нельзя приписывать личной мудрости царя Ивана высказанное имъ много разъ сознаніе права на возвращеніе русскихъ земель, какъ древняго достоянія державы, имѣвшей названіе русской и хотѣвшей быть всерусскою предъ цѣлымъ міромъ. То же говорилось и предшественниками Ивана; этому надлежало повторяться изъ устъ его преемниковъ: то было прирожденное стремленіе Москвы. Но отношенія царя Ивана къ Польшѣ и Литвѣ были иныя и исключительныя; его предшественники не

бывали въ такомъ положеніи, какъ онъ. Прекращеніе Ягеллоновой династіи не только открывало новый путь будущности соединенной державы Польши и Литвы, но должно было отразиться важнымъ вліяніемъ на исторію всего сѣвера Европы. Была извѣстная партія, желавшая избрать въ короли принца изъ московскаго дома, но была партія, искавшая, напротивъ, такихъ связей, которыя бы вели къ враждебнымъ отношеніямъ съ Москвою. Въ чемъ же состояла задача московскаго царя? Воспользоваться обстоятельствами и стараться повернуть ихъ какъ можно лучше для московской державы, и, разумѣется, такъ или иначе, но возможно ближе къ завѣтной цѣли.

Царь Иванъ Васильевичъ показалъ въ этомъ случаѣ неумѣнье и сдѣлалъ такъ, какъ только можно было сдѣлать хуже для Москвы.

Сначала пріѣхалъ посланникомъ въ Москву Воропай и привезъ желаніе многихъ избрать на престолъ Рѣчи Посполитой царскаго сына Ѳеодора. Царь Иванъ Васильевичъ не желалъ давать въ короли Польшѣ и Литвѣ сына, а предлагалъ самого себя. Несомнѣнно, что ему очень хотѣлось получить корону, хотя избраніе Ѳеодора, во многихъ отношеніяхъ, могло бы совершиться гораздо легче, чѣмъ избраніе самого царя. Но какъ же поступалъ въ этомъ случаѣ царь Иванъ? Получивъ согласіе и выслушавъ отъ царя апологію своихъ поступковъ, Воропай уѣхалъ. Прошло потомъ полгода. Иванъ не старался подвигать этого вопроса къ разрѣшенію въ пользу своей державы никоимъ образомъ. У него не было ни искусныхъ пословъ на сеймѣ, не развязалъ онъ своей скупой московской калиты на подарки; а между тѣмъ ловкій французъ Монтлюкъ расположилъ своимъ краснорѣчіемъ и обѣщаніями поляковъ въ пользу дома Валуа. Во второе посольство къ царю, которое возложено было

на Михаила Гарабурду, царь явно гнѣвался за медленность поляковъ и литовцевъ, и на этотъ разъ уже не торопился съ прежнимъ жаромъ сдѣлаться польскимъ королемъ, говорилъ ни то, ни се: то соглашался отдать полякамъ въ короли сына, но не иначе, какъ наслѣдственно [1]), то самъ себя предлагалъ въ короли и также наслѣдственно, то заявлялъ желаніе быть выбраннымъ на литовскій престолъ безъ польской короны, то, наконецъ, вовсе не желалъ, чтобъ у поляковъ и литовцевъ былъ королемъ онъ, московскій царь, или его сынъ, а рекомендовалъ принца изъ австрійскаго дома. Понятно, что дѣло обратилось совсѣмъ въ противную сторону и на польскій престолъ избранъ былъ французскій принцъ; совершилось такое избраніе, насчетъ котораго царь Иванъ Васильевичъ предупреждалъ литовскаго посла, что если оно состоится, то ему, царю, надъ Литвою промышлять. Но избранный на польскій престолъ Генрихъ д'Анжу, какъ извѣстно, скоро убѣжалъ изъ Польши; тогда хотѣли снова избрать короля изъ московскаго дома и притомъ уже прямо самого царя Ивана, слѣдовательно хотѣли сдѣлать то, чего желалъ Иванъ въ самомъ началѣ и о чемъ заявлялъ Воропаю; партія за него была немаловажная, особенно въ Литвѣ, Волыни и другихъ русскихъ земляхъ; примасъ королевства Яковъ Уханскій былъ его горячимъ сторонникомъ и подавалъ царю совѣты, какъ склонить тѣхъ и другихъ вліятельныхъ пановъ. Иванъ Васильевичъ не воспользовался этими совѣ-

---

[1]) Требованіе это, по духу поляковъ, было неумѣстно въ то время. Притомъ же царь, изъ прежнихъ примѣровъ съ Ягеллонами, могъ имѣть въ виду, что, послѣ избранія московскаго принца на польскій престолъ, въ Польшѣ и Литвѣ будетъ всегда существовать сильная партія, желающая, чтобъ послѣдующіе короли были избираемы изъ одного и того же дома.

тами; ему хотѣлось получить польскую корону, но жаль было издержекъ для этой цѣли; онъ не рѣшался поступить ни тѣмъ, ни другимъ образомъ, онъ болѣе всего боялся, чтобъ ему какъ-нибудь не унизиться и не сдѣлать какого-нибудь шага, недостойнаго того сана, которымъ онъ величался, хотя постоянно, во всю свою жизнь, дѣлалъ это. Теперь онъ опять и еще сильнѣе благоволилъ къ избранію на польскій престолъ принца изъ австрійскаго дома. Дѣло въ Польшѣ окончилось тѣмъ, что, при нерѣшительности и бездѣйствіи московскаго царя, партія, ему враждебная, взяла перевѣсъ и былъ избранъ королемъ Стефанъ Баѳорій. Тогда, пропустивъ удобное время, московскій государь началъ заявлять свое неудовольствіе, не хотѣлъ называть новоизбраннаго короля братомъ, а называлъ только сосѣдомъ, требовалъ, какъ уже вошло въ Москвѣ въ обычай, Кіева, Витебска, Канева, то-есть русскихъ земель, присоединенныхъ къ польско-литовской державѣ и даже изъявлялъ притязаніе, что со смертью Ягеллоновъ вся польская корона и великое княжество литовское по праву дѣлаются вотчиною московскихъ государей. Что же было послѣдствіемъ такихъ несвоевременныхъ заявленій? Иванъ Васильевичъ навлекъ на себя несчастную войну, потерялъ всѣ, сдѣланныя имъ прежде пріобрѣтенія на западѣ и перенесъ великое нравственное униженіе.

Избраніе на польскій престолъ либо самого Ивана, либо его сына непремѣнно совершилось бы, еслибъ самъ Иванъ не помѣшалъ этому своимъ колебаніемъ, скупостью, пустымъ высокомѣріемъ и вообще неумѣньемъ вести дѣло. Мы не будемъ сожалѣть, что не случилось именно того, что могло случиться, уже потому, что не рѣшимся положительно утверждать, чтобъ это послужило къ пользѣ

русской земли въ будущемъ [1]). Но несомнѣнно, что Иванъ не руководился какими-либо глубокими соображеніями о послѣдствіяхъ въ будущемъ, и не показалъ ни малѣйшихъ слѣдовъ той мудрой политики, которая бы клонилась къ тому, чтобъ тѣмъ или другимъ способомъ дѣло въ Польшѣ окончилось къ пользѣ московской державы. Всѣ его рѣчи и поступки показываютъ, что онъ дѣйствовалъ по впечатлѣніямъ, по тѣмъ или другимъ страстнымъ движеніямъ, а никакъ не по разумному плану. Его благоволеніе къ избранію на польскій престолъ принца изъ австрійскаго дома не показываетъ въ немъ прозорливости. Допущеніе въ Польшу этой династіи было бы вовсе невыгодно для Московскаго государства, и, вѣроятно, еслибъ оно совершилось, то повело бы къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, которыя произошли тогда въ разрѣзъ съ желаніями царя Ивана [2]).

Обозрѣвая кругъ литературной и умственной дѣятельности царя Ивана Васильевича, мы считаемъ неизлишнимъ коснуться и его препирательства съ Антоніемъ

---

[1]) Безспорно, что сближеніе съ Польшею послужило бы ко введенію признаковъ европейскаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ. Поляки, превосходившіе московскихъ людей образованностью, возъимѣли бы на послѣднихъ нравственное вліяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на московскомъ обществѣ отразились бы и всѣ недостатки, которые глубоко укоренились въ польскомъ; просвѣщеніе и свобода могла бы сдѣлаться удѣломъ немногихъ къ большему порабощенію и погруженію въ невѣжество массы народа.

[2]) Недавно одинъ молодой, трудолюбивый и даровитый дѣятель по русской исторіи г. Штендманнъ показывалъ намъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ Вѣнскаго архива; изъ нихъ оказывается, что Иванъ Васильевичъ духовнымъ завѣщаніемъ передавалъ послѣ себя все свое государство въ руки Габсбургскаго дома въ лицѣ того самаго Эрнеста, котораго поддерживалъ въ Польшѣ.

Поссевиномъ, тѣмъ болѣе, многіе что по этому поводу готовы изумляться уму, остроумію и свѣдѣніямъ московскаго государя.

Хитрый іезуитъ, преслѣдуя давнюю цѣль римскаго первосвященническаго престола, пріискивалъ средства подвинуть вопросъ о соединеніи церквей или о подчиненіи русской церкви папѣ, и для этого хотѣлъ вызвать московскаго государя на споръ о вѣрѣ. Онъ, очевидно, надѣялся, съ одной стороны, на свою ученость и ловкость, съ другой на невѣжество своего противника и на его неумѣнье вести подобныя состязанія. Сначала царь уклонялся отъ такого вызова. «Если намъ съ тобою говорить о вѣрѣ — сказалъ онъ — то тебѣ будетъ нелюбо. Намъ безъ митрополита и освященнаго собора о вѣрѣ говорить не пригоже. Ты попъ и отъ папы присланъ; ты поэтому и говорить дерзаешь, а мы не умѣемъ объ этомъ говорить безъ митрополита и освященнаго собора».

Нельзя не сознаться, что такая рѣчь была благоразумна.

Но были ли эти слова произнесены по собственному побужденію? Не были ли они, скорѣе, выраженіемъ взгляда, такъ сказать, общаго Москвѣ и подсказаннаго царю боярами?

Полагаемъ послѣднее. Это видно изъ того, что, послѣ произнесенія этихъ словъ, Иванъ, въ противность ихъ смыслу, вступилъ въ состязаніе съ іезуитомъ.

Очевидно, сказавши то, что слышалъ отъ другихъ и что ему понравилось съ одной стороны, Иванъ не могъ утерпѣть и преодолѣть своей склонности къ разумничанью и богословствованію; онъ выступилъ на состязаніе противъ ученаго іезуита съ запасомъ своихъ знаній и съ силами своего ума. И здѣсь-то онъ показалъ, какова у

него была «огромная начитанность и логичность изложенія».

«Ты говоришь, Антоній, — сказалъ іезуиту московскій царь-богословъ — что ваша вѣра римская съ греческою одна вѣра: и мы вѣру держимъ истинную христіанскую, а не греческую; греческая словетъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ до Христова Рождества за много лѣтъ: отъ Ефіопіи предваритъ рука ея къ Богу, а Ефіопія то мѣсто, что Византія, что первое государство греческое въ Византіи».

Такимъ образомъ, царь Иванъ, читая священное писаніе, получилъ такія представленія, что Ефіопія стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ была Византія, и относилъ къ послѣдней то, что сказано было о первой!

Далѣе — царь Иванъ показалъ, что́ онъ знаетъ о важномъ вопросѣ разъединенія церквей и какъ понимаетъ его.

Конечно, отъ человѣка съ большою начитанностью и съ свѣтлымъ умомъ, человѣка, какимъ хотятъ намъ представить царя Ивана его апологисты, можно и должно было ожидать, что, рѣшившись вступить въ споръ о различіи вѣръ восточной и западной, онъ прежде всего укажетъ на тѣ главныя черты, которыя составляютъ существенную сторону этого различія. Вышло противное. Царь Иванъ не вступаетъ съ Поссевиномъ въ преніе о главенствѣ папы, не доказываетъ, ни смысломъ св. Писанія, ни церковною исторіею, несправедливости притязаній римскихъ первосвященниковъ на абсолютную власть въ дѣлахъ вѣры, не касается прибавленія къ символу вѣры словъ *и отъ Сына*, составляющаго догматическое различіе церквей, не говоритъ о противномъ буквальному смыслу словъ Христа Спасителя причащеніи св. Таинъ подъ однимъ видомъ, не знаетъ или знать не хочетъ ни чи-

стилища, ни обязательнаго безженства священниковъ: обо всемъ этомъ царь Иванъ не произнесъ ни одного намека. Онъ знаетъ, что «римская церковь съ нашею вѣрою христіанскою во многомъ не сойдется». Но въ чемъ же она не сходится, по его понятіямъ? «Видимъ— московскій государь говоритъ іезуиту — у тебя бороду подсѣчену, а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно, и не попу, и мірскимъ людемъ, а ты, римской вѣры попъ, а бороду сѣчешь?»

Такъ вотъ въ чемъ, по взгляду московскаго государя, различіе вѣры? Вотъ что̀ отдѣляетъ римскую вѣру отъ «истинной христіанской!» Не напоминаетъ ли это упорнаго простолюдина-раскольника послѣдующихъ временъ, нерѣшающагося ѣсть и пить вмѣстѣ съ «скоблёнымъ рыломъ» и поставляющаго сущность христіанскаго благочестія въ соблюденіи старинныхъ обычаевъ?

Но Иванъ, — возразятъ намъ, — бесѣдуя съ іезуитомъ, оговорился, заявивъ ему, прежде замѣчанія о бородѣ, что ему извѣстны различія вѣръ, гораздо важнѣйшія: «мы большихъ дѣлъ говорить съ тобою о вѣрѣ не хотимъ, чтобъ тебѣ не въ досаду было». Слѣдовательно Ивана нельзя подозрѣвать въ кругломъ невѣжествѣ относительно различія восточной и западной церквей. Не слѣдуетъ ли, скорѣе, заключить, что царь Иванъ, сознавая заранѣе безполезность толковъ о вѣрѣ, хотѣлъ отстраниться отъ нихъ, а сдѣлалъ вскользь замѣчаніе, которое имѣло видъ нѣкоторой ироніи? Правда, изъ словъ Ивана мы видимъ, что у него было какое-то смутное понятіе о существованіи болѣе важныхъ различій въ вѣрѣ, чѣмъ «подсѣченіе» бороды; но отчего онъ не коснулся ихъ? Онъ говоритъ Антонію: «чтобъ тебѣ въ досаду не было». Но отчего Антонію могло быть досаднѣе, еслибъ царь заговорилъ съ нимъ о принятіи св. Даровъ подъ однимъ

видомъ, а не было досадно, когда онъ съ нимъ толковалъ о бородѣ? Если царь Иванъ видѣлъ безполезность всякихъ споровъ о вѣрѣ и хотѣлъ рѣшительно отъ нихъ уклониться, то ему не слѣдовало уже касаться ровно ничего; его замѣчаніе насчетъ бороды ровно ни къ чему не могло повести и вызвало только у Антонія отвѣтъ, который пресѣкалъ всякіе дальнѣйшіе толки о бородѣ.» И Антоній передъ государемъ говорилъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ». Этимъ отвѣтомъ, устраняя самый предметъ разговора изъ области религіозныхъ вопросовъ, куда хотѣлъ ввести его московскій государь, іезуитъ, какъ сказать, одурачилъ послѣдняго, указавъ ему, съ одной стороны, что предметъ этотъ можетъ касаться только личныхъ свойствъ человѣка и никакъ не относится къ области вѣры, а съ другой, что царь настолько глуповатъ, что не можетъ распознать подстриженной или выбритой бороды отъ небритой и неподстриженной. Не проще ли объяснить замѣчаніе, сдѣланное Иваномъ на счетъ бороды, тѣмъ, что царь, зная плохо сущность предмета той бесѣды, на которую вызывалъ его іезуитъ, не рѣшался вдаваться въ эту бесѣду, чтобы, по причинѣ собственнаго невѣдѣнія, не стать въ тупикъ и не придти въ такое состояніе, когда поневолѣ придется согласиться съ противникомъ, не въ силахъ будучи опровергать его доводами. Плохо же онъ былъ подготовленъ къ возможности вести споръ съ духовнымъ западной вѣры о религіозныхъ недоразумѣніяхъ, потому что онъ, какъ вообще большинство русскихъ и того времени, и другихъ временъ, мало интересовался высшею стороною религіи, а прилѣплялся только къ внѣшнимъ ея признакамъ. Кто знакомъ съ историческимъ развитіемъ русскаго благочестія, кто наблюдалъ надъ его настоящимъ проявленіемъ, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что русскій благочестивый

человѣкъ очень часто не только не знаетъ церковной исторіи и св. Писанія, но совершенно равнодушенъ къ желанію узнать ихъ; даже чтеніе и слушаніе св. Евангелія (во время богослуженія оно важно для него только какъ часть обряда) не составляетъ любимаго занятія благочестиваго чаловѣка; за то онъ углубляется въ мельчайшія подробности богослуженія, въ правила, касающіяся разныхъ внѣшнихъ проявленій благочестія, читаетъ или слушаетъ съ удовольствіемъ повѣствованія о подвигахъ святыхъ, о ихъ борьбѣ съ бѣсами, поученія, относящіяся преимущественно къ монашескому житію или къ соблюденію разныхъ пріемовъ, приближающихъ человѣка, хотя бы внѣшнимъ только образомъ, къ монашескому идеалу. Таковъ былъ и царь Иванъ, и въ этомъ отношеніи онъ былъ сынъ своей страны и своего народа. Онъ, какъ показываютъ его посланія въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, читалъ аскетическія поученія Иларіона и другихъ отцовъ; монашеское званіе было для него идеаломъ христіанскаго благочестія; онъ мечталъ самъ нѣкогда отрещись отъ міра и постричься: онъ даже выговаривалъ себѣ это право на будущее время у поляковъ, когда ему представлялась возможность быть польскимъ королемъ; онъ зналъ и любилъ богослуженіе до того, что самъ основалъ у себя подобіе монастыря; онъ исполнялъ положенныя церковью правила, строго соблюдалъ посты и пришелъ въ ужасъ, когда псковскій юродивый предложилъ ему кусокъ мяса въ великій постъ; совершая ужаснѣйшія злодѣянія, Иванъ Васильевичъ каялся, называлъ себя, ради смиренія и сердечнаго сокрушенія о содѣянныхъ грѣхахъ, псомъ и другими унизительными названіями; онъ заботился о спасеніи душъ тѣхъ, которыхъ самъ лишалъ жизни преждевременно, посылая за упокой ихъ милостыню по монастырямъ и

вписывая ихъ имена въ синодики. Однимъ словомъ, Иванъ былъ очень благочестивый человѣкъ своего вѣка; но его благочестіе было слишкомъ дюжинное; Иванъ ни на волосъ не былъ выше рядовыхъ благочестивцевъ своего времени. Онъ мало занимался такими вопросами, какъ сущность различія церквей, для чего требовались знанія— историческія и догматическія; онъ обращалъ свое благочестивое настроеніе совсѣмъ къ другой сторонѣ религіи. Его взглядъ былъ ничуть не шире взгляда тѣхъ, которые считали важнѣйшимъ вопросомъ вѣры вопросъ о рощеніи или постриженіи бороды; надъ такими вопросами онъ задумывался: они его интересовали болѣе другихъ; въ той сферѣ, которой касались подобные вопросы, онъ былъ знатокъ, а потому-то съ ними онъ смѣло выступалъ противъ іезуита. То же сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій другой русскій дюжинный благочестивый человѣкъ. Ясно, что въ бесѣдѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ царь Иванъ Васильевичъ не показалъ себя человѣкомъ съ особенно свѣтлымъ умомъ, широтою взгляда и умственнымъ превосходствомъ предъ своими современниками. Мы думаемъ, что еслибъ царь Иванъ Васильевичъ былъ замѣчательно умнымъ человѣкомъ, то, находясь въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ поставленъ относительно іезуита, онъ бы совершенно устранился отъ всякихъ препирательствъ и, разъ объявивши ему, что не станетъ толковать съ нимъ о вѣрѣ, твердо стоялъ бы на этомъ, не поддаваясь искушенію показать передъ чужеземцемъ свое разумничанье.

Второе замѣчаніе, сдѣланное московскимъ царемъ папскому послу, было болѣе кстати, чѣмъ первое. Царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «Сказалъ намъ нашъ паробокъ Истома Шевригинъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, и цѣлуютъ его

въ ногу въ сапогъ, а на сапогѣ у папы крестъ, а на крестѣ распятіе Господа Бога нашего; и только такъ, ино пригоже-ль дѣло? И въ томъ первомъ, вѣрѣ нашей христіанской съ римскою будетъ рознь. Въ нашей христіанской вѣрѣ крестъ Христовъ на враги побѣда, и поклаяемся древу честнаго креста, и чтимъ и почитаемъ, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ вселенскихъ соборовъ; у насъ того не ведется, чтобы крестъ ниже пояса носить, также и образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ богоугодившихъ ставить такъ, чтобъ на образъ зрѣти душевными очима, возвышающе на первообразное, а въ ногахъ ставити не пригоже. Также и престолы дѣлаютъ по церквамъ въ груди человѣку, что ниже пояса всякой святыни быть не пригоже. А то у папы Григорія дѣлается черезъ уставъ святыхъ апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ вселенскихъ седьми соборовъ, и то отъ гордыни такой чинъ уставленъ».

Здѣсь, хотя также идетъ дѣло не о сущности религіи, а только объ обычаяхъ, по крайней мѣрѣ объ обычаяхъ дѣйствительно религіозныхъ, исключительно относящихся къ внѣшнему благочестію. Обычай, на который нападалъ московскій государь, явно указывалъ на такое высокомѣріе, которое трудно согласить съ духомъ христіанскаго смиренія. Но хитрый іезуитъ старался предмету спора дать такой оборотъ, что самъ царь Иванъ оказывался, въ отношенія своей особы, до нѣкоторой степени съ такими же требованіями уваженія, какія западная церковь предъявляла для своего видимаго главы. Сказавши, что папа есть всѣмъ государямъ отецъ и учитель, сопрестольникъ св. Петру и пользуется честію отъ нѣмецкаго императора, испанскаго короля и другихъ европейскихъ монарховъ, Антоній поставилъ въ па-

раллель съ уваженіемъ, подобающимъ папѣ, уваженіе, подобающее московскому царю. «Ты, государь великій въ своемъ государствѣ и прародитель твой въ Кіевѣ былъ великій князь Владиміръ, и васъ государей какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать!»

Такъ говорилъ іезуитъ, и съ этими словами поклонился низко московскому государю.

Этими знаками раболѣпства не удалось іезуиту убѣдить московскаго государя признать справедливость цѣлованія ногъ папѣ, но онъ заставилъ его высказать на этотъ разъ свою задушевную догматику о безмѣрной власти самодержавнаго государя.

«Въ нашей царской державѣ — сказалъ царь — и всѣхъ великихъ государей братіи нашей насъ пригоже почитати по царскому величеству, а святителемъ всѣмъ апостольскимъ ученикамъ должно смиреніе показывать, а не возноситься и превыше царей гордостью не обноситись»?

Вотъ гдѣ главная причина, почему спорить о вѣрѣ было безполезно! Иванъ договорился до нея, до этой причины! Если мы оспариваемъ мнѣніе о его начитанности, широтѣ взгляда, умственномъ превосходствѣ надъ современниками, то никакъ не отрицаемъ въ московскомъ государѣ твердости принципа самодержавной власти. Объ этотъ принципъ разбивались всякія попытки римскаго двора, всякія козни Іисусова ордена! Какъ могъ согласиться на какое бы то ни было соединеніе съ римскою церковью, а слѣдовательно на какое бы то ни было подчиненіе папѣ государь, котораго воля была превыше всего, который, по своему желанію, возводилъ и низводилъ архіереевъ, ругался надъ ними, травилъ собаками который заставилъ освященный соборъ нарушать въ отношеніи царской особы каноническія правила, обязатель-

ныя для всякаго православнаго? То, что онъ слышалъ отъ Шевригина, коробило его: церковная власть присвоивала себѣ знаки величія, подобные тѣмъ, которые онъ могъ признать только за царскою! Церковная власть хочетъ быть выше царской! Этого Иванъ Васильевичъ никакъ не могъ переварить!

Намъ могутъ сдѣлать такого рода замѣчаніе: Иванъ Васильевичъ много сдѣлалъ для утвержденія самодержавія на Руси; онъ довелъ его до высшей степени; развѣ тутъ не нужно было особыхъ способностей и большаго ума?

Мы предвидимъ такое замѣченіе и потому заранѣе отвѣчаемъ на него. Иванъ Васильевичъ находился въ такой обстановкѣ, что, для усиленія самодержавной власти и доведенія ея до высшей степени въ томъ видѣ, какъ онъ понималъ ее, не нужно было государю ни особыхъ способностей, ни большаго ума, напротивъ (какъ это съ перваго взгляда ни покажется страннымъ) недостатокъ того и другаго только помогалъ достиженію цѣли. Вообще преслѣдовать одну цѣль и наклонять къ ней всѣ поступки и стремленія не есть признакъ большаго ума, такъ какъ упрямство не есть признакъ силы воли и характера. Тамъ, гдѣ должна происходить борьба, гдѣ нужно изыскивать мѣры къ одолѣнію противныхъ стихій, тамъ необходимы и сильный умъ, и крѣпкая воля. Но какого рода борьба предстояла царю Ивану? Мы видѣли тѣхъ, которые могли казаться въ качествѣ его противниковъ. Какой принципъ проводили они, когда захватили временно власть въ свои руки? Они считали царя своего глупымъ неспособнымъ къ управленію, находили, что онъ, поэтому, долженъ слушаться умныхъ совѣтниковъ. Но эти люди не думали такого временнаго положенія дѣлъ превращать въ постоянное на будущія времена, не

пытались обезпечить его никакимъ законнымъ учрежденіемъ, не стремились устроить такъ, чтобъ верховный глава Московскаго государства всегда находился въ необходимости совѣтоваться съ другими и подчинять свой произволъ голосу своихъ совѣтниковъ. Кружокъ, сложившійся около Сильвестра и овладѣвшій правленіемъ государства, вовсе не имѣлъ признаковъ того кружка, который, при вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны, хотѣлъ ограничить самодержавную власть. Правда, эти люди помнили по преданію, что прежніе московскіе государи слушались во всемъ совѣта своихъ бояръ и такое же положеніе, какое имѣли нѣкогда ихъ предки, хотѣлось и имъ пріобрѣсть для себя при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и они пріобрѣли его, не вслѣдствіе какихъ-нибудь дружныхъ стремленій, а случайно, по стеченію обстоятельствъ, но они не думали и не пріискивали средствъ упрочить его, и потому легко потеряли; они не противодѣйствовали царскому гнѣву, и только Курбскій бѣжалъ и изливалъ свою досаду въ письмахъ къ царю. Всѣ прочіе покорно подчинились тажелой судьбѣ своей. Время, въ которое они жили, было уже не то, что время ихъ предковъ. Когда-то московскіе государи нуждались въ боярахъ, опирались на нихъ, и бояре нуждались въ великихъ князьяхъ: между ниму борьбы не могло быть, поддерживалось взаимное расположеніе; если когда великій князь и положитъ опалу на какого-нибудь боярина, — то было дѣло, касавшееся одного послѣдняго, а не другихъ; поступивъ круто съ тою или другою личностію, государь все-таки держался бояръ, какъ сословія, и сообразовался съ ихъ совѣтомъ — безъ бояръ онъ былъ слабъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ стали совсѣмъ иныя условія. Верховная власть уже слишкомъ окрѣпла и не нуждалась въ боярахъ настолько, чтобы угождать имъ. За са-

модержавіе была масса народа, а противъ этой силы что могли сдѣлать попытки какихъ-нибудь десятковъ личностей, хотя бы и знатныхъ и вліятельныхъ?

Царь Иванъ рубилъ головы, топилъ, жегъ огнемъ своихъ ближнихъ слугъ: народъ не роопталъ, не заявлялъ ужаса и неудовольствія при видѣ множества казней, совершаемыхъ часто всенародно. По этимъ признакамъ нельзя ли заключить, что царь Иванъ дѣлалъ народу угодное, поражая аристократовъ, которыхъ народная громада не любила? Это предположеніе тѣмъ легче допустить по аналогіи, когда исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что тиранскіе поступки государей надъ знатными особами принимались съ одобреніями народомъ, но это было бы самообольщеніемъ съ нашей стороны. При Иванѣ Васильевичѣ было совсѣмъ не то. Народъ безмолвно и безропотно сносилъ злодѣянія въ Новгородѣ, гдѣ гибли не одни знатные люди. Опричнина свирѣпствовала надъ всѣми. Послѣ паденія Сильвестра и его друзей, мы не видимъ, чтобъ царь Иванъ, преслѣдуя знатные роды, дѣлать какія-нибудь благодѣянія народной массѣ; напротивъ состояніе народа было очень тяжело уже по причинѣ, жестокихъ войнъ, за которыя ученые историки восхваляютъ царя Ивана. Причину безучастія народа скорѣе слѣдуетъ искать въ общемъ качествѣ массъ, привыкшихъ къ повиновенію. Вообще казни и всевозможныя злодѣянія, совершаемыя верховною властію надъ отдѣльными личностями или даже фамиліями, очень рѣдко возбуждаютъ негодованіе народной громады и еще рѣже могутъ довести ее до какихъ-либо дѣйствій, имѣющихъ смыслъ угрозы и опасности для верховной власти. Всякій членъ этой громады, видя то, что совершается надъ его собратомъ (если этотъ собратъ въ частности не близокъ ему), не чувствуетъ на себѣ чужой бѣды, а скорѣе боится,

чтобъ съ нимъ не случилось того же, и потому съёживается и хочетъ казаться какъ можно покорнѣе и смиреннѣе. Поэтому совершеніе казней можетъ часто имѣть только полезное дѣйствіе для самовластія: народъ пріучается къ большему повиновенію и безгласности; толпа уважаетъ грозную и страшную власть, благоговѣетъ предъ нею, — отъ этого царь Иванъ не получилъ въ народѣ названія мучителя; народъ нарекъ его только грознымъ царемъ.

Совсѣмъ иною заявляетъ себя та же видимо-безгласная громада, если ее постигнетъ такая бѣда, которая въ равной степени будетъ поражать каждаго, принадлежащаго къ ней. Тогда негодованіе народа, при первомъ удобномъ случаѣ, можетъ, разразиться бунтомъ. Понятно, что тогда каждый, обращаясь съ своимъ горемъ къ своему собрату, встрѣчаетъ и у послѣдняго такое же горе: эта взаимность, это единство горя соединяетъ, сплочаетъ разрозненныхъ членовъ народной громады, и громада поднимается, руководимая одними для всѣхъ побужденіями и стремленіями, тогда какъ, напротивъ, если бѣда постигаетъ только нѣкоторыя личности, то тѣ, которыхъ эта бѣда не коснулась, прежде всего отвѣтятъ на жалобы своихъ собратій: а намъ что за дѣло? Вотъ почему московскій народъ, безгласно и безропотно смотрѣвшій на варварскія казни, совершаемыя царемъ, взбунтовался во время московскаго пожара, поразившаго слишкомъ многихъ одинакимъ для всѣхъ бѣдствіемъ, посягнулъ на царскаго дядю, да и самому царю угрожала тогда опасность. Подобное могло случиться и послѣ нашествія Девлетъ-Гирея, и не даромъ боялся этого царь Иванъ Васильевичъ. На счастье ему, этого не случилось, быть можетъ оттого, что недавнія казни и избіенія нагнали

на всѣхъ такой ужасъ, что недоставало смѣльчаковъ заговорить къ народу.

Какъ бы то ни было, народъ смотрѣлъ безропотно на все, что̀ дѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ; жертвы не сопротивлялись; ему собственно не съ кѣмъ было вести борьбу. Царь дѣлалъ все, что хотѣлъ, не стѣснялся ничѣмъ, ни нравственными убѣжденіями народа, ни вѣрою, ни человѣческими чувствами — власть самодержца въ лицѣ его была превыше всего, но она въ сущности и безъ того была уже сильна... царь, можно сказать, только сдѣлалъ пробу, точно ли она такъ сильна — и проба вышла удачною. Все, что, какъ казалось царю Ивану, могло хотѣть поставить предѣлъ произволу — было уничтожено, безъ борьбы, безъ противодѣйствія. Но для этого не нужно было царю Ивану большаго ума; достаточно было самодурства — цѣль достигалась лучше, чѣмъ могла быть достигнута умомъ.

Этимъ и закончимъ нашу характеристику личности царя Ивана Васильевича. Нашъ взглядъ, какъ могутъ видѣть читатели, въ своемъ основаніи не заключаетъ ничего новаго. Мы старались только развить и защитить сложившееся подъ перомъ Карамзина и господствовавшее у насъ мнѣніе о сумасбродномъ тиранѣ, котораго новѣйшіе историки, постепенно поднимая, дотянули уже до того, что указываютъ въ немъ идеалъ не только для Руси, но для цѣлаго славянскаго племени.

О СЛѢДСТВЕННОМЪ ДѢЛѢ

ПО ПОВОДУ УБІЕНІЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

О СЛѢДСТВЕННОМЪ ДѢЛѢ

по поводу убіенія царевича Димитрія.

Вопросъ о смерти царевича Димитрія и о виновности Бориса Годунова въ этой смерти сдавался не разъ въ архивъ нерѣшеннымъ, и снова добывался оттуда охотниками рѣшить его въ пользу Бориса. Никому этого не удалось, хотя, конечно, въ свое время авторамъ защиты казалось иное.

Недавно, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]), появился пространный разборъ слѣдственнаго дѣла, произведеннаго нѣкогда Василіемъ Шуйскимъ съ товарищами, въ Угличѣ, написанный Е. А. Бѣловымъ, опять съ цѣлью внушить довѣріе къ этому слѣдственному дѣлу. Такимъ образомъ, старый вопросъ, о которомъ толковали въ нашей литературѣ назадъ тому около 40 лѣтъ, снова вносится на судъ отечественной исторіи. Постараемся высказать наши замѣчанія относительно слѣдственнаго дѣла; это для насъ необходимо тѣмъ болѣе, что въ той же статьѣ намъ дѣлаютъ упрекъ за то, что въ сочиненіи «Смутное Время» мы не останавливались надъ этимъ дѣломъ и не придавали важности извѣстіямъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ.

---

[1]) Іюльская книга текущаго года.

Слѣдственное дѣло, извѣстное въ неполномъ видѣ по редакціи, напечатанной въ «Собраніи Государственныхъ Граматъ и Договоровъ», никакъ не можетъ для историка имѣть значенія достовѣрнаго источника, по той очень ясной причинѣ, что производившій слѣдствіе князь (впослѣдствіи царь) Василій Ивановичъ Шуйскій два раза различнымъ образомъ отрекался отъ тѣхъ выводовъ, которые вытекали непосредственно изъ его слѣдствія, два раза обличалъ самого себя въ неправильномъ производствѣ этого слѣдствія. Первый разъ — онъ призналъ самозванца настоящимъ Димитріемъ, слѣдовательно, даже уничтожалъ фактъ смерти, постигшей царевича въ Угличѣ; другой разъ — онъ, уже низвергнувши и погубивши названнаго Димитрія, заявлялъ всему русскому народу, что настоящій Димитрій былъ умерщвленъ убійцами по повелѣнію Бориса, а не самъ себя убилъ, какъ значилось въ слѣдственномъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ утвердилось и стало господствовать мнѣніе, основанное на послѣднемъ изъ трехъ показаній Шуйскаго, который во всякомъ случаѣ зналъ истину этого событія лучше всякаго другого. Понятно, что слѣдственное дѣло для насъ имѣетъ значеніе не болѣе, какъ *одного изъ трехъ* показаній того же Шуйскаго, и притомъ такого показанія, котораго сила уничтожена была дважды имъ же самимъ. Поэтому-то въ нашемъ сочиненіи «Смутное Время» мы не давали никакой вѣры, ни историческаго значенія извѣстіямъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ, какъ бы ни казались они важными по содержанію.

Главнѣйшая ошибка защитниковъ Бориса состоитъ въ томъ, что они вѣрятъ этому дѣлу, опираются на приводимыя изъ него показанія, допускаютъ тотъ или другой фактъ единственно на томъ основаніи, что находятъ объ немъ извѣстіе въ слѣдственномъ дѣлѣ, тогда какъ

если что-нибудь можно признавать въ этомъ дѣлѣ достовѣрнымъ, то развѣ по согласію съ чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе имѣющимъ право на вѣроятіе. Находя въ слѣдственномъ дѣлѣ показаніе того или другаго лица, защитникъ принимаетъ его прямо за свободно-признесенный голосъ того лица, кому оно приписывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, забывая, что тотъ, кто сообщилъ намъ показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, самъ же призналъ ихъ лживость или поддѣльность. Такъ, напримѣръ, можно ли показаніе, данное будто бы дѣтьми, игравшими съ царевичемъ, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ, принимать за искреннее показаніе этихъ дѣтей, когда тотъ, кто передалъ намъ это показаніе, впослѣдствіи объяснилъ, что царевичъ не самъ зарѣзался, а былъ зарѣзанъ? Скажутъ намъ: Василій лгалъ тогда, когда уничтожалъ силу слѣдственнаго дѣла, но производилъ слѣдствіе справедливо. Мы на это отвѣтимъ: если онъ лгалъ одинъ разъ, два раза, то могъ лгать и въ третій разъ; и если онъ лгалъ для собственныхъ выгодъ послѣ смерти Бориса, то могъ лгать для собственныхъ же выгодъ и при жизни Бориса. Всѣ три показанія взаимно себя уничтожаютъ; мы не вправѣ вѣрить ни одному изъ нихъ, и такимъ образомъ все, что исходило отъ Василія Шуйскаго по дѣлу объ убіеніи Димитрія, не имѣетъ для насъ ровно никакой исторической важности по вопросу объ этомъ убіеніи. Поэтому, если желаютъ возстановить силу слѣдственнаго дѣла, то должны это сдѣлать на основаніи какихъ-нибудь новыхъ свидѣтельствъ и источниковъ, которые бы доставили намъ свѣдѣнія, согласимыя съ извѣстіями, заключающимися въ слѣдственномъ дѣлѣ, а никакъ не на основаніи самого же слѣдственнаго дѣла, хотя бы даже при помощи разныхъ психологическихъ соображеній, имѣющихъ мало убѣдительной силы.

Изъ всѣхъ старинныхъ сказаній о смерти царевича Димитрія мы знаемъ одно, болѣе всѣхъ заслуживающее вѣроятія—это повѣсть въ отрывкѣ, которой содержаніе мы привели въ «Смутномъ Времени». А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ ее въ «Чтеніяхъ» московскаго общества исторіи и древностей. Вотъ что тамъ говорится:

«И того дни (15 мая), царевичъ по утру всталъ дряхлъ съ постели своей и голова у него, государя, съ плечъ покатилася, и въ четвертомъ часу дни царевичъ пошелъ къ обѣднѣ и послѣ евангелія у старцевъ Кирилова монастыря образы принялъ, и послѣ обѣдни пришолъ къ себѣ въ хоромы, и платьицо перемѣнилъ, и въ ту пору съ кушаньемъ взошли и скатерть постлали и Богородицынъ хлѣбецъ священникъ вынулъ, и кушалъ государь царевичъ по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащался хлѣбу Богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити; и испивши пошелъ съ кормилицею погуляти; и въ седмой часъ дни, какъ будетъ царевичъ противу церкви царя Константина, и по повелѣнію измѣнника злодѣя Бориса Годунова, приспѣвши душегубцы ненавистники царскому кореню Никитка Качаловъ да Данилка Битяговскій кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвѣвъ пала на землю, и ему государю царевичу въ ту пору киняся перерѣзали горлю ножемъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласомъ. И услыша шумъ мати его государя царевича и великая княгиня Марія Ѳедоровна прибѣгла, и видя царевича мертва и взяла тѣло его въ руки, и они злодѣи душегубцы стоятъ надъ тѣломъ государя царевича, обмертвѣли, аки псы безгласны, противъ его государевой матери не могли проглаголати ничтоже; а дяди его государевы въ тѣ поры разъѣхалися по домамъ ку-

шати, того грѣха не вѣдая. И взявъ она государыня тѣло сына своего царевича Димитрія Ивановича и отнесла къ церкви Преображенія Господня, и повелѣла государыня ударити звономъ великимъ по всему граду, и услыхалъ народъ звонъ великъ и страшенъ яко николи не бысть такова, и стекошася вси народы отъ мала до велика, видя государя своего царевича мертва, и возопи гласомъ велімъ мати его государева Марія Ѳедоровна плачася убиваяся, говорила всему народу, чтобъ тѣ окаянныя злодѣи душегубцы царскому корени живы не были, и крикнули вси народы, тѣхъ окаянныхъ кровоядцевъ каменіемъ побили» и проч.

Г. Бычковъ, издавая этотъ драгоцѣнный отрывокъ, замѣтилъ: «Свѣдѣнія, заключающіяся въ повѣсти, показываютъ, что она составлена современникомъ, бывшимъ близко ко двору царевича или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими. Подробности о томъ, какъ царевичъ провелъ день, въ который совершилось убійство, служатъ очевиднымъ тому доказательствомъ, а самый разсказъ объ этомъ происшествіи носитъ на себѣ всю печать достовѣрности. Вообще въ цѣлой повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая бы давала возможность заподозрить ея достовѣрность». Мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ приговоромъ; прибавимъ отъ себя еще вотъ что: почему, напримѣръ, мы не должны предпочесть этого чрезвычайно правдоподобнаго сказанія слѣдственному дѣлу, исполненному, какъ ниже покажемъ несообразностей и уничтоженному въ своей силѣ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который производилъ его? Покажите намъ что нибудь подобное, независимое отъ слѣдственнаго дѣла, но вполнѣ согласное съ извѣстіями, заключающимися въ послѣднемъ, и тогда будете имѣть возмож-

ность повѣрять это — болѣе чѣмъ сомнительное — слѣдственное дѣло.

Изъ приведеннаго разсказа видно, что убійцы совершили свое дѣло въ нѣкоторомъ отношеніи ловко. Убійство произошло безъ свидѣтелей. Кормилица, ошеломленная ударомъ, не видала ничего. Убійцы, перерѣзавши горло ребенку, сейчасъ начали кричать. О чемъ они кричали? Конечно, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Понятно, зачѣмъ они ударили кормилицу, и какимъ бы образомъ они объясняли этотъ ударъ впослѣдствіи, еслибъ остались живы. Они бы, вѣроятно, сказали, что кормилица не смотрѣла за царевичемъ; они увидали, что съ царевичемъ припадокъ, что у него въ рукахъ ножъ; съ досады они ударили кормилицу, сами бросились на помощь къ царевичу, но уже было поздно: онъ мгновенно перерѣзалъ себѣ горло. Имъ бы повѣрили, да кормилица, ошеломленная ударомъ и не видавшая, какъ они рѣзали ребенка, не смѣла бы ничего сказать противъ двухъ свидѣтелей. Царица прибѣжала уже послѣ, услышавши крикъ, и не видала убійства. Такимъ образомъ, не оставалось бы другихъ свидѣтелей совершившагося факта, кромѣ тѣхъ лицъ, которые его совершили.

Что Борису былъ разсчетъ избавиться отъ Димитрія — это не подлежитъ сомнѣнію; роковой вопросъ предстоялъ ему: или отъ Димитрія избавиться, или современемъ ожидать отъ Димитрія гибели самому себѣ. Скажемъ болѣе: Димитрій былъ опасенъ не только для Бориса, но и для царя Ѳедора Ивановича. Димитрію еще пока былъ только восьмой годъ. Еще года четыре, Димитрій былъ бы уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда могъ, хотя бы и по наружности, давать повелѣнія. Этихъ повелѣній послушались бы тѣ, кому пригодно было ихъ послушаться, — Димитрій былъ бы, другими словами, въ тѣхъ

лѣтахъ, въ какихъ былъ его отецъ въ то время, когда, находившись подъ властію Шуйскихъ, вдругъ приказалъ схватить одного изъ Шуйскихъ и отдать на растерзаніе псарямъ. Димитрію хуже насолилъ Борисъ, чѣмъ Шуйскіе отцу Димитрія, Ивану Грозному! Димитрію съ дѣтства внушали эту мысль. Всѣ знали, что царь Ѳедоръ былъ малоуменъ; всѣмъ управлялъ Борисъ; были люди, Борисомъ недовольные, иначе и быть не могло въ его положеніи; были и такіе, которые съ радостію увидѣли бы возможность низвергнуть Бориса съ его величія, чтобъ самимъ чрезъ то возвыситься или обогатиться; и тѣ и другіе легко уцѣпились бы за имя Димитрія; они провозгласили бы его царемъ, потребовали бы низложенія малоумнаго Ѳедора, заточенія въ монастырь, куда и безъ того порывалась душа этого нищаго духомъ монарха. Попытка замѣнить Ѳедора Дмитріемъ проявлялась уже тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда еще Димитрій былъ въ пеленкахъ, и вслѣдствіе этой-то попытки съ тѣхъ поръ держали Димитрія въ Угличѣ. Попытка навѣрное повторилась бы такъ или иначе, когда Димитрій бы выросъ. А что̀ бы сталось съ Годуновымъ, если бы Димитрій сталъ царемъ? Понятно, что Борису Годунову было очень желательно, чтобы Димитрій отправился на тотъ свѣтъ: чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и спокойнѣе для Бориса Годунова.

Защитники слѣдственнаго дѣла полагаютъ, что для того, чтобы избавиться отъ Димитрія, Борису нуженъ былъ заговоръ. Но кого и съ кѣмъ? Борисъ правилъ самодержавно и все, чего хотѣлъ онъ, все то исполнялось, какъ воля самодержавнаго государя. Заговоръ могъ составляться только противъ Бориса, а не Борисомъ съ кѣмъ бы то ни было. Нужно было, чтобъ Димитрія не было на свѣтѣ. Для этого вовсе не представлялось не

только заговора, но даже и явнаго, высказаннаго приказанія убить Димитрія; достаточно было Борису сдѣлать намекъ (хоть бы, напр., передъ Клешнинымъ, ему, какъ говорятъ, особенно преданнымъ), что Димитрій опасенъ не только для Бориса, но и для государя, что враги могутъ воспользоваться именемъ Димитрія, могутъ посягнуть на помазанника Божія, произвести междоусобіе, подвергнуть опасности спокойствіе государства и церкви. Если подобные намеки были переданы Битяговскому и его товарищамъ, назначеннымъ наблюдать въ Угличѣ за царевичемъ и за его роднею — этого было довольно; остальное сами они смекнутъ. Убійцы могли посягнуть на убійство Димитрія не по какому-нибудь ясно выраженному повелѣнію Бориса; послѣдній былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не сдѣлать; убійцы могли только сообразить, что умерщвленіе Димитрія будетъ полезно Борису, что они сами за свой поступокъ останутся безъ преслѣдованія, если только сумѣютъ сдѣлать такъ, чтобы все было шито и крыто, — что ихъ наградятъ, хотя, разумѣется, не скажутъ, за что именно ихъ наградили. Въ Московской землѣ самодержавіе стояло крѣпко; къ особѣ властителя чувствовали даже рабскій страхъ и благоговѣніе; но всѣ такія чувства не распространялись на всѣхъ родичей царственнаго дома. Предшествующая исторія полна была примѣровъ, когда ихъ сажали въ тюрьму, заключали въ оковы, морили, душили, потому что считали опасными для верховной особы и для единовластія. И убійцъ Димитрія не должна была останавлить мысль, что Димитрій принадлежитъ къ царственному роду.

Но отчего же — намъ возражаютъ — они не отравили царевича Димитрія ядомъ? Это было легче и удобнѣе, чѣмъ зарѣзать. Оттого, скажемъ мы, что вовсе не было такъ легко и удобно, какъ кажется съ перваго взгляда: при

тогдашнихъ нравахъ, охранители царевича всего болѣе боялись отравленія, и противъ этого рода опасности конечно принимались тогда мѣры. Кто бы изъ приближенныхъ рѣшился дать отраву? Нужно было черезчуръ большой отваги и презрѣнія къ собственной жизни, къ чему обыкновенно неспособны тайные убійцы. Какъ бы только ядъ началъ дѣйствовать, ребенокъ указалъ бы на ту особу, которая давала ему яству или питье, и тотчасъ принялись бы за эту особу и досталось бы этой особѣ прежде, чѣмъ соумышленники могли бы ее спасти. Путь, какой выбрали убійцы, былъ вполнѣ удобенъ и могъ увѣнчаться совершеннымъ успѣхомъ, еслибы царица не взволновала народа набатнымъ звономъ: только этого послѣдняго обстоятельства убійцы не разсчитали и не предвидѣли. Они выбрали и время самое подходящее: Нагіе ушли обѣдать, царица была въ хоромахъ, ребенокъ гулялъ съ одною кормилицею, и кромѣ ея никого съ царевичемъ не было; кормилицу ударили, чтобы она не увидала того, чего никто не долженъ былъ видѣть, въ тотъ же моментъ перерѣзали горло ребенку, да сами же и стали кричать, что царевичъ зарѣзался. Они же и свидѣтели. Не взволнуйся народъ — вся бѣда обратилась бы на бѣдную кормилицу, еслибы она осмѣлилась заявить себя противъ нихъ; свидѣтельство убійцъ было бы принято, и было бы имъ хорошо, и наоборотъ — плохо тѣмъ, которые дерзнули бы говорить, что царевича зарѣзали они.

Вышло, однако, не такъ, какъ убійцы предполагали. Народъ побилъ ихъ. Весь Угличъ сталъ увѣренъ, что они зарѣзали Димитрія, а между тѣмъ не было въ Угличѣ ни одного свидѣтеля, видѣвшаго убійство. Дошло до Бориса. Борисъ, конечно, сразу понялъ, что̀ все это значитъ: люди, ему преданные, хотѣли угодить ему, спасти

и его, и царя Θедора на будущее время, но погибли сами. Событіе, непріятное для Бориса; лучше было бы, еслибъ они остались живыми. Теперь, во что бы то ни стало, нужно было, чтобъ царевичъ зарѣзался самъ, чтобы были свидѣтели его самоубійства, иначе кто бы его ни зарѣзалъ, подозрѣніе будетъ падать на Бориса. Правда, Борисъ все-таки никому не приказывалъ убивать царевича: и никто не въ силахъ былъ сказать на него. Но для Бориса необходимо было, чтобы не оставалось и подозрѣнія. Борисъ посылаетъ Шуйскаго на слѣдствіе вмѣстѣ съ преданнымъ Борису Клешнинымъ. «Да вѣдь Шуйскій, — говорятъ намъ, — непріязненъ Борису? Какъ же Борисъ могъ выбрать его для такого дѣла?»

А чего было бояться Борису, когда онъ никому не давалъ приказанія убивать царевича? Чтò могъ открыть Шуйскій такого, чтò бы повредило Борису? Положимъ, что Шуйскій поѣхалъ съ желаніемъ повредить Борису. Чтò же тогда нашелъ Шуйскій на мѣстѣ? Свидѣтелей смерти царевича не было. Кормилица могла бы только сказать, что ее такіе-то ударили и закричали, что царевичъ зарѣзался, но вѣдь сама она все-таки не видѣла, какъ его рѣзали. Царица тоже этого не видала: она выскочила изъ хоромъ, услышавши крикъ. Если бы Шуйскій представилъ дѣло въ этомъ настоящемъ видѣ — осталось бы подозрѣніе, но не болѣе. Что же? развѣ невозможно было разсѣять подозрѣнія? Привезли бы кормилицу въ Москву, привезли бы Нагихъ и подъ пытками заставили дать тѣ же показанія, какъ мы встрѣчаемъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, т.-е., что царевичъ страдалъ припадками падучей болѣзни, кусался, на людей бросался и въ неистовствѣ самъ себя зарѣзалъ; и вышло бы то же чтò вышло, только Шуйскому послѣ того уже не сдобровать, Борисъ бы не простилъ ему! Понятно, что Шуй-

скій, какъ человѣкъ хитрый и смышленый, уразумѣлъ, какъ нужно ему дѣйствовать, и Шуйскій сталъ дѣйствовать такъ, чтобы и Борису угодить, и себя спасти на будущее время отъ бѣды. Вотъ что̀ говоритъ современный лѣтописецъ объ образѣ дѣйствія Шуйскаго въ Угличѣ:

«Князь Василій со властьми пріидоша вскорѣ на Угличъ и осмотри тѣла праведнаго заклана, и помянувъ свое согрѣшеніе, плакася горько на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояше, тѣло же праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія святого. Князь же Василій начатъ разспрашивать града Углича всѣхъ людей како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ.»

Извѣстіе лѣтописца о пріемахъ допроса согласуется съ самымъ слѣдственнымъ дѣломъ, въ которомъ, при всей его лживости, проглядываетъ дѣйствительный способъ его производства: въ этомъ дѣлѣ говорится, что Шуйскій съ товарищами спрашивали такъ: «которымъ обычаемъ царевича Димитрія не стало, и что его болѣзнь была». Итакъ, изъ этого же дѣла видно, что слѣдователи съ самаго начала отклонили всякій вопросъ о возможности убійства, заранѣе предрѣшая, что смерть Димитрія, такъ или иначе, но послѣдовала отъ болѣзни. Вѣроятно, Шуйскій, съ товарищами еще въ Москвѣ получилъ необходимый намекъ на то, что̀ по слѣдствію должно непремѣнно оказаться, именно что Димитрій былъ боленъ и лишилъ себя жизни въ припадкѣ болѣзни.

Далѣе лѣтописецъ повѣствуетъ:

«Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михаила Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники».

Здѣсь лѣтописецъ въ своемъ извѣстіи хватилъ черезъ край, сказавши «единогласно», но не солгалъ относительно многихъ угличанъ. Были въ Угличѣ такіе, которые сразу поняли какъ слѣдуетъ отвѣчать, и говорили, что царевичъ зарѣзался; но въ то же время раздавались голоса, смѣло приписывавшіе смерть царевича убійству, совершенному людьми, присланными отъ Годунова и уже растерзанными отъ разъяреннаго народа. Что въ Угличѣ говорили именно такъ, показываетъ суровое мщеніе Бориса надъ Угличемъ, казни, совершенныя надъ его жителями, переселеніе въ Пелымъ, запустѣніе Углича. Но что могъ сдѣлать Шуйскій съ такими показаніями? Онъ зналъ заранѣе, что въ Москвѣ такихъ показаній не хотятъ, да притомъ и всѣ показанія были голословны: никто изъ говорившихъ объ убійствѣ не былъ самъ свидѣтелемъ убійства.

И вотъ, по словамъ того же лѣтописнаго повѣствованія:

«Князь Василій, пришедъ съ товарищи въ Москвѣ и сказа царю Ѳедору неправедно: что самъ себя заклалъ».

Лѣтописецъ далѣе говоритъ, что «Борисъ съ бояры Михаила Нагаго и Андрея и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ».

Согласно съ этимъ и въ окончаніи слѣдственнаго дѣла говорится, «и по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявилися, велѣлъ государь посылати».

Принимая во вниманіе это послѣднее извѣстіе, нельзя быть увѣреннымъ, чтобы тѣ показанія, которыя представляются отобранными Шуйскимъ и его товарищами въ Угличѣ, были на самомъ дѣлѣ всѣ тамъ составлены; нѣкоторыя изъ нихъ могли быть записаны уже въ Москвѣ, гдѣ, какъ сообщаетъ лѣтописное извѣстіе, пытками добывали сознаніе въ томъ, что Димитрій зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Нельзя не обратить осо-

беннаго вниманія на то обстоятельство, что въ концѣ того же слѣдственнаго дѣла, гдѣ сказано вообще, что «по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявилися, велѣлъ государь посылати», говорится вслѣдъ затѣмъ, что «въ Угличъ посланъ былъ Михайла Молчановъ, по кормилицына мужа, по Ждана Тучкова и по его жену по кормилицу по Орину, а взявъ везти ихъ къ Москвѣ бережно, чтобъ съ дороги не утекли и дурна надъ собою не учинили». Отчего эта особая, какъ видно, заботливость о кормилицѣ и ея мужѣ? Не потому ли, что кормилица была при царевичѣ въ тѣ минуты, когда онъ лишился жизни? Но вѣдь по слѣдственному дѣлу не одна она была свидѣтельницею, и подобно другимъ она представляется давшею еще въ Угличѣ показанія о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Мужъ ея совсѣмъ не значится въ числѣ спрошенныхъ въ Угличѣ, а между тѣмъ его вмѣстѣ съ женою тащутъ въ Москву. Если мы вспомнимъ, что говоритъ то повѣствованіе о смерти Димитрія, которое мы признаемъ самымъ достовѣрнѣйшимъ, то окажется, что здѣсь слѣдственное дѣло само невольно проговорилось и обличило себя. Кормилица была единственною особою, въ присутствіи которой совершилось убійство и, вѣроятно, она совсѣмъ не давала въ Угличѣ такого показанія, какое значится отъ ея имени въ слѣдственномъ дѣлѣ — вотъ ее-то и нужно было прибрать къ рукамъ паче всякаго другаго, а вмѣстѣ съ нею политика требовала прибрать и ея мужа, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ было въ обычаѣ, что въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, расправа постигала безвинныхъ членовъ семьи за одного изъ ихъ среды. Само собою разумѣется, что Тучкова-Жданова была опаснѣе всѣхъ: она хотя также не видѣла своими глазами совершенія убійства, но могла разглашать

такія обстоятельства, которыя бы возбуждали сильное подозрѣніе въ томъ, что Димитрій не самъ зарѣзался, а былъ зарѣзанъ, и потому-то ее необходимо было уничтожить; а чтобъ мужъ не жаловался и не разглашалъ того, что долженъ былъ слышать отъ жены, то слѣдовало и мужа сдѣлать безвреднымъ. Не даромъ русская пословица говорила: мужъ и жена — одна сатана! Защитникъ Бориса говоритъ: «еслибъ она (Тучкова) погибла по приказанію Бориса, то послѣ о томъ не умолчали бы враги его». А что такое за важныя особы эти Тучковы, чтобъ ихъ погибель возбуждала большое сожалѣніе и была особенно замѣченною современниками? Въ Московскомъ государствѣ въ тѣ времена не слишкомъ-то дорожили жизнію одного или двухъ незнатныхъ подданныхъ. Да притомъ, если никто не поименовалъ въ числѣ жертвъ Бориса Тучковыхъ, то лѣтописецъ не забылъ сказать о цѣлой толпѣ жертвъ, пострадавшихъ въ эпоху смерти Димитрія: «иныхъ казняху, инымъ языки рѣзаху, иныхъ по темницамъ разсылаху, множество же людей отведоша въ Сибирь и поставиша градъ Пелымъ и ими насадиша и отъ того жъ Углечъ запустѣлъ». Развѣ не могла быть и эта несчастная супружеская чета въ числѣ какихъ-нибудь изъ этихъ *иныхъ?*

Здравая критика не допускаетъ принимать показаній о смерти царевича, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ уже, какъ мы сказали, и потому, что слѣдователь самъ созналъ несправедливость его и стало быть обличилъ его фальшивое производство. Нѣтъ, какъ мы тоже выше сказали, никакихъ иныхъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя бы согласовались съ извѣстіями, сообщаемыми слѣдственнымъ дѣломъ. Напротивъ, существуютъ извѣстія, носящія всѣ признаки достовѣрности, но противныя тому, что̀ вытекаетъ изъ слѣдственнаго

дѣла. Затѣмъ уже, если это лживое слѣдственное дѣло можетъ возбуждать любопытство историческаго изслѣдователя, то развѣ съ той стороны, какимъ образомъ оно было въ свое время составлено. По тому отрывку, который сохранился, мы теперь едва ли въ состояніи будемъ вполнѣ отличить: какія изъ показаній были отобраны Шуйскимъ съ товарищами въ самомъ Угличѣ, какія, быть можетъ, послѣ того въ Москвѣ; какія изъ нихъ вынуждены были страхомъ, пыткою или ласкою, какія даны добровольно смекнувшими заранѣе какъ имъ слѣдуетъ говорить и какія, наконецъ, могли быть написаны слѣдователями отъ лица тѣхъ, которые и не говорили того, чтó писалось отъ ихъ имени (чтò, напримѣръ, мы думаемъ о дѣтскихъ показаніяхъ). Никакой ученый не увѣритъ насъ, чтобы это дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ до насъ дошло, писалось непремѣнно въ Угличѣ; напротивъ — что оно писалось въ Москвѣ, на это указываетъ его конецъ съ распоряженіями о доставкѣ въ Москву кормилицы, ея мужа и вѣдуна Андрюшки. Такимъ образомъ показанія Нагихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они значатся, были отобраны въ Москвѣ, хотя и включены въ число отобранныхъ въ Угличѣ. Замѣчательно, что единственное лицо, заявлявшее упорно въ слѣдственномъ дѣлѣ, что царевичъ зарѣзанъ, а не зарѣзался, одинъ изъ дядей царевича, Михайла Нагой. Въ лѣтописи говорится: «Борисъ съ бояры поидоша къ пыткѣ и Михайла Нагого и Андрея, и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ, они же никакъ того не сказаша, то и глаголаху, что отъ рабъ убіенъ бысть». Сопоставляя это извѣстіе съ слѣдственнымъ дѣломъ, окажется, что изъ Нагихъ, подписавшихъ свои показанія, одинъ Михайла, запираясь въ томъ, что онъ поднималъ народъ на убійцъ, прямо говоритъ, что царевича зарѣ-

зали; другіе же его братья Григорій и Андрей показали, что царевичъ зарѣзался, повторяя разсказы о его падучей болѣзни. Изъ этого видно, что лѣтопись, говоря о твердости Нагихъ, справедлива только въ отношеніи одного Нагого, Михаила, а прочіе Нагіе, какъ оказывается, подъ пыткою или подъ страхомъ пытки заговорили такъ, какъ слѣдовало. Единственное показаніе о томъ, что царевича зарѣзали, противное прочимъ показаніямъ, говорившимъ, что царевичъ зарѣзался самъ, показаніе, подписанное Михаиломъ Нагимъ, оставаясь въ слѣдственномъ дѣлѣ, не только не вредило результату, какого добивались, но еще помогало ему: становясь въ разрѣзъ со всѣмъ остальнымъ, оно по своему безсилію и въ сравненіи со всѣми какъ-бы служило уликою, что мнимое убійство Димитрія есть выдумка Нагихъ, особенно Михайла, болѣе всѣхъ (какъ говорятъ другія показанія) возбуждавшаго народъ къ истребленію Битяговскихъ и ихъ товарищей. Показаніе Андрея Нагого дано явно по слѣдамъ показанія Василисы Волоховой, признаваемой лѣтописями соумышленницей убійцъ. Такъ, напримѣръ Василиса Волохова говоритъ: «и прежъ того сего же году, въ великое говѣнье тажъ надъ нимъ болѣзнь была, падучей недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою царицу Марью и вдругорядъ на него была тамъ болѣзнь передъ великимъ днемъ и царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочери Нагова, едва у не Ондрееву дочь Нагова отняли». Въ показаніи Андрея Нагого: «А на царевичѣ бывала болѣзнь падучая, да нынѣ въ великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ и уго него, Андрея, царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ и у постельницъ, какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецы-

веньи [1]) за что попадется». При другихъ условіяхъ сходство въ показаніяхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ вело бы къ признанію справедливости сообщаемыхъ фактовъ, но въ такомъ дѣлѣ, о которомъ мы увѣрены, что оно велось недобросовѣстно, съ предвзятою заранѣе цѣлью, подобное сходство свидѣтельствуетъ только о томъ, что одно показаніе служило образцомъ для другаго; пристрастные слѣдователи спрашивали у допрашиваемаго прямо о справедливости того, что сообщило имъ полезнаго раньше данное показаніе, и допрашиваемый изъ угожденія или отъ страха говорилъ то же, что говорили прежде него. Фальшивость производства видна, какъ въ содержаніи показаній, такъ и въ пріемахъ. Величайшая невѣроятность, заключающаяся въ этомъ дѣлѣ — это прежде всего самоубійство мальчика семи лѣтъ, совершонное такимъ образомъ, какъ сообщаютъ показанія. Съ больнымъ мальчикомъ дѣлаются повременамъ припадки, и въ одинъ изъ такихъ припадковъ онъ закололъ себя въ горло ножемъ. А что́ за признаки этихъ припадковъ? Какая-то злость, бѣшенство, мальчикъ бросается на людей, кусается, мальчикъ сваею пырнулъ собственную мать.

Спрашивается: какъ бы ни были просты женщины, окружавшія ребенка, но возможно ли предположить, чтобъ онѣ всѣ были до такой степени глупы, чтобы послѣ всего того, что̀ царевичъ уже дѣлалъ, давали ему играть съ ножемъ? — И неужели мать, которую онъ ранилъ, не приняла мѣръ, чтобъ у мальчика не было въ рукахъ ножа? Допустимъ, однако, что несчастный больной царевичъ былъ предоставленъ на попеченіе такихъ дуръ, какихъ только можно было, какъ будто нарочно, подобрать

---

[1]) *Нечивиль*, а также *нецывиль* — безпамятство, безчувствіе, обморокъ. См. Словарь Даля.

со всей московской земли. Способъ его самоубійства черезчуръ страненъ. Онъ играетъ въ тычку съ дѣтьми; съ нимъ дѣлается припадокъ; судя по тому, какъ онъ кусалъ дѣвочкѣ руки, бросался на жильцовъ и постельницъ и даже ранилъ мать свою, надобно было ожидать, что царевичъ ударитъ ножемъ кого-нибудь изъ игравшихъ съ нимъ дѣтей: нѣтъ, онъ самъ себя хватилъ по горлу! Какъ же это случилось?

Постельница Марья Самойлова показываетъ: «и его бросило о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся». Василиса Волохова говоритъ: «бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя ножемъ пokололъ въ горло, и било его долго». Огурецъ говоритъ: «тутъ его ударило о землю, и онъ, бьючись, ножемъ самъ себя пokололъ». Стряпчій Юдинъ говоритъ: «бросило его о землю, и било его долго, и онъ накололся ножемъ самъ, а онъ (стряпчій) въ тѣ поры стоялъ у поставца и то видѣлъ». Царицыны дѣти боярскіе, числомъ четверо, говорятъ: «а у него въ ту пору въ рукахъ былъ ножъ и его-де бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя пokололъ и отъ того и умеръ». Истопники говорятъ: «мы были въ переднихъ сѣняхъ и въ тѣ поры понесли кушанье на верхъ, а царевичъ Дмитрій игралъ съ жильцы ножемъ и пришла на него старая болѣзнь падучій недугъ, и его въ тѣ поры ударило о землю, и онъ на тотъ ножъ набрушился самъ».

При подобномъ припадкѣ могло скорѣе статься, что ребенокъ ранилъ бы себя ножемъ въ бокъ, въ ногу, въ руку, но всего менѣе въ горло, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена носили ожерелья въ родѣ поясковъ, украшенныя золотомъ, жемчугомъ и камнями: на царскомъ сынѣ, конечно, было такое ожерелье, которое бы могло защитить

его отъ прикосновенія ножа, случайно коснувшагося горла. Все это кажется до крайности придуманнымъ и невѣроятнымъ. Вопросъ о томъ: въ какой степени возможно въ припадкѣ такого рода ребенку заколоть себя до смерти, по горлу, — предоставляемъ медикамъ, по опыту наблюдавшимъ за такими болѣзнями, да кромѣ того слѣдуетъ поискать такихъ примѣровъ: вѣдь не одинъ же царевичъ Дмитрій умеръ такою смертію; если она могла постигнуть его, то могла постигнуть и другихъ больныхъ дѣтей. Историческій фактъ убійства Димитрія стоитъ того, чтобы спеціалисты обсудили и рѣшили этотъ вопросъ съ точки зрѣнія своей науки.

Сколько было, по слѣдственному дѣлу, свидѣтелей смерти Димитрія? Въ показаніяхъ жильцовъ, игравшихъ съ дѣтьми, сказано: «были въ тѣ поры съ царевичемъ кормилица Орина да постельница Самойлова жена Колобова Марья». Но чѣмъ болѣе было свидѣтелей, тѣмъ было лучше для цѣли. И вотъ была съ ними еще Василиса Волохова, какъ сама о томъ показываетъ: «пришодчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу на дворъ итить гулять, а съ царевичемъ были она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе ребятишки жильцы, да постельница Марья Самойлова, а игралъ царевичъ ножикомъ, и тутъ на царевича пришла опять тажъ черная болѣзнь и бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя покололъ въ горло» и пр. Затѣмъ нашлись и еще свидѣтели; четыре боярскихъ сына говорятъ: «ходилъ-де царевичъ тѣшился съ жильцы съ маленькими въ тычку ножемъ, на дворѣ, и пришла-де на него падучая немочь, а у него былъ въ ту пору въ рукахъ ножъ, и его бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ, и какъ пришелъ шумъ великой и они разбѣжалися.» По смыслу слова

«разбѣжалися», ясно, что и эти четыре человѣка заявляютъ о себѣ въ числѣ очевидцевъ событія. За ними — видѣлъ смерть царевича стряпчій Юдинъ, стоявшій у поставца и, какъ бы казалось, видѣли ее истопники, находившіеся въ сѣняхъ. Если такое множество людей видѣло, какъ съ ребенкомъ сдѣлался припадокъ, да еще ребенокъ бился долго, — какъ же это они всѣ не бросились къ нему, не отняли у него ножа? — Да подобное равнодушіе почти равняется убійству! И какъ, слыша эти показанія, слѣдователи не сказали дававшимъ ихъ: вы видѣли, какъ съ царевичемъ сдѣлался припадокъ, почему же вы не бросились къ нему и не отняли у него ножа?

Такъ какъ чѣмъ болѣе показаній, свидѣтельствующихъ о самоубійствѣ царевича, тѣмъ для цѣли было лучше, то являются въ числѣ дающихъ подобныя показанія и такіе, которые не говорятъ и не дѣлаютъ даже намека на то, что сами были при смерти царевича, однако утвердительно объявляютъ, что царевичъ зарѣзался. Такъ губной староста Иванъ Муриновъ говоритъ: «тѣшился царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими съ ребятки, тыкалъ ножемъ и въ тѣ поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ по горлу самъ». А почему этотъ губной староста знаетъ, что именно такъ было, а не иначе? Очевидно потому, что этотъ губной староста смекнулъ, чего надобно тѣмъ, кто его допрашивалъ. По такому же поводу говоритъ утвердительно Огурецъ пономарь, что царевичъ «бьючись, самъ себя ножемъ покололъ», а между тѣмъ этотъ Огурецъ, по собственнымъ словамъ, сидѣлъ дома, когда услышалъ первый набатный звонъ; выбѣжавши, встрѣтилъ Субботу Протопопова, который ударилъ его въ шею и приказалъ ему исполнять

свою обязанность — звонить посильнѣе. Вотъ городовой приказчикъ Русинъ-Раковъ уже предъ отъѣздомъ слѣдователей подаетъ бывшему вмѣстѣ со слѣдователями митрополиту Геласію челобитную, и въ ней также утвердительно и положительно говоритъ: «мая въ 15-й день, въ субботу, въ шестомъ часу дня, тѣшился государь царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими съ робятки, тыкалъ государь ножемъ и въ тѣ поры на него пришла падучая немочь и зашибло, государь, его о землю, и учало его бити, да какъ де его било и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ того государь и умеръ». Можно, пожалуй, подумать, что Русинъ-Раковъ видѣлъ все то, что́ разсказываетъ. Ничуть не бывало. «И учюлъ — продолжаетъ онъ — язъ въ городѣ звонъ и язъ государь прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на царевичевѣ, а Михайло Битяговскій да сынъ его Данило, да Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ· да Данило Третьяковъ, да ихъ люди лежатъ побиты». Слушая все это, почему слѣдователи не спросили дававшихъ такія показанія о смерти царевича: а вы откуда знаете, что царевичъ самъ зарѣзался, а не былъ зарѣзанъ? Оттого не спросили, что имъ нужно было, чтобы поболѣе оказывалось свидѣтельствъ о томъ, что Димитрій закололъ самъ себя, и они мало обращали вниманія, какимъ образомъ сообщались такія свидѣтельства и кто ихъ сообщалъ. Самыя эти показанія очень однообразны; мы нарочно и привели одно за другимъ, чтобъ читатели наши видѣли и поняли, что всѣ они плелись по одной мѣркѣ; камертонъ данъ — всѣ запѣли унисономъ! Не могло не быть показаній въ противномъ смыслѣ; тѣ, которые побили Битяговскихъ, Волохова, Качалова и ихъ братію, побили ихъ въ увѣренности, что они именно умертвили царевича: это люди должны же были что-нибудь за себя ска-

зать. Однако, мы не находимъ ихъ показаній въ слѣдственномъ дѣлѣ. За исключеніемъ Михайла Нагого, все говорятъ только тѣ, которые показываютъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Вопросъ о томъ, не зарѣзанъ ли Димитрій — не допускается; явно и умышленно обходятъ его, стараются закрыть благоразумнымъ молчаніемъ.

Не говоримъ уже о томъ, что мы не встрѣчаемъ ни показанія царицы, ни осмотра тѣла Димитріева. На этотъ счетъ говорятъ: да вѣдь дѣло не полное, мы имѣемъ только отрывокъ. Правда, но этотъ отрывокъ начинается пріѣздомъ въ Угличъ слѣдователей, надлежало бы тотчасъ и быть осмотру. Лѣтописецъ прямо и говоритъ, что онъ совершился тотчасъ по пріѣздѣ Шуйскаго съ товарищи: «и осмотри тѣла праведнаго заклана». Иначе и быть не могло. Отчего же этого осмотра нѣтъ въ слѣдственномъ дѣлѣ? Конечно оттого, что этотъ осмотръ давалъ выводы, противные заранѣе рѣшенному результату слѣдственнаго дѣла, который долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы изо всего оказывалось, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ болѣзни. Напротивъ, раны на тѣлѣ Димитрія, вѣроятно, очень явно показывали, что онъ былъ умерщвленъ и потому-то въ день его смерти угличане, видя тѣло только-что испустившаго духъ зарѣзаннаго ребенка, съ полною увѣренностію бросились бить тѣхъ, которыхъ считали убійцами.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ того времени и по соображеніямъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію, сопровождавшихъ его и послѣдовавшихъ за нимъ, кажется, едва ли можно сомнѣваться въ истинѣ того факта, что Димитрій царевичъ былъ зарѣзанъ. Правительство того времени, когда совершено было убійство, имѣло свои поводы стараться увѣрить всѣхъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Если бы убійство случилось не только по

волѣ, но противъ воли Бориса; тогда Борису должно было представляться лучшимъ средствомъ избавить себя отъ всякаго подозрѣнія — поставить дѣло такъ, какъ будто царевичъ убилъ себя самъ.

Въ какой степени Борисъ участвовалъ въ этомъ фактѣ — мы едва ли въ силахъ рѣшить положительно. Одно только считаемъ вѣроятнымъ, что Борисъ, какъ умный и осторожный человѣкъ, не давалъ прямаго повелѣнія на убійство тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ отправилъ въ Угличъ наблюдать за царевичемъ и его роднею, и которыя умертвили царевича. Быть можетъ, до нихъ доходили намеки, изъ которыхъ они могли догадаться, что Борисъ этого отъ нихъ желаетъ; быть можетъ даже, они и по собственному соображенію рѣшились на убійство, достаточно убѣждаясь, что это дѣло угодно будетъ правителю и полезно государству. Могла ихъ къ этому подстрекать и вражда, возникшая у нихъ съ Нагими. Во всякомъ случаѣ, они совершили то, что́ было въ видахъ Бориса: безъ сомнѣнія, для Бориса казалось лучше, чтобъ Димитрія не было на свѣтѣ. Раздраженное чувство матери, лишившейся такимъ образомъ сына, не дало убійцамъ совершить своего дѣла такъ, чтобъ и имъ послѣ того пришлось пожить въ добрѣ, и Бориса не подвергать подозрѣнію. Убійцы получили за свое злодѣяніе кару отъ народа, смерть царевича осталась безъ свидѣтелей, за неимѣніемъ ихъ — набрали и подставили такихъ, которые вовсе ничего не видали; но всѣ жители Углича знали истину, видѣвши тѣло убитаго, вполнѣ остались убѣждены, что царевичъ не зарѣзался, а зарѣзанъ. Жестоко былъ наказанъ Угличъ за это убѣжденіе; много было казненныхъ, еще болѣе сосланныхъ; угличанъ, видѣвшихъ своими глазами зарѣзаннаго Димитрія, не оставалось, но за то повсюду на Руси шопотомъ говорили, что

царевичъ вовсе не убилъ себя самъ, а былъ зарѣзанъ. Не только русскіе, — иностранцы разносили этотъ слухъ за предѣлами московской державы. Слѣдственное дѣло съ его измышленіями не избавило Бориса отъ подозрѣнія.

Это подозрѣніе, однако, не помѣшало Борису по смерти Ѳедора взойти на престолъ, при посредствѣ козней, расположенія къ себѣ духовныхъ и подбора партіи въ свою пользу. Борисъ не былъ человѣкъ злой: дѣлать другимъ зло для него не составляло удовольствія; ни казни, ни крови не любилъ онъ. Борисъ даже склоненъ дѣлать добро, но это былъ человѣкъ изъ тѣхъ недурныхъ людей, которымъ всегда своя сорочка къ тѣлу ближе и которые добры до тѣхъ только поръ, пока можно дѣлать добро безъ ущерба для себя: при малѣйшей опасности они думаютъ уже только о себѣ и не останавливаются ни предъ какимъ зломъ. Отъ этого, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ добрымъ государемъ, и былъ бы можетъ быть долго такимъ же, еслибъ несчастное углицкое дѣло не дало о себѣ знать. Воспоминаніе объ немъ облеклось таинственностью, которая породила легенду, — что Димитрій не зарѣзался и не зарѣзанъ, а спасся отъ убійцъ и гдѣ-то живетъ. Этой легендѣ естественно было въ народномъ воображеніи родиться именно при той двойственности, какая существовала въ представленіяхъ объ углицкомъ событіи. Правительство говорило, что Димитрій самъ убилъ себя; въ народѣ сохранилось представленіе, что Димитрій зарѣзанъ; въ противоположности двухъ различныхъ представленій образовалось третье представленіе, наиболѣе щекотавшее воображеніе. Борисъ, услышавши объ этомъ, хотѣлъ найти виновниковъ такого толка, уже болѣе опаснаго для него, чѣмъ были толки о томъ, что царевичъ

зарѣзанъ, но найти творцовъ этого слуха онъ былъ не въ состояніи, потому что ихъ не было — была только мысль, носившаяся какъ по вѣтру въ народѣ. Борисъ сдѣлался тираномъ, возбудилъ противъ себя ненависть, а съ ненавистью возрастала увѣренность въ существованіи Димитрія и явилась надежда на его появленіе.

И онъ явился послѣ того, какъ слухи о Димитріѣ дошли въ Украину, страну приключеній и отважныхъ предпріятій, и достигли до іезуитовъ, увидавшихъ удобный случай подать руку помощи удалому молодцу, съ цѣлію вслѣдъ за нимъ наложить свои сѣти на восточно-русскія земли.

Борисъ палъ, погибла семья его. Одна ложь о Димитріѣ смѣнилась другою ложью. Прежде говорили, что Димитрій зарѣзался самъ, теперь, спустя тринадцать лѣтъ, говорятъ, что Димитрій спасся и сѣлъ на престолѣ отца своего. На сторонѣ новой лжи было болѣе силы, чѣмъ на сторонѣ прежней. Мать Димитрія, та самая, которая когда-то подняла весь Угличъ за убитаго сына и показывала его трупъ всему народу, взывая о мщеніи, теперь всѣмъ говоритъ, что ея сынъ живъ! Трудно сказать, какъ долго пришлось бы названному Димитрію сидѣть на престолѣ, если бы онъ былъ болѣе остороженъ. Легкомысліе и довѣрчивость погубили его. Его убиваютъ, объявляютъ Гришкою Отрепьевымъ, хотя не знаютъ, кто онъ такой на самомъ дѣлѣ. На престолъ садится Василій Шуйскій, тотъ самый, который производилъ слѣдствіе, по которому Димитрій оказался самоубійцею. Чтó дѣлается теперь, при новомъ царѣ? Объявляется, наконецъ, правда о Димитріѣ, та правда, которую народъ давно уже зналъ и въ которой усомнился въ послѣднее время: Димитрій не самъ зарѣзался. Димитрій и не спасался отъ смерти. Онъ былъ зарѣзанъ тѣми людьми, которыхъ

въ свое время побилъ углицкій народъ. Димитрій зарѣзанъ по волѣ Бориса. Мать Димитрія кается предъ народомъ въ томъ, что признавала сыномъ бродягу, и увѣряетъ всѣхъ, что ея сынъ въ той ракѣ, въ которой выставили мощи его, причисливши къ лику святыхъ.

Но народъ уже не вѣритъ и тому, чему такъ долго самъ вѣрилъ; не вѣритъ, чтобъ Димитрій былъ зарѣзанъ въ Угличѣ; не вѣритъ даже и тому, чтобы тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, былъ убитъ. Если онъ спасся въ Угличѣ, почему ему не спастись въ другой разъ въ Москвѣ? Съ одной стороны народъ пріучили къ умышленной лжи. съ другой—къ самообольщенію. Бѣдный народъ потерялъ голову съ этимъ Димитріемъ. Является одинъ Димитрій, другой, третій, четвертый. Государство разлагается, земля въ разореніи; царь Василій низверженъ. Чужеземцы овладѣваютъ столицею, чужеземцы рвутъ по частямъ землю русскую. Только на краю гибели народъ опомнился; онъ стряхиваетъ съ себя бремя лжи и самообольщенія, собираетъ послѣднія силы. Ошибки и неумѣнье враговъ, овладѣвшихъ Русью, помогли Руси освободиться. Возстановляется государственный строй. Восходитъ на престолъ новая династія.

Прошлое прошло. Что же теперь скажутъ народу о Димитріѣ?

И ему сказали только то, что̀ уже сказалъ Шуйскій: что Димитрій былъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса въ Угличѣ и за невинное страданіе удостоился чести быть причисленнымъ къ лику страстотерпцевъ. И такой взглядъ остался на Руси въ теченіе вѣковъ, онъ раздѣлялся въ сущности и наукою. Кто утвердилъ его? Василій Шуйскій, по своемъ вступленіи на престолъ открывшій мощи св. Димитрія. Понятно, что человѣкъ, говорившій розно объ одномъ и томъ же, смотря по обстоятельствамъ, не

можетъ назваться образцомъ честности и добродѣтели. Но мы бы съ другой стороны погрѣшили противъ безпристрастія, если бы въ Василіѣ Шуйскомъ видѣли чудовище пороковъ, способное на все, что устрашало нравственное чувство его современниковъ. Нѣтъ. При всѣхъ порокахъ своихъ онъ былъ лучше многихъ тогдашнихъ дѣятелей. Здѣсь не мѣсто распространяться вообще о характерѣ этой личности: это завлекло бы насъ черезчуръ далеко. Спросимъ только самихъ себя вотъ о чемъ: способенъ ли былъ царь Василій и способна ли была вся среда, окружавшая его, на то, чтобы вырыть остатки самоубійцы, поставить ихъ въ качествѣ мощей въ церкви, причислить самоубійцу къ лику святыхъ, притворно поклоняться ему и смотрѣть, внутренно смѣясь, какъ народъ толпами будетъ ему поклоняться? При всѣхъ порокахъ, къ которымъ пріучила московскихъ людей печальная исторія, въ особенности еще недавняя всеразвращающая эпоха мучительства Грознаго, все-таки были предѣлы, за которые едва-ли могла перешагнуть тогдашняя Русь. Что́ такое Димитрій по слѣдственному дѣлу? Мальчикъ, подверженный какому-то бѣшенству, злонравный, лютый; онъ бросается на людей, кусается, мать свою пырнулъ сваею, наконецъ въ припадкѣ бѣшенства самъ себя закололъ. Да это по тогдашнему образу представленій что-то проклятое, отверженное, одержимое бѣсомъ! Вѣроятно и было намѣреніе представить его такимъ, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла! Возможное ли дѣло, чтобы изъ какихъ бы то ни было побочныхъ видовъ рѣшались возвести такого мальчика во святые и поклоняться ему? Положимъ, что нравственное чувство не удержало бы отъ этого людей, глубоко сжившихся съ ложью, но навѣрное ихъ удержалъ бы отъ такого поступка суевѣрный страхъ ввести въ церковь орудіе темной силы

дьявола и поклоняться ей. Какъ бы ни были испорчены наши предки, люди XVII столѣтія, но все-таки несомнѣнно они боялись дьявола, а отважиться на подобный обманъ могли бы только такіе, которые не вѣрили ни въ существованіе Бога, ни въ существованіе дьявола: всякій согласится, что такихъ философовъ не производила русская земля въ началѣ XVII столѣтія.

Намъ кажется, напротивъ, что при канонизаціи царевича Димитрія хотя и участвовали политическія соображенія, но не были главными двигателями; здѣсь дѣйствовала значительная доля искренности и дѣйствительнаго благочестія. Шуйскій не былъ еще въ томъ положеніи, когда, какъ говорится, утопающій хватается за соломинку. Новый названный Димитрій еще не являлся, и Шуйскій едва ли могъ предвидѣть, чтобъ онъ непремѣнно явился. Посылка за мощами Димитрія произошла тотчасъ по воцареніи Шуйскаго, 3-го іюня 1606 года; слѣдовательно, черезъ восемнадцать дней послѣ низверженія самозванца послѣдовало торжественное причисленіе Димитрія къ лику святыхъ, начало поклоненія его мощамъ въ Архангельскомъ соборѣ! Не правдоподобнѣе ли, не сообразнѣе ли какъ съ обстоятельствами, такъ и съ духомъ понятій того времени, видѣть въ этомъ событіи плодъ раскаянія Шуйскаго, которое какъ нельзя болѣе должны были возбудить въ немъ минувшія событія? Шуйскій былъ человѣкъ не злаго сердца. Лѣтописецъ, сообщающій извѣстіе о его нечестномъ поведеніи во время слѣдствія въ Угличѣ, говоритъ однако, что онъ плакалъ надъ тѣломъ зарѣзаннаго ребенка. Но въ эти критическія минуты благоразумный разсчетъ самосохраненія заставилъ его, скрѣпя сердце, потакать неправдѣ. Прошли годы. Шуйскій видѣлъ, одно за другимъ, грозныя, потрясающія событія: они должны были показаться ему явле-

ніемъ божескаго мщенія. По желанію Бориса или по крайней мѣрѣ въ угоду ему совершилось злодѣяніе надъ невиннымъ ребенкомъ; Борисъ избавился отъ опасностей, которыхъ ожидалъ отъ этого ребенка; Борисъ достигъ престола. И что же? Прошло семь лѣтъ: не стало Бориса, а за нимъ страшнымъ образомъ искоренился родъ его съ лица земли. Московское государство попадаетъ подъ власть невѣдомаго бродяги: пусть всѣ будутъ ослѣплены и искренно признаютъ названнаго Димитрія настоящимъ; Шуйскій видѣлъ самолично трупъ зарѣзаннаго царевича; Шуйскій не можетъ впасть въ самообольщеніе; Шуйскій хорошо знаетъ, что на престолѣ не Димитрій; мало этого: Шуйскій видитъ, что этотъ названный Димитрій — орудіе чужеземныхъ козней, угрожающихъ православной вѣрѣ въ русской землѣ. Рановременно попытавшись выступить противъ всеобщаго увлеченія, Шуйскій попадаетъ на плаху; въ эту-то минуту должно было въ его сердцѣ кипѣть сильнѣйшее раскаяніе предъ Богомъ, которому онъ готовился дать отчетъ за преступные дни, проведенные въ Угличѣ, когда онъ ради земной жизни потакалъ неправдѣ. Но плаха миновала его. Не названному Димитрію (котораго онъ никогда не можетъ признать тѣмъ, чѣмъ признавали другіе) Шуйскій приписываетъ свое спасеніе, а Богу и, быть можетъ, заступничеству того настоящаго Димитрія, котораго онъ такъ безсовѣстно оклеветалъ въ угоду его врагамъ. Съ тѣхъ поръ мысль уничтожить дерзнувшаго носить имя Димитрія дѣлается его священнымъ обѣтомъ. Ему удается. Средства, употребленныя имъ, намъ теперь кажутся возмутительными; онъ самъ по духу времени не считалъ ихъ такими. Нѣтъ болѣе ложнаго Димитрія. Самъ Шуйскій на престолѣ. Что могло быть естественнѣе, если этотъ человѣкъ счелъ первымъ долгомъ благодарности высшей

силѣ, не только избавившей его отъ позорной плахи, но вознесшей на царскій престолъ, возстановить память невинно-замученнаго и очерненнаго отрока, загладить свой прежній грѣхъ противъ него и поклониться ему со всею русскою землею? Что̀ могло быть естественнѣе, если послѣ всего, что совершилось, предъ глазами Шуйскаго, по его понятіямъ какъ Божія кара за убійство царственнаго отрока, онъ искренно увѣровалъ въ его святость; что, наконецъ, естественнѣе, если Шуйскій въ прославленіи Димитрія видѣлъ тогда залогъ счастія для своего начинавшагося царствованія, оказавшагося до такой степени плачевнымъ?

ЛИЧНОСТИ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

ЛИЧНОСТИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. — Пожарскій. —召Мининъ. — Сусанинъ.

Всѣмъ извѣстно, какія трудно-преодолимыя препятствія возникаютъ въ процессѣ обработки исторіи. Конечно, нѣтъ науки болѣе трудной для изученія и для передачи другимъ. Но, кромѣ недостаточности письменныхъ извѣстій, кромѣ невѣрностей и неясностей въ сохранившихся извѣстіяхъ, кромѣ, наконецъ, чрезвычайнаго разнообразія предметовъ, входящихъ въ область историческаго изслѣдованія и требующихъ подготовительнаго знакомства съ другими вѣтвями человѣческихъ знаній, мы часто встрѣчаемъ препятствія въ собственномъ воображеніи и сердцѣ. Очень часто историческія событія и лица являются намъ только въ общихъ очертаніяхъ, безъ крупныхъ характерныхъ признаковъ, такъ что одно данное походитъ на другое. Утомляясь подъ тягостію однообразія, не находя ничего, что бы служило намъ для заключеній и выводовъ, не встрѣчали ясныхъ живыхъ образовъ, мы иногда насильственно пытаемся оживить мертвое, бездушное, и прибѣгаемъ къ собственному воображенію, а потомъ признаемъ за плодъ нашего уразумѣнія фактовъ то, что собственно есть плодъ одной нашей субъективной дѣятельности. Часто тамъ, гдѣ источники предоставляютъ въ наше распоряженіе одни только названія — мы воображали себѣ лица, общества, учреж-

денія; тамъ, гдѣ передъ нами мелькали только неясныя черты, мы видѣли характеры, угадывали побужденія, указывали причины и послѣдствія. Многое изъ того, что мы привыкли считать достояніемъ науки, пришлось бы, скрѣпя сердце, выбросить вонъ, если бы достояніе это подвергнуть надлежащимъ образомъ безпощадному ножу критическаго анализа. Много бы нашлось такихъ мѣстъ, гдѣ увѣренность въ нашемъ знаніи нужно было бы замѣнить добросовѣстнымъ признаніемъ въ нашемъ невѣдѣніи.

Наша русская исторія, особенно древняя, легко подвергается этому недостатку, потому что значительная часть ея источниковъ отличается тѣми качествами общности, сухости, недосказанности, маложизненности и удобоподатливости различнымъ толкованіямъ, которыя вызываютъ дѣятельность воображенія. Но тамъ, гдѣ есть просторъ воображенію, легко увлекаетъ насъ въ заблужденіе и сердце. Какъ только является воображенію поводъ, за отсутствіемъ ясныхъ данныхъ, создавать образы и дѣлать выводы, сердце побуждаетъ насъ вымышлять именно такъ, какъ ему хочется. Отсюда происходитъ вредное для исторической правды возведеніе въ апотеозу историческихъ дѣятелей, преувеличенія, направленіе въ одну извѣстную сторону изображаемыхъ событій, предпочтенія однихъ сказаній другимъ на томъ только основаніи, что первыя болѣе согласуются съ нашимъ чувствомъ, чѣмъ другія, ревнивое прилипаніе къ одному способу толкованія и безусловное устраненіе всякаго инаго; наконецъ, обращеніе предположеній въ догматы, будто бы нетребующіе повѣрки, недопускающіе опроверженій.

Едва ли въ мірѣ есть страна, гдѣ бы историки, описывая свое прошедшее, были совершенно изъяты отъ

этого недостатка. Замѣчательно, однако, что чѣмъ народъ здоровѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ права уповать на свое будущее, чѣмъ общество, которое онъ изъ себя образуетъ, прочнѣе и благоустроеннѣе, тѣмъ историки его способнѣе стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества. Напротивъ, тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, разслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего бы имъ хотѣлось чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего или очень мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ способомъ. У насъ, къ чести читающаго русскаго общества, критическое направленіе пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ, хотя и не примѣнялось къ отечественной исторіи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ было бы то желательно. Правда, у насъ раздавались голоса, которые высказывали боязнь предъ свободными, безпристрастными сужденіями о нашемъ прошедшемъ, стояли за утвердившіеся въ исторіи произвольные взгляды, считая ихъ необходимыми для патріотическихъ видовъ, и отыскивали заднія мысли и скрытыя враждебныя обществу или государству намѣренія въ сужденіяхъ тѣхъ, которые имѣли смѣлость посягать на предразсудки. Но такіе возгласы могутъ плѣнять только невѣждъ и никакъ не раздѣляются истинно-мыслящими людьми. Въ дѣлѣ науки только убѣжденія послѣднихъ могутъ служить мѣриломъ для опредѣленія общественныхъ настроеній. Великое историческое всегда останется великимъ, и никакой критическій анализъ не можетъ уничтожить или уронить его значенія, такъ точно, какъ мелкія изслѣдованія естествоиспытателей не могутъ раз-

рушить поэтическаго обаянія, производимаго на насъ цѣлостностью явленій природы, а напротивъ, еще возвышаютъ это обаяніе, одухотворяя его смысломъ.

I.

Въ нашей отечественной исторіи эпоха смутнаго времени есть дѣйствительно великая эпоха. Держава наша разлагалась; народъ былъ за краю чужеземнаго покоренія — и однако послѣдовало спасеніе и избавленіе. Но лица, дѣйствовавшія въ эту славную и бѣдственную эпоху, облеклись сіяніемъ славы и воплотились для насъ въ такіе образы, которые, при строгомъ и трезвомъ изслѣдованіи, окажутся болѣе произведеніями нашего воображенія, чѣмъ историческаго изученія былой дѣйствительности. Это сдѣлалось тѣмъ легче, что о многихъ изъ нихъ не достаетъ такихъ подробностей, при помощи которыхъ можно было бы уяснить себѣ ихъ характеръ и опредѣлить дѣйствительное ихъ значеніе въ свое время.

Къ такимъ личностямъ принадлежитъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

По первому впечатлѣнію, эта личность представляется въ высшей степени поэтическою и привлекательною. Молодость князя Михаила Васильевича, его быстрое возвышеніе на общественномъ поприщѣ, важные успѣхи и ранняя смерть съ характеромъ трагической таинственности — все это придаетъ ему поэтическій оттѣнокъ; прибавимъ къ этому и то, что народъ съ любовью внесъ его имя въ свои пѣсни, а этой чести въ великорусскомъ народѣ достигали немногіе. Но какъ только мы приблизимся къ этой личности съ холоднымъ анализомъ, мимо всякаго поэтическаго увлеченія, предвзятыхъ понятій и заранѣе составленнаго образа — то встрѣтимъ лицо очень

тусклое. Начнемъ задавать себѣ вопросы и не будемъ знать, что отвѣчать на нихъ. Прежде всего является вопросъ: что это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, у котораго энергія поступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ характеръ послѣдняго рода; во-первыхъ, намъ не представляются нигдѣ такія черты, которыя бы указывали на господство сердечныхъ побужденій; во-вторыхъ, — мы замѣчаемъ въ его дѣйствіяхъ хитрость, напр., онъ предъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, посѣтившихъ Русь, въ своихъ граматахъ, разсылаемыхъ по Руси, преувеличивалъ свои успѣхи. Но такихъ чертъ слишкомъ мало, чтобъ мы были вправѣ сдѣлать какое-нибудь точное опредѣленіе о его характерѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ представляется намъ важнымъ другой вопросъ, на который мы отвѣчать никакъ не въ состояніи: насколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ? Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отлично отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ, нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность. Мы также находимся въ невѣдѣніи относительно его нравственныхъ побужденій: руководствовался ли онъ безкорыстною любовью и преданностью дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ честолюбивыхъ видовъ? Какъ относился онъ въ самомъ дѣлѣ къ намѣренію поставить его царемъ въ московскомъ государствѣ, что могло совершиться только съ низложеніемъ царя Ва-

силія? Намъ это неизвѣстно. Когда Ляпуновъ заявилъ предъ нимъ желаніе Рязанской земли избрать его царемъ, Скопинъ, хотя не потакалъ открыто такому предложенію, однако, не преслѣдовалъ Ляпунова, и даже, какъ говорятъ, не доложилъ объ его поступкѣ царю. Быть можетъ, онъ не принялъ предложенія, потому что не хотѣлъ допускать къ себѣ и мысли о низверженіи царя, а царю не сказалъ, не желая подвергать опасности Ляпунова, котораго считалъ человѣкомъ полезнымъ для отечества. А можетъ быть онъ радовался этому, но какъ умный человѣкъ понималъ, что Рязанская земля не можетъ дѣлать того, что принадлежитъ цѣлой Руси, и оставлялъ Ляпунова въ покоѣ до тѣхъ поръ, когда при содѣйствіи послѣдняго, подобное предложеніе послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга. Въ Москвѣ, куда онъ вступилъ побѣдителемъ, слышалось желаніе имѣть его царемъ, и кто знаетъ: какъ бы онъ поступилъ, когда бы это желаніе высказалось рѣшительнымъ заявленіемъ массы! Смерть его остается неразгаданною. Конечно, онъ могъ умереть отъ внезапной болѣзни; но народная молва и увѣренность многихъ современниковъ, въ томъ числѣ шведскаго полководца Делагарди, приписывали ее отравленію. Обвиняли, какъ извѣстно, жену царскаго брата Димитрія. Если это обвиненіе справедливо, то мы все-таки не знаемъ, по какому поводу совершено злодѣяніе, участвовали ли въ немъ другіе члены царской фамиліи и самъ царь? Не было ли это плодомъ какой-нибудь личной злобы или, быть можетъ, это была вынужденная попытка крайняго самосохраненія въ виду готовности народа провозгласить Михаила царемъ, въ виду того, что новый царь могъ поступить съ прежнимъ царемъ и съ его близкими родичами такъ, какъ поступилъ въ Новгородѣ съ Татищевымъ? Событіе съ Татищевымъ въ жизни Ско-

пина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ-бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все-таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка. Татищева, новгородскаго воеводу, обвинили въ намѣреніи передаться на сторону Тушинскаго вора и сдать Новгородъ. Скопинъ выдалъ его на растерзаніе, не подвергши, насколько извѣстно, обвиненіе изслѣдованію. Если въ этомъ обстоятельствѣ оправдать совершенно Скопина, то надобно допустить, что Татищевъ былъ дѣйствительно измѣнникъ. Однако, какъ-то странно допустить это въ такомъ человѣкѣ, который отличался самою яростною ненавистью ко всему иноземному, доходившею до тупаго фанатизма, который отважился перечить названному Димитрію тогда, когда все предъ послѣднимъ склонялось, и тѣмъ доказывалъ, что не принадлежалъ въ то время къ себялюбцамъ, готовымъ изъ своекорыстныхъ видовъ продавать себя всякой сторонѣ. Татищевъ давно служилъ государству вѣрно и дѣятельно. Правда, мы все-таки не настолько знаемъ его, чтобы составить ясное понятіе о томъ, что онъ могъ и чего не могъ дѣлать при различныхъ обстоятельствахъ; но насколько онъ намъ извѣстенъ,—ничто не внушаетъ подозрѣнія въ способности его измѣнить отечеству для втораго названнаго Димитрія, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, уничтожившихъ перваго. Карамзинъ, описывая это происшествіе, спѣшитъ извинять Скопина молодостью и пылкостью; но мы, какъ уже выше сказали, не знаемъ изъ источниковъ ни одной черты, которая бы указывала на пылкость Скопина. Изъ описи имущества убитаго мы видимъ, что многія вещи взяты были безъ денегъ шуриномъ Скопина, Головинымъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ — быть можетъ и не для своей корысти,

а съ цѣлью обратить на общее дѣло. Какъ бы то ни было — это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина.

II.

Къ такимъ же тусклымъ личностямъ принадлежитъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Его важное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, но возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые источники не представляютъ отвѣта. Мы не знаемъ, отъ чего Мининъ и бывшіе съ нимъ нижегородцы пригласили въ предводители собиравшагося противъ поляковъ ополченія его, Пожарскаго, а не кого-нибудь другаго. Мы не видимъ, чтобъ князь Пожарскій прежде отличался какими-нибудь способностями и успѣхами. При Шуйскомъ онъ дѣйствовалъ въ Рязанской землѣ, но дѣйствовалъ заурядъ съ другими, и не совершилъ ничего необыкновеннаго. Участвуя въ нападеніи русскихъ на поляковъ, овладѣвшихъ Москвою въ 1611-мъ году, онъ былъ раненъ близъ церкви Введенія на Лубянкѣ, и, по выраженію лѣтописи, плакалъ о погибели царствующаго града. Все это были еще не такіе подвиги, которые давали бы русскимъ поводъ предпочесть его всѣмъ другимъ и поручить ему важнѣйшее дѣло — руководить спасеніемъ отечества. Въ этомъ случаѣ, мы находимъ себѣ удовлетвореніе въ одномъ: мы полагаемъ, что этотъ человѣкъ заслужилъ уваженіе за безупречность поведенія, за то, что не приставалъ, подобно многимъ, ни къ полякамъ, ни къ шведамъ, ни къ русскимъ ворамъ. Но если это обстоятельство, въ минуты перваго воодушевленія (впослѣдствіи русскіе не были строги къ тѣмъ изъ своихъ знатныхъ особъ, ко-

торыя запятнали себя такими поступками), и способствовало выбору Пожарскаго, то едвали было единственною его причиною. Были лица, не менѣе его безупречныя и болѣе его заявившія о своихъ способностяхъ: таковъ былъ хоть бы Ѳедоръ Шереметевъ; онъ же, сверхъ того, былъ близокъ къ Романовымъ, которыхъ и тогда любили и многіе уже хотѣли возвести на престолъ. Между Пожарскимъ и нижегородцами было что-то связывающее, что-то такое, чего мы не знаемъ; видно, что Пожарскій для Минина и нижегородцевъ, былъ болѣе свой, чѣмъ всякій другой. Когда пріѣхали къ нему печерскій архимандритъ и дворянинъ Жданъ Болтинъ съ просьбою принять начальство надъ ополченіемъ, Пожарскій согласился, но пожелалъ, чтобъ выборнымъ человѣкомъ отъ посадскихъ былъ Козьма Мининъ Сухорукъ. Мининъ хотѣлъ Пожарскаго; Пожарскій хотѣлъ Минина. Мы не знаемъ, откуда возникла эта взаимность.

Князь Пожарскій, послѣ своего избранія, сталъ очень высоко. Онъ писался «у ратныхъ и земскихъ дѣлъ по избранію всѣхъ чиновъ людей московскаго государства» и вмѣщалъ въ своей особѣ всю верховную власть надъ Русскою землею. Великое, славное дѣло совершалъ русскій народъ подъ его начальствомъ. Но въ какой степени онъ самъ лично содѣйствовалъ этому дѣлу и насколько, въ качествѣ военачальника, давалъ ему ходъ? Это вопросъ, на который едвали кто дастъ удовлетворительный отвѣтъ при существующихъ данныхъ. Во все время своей новой дѣятельности, Пожарскій, насколько извѣстно намъ по источникамъ, не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушали. Онъ самъ сознавалъ за собою духовную скудость: «Былъ бы у насъ такой столпъ — говорилъ онъ — какъ князь Василій Ва-

сильевичъ Голицынъ — всѣ бы его держались, а я къ такому великому дѣлу не придался мимо его; меня нынѣ къ этому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля». Въ продолженіе всей его дѣятельности въ званіи главноначальствующаго, мы видимъ поступки, которые современники считали ошибками, но мы не можемъ рѣшать, кого и насколько слѣдуетъ винить за нихъ.

Тогдашнее положеніе дѣлъ требовало, чтобъ русское ополченіе, какъ можно скорѣе, поспѣшало къ Москвѣ. Это было полезно для будущаго успѣха; медлитъ же было опасно. Ожидали прибытія короля съ свѣжими силами, а вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ пріѣхать и сынъ его Владиславъ, нареченный царь московскій. Разомъ съ матеріальнымъ усиленіемъ поляковъ могло возникнуть опять раздѣленіе между русскими; появленіе Владислава въ землѣ, избравшей его въ цари, образовало бы тотчасъ партію, такъ какъ его неприбытіе во́-время раздражило русскихъ и соединило ихъ противъ поляковъ. Надобно было предупредить эту опасность и поскорѣе отбить у враговъ столицу, которой святыня служила знаменемъ для земли Русской. Освобожденіе Москвы подняло бы духъ народа; успѣхъ Пожарскаго привлекалъ бы къ нему массы, всегда ободряемыя успѣхомъ и падающія духомъ отъ неудачъ. Узнавши, что Москва болѣе не въ рукахъ непріятеля, русскіе отважнѣе и охотнѣе пошли бы на брань за отечество. Такъ смотрѣли на дѣло троицкія власти и безпрестанно торопили Пожарскаго. Увѣщатели за увѣщателями ѣздили въ Ярославль, заклиная Пожарскаго поскорѣе выступать къ Москвѣ. Мало утѣшительнаго встрѣчали они тогда въ Ярославскомъ ополченіи: они видѣли около Пожарскаго и другихъ воеводъ — «мятежниковъ, ласкателей, трапезолюбцевъ, воздвизающихъ гнѣвъ и свары между воево-

дами и во всемъ воинствѣ». Изъ дошедшихъ до насъ письменныхъ извѣстій видно, что въ апрѣлѣ воеводы жаловались на недостаточность средствъ на плату войску, доставляемыхъ преимущественно съ сѣверо-востока. Видно по всему, Пожарскій и воеводы считали свои силы еще малыми и сверхъ того боялись казаковъ, съ которыми имъ приходилось дѣйствовать за-одно подъ Москвою. Но троицкія власти, конечно, лучше знавшія тогдашнія обстоятельства, чѣмъ можемъ знать ихъ мы черезъ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ, считали возможнымъ походъ къ Москвѣ. Если у Пожарскаго, быть можетъ, и не такъ много было войска, чтобъ одолѣть многочисленнаго непріятеля, то, кажется, его было достаточно, чтобы помѣряться съ такими силами, какія онъ засталъ бы въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что, стоя въ Ярославлѣ, онъ отправлялъ отряды подъ Москву. Такъ, напр., въ половинѣ іюля пришелъ туда отрядъ подъ начальствомъ Михаила Симеоновича Дмитріева. Если была возможность посылать подъ Москву войско частями, то едвали было невозможнымъ двинуться туда и самому Пожарскому со всѣми остальными силами. Мы узнаемъ, что Пожарскій разсылалъ отряды по сторонамъ — къ Бѣлоозеру, на Двину, слѣдовательно, не боялся уменьшить своего войска. Походъ его подъ Москву не помѣшалъ бы приставать къ нему свѣжимъ ополченіямъ; они приходили бы туда такъ же удобно, какъ и въ Ярославль, а нѣкоторымъ это было даже подручнѣе. Мы встрѣчаемъ извѣстія, что въ то время, какъ Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ, иныя ополченія прямо проходили къ Москвѣ и потомъ посылали въ Ярославль къ Пожарскому, умоляя его скорѣе идти къ столицѣ. Что касается до казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою, то хотя они издавна смотрѣли недружелюбно на земскихъ людей, однако, тремя-двумя

мѣсяцами ранѣе прихода Пожарскаго къ столицѣ, ихъ отношенія къ земскимъ людямъ не могли быть враждебнѣе и опаснѣе того, какъ были впослѣдствіи. Главный врагъ Пожарскаго Заруцкій былъ не силенъ; Трубецкой давно уже готовъ былъ отстать отъ него, и если мирволилъ ему, то потому только, что не имѣлъ другой опоры, кромѣ казаковъ; съ появленіемъ подъ Москвою ратныхъ земскихъ людей Заруцкій до того увидѣлъ свое положеніе ненадежнымъ, что долженъ былъ бѣжать, а а это случилось недѣль за пять до прибытія Пожарскаго подъ Москву. Относительно скудости средствъ, имѣя свѣдѣнія о недостаткѣ ихъ въ апрѣлѣ, мы не знаемъ, насколько они увеличились въ послѣдующее время. Но не можемъ не привести слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, жалобы на недостатокъ денегъ и припасовъ (вспоможеніе въ станъ Пожарскаго доставлялось не только деньгами, но и натурою) слышались въ апрѣлѣ, — время года крайне неудобное для сообщенія, но положеніе дѣлъ этого рода должно было улучшиться уже въ маѣ; во-вторыхъ, — вполнѣ вѣря, что русскіе терпѣли недостатокъ, неизбѣжный при обнищаніи края, мы, однако, не видимъ, чтобы ополченіе умалялось, напротивъ увеличивалось до того, что была возможность посылать изъ него отряды по сторонамъ, отвлекая отъ главной цѣли: ясно, что оно не разошлось бы, еслибъ военачальникъ перевелъ его изъ-подъ Ярославля подъ Москву. Доставка жизненныхъ припасовъ и вообще сообщеніе войска съ восточными областями было удобнѣе въ Ярославлѣ, чѣмъ въ Москвѣ, но, во всякомъ случаѣ, цѣль похода была Москва, а не Ярославль. Изъ-подъ Москвы затруднительнѣе было сообщеніе, а тѣмъ самымъ и доставка средствъ прокормленія; но вѣдь стояли подъ Москвою казаки и какъ-нибудь существовали; приходили

туда ранѣе Пожарскаго земскія ополченія, и также не перемерли съ голода. Для насъ, незнакомыхъ съ подробностями тогдашнихъ условій въ этомъ отношеніи, всетаки важенъ авторитетъ троицкихъ властей, которыя не считали безусловно невозможнымъ переходъ ополченія изъ Ярославля къ Москвѣ, когда такъ сильно торопили Пожарскаго.

Русскіе всего удобнѣе могли явиться подъ столицею въ іюнѣ. Въ маѣ Гонсѣвскаго смѣнилъ Струсь, а литовскій гетманъ Ходкѣвичъ, появившись подъ столицею въ послѣднихъ числахъ мая, нуждаясь въ продовольствіи, тотчасъ же сталъ подъ Крайцаревомъ и распустилъ свое войско на фуражировку. Такъ какъ окрестности были опустошены, то жолнеры уходили отрядами далеко въ Новгородскую область. У гарнизона, запертаго въ Кремлѣ, въ іюнѣ средствъ было бы еще меньше, чѣмъ въ сентябрѣ и октябрѣ, когда русскіе держали его въ осадѣ: тогда литовское войско, несмотря на потерю своего обоза, все-таки успѣло пропустить въ Кремль нѣсколько десятковъ возовъ съ запасами, а это продлило упорство гарнизона. Лѣтомъ его принудить къ сдачѣ было легче. Но предположимъ, что Пожарскому не удалось бы этого сдѣлать, прежде чѣмъ Ходкѣвичъ успѣлъ бы собрать свое распущенное войско и поспѣшить на выручку осажденнымъ. И въ такомъ случаѣ русскіе остались бы съ выгодою, пришедши подъ Москву ранѣе: литовское войско должно было собраться наскоро, не успѣвъ набрать съ собою того, что̀ впослѣдствіи привозило; оно бы лишено было продовольствія, не могло бы снабдить имъ осажденныхъ въ Кремлѣ; и притомъ, оно было слишкомъ деморализовано: Ходкѣвичъ не могъ бы выдерживать долгое время битвъ съ русскими; если, впослѣдствіи, онъ появился съ огромнымъ количествомъ запасовъ и, потерявъ ихъ, долженъ былъ бѣжать, то, явившись безъ этихъ

запасовъ, убѣжалъ бы также скоро. Пожарскій не могъ не знать положенія враждебныхъ силъ подъ Москвою, потому что и троицкія власти и вѣстовщики изъ-подъ Москвы ему объ этомъ сообщали. Напротивъ, какъ мы уже показали, медлить подъ Ярославлемъ цѣлое лѣто, какъ сдѣлалъ Пожарскій, значило подвергать и себя, и все русское дѣло возможности большихъ затрудненій и опасностей. Правда, на счастье Руси не случилось того, чего такъ боялись троицкія власти и чего такъ желали засѣвшіе въ московскомъ Кремлѣ враги; но этого не случилось никакъ не по усмотрѣнію русскаго военачальника: послѣдній не могъ предвидѣть и разсчитать напередъ, что король съ свѣжимъ войскомъ не придетъ къ Москвѣ ранѣе конца года; Пожарскій не могъ знать о несостоятельности короля Сигизмунда, когда и поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ, и Ходкѣвичъ съ своими литвинами, надѣялись, что король пріѣдетъ и поправитъ свое дѣло въ Московскомъ государствѣ. Ближайшая цѣль Ходкѣвича состояла въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе привезти гарнизону запасовъ, чтобъ гарнизонъ могъ продержаться въ Москвѣ до прибытія короля; ближайшая цѣль Пожарскаго должна была состоять въ томъ, чтобъ не допустить Ходкѣвича исполнить свое намѣреніе, а гарнизонъ принудить какъ можно скорѣе къ сдачѣ и, до ожидаемаго появленія короля, удержать столицу въ своихъ рукахъ.

Несмотря на неоднократное увѣщаніе троицкихъ властей, Пожарскій, даже рѣшившись выступить изъ Ярославля, шелъ къ Москвѣ чрезвычайно медленно, сворачивалъ съ дороги, ѣздилъ въ Суздаль кланяться гробамъ своихъ отцовъ, а между тѣмъ не только троицкія власти, но и ратные земскіе люди, которые прежде него пришли къ Москвѣ, умоляли его идти скорѣе. Ходкѣвичъ въ это время успѣлъ окончить свое дѣло, набрать запасовъ въ

достаточномъ количествѣ, собрать свое распущенное на фуражировку войско и благополучно приблизиться къ столицѣ. Пожарскій прибылъ къ ней въ одно время съ Ходкѣвичемъ.

Столкновеніе съ Ходкѣвичемъ, однако, окончилось благопріятно для русскихъ. У Ходкѣвича отняли возы съ продовольствіемъ. Этимъ были погублены всѣ плоды его лѣтнихъ операцій. Не доставилъ онъ гарнизону запасовъ, кромѣ небольшаго количества, не было у него ничего для прокормленія своего войска.—Ходкѣвичъ долженъ былъ поневолѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что его буйное и голодное жолнерство угрожало бунтомъ. Отбой возовъ съ запасами было самое крупное и важнѣйшее дѣло русскихъ. Но его совершили, главнымъ образомъ, казаки, находившіеся подъ начальствомъ князя Трубецкаго, а не Пожарскій. Послѣ ухода Ходкѣвича, русскіе осаждали поляковъ въ Кремлѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Ужасный голодъ, доходившій до того, что жолнеры пожирали другъ друга, принудилъ ихъ къ сдачѣ. Надобно безпристрастно сказать, что, въ этомъ случаѣ, ошибки поляковъ и, главное, неприсылка помощи въ свое время порѣшили дѣло въ пользу русскихъ. Да и вообще поляки, съ которыми тогда боролась Русь, вели себя до такой степени безсмысленно, такъ мало у нихъ было согласія, искусства, сознанія цѣли, и напротивъ, все у нихъ происходило такъ некстати, не вó-время, что они были страшны для Руси только потому, что ея политическій составъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и внутреннія общественныя связи порвались отъ долгихъ безпорядковъ. При малѣйшемъ водвореніи порядка и согласія, поляковъ не трудно было прогнать. Мы не думаемъ однако считать вообще Польшу неопасною для московской Руси. Стоило только сосредоточить наличныя силы Польши,

дававшія ей перевѣсъ предъ Московскимъ государствомъ уже по превосходству образованности, стоило явиться въ Польшѣ уму, который бы сумѣлъ воспользоваться этими силами кстати—Русь была бы подавлена. Называя поляковъ слабыми врагами, мы имѣемъ въ виду только тѣ условія, въ которыхъ находилась Польша въ 1612-мъ году. Сигизмунду не давали денегъ на войну; въ Польшѣ хоть и хвастали тѣмъ, что побили москвитянъ, но вовсе не охотно смотрѣли на успѣхи Сигизмунда, считая усиленіе могущества короля опаснымъ для шляхетской свободы. Война съ Московскимъ государствомъ была вовсе не популярна въ тогдашнемъ шляхетскомъ обществѣ, уже терявшемъ прежній духъ предпріимчивости, удальства, отваги, и создававшемъ себѣ другой идеалъ—веселаго, лѣниваго довольства рабовладѣльческой республики. Воевавшія у насъ польскія войска состояли изъ наемниковъ, безъ чувства долга по отношенію къ отечеству, руководимыхъ только страстью къ грабежу и веселому военному буйству, которое въ тотъ вѣкъ плѣняло молодежь, особенно ту, которая приходила въ бѣдность и крайность отъ развратной жизни. Кварцяное войско состояло не изъ однихъ поляковъ; напротивъ, въ томъ, польскомъ войскѣ, которое находилось тогда въ Москвѣ, было болѣе нѣмцевъ, чѣмъ поляковъ. Всегда несогласные между собою, алчные, корыстолюбивые, эти наемныя воины подчасъ были храбры и стойки, но не терпѣли дисциплины и, при малѣйшемъ неудовлетвореніи своихъ желаній, бунтовали, а какъ польское правительство очень часто отличалось неисправностію въ уплатѣ жалованья, то такіе бунты были дѣломъ обычнымъ; и, какъ извѣстно, по окончаніи московской войны, эти наемники стали разорять Польшу почти такъ же, какъ прежде разоряли Московское государство. Въ добавокъ военачальники, поль-

скіе паны, постоянно были не въ ладахъ другъ съ другомъ. Ходкѣвичъ былъ соперникъ Якуба Потоцкаго, а чрезъ него ненавидѣлъ и племянника его Струся, начальствовавшаго кремлевскимъ гарнизономъ; говорили, что Ходкѣвичъ безъ сожалѣнія, даже съ тайнымъ удовольствіемъ, оставилъ Струся на произволъ судьбы. Такого рода военныя силы не могли выдержать борьбы съ единодушнымъ возстаніемъ народа.

Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвою, Пожарскій почти не показалъ своей личности, по крайней мѣрѣ, насколько сообщаютъ намъ источники. Но можетъ быть они укажутъ намъ, какъ много онъ сдѣлалъ для другой спасительной цѣли — для устроенія Руси, для соединенія русскихъ силъ воедино? Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданиномъ и государственнымъ человѣкомъ? Къ сожалѣнію, тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ ничего. Мы знаемъ только, что, подъ его предводительствомъ, происходили ссоры, несогласія, и онъ долго не могъ съ ними сладить. Прямо возводить на него вину мы не имѣемъ права, потому что ничего объ этомъ не дошло до насъ, кромѣ общихъ мѣстъ, возбуждающихъ вопросы, на которые мы не въ состояніи дать отвѣты. Быть можетъ, въ этотъ періодъ Пожарскій оказалъ какія-нибудь важныя услуги отечеству, но мы объ нихъ не знаемъ, а чего мы не знаемъ, о томъ не въ силахъ разсуждать и дѣлать какія-либо заключенія.

Со взятіемъ Москвы оканчивается первостепенная роль Пожарскаго. Съ этого времени до самаго избранія въ цари Михаила Ѳедоровича онъ уже не стоитъ на челѣ безгосударной Руси. Въ граматахъ пишется въ началѣ не его имя, какъ дѣлалось прежде, а имя князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого; имя Пожарскаго сто-

шъ вторымъ, въ товарищахъ. Оттого ли такъ сталось, что Трубецкой былъ бояринъ, хотя пожалованный въ этотъ санъ Тушинскимъ воромъ, а все таки — бояринъ; оттого ли, что родъ Трубецкого былъ знатнѣе рода Пожарскаго, красуясь цѣлымъ рядомъ государственныхъ людей; оттого ли, что самъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой стоялъ непоколебимо подъ Москвою съ марта 1611-го г. и воевалъ противъ поляковъ, а князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій прибылъ незадолго предъ тѣмъ; оттого ли, наконецъ, что побѣду надъ Ходкѣвичемъ Трубецкой, начальствовавшій казаками, приписывалъ себѣ? Быть можетъ, всѣ эти условія вмѣстѣ поставили имя князя Трубецкого выше имени князя Пожарскаго. Мы подлинно не знаемъ, какъ относился къ дѣлу избранія въ цари Михаила Ѳедоровича человѣкъ, котораго судьба выдвинула впередъ, поставила на короткое время во главѣ Русской земли. Онъ не былъ въ числѣ пословъ, ѣздившихъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ просьбою отъ земскаго собора принять царскій вѣнецъ. Ни во время прибытія царя въ столицу, ни во время его вѣнчанія Пожарскій не выказалъ себя ничѣмъ.

Новый царь возвелъ его изъ стольниковъ въ бояре, но замѣчательно, что существеннѣйшія награды, состоявшія въ вотчинахъ, Пожарскій получилъ главнымъ образомъ уже послѣ, по возвращеніи Филарета, тогда какъ Трубецкой былъ награжденъ гораздо раньше и гораздо щедрѣе Пожарскаго.

Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой получилъ богатѣйшую область Вагу, которая нѣкогда составляла источникъ богатствъ и матеріальной силы Бориса Годунова. Грамата на владѣніе этою областью дана была ему еще до царскаго избранія земскимъ соборомъ, и Пожарскій былъ въ числѣ подписавшихъ ее. Въ ней, между

прочимъ, выставляется важнѣйшею заслугою князя Дмитрія Тимоѳеевича — отбитіе возовъ съ запасами у Ходкѣвича, и при воспоминаніи объ этомъ событіи не упоминается о князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ, тогда какъ, при исчисленіи другихъ дѣлъ Трубецкого, совершенныхъ послѣ прибытія подъ Москву Пожарскаго, говорится и о послѣднемъ, но всегда какъ о второмъ лицѣ, ниже Трубецкого. Во все царствованіе Михаила Ѳедоровича мы не видимъ Пожарскаго ни особенно близкимъ къ царю совѣтникомъ, ни съ особенно важными государственными порученіями, ни главнымъ военачальникомъ: онъ исправляетъ болѣе второстепенныя порученія. Въ 1614-мъ году онъ воюетъ съ Лисовскимъ и скоро оставляетъ службу по болѣзни. Въ 1618-мъ году мы встрѣчаемъ его въ Боровскѣ противъ Владислава; онъ здѣсь не главное лицо; онъ пропускаетъ враговъ, не дѣлаетъ ничего выходящаго изъ ряда, хотя и не совершаетъ ничего такого, что бы ему слѣдовало поставить особенно въ вину. Въ 1621-мъ г. мы видимъ его управляющимъ разбойнымъ приказомъ. Въ 1628-мъ г. онъ назначенъ былъ воеводою въ Новгородъ, но въ 1631-мъ смѣнилъ его тамъ князь Сулешевъ; въ 1635-мъ году завѣдывалъ суднымъ приказомъ, въ 1638-мъ году былъ воеводою въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, и въ слѣдующемъ году былъ смѣненъ княземъ Рѣпнинымъ. Въ остальное время мы встрѣчаемъ его большею частію въ Москвѣ. Онъ былъ приглашаемъ къ царскому столу въ числѣ другихъ бояръ, но нельзя сказать, чтобъ очень часто: проходили мѣсяцы, когда имя его не упоминается въ числѣ приглашенныхъ, хотя онъ находился въ Москвѣ. Въ отвѣтахъ съ послами онъ былъ рѣдко — не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всегда только въ товарищахъ. Мы видимъ въ немъ знатнаго человѣка, но не изъ первыхъ, не изъ

вліятельныхъ между знатными. Уже въ 1614-мъ г., по поводу мѣстничества съ Борисомъ Салтыковымъ, царь, «говоря съ бояры, велѣлъ боярина князя Дмитрея Пожарскаго вывесть въ городъ и велѣлъ его князь Дмитрея за безчестье боярина Бориса Салтыкова выдать Борису головою». Какъ ни сильны были обычаи мѣстничества, но все таки изъ этого видно, что царь не считалъ за Пожарскимъ особыхъ великихъ заслугъ отечеству, которыя бы выводили его изъ ряда другихъ. Въ свое время не считали его, подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси. Въ глазахъ современниковъ это былъ человѣкъ «честный» въ томъ смыслѣ, какой это прилагательное имѣло въ то время, но одинъ изъ многихъ честныхъ. Никто не замѣтилъ и не передалъ года его кончины; только потому, что съ осени 1641-го имя Пожарскаго перестало являться въ дворцовыхъ разрядахъ, можно заключить, что около этого времени его не стало на свѣтѣ. Такимъ образомъ, держась строго источниковъ, мы должны представить себѣ Пожарскаго совсѣмъ не такимъ лицомъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ; мы и не замѣчали, что образъ его созданъ нашимъ воображеніемъ по скудости источниковъ... Это не болѣе, какъ неясная тѣнь, подобная множеству другихъ тѣней, въ видѣ которыхъ наши источники передали потомству историческихъ дѣятелей прошлаго времени [1])

---

[1]) При такой неясности образа человѣка, безспорно, нѣкоторое время поставленнаго на челѣ народа, конечно было-бы драгоцѣнно всякое новое свидѣтельство современниковъ, касающееся его біографіи. И вотъ въ прошломъ 1870-мъ г. въ I книгѣ чтеній Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей мы съ жадностію бросились на статью подъ названіемъ: «Слѣдственное дѣло о князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ во время бытности его воеводою во Псковѣ». Въ предисловіи къ этому дѣлу, написанномъ дѣй-

III.

Нѣсколько яснѣе представляется намъ образъ другого знаменитаго дѣятеля конца смутной эпохи, неразлучнаго въ нашей исторіи съ Пожарскимъ—Козьмы Минича Сухорукаго, извѣстнаго подъ сокращеннымъ прозвищемъ Минина (по общеупотребительному у великоруссовъ спо-

---

ствительнымъ членомъ общества П. Ивановымъ, сказано: «Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, посланный въ 7136-мъ (1628) воеводою во Псковъ, былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, княземъ Даніиломъ Гагаринымъ, во время своего управленія, въ разныхъ злоупотребленіяхъ власти. Почему въ 7139-мъ наряжено было надъ нимъ особое слѣдствіе. Слѣдователями назначены были новые воеводы: князь Никита Михайловичъ Мезецкій и Пименъ Матвѣевичъ Юшковъ; при нихъ для дѣлопроизводства находился дьякъ Евстафій Кувшинниковъ. Слѣдствіе продолжалось цѣлые восемь мѣсяцевъ (съ декабря по іюль включительно). Въ продолженіе этого времени городскіе и пригородные жители всѣхъ сословій, духовенство, служилые люди, посадскіе и крестьяне собираемы были для показаній въ съѣзжую избу».

Изъ напечатаннаго дѣла оказывается, что князя Дмитрія Пожарскаго обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ во время его двухлѣтняго воеводствованія во Псковѣ, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ видамъ преступленій: къ обращенію въ свою пользу казеннаго интереса, къ составленію лживыхъ актовъ (записываніе лицъ, обращенныхъ въ своихъ холопей, на имя другихъ) и къ притѣсненіямъ посадскихъ и волостныхъ людей, находившихся подъ его управленіемъ.

Относительно первыхъ двухъ видовъ преступленій спрошенныя лица не показали ничего обвинительнаго. Не то оказалось по поводу третьяго вида — притѣсненія подчиненныхъ. Правда, духовные и служилые люди не показали и здѣсь ничего, но городскія сотни (исключая одной, отозвавшейся невѣдѣніемъ) показали, что оба воеводы, Пожарскій и Гагаринъ, наносили имъ большія притѣсненія и оскорбленія, какъ-то: заставляли извозчиковъ возить свои поклажи безъ денегъ, брали у рыбныхъ ловцовъ даромъ для себя рыбу, брали у купцовъ даромъ товары изъ лавокъ, брали взятки съ тѣхъ, которыхъ отпускали изо Пскова для торговли, заставляли работать на себя разныхъ ремесленниковъ, зазывали къ себѣ на обѣдъ посадскихъ и брали съ нихъ за то по полтинѣ или по рублю, а съ иныхъ и болѣе. Тѣхъ посадскихъ, которые не хотѣли исполнять такихъ несправедливыхъ приказаній, воеводскіе люди били и са-

собу называть людей по отчеству — Ивановъ, Петровъ, Лукинъ, Силинъ и т. п.). Благодаря нѣкоторымъ, хотя короткимъ и отрывочнымъ, но рѣзкимъ и характернымъ признакамъ, мы можемъ, хотя приблизительно, составить себѣ представленіе объ этой личности, какъ о живомъ человѣкѣ. Намъ прежде всего помогаетъ извѣстіе о томъ, какъ, во время перваго собранія нижегородцевъ, по слу-

---

жали въ тюрьму. Кромѣ того, воеводы притѣсняли и подгородныхъ крестьянъ.

Написавшій предисловіе къ этому «слѣдственному дѣлу» г. дѣйствительный членъ П. Ивановъ силится доказать, что Пожарскаго слѣдуетъ извинить тѣмъ, что вѣдь тогда допускалось кормленіе и пр. При томъ-же, замѣчаетъ г. Ивановъ, «слѣдствіе надъ Пожарскимъ и его товарищемъ осталось безъ послѣдствій, и Пожарскій сохранилъ до смерти расположеніе государя и переведенный изъ Пскова немедленно получилъ въ управленіе помѣстный приказъ». Хлопоты г. Иванова по защитѣ «освободителя нашего отечества отъ поляковъ», пропали даромъ. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій не былъ тогда воеводою во Псковѣ и не получалъ въ управленіе помѣстнаго приказа. Прежде чѣмъ составлять предисловіе и заглавіе къ дѣлу съ именемъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, надобно было заглянуть въ первый и второй томы дворцовыхъ разрядовъ; тамъ на стр. 1030, I тома, стоитъ слѣдующее: «тогожъ года (7136) августа въ 21 день указалъ государь быть въ Великомъ Новѣградѣ боярину и воеводамъ князь Дмитрію Михайловичу Пожарскому да Моисею Өедорову сыну Глѣбову»; а на стр. 87-й, 2-го тома напечатано слѣдующее: «Тогожъ года (7137) годовали бояре въ Новѣгородѣ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Михайловичъ Пожарскій, да Моисей Өедоровъ сынъ Глѣбовъ, да дьяки: Григорей Волковъ да Рохманинъ Болдыровъ. Во Псковѣ князь *Дмитрій Петровичъ Лопата-Пожарскій,* да князь Данило княжъ Григорьевъ», и т. д.

Итакъ, несомнѣнно, что князь Дмитрій Пожарскій, надъ которымъ производилось слѣдствіе, былъ не князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а князь Дмитрій Петровичъ Пожарскій-Лопата, также участвовавшій нѣкогда въ ополченіи противъ поляковъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, и ранѣе послѣдняго прибывшій подъ Москву съ своимъ отрядомъ. Самое слѣдственное дѣло, изданное въ «Чтеніяхъ», очень любопытно, какъ по многимъ чертамъ нравовъ и быта, такъ и потому, что оно доставляетъ матеріалъ для описанія города Пскова и его состоянія въ XVII-мъ вѣкѣ.

чаю чтенія граматы, присланной троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Мининъ заявилъ народу, что ему были видѣнія, явился св. Сергій. «Не было тебѣ никакого видѣнія»! сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ-бы холодною водою окатившій восторженное заявленіе Козьмы Минина. — «Молчи»! сказалъ ему Козьма Мининъ и тихо пригрозилъ объявить православнымъ то, что зналъ за Биркинымъ; и Биркинъ долженъ былъ замолчать.

Достовѣрность этого сказанія съ перваго взгляда не безъ основанія можно подвергнуть сомнѣнію. Если Мининъ произнесъ свои слова Биркину тихо, то кто же слышалъ ихъ и какимъ образомъ они сдѣлались извѣстными и попали въ историческій источникъ? Но, съ другой стороны, разсмотрѣвши обстоятельства дѣла, мы должны будемъ признать, что это было возможно. Биркинъ заявилъ свое сомнѣніе въ справедливости чудесныхъ видѣній Минина гласно; всѣ это слышали; но вслѣдъ затѣмъ послѣ короткаго тихаго изреченія, сказаннаго ему Мининымъ, можетъ быть даже послѣ одного слова, сопровождаемаго взглядомъ, который Биркинъ долженъ былъ понять, это сомнѣніе уже не раздавалось. Знавшіе — кто такой Биркинъ, или считавшіе его человѣкомъ съ предосудительными поступками, сейчасъ поняли, въ чемъ тутъ дѣло; наконецъ, и самъ Мининъ своимъ пріятелямъ могъ впослѣдствіи сказать, что заставилъ Биркина замолчать. Остается необъяснимымъ одно — почему Мининъ не обличилъ Биркина тогда же, если зналъ за нимъ дурное? Можно допустить нѣсколько причинъ и соображеній, одинаково вѣроятныхъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ необходимости отрицать фактическую вѣрность этого извѣстія, тѣмъ болѣе, что и выдумывать его не было причины и повода. Оно не служило ни къ пользѣ, ни ко вреду Минина. Тотъ, кто сообщилъ о сомнѣніи

Биркина и о тайномъ замѣчаніи, сдѣланномъ ему Мининымъ, не заподозрѣвалъ, чрезъ то, добросовѣстности заявленій Минина о видѣнныхъ имъ знаменіяхъ. Весь складъ этого сказанія показываетъ, что оно составлено во время, близкое къ описываемымъ событіямъ. Мы видимъ въ Козьмѣ Мининѣ человѣка тонкаго и хитраго, сознававшаго, что онъ по уму стоитъ выше той толпы, на которую вознамѣрился дѣйствовать. Онъ избралъ вѣрный путь овладѣть этою толпою: надобно было ухватиться за ея благочестивое легковѣріе, надобно было показать себя человѣкомъ, осѣненнымъ благодатію религіозныхъ видѣній, навести на слушателей обаяніе чудесности, и, такимъ образомъ, внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ и заставить покоряться своей волѣ. Такъ поступалъ когда-то іерей Сильвестръ съ немногоумнымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и Курбскій оправдывалъ его примѣромъ тѣхъ родителей, которые приказываютъ стращать дѣтей вымышленными пугалами. Умные люди стараго времени не считали безнравственнымъ дѣломъ подчасъ обманывать людей чудесами для хорошей цѣли. Такъ поступилъ и Мининъ съ цѣлю двинуть и повести народъ на великое и благое дѣло спасенія земли Русской. Не онъ былъ первый. Чудесныя видѣнія были тогда въ большомъ ходу, несмотря на то, что о вымышленности нѣкоторыхъ тогда же узнавали. Измученный народъ уже не довѣрялъ человѣческимъ силамъ, ожидалъ помощи только свыше и не сталъ бы слушать никакого умнаго совѣта и увѣщанія, если не видѣлъ на немъ печати чудесности. Минину, для успѣха, непремѣнно было нужно начать съ того, съ чего онъ началъ. Мининъ, какъ видно, хорошо и въ разныхъ видахъ понималъ человѣческую природу, и сообразно этому взвѣшивалъ шаги свои. Онъ зналъ, что

значитъ расположенiе толпы: она увлечется его рѣчами, повѣритъ его видѣнiямъ, слѣпо отдастся ему на волю и послѣдуетъ за нимъ; но потомъ, когда почувствуетъ неизбѣжную тяжесть отъ его руководства, тогда, по наущенiю какого-нибудь Биркина, отстанетъ отъ него, измѣнитъ общему дѣлу. Нижегородцы просили его быть надъ ними старшимъ человѣкомъ, но Мининъ сообразилъ, что слѣдуетъ поставить ихъ въ большую необходимость избрать его старшимъ и повиноваться ему. Онъ сначала предложилъ въ предводители будущей ратной силы князя Дмитрiя Михайловича Пожарскаго; мы думаемъ, что Мининъ уже прежде сносился съ нимъ, по крайней мѣрѣ несомнѣнно зналъ его близко. Пожарскiй, какъ извѣстно, соглашаясь принять начальство, заявилъ о необходимости избрать выборнаго человѣка для сбора казны и прямо указалъ на Минина. Тогда нижегородцы, избравъ Пожарскаго, естественно не только расположены были, но уже должны были выбрать того, кого желалъ приглашаемый военачальникъ. Принялись просить Минина, Мининъ отказывался для того, чтобъ его болѣе просили и тѣмъ болѣе предоставили ему власти; наконецъ, онъ согласился не иначе, какъ выговоривши себѣ крѣпкую диктатуру.

Кому не извѣстны много разъ повторенныя въ разныхъ книгахъ слова, произнесенныя Мининымъ при первомъ возбужденiи нижегородцевъ: «животы, дворы наши продадимъ, женъ и дѣтей въ кабалу отдадимъ». Нѣкоторые считали эти слова однимъ риторствомъ. Намъ кажется, эти слова имѣли дѣйствительный, буквальный и притомъ тяжелый смыслъ; они объясняются тѣмъ, какъ поступалъ Мининъ послѣ того, какъ Пожарскiй согласился принять начальство надъ предполагаемымъ ополченiемъ, а Мининъ былъ избранъ выборнымъ человѣкомъ. Онъ потребовалъ рукоприкладства въ томъ, чтобы слу-

шаться во всемъ его и князя Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги на жалованье ратнымъ людямъ, а если денегъ не будетъ, то силою брать животы и продавать, даже женъ и дѣтей закладывать.

Здѣсь открывается намъ еще новая сторона характера Минина. Это былъ человѣкъ съ крѣпкою волею, крутаго нрава, человѣкъ въ полномъ значенiи слова практичный, — одинъ изъ тѣхъ типовъ политическихъ дѣятелей, которые избираютъ самый ближайшiй и легчайшiй путь, ведущiй къ цѣли, не останавливаясь ни передъ какими бы то ни было тягостями и бѣдствiями, могущими отъ этого возникнуть для другихъ, не заботясь о томъ, что̀ произойдетъ послѣ, лишь бы скорѣе была достигнута намѣченная цѣль. Выгнать поляковъ — то была цѣль; для нея необходимо было войско, а на войско необходимы были деньги. Если онѣ у кого были, то развѣ у богатыхъ купцовъ и вообще посадскихъ; но въ тѣ времена, какъ намъ извѣстно, люди, копившiе деньги, скрывали ихъ, прятали въ землѣ, а сами ходили и жили черно, показывая видъ, что у нихъ нѣтъ богатства, — иначе либо власти отнимутъ, либо воры и разбойники похитятъ; въ смутное время подавно денежнымъ людямъ надобно было такъ поступать. Но какъ вытянуть денегъ отъ такихъ людей, чтобы потомъ пустить въ оборотъ для общаго дѣла? Добровольно отдадутъ немногiе изъ нихъ, а насильно взять нельзя, потому что онѣ у нихъ зарыты гдѣ-нибудь въ землѣ. Раздражать богачей было безполезно, да притомъ и самъ Мининъ, очевидно, принадлежалъ къ ихъ средѣ; онъ былъ «говядарь» — гуртовщикъ, продавецъ скота, а этотъ промыселъ отбывался людьми зажиточными. Мининъ обложилъ всѣхъ пятою деньгою (по нѣкотрымъ даже третью), т.-е. пятою (или третьею) частью состоянiя; но этого было

мало, потому что ему, конечно, не удалось бы взять отъ богачей положенной части: богачи, безъ крайней нужды, не покажутъ сколько у нихъ есть того, о чемъ, кромѣ ихъ, никто не знаетъ; самопожертвованіе могло быть удѣломъ только немногихъ, въ родѣ той вдовы, которая своею искренностію, по выраженію источниковъ, всѣхъ въ страхъ вложила; но у большинства человѣческая природа должна была брать верхъ. И вотъ Мининъ, для пріобрѣтенія денегъ, пустилъ въ торгъ бѣдняковъ: за неимѣніемъ у нихъ денегъ, оцѣнивали и продавали ихъ имущества и отдавали ихъ семьи и ихъ самихъ въ кабалу. Кто же могъ покупать дворы и животы, кто могъ брать людей въ кабалу? Конечно, богатые люди. Этимъ путемъ можно было вытянуть отъ нихъ спрятанныя деньги. Само собою разумѣется, имущества и люди шли за безцѣнокъ, потому что въ деньгахъ была нужда, а выставленнаго товара было много. Конечно, нужно было, чтобъ покупать и брать въ кабалу было для богачей очень выгодно; только тогда они рѣшатся пустить въ обращеніе свои деньги. Такая мѣра влекла за собою зловредныя послѣдствія; изгнавши чужеземныхъ враговъ, Русь должна была накатить на себя внутреннее зло — порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ. У насъ подъ руками нѣтъ достаточнаго количества матеріаловъ, которые бы разъяснили намъ основательно, насколько эта мѣра въ свое время принялась и какъ отразилась на народной жизни въ послѣдующія времена; но извѣстія о множествѣ бѣглыхъ кабальныхъ людей въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича и о тѣснотѣ, которую въ посадахъ бѣдные люди терпѣли отъ «мужичковъ-горлановъ», должны состоять въ связи съ тѣми средствами, къ которымъ прибѣгалъ Мининъ для составленія ратныхъ и веденія войны. Вообще рука

этого выборнаго человѣка была тяжела: онъ не жаловалъ ни поповъ, ни монастырей, хотя, какъ завѣрялъ, ему и являлись святые. Круты и жестоки были мѣры Козьмы Минина, но неизбѣжны: время было черезчуръ крутое и ужасное; нужно было спасать существованіе народа и державы на грядущія времена.

Если бы мы позволили себѣ дѣлать заключеніе объ отсутствіи того въ дѣйствительности, чего отсутствіе находимъ въ источникахъ, то, не видя за Пожарскимъ никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей, мы пришли бы къ такому заключенію, что Мининъ умышленно пригласилъ предводителемъ малоспособнаго князя, чтобы удобнѣе было самому безусловно всѣмъ распоряжаться, тѣмъ болѣе, что этотъ говядарь, нѣсколько прежде ознакомившись съ военнымъ дѣломъ, показывалъ способности военнаго человѣка. Подъ Москвою, въ то самое рѣшительное время, когда казаки покушались отбивать непріятельскій обозъ на Замоскворѣчьѣ, Мининъ смекнулъ, что надобно побезпокоить литовское войско съ другой стороны и развлекать непріятельскія силы, онъ выпросилъ у Пожарскаго небольшой отрядъ, пригласилъ съ собою передавшагося поляка Хмѣлевскаго, ударилъ на непріятельскія роты у крымскаго двора и сбилъ ихъ, содѣйствуя, такимъ образомъ, главному дѣлу, совершаемому казаками. Подъ Москвою, въ битвѣ, Мининъ выказалъ себя болѣе Пожарскаго. Но признавать несомнѣннымъ фактомъ предположеніе о такого рода побужденіяхъ Минина въ избраніи Пожарскаго, при всей его вѣроятности, мы считаемъ несообразнымъ съ осторожностію, необходимою при составленіи историческихъ выводовъ.

Уже указанныхъ нами чертъ достаточно, чтобы признать въ Мининѣ человѣка большого ума и крѣпкой воли,

человѣка необыкновеннаго. Но этимъ почти и ограничиваются наши свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ. Недавно намъ досталось любопытное свѣдѣніе, касающееся біографіи Минина. За Волгою, противъ Нижняго, въ нынѣшнемъ Семеновскомъ уѣздѣ, былъ монастырь Толоконцевскій (теперь тамъ село Толоконцево), построенный при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ бортниками. Монастырь былъ самостоятеленъ и получилъ отъ царя Ивана Васильевича жалованную грамату. Но позже, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, игуменъ этого монастыря Калликстъ «проворовался и пропилъ всю монастырскую казну и всѣ граматы и документы отдалъ печерскому монастырю». Съ тѣхъ поръ печерскій монастырь противозаконно завладѣлъ Толоконцевскимъ. Въ смутное время толоконцевскіе бортники жаловались на такое неправое завладѣніе въ приказъ Большого дворца Борису Михайловичу Салтыкову да Ивану Болотникову. Февраля 22-го 1612-го, посланъ былъ произвести обыскъ нѣкто Антонъ Рыбушкинъ. По обыску оказалось, что толоконцевцы были вполнѣ правы; монастырь былъ государево строенье, а не Печерскаго монастыря, но нижегородскіе посадскіе старосты Андрей Марковъ и Кузьма Мининъ Сухорукъ «норовя Ѳеодосію, архимандриту печерскому, по дружбѣ и посуламъ, опять отдали Толоконцевскій монастырь Печерскому». При Михаилѣ Ѳедоровичѣ бортники жаловались снова. Если вѣрить этому документу, то Мининъ, какъ русскій человѣкъ того времени, не изъятъ былъ отъ пороковъ кривосудія и посуловзимательства [1]). Кромѣ этого извѣстія, мы не знаемъ ничего о его прежней, ни о его послѣдующей жизни, не знаемъ, какъ онъ отно-

---

[1]) За сообщеніе этого свѣдѣнія приношу благодарность Павлу Ивановичу Мельникову.

сился къ медленности Пожарскаго, на которую жаловались троицкія власти, неизвѣстны намъ способы обращенія его съ казною, которая была ему ввѣрена; множество вопросовъ готовы явиться къ намъ на глаза, и на нихъ мы не въ состояніи отвѣчать. Мы не можемъ возсоздать себѣ вполнѣ яснаго, выпуклаго образа этого замѣчательнаго человѣка.

IV.

Скажемъ еще о четвертой личности, мимоходомъ промелькнувшей при самомъ окончаніи смутной эпохи — объ Иванѣ Сусанинѣ. Мы уже изложили свое мнѣніе на счетъ этой личности въ статьѣ, напечатанной въ I-мъ томѣ историческихъ монографій и, сверхъ того, въ качествѣ дополненія къ означенной статьѣ въ примѣчаніи, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ сочиненія «Смутное время Московскаго государства — Московское разоренье» [1]). Мы бы не воротились къ этому предмету, еслибы не появлялись въ изданіяхъ, спеціально посвященныхъ русской исторіи, статьи, изъявляющія притязаніе на открытіе новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ источниковъ. Во 2-й книжкѣ «Русскаго Архива» 1871-го года, г. Владиміръ Дорогобужиновъ рыцарски возстаетъ на насъ за Ивана Сусанина, возмущаясь «покушеніемъ отнять у народа кровную заслугу его», и требуетъ оставить ему и другимъ «вѣру въ Сусанина». Если бы шло дѣло объ одной «вѣрѣ», то и возражать было бы неумѣстно. Отчегожъ не вѣрить, если отъ этого тепло и пріятно? Но когда собственную вѣру выдаютъ намъ за правду о Сусанинѣ и когда, поэтому, приводятъ новые факты въ качествѣ

---

[1]) См. также «Вѣст. Евр.», 1867, сент. 36 стр.

историческихъ, то мы считаемъ обязанностію подвергнуть ихъ критикѣ и сообразить: можно ли, въ самомъ дѣлѣ, признать ихъ достовѣрность.

Г. Дорогобужиновъ сообщаетъ записку протоіерея села Домнина Успенской церкви Алексѣя Домнинскаго. Въ ней сообщаются слѣдующія «народныя преданія», послужившія источниками для составленія разсказа о Сусанинѣ, приложеннаго подъ названіемъ: «Записка или сводъ преданій».

1) Въ село Домнино пріѣзжали паны съ собаками погубить царя Михаила Ѳедоровича (къ этому сдѣлано примѣчаніе: пріѣзжали не на саняхъ и не въ телегахъ, а на лошадяхъ верхомъ, съ собаками такими, кои по обонянію могутъ отыскивать слѣдъ человѣческій).

2) Царъ Михаилъ Ѳедоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими.

3) Крестьянинъ Иванъ Сусанинъ былъ старостой въ господскомъ домѣ лѣтъ тридцать (протоіерей прибавляетъ къ этому отъ себя, что Сусанинъ былъ старостою, это полагаю справедливо, потому что первоначально о семъ слышалъ я отъ престарѣлаго села Станкова священника, который родился и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда, домнинскаго священника Матвѣя Степанова, а сей былъ внукъ домнинскому же священнику Фотію Евсевьеву, самовидцу описываемаго событія. Онъ въ жалованной грамматѣ значится дьячкомъ и наименованъ Фторомъ. Это я знаю потому, что отъ того же родоначальника происхожу и имѣю на то документы. Домнинскіе старые крестьяне тоже говорили, что Сусанинъ былъ старостою).

4) Паны его мучили и кроили изъ спины ремни, чтобы онъ сказалъ имъ про царя Михаила Ѳедоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову.

5) Тамъ его изрубили непріятели на мелкія части.

6) Царь Михаилъ Өедоровичъ самъ складывалъ въ гробъ изрубленныя части.

7) Сусанинъ погребенъ подъ церковію, и туда каждаго дня ходили встарину пѣть панихиды.

8) Дочь Сусанина Степанида каждогодно ѣздила въ городъ Москву въ гости (протоіерей замѣчаетъ, что, вмѣсто Антониды, молва ошибочно называетъ ее Степанидою).

9) Крестьянамъ тогда житье было самое хорошее.

10) Мать царя Михаила Өедоровича наказывала молвитинскимъ крестьянамъ не обижать ея крестьянъ.

11) Ахъ, матушка наша была Оксинья Ивановна!

12) Царя Михаила Өедоровича провожали крестьяне изъ Домнина въ обозѣ съ сѣномъ (изъ опасенія — замѣчаетъ отецъ протоіерей — чтобы на дорогѣ не случилось такой же смертной опасности, какъ и въ Домнинѣ).

13) Много припасено было Сусанинымъ про царя Михаила Өедоровича ямъ, т.-е. тайныхъ мѣстъ въ землѣ.

14) Царь Михаилъ Өедоровичъ закрытъ былъ отъ пановъ въ сгорѣвшемъ овинѣ (здѣсь от. протоіерей присовокупляетъ: «должно быть и у зятя Сусанина въ деревнѣ Деревнищѣ приготовлено было мѣсто въ землѣ для укрывательства отъ набѣговъ непріятельскихъ. Въ исторіи о Костромѣ князя Козловскаго (1840 г., стр. 157) напечатано: «Въ одной древней рукописи, находящейся у издателя «Отечественныхъ Записковъ», сказано, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнище и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами, а по моему, за два дня передъ тѣмъ сгорѣлъ овинъ не случайно, а нарочно зажженъ; увезъ въ свою деревню Деревнище; по моему, Сусанинъ, явившійся къ великой

старицѣ, вскорѣ по прибытіи ея изъ Москвы въ Кострому, съ отчетами вотчинными, нашедъ ее въ смертельномъ страхѣ, по случаю прибывшихъ въ Кострому поляковъ и узнавши всѣ ея тѣсныя обстоятельства, самъ выпросилъ Михаила Өедоровича къ себѣ въ Домнино съ клятвою сохранить его во что бы ни стало, а привезя въ Домнино, наказалъ зятю своему перевезть его, когда откроется удобный случай, изъ Домнина въ Деревнище. «За два дни сгорѣвшаго предъ тѣмъ» — это, кажется, означаетъ, что Сусанинъ привезъ Михаила Өедоровича только за два дня до прибытія поляковъ и при томъ такъ скрытно, что никто про него не зналъ, кромѣ зятя и дочери.

15) Сусанинъ, по прибытіи пановъ въ Домнино, угощалъ ихъ хлѣбомъ-солью.

16) Сверхъ того недавно слышалъ я отъ одного старика слѣдующій разсказъ. Хотѣли-было убить царя Михаила Өедоровича паны и гнались за нимъ отъ Москвы до Костромы: «тамъ сказали ему: никто, кромѣ Ивана Сусанина, тебя спасти не можетъ». И пріѣхали-было паны въ село Домнино съ собаками, спрашивали Сусанина про царя Михаила Өедоровича, мучили его и кроили изъ спины ремни, но онъ имъ не сказалъ про него и увезъ въ лѣсъ да въ овраги, а оттуда на Чистое Болото; тамъ бросился-было онъ черезъ рѣку, но враги схватили его и изрубили на мелкія части.

Народныя преданія, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, подвергаясь вліянію фантазіи и случайнымъ передѣлкамъ вслѣдствіе запамятованія, сами по себѣ есть такой источникъ, который болѣе важенъ для опредѣленія народнаго воззрѣнія на событія, чѣмъ для узнанія фактической правды. Въ послѣднемъ отношеніи ими можно пользоваться только съ самою крайнею осторожностію.

Какимъ путемъ переходили выше приведенныя извѣстія о Сусанинѣ, которыя названы народными преданіями?

Тотъ же о. протоіерей «неизлишнимъ дѣломъ считаетъ сказать, что крестьяне села Домнина всѣ суть недавніе жильцы онаго; они всѣ переселились въ него изъ разныхъ селеній послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ государственное вѣдомство, а прежде сего перехода въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было; за то священники въ немъ были тутошніе всѣ урожденцы и притомъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода, а потому неудивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ. Родитель мой (говоритъ о. протоіерей въ выноскѣ) и его предмѣстникъ происходили отъ двухъ братьевъ, священствовавшихъ въ Домнинѣ около 1700 г., Матѳея и Василья Стефановыхъ, изъ коихъ первый Матѳей первому (родителю автора) былъ прадѣдъ, а второй Василій предмѣстнику родителя автора былъ дѣдъ; а оныхъ священниковъ дѣдъ, тоже домнинскій священникъ, Фотій Евсевьевъ былъ самовидцемъ описываемаго событія».

Значитъ — крестьяне села Домнина въ своихъ народныхъ преданіяхъ повторяютъ только то, что слышали, какъ думаетъ о. протоіерей, отъ священниковъ, которые всѣ происходили отъ одного рода.

Мы не въ состояніи повѣрить генеалогіи и послѣдовательности священниковъ села Домнина, но вѣримъ на слово о. протоіерею, тѣмъ болѣе, что вѣримъ и въ его добросовѣстность: происходя изъ того же рода, изъ котораго перешли въ народъ преданія, онъ однако ничего не получилъ отъ членовъ своего рода относительно Сусанина и его подвиговъ, кромѣ того, что слыхалъ отъ двоюроднаго дѣда своего, что Сусанинъ былъ вотчиннымъ старостою. И болѣе ничего. Самъ г. Дорогобужиновъ говоритъ: «родитель (отца протоіерея) относился довольно

безучастно къ подвигу Сусанина; спросили у него крестьяне — онъ разсказалъ имъ что зналъ; не спрашивалъ сынъ смолоду, пока живъ былъ отецъ — послѣднiй не счелъ и нужнымъ по собственному побужденiю говорить ему объ этомъ». Еслибъ нынѣшнiй отецъ протоiерей былъ менѣе добросовѣстенъ, — ему ничего бы не стоило сказать: такъ я слыхалъ отъ отца и дѣда — и дѣлу конецъ. Тутъ было бы фамильное преданiе, но онъ этого не говорилъ; онъ передаетъ только то, что слыхалъ въ качествѣ народныхъ пересказовъ, и только полагаетъ, что послѣднiе перешли къ крестьянамъ отъ священниковъ, Но странно! если у священниковъ села Домнина было такъ мало интереса къ памяти Сусанина, что сынъ не слыхалъ объ немъ подробностей отъ отца, то какъ могли быть счастливѣе и любознательнѣе въ этомъ отношенiи крестьяне? Если только преемственность священническаго сана въ селѣ Домнинѣ, оставаясь въ одномъ родѣ, что-нибудь да значила для Сусанинской исторiи, то разсказы объ ней должны были переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ; мы же, напротивъ, встрѣчаемъ то многознаменательное обстоятельство, что одинъ изъ членовъ этого рода, желая сказать что-нибудь о Сусанинѣ, долженъ ловить разсказы крестьянъ и почти ничего не въ силахъ вынести изъ своей фамильной сокровищницы. Кто же поручится, что и прежнiе священники села Домнина передавали своимъ ближайшимъ потомкамъ болѣе свѣдѣнiй о Сусанинѣ, чѣмъ могъ получить отъ своихъ родныхъ почтенный отецъ протоiерей Алексѣй? Если же сомнительно, чтобы преданiя о Сусанинѣ въ одномъ и томъ же родѣ переходили отъ старшихъ членовъ рода къ младшимъ, то сомнительно, чтобъ они и сохранились въ этомъ родѣ. Самъ г. Дорогобужиновъ, выставивъ, какъ оружiе противъ насъ, возможность преемственнаго сохраненiя преданiй о Су-

санинѣ въ родѣ, изъ котораго лица были священниками въ с. Домнинѣ, очень добросовѣстно поражаетъ тѣмъ же оружіемъ себя самого. Онъ говоритъ: «глядя на современныхъ намъ стариковъ изъ духовенства по деревнямъ, легко представить себѣ, какъ узко кругозоромъ и бѣдно научными интересами должно было быть развитіе заурядныхъ сельскихъ священниковъ въ концѣ минувшаго столѣтія». При такомъ положеніи, всего вѣроятнѣе, что если въ селѣ Домнинѣ и священнодѣйствовали лица изъ одного рода одинъ вслѣдъ за другимъ, съ самаго Михаила Ѳедоровича, то все-таки, будучи «бѣдны научными интересами» и поэтому мало находя интереса въ историческихъ вопросахъ, не могли не утратить воспоминанія о старинѣ, которой свидѣтелями были ихъ предки: слѣдовательно, уже по той причинѣ, какую привелъ г. Дорогобужиновъ, едва-ли у нихъ могло сохраниться преданіе о Сусанинѣ. При томъ самъ отецъ протоіерей Алексѣй очень неясно представляетъ намъ свѣдѣнія объ источникахъ преданій, слышанныхъ имъ отъ крестьянъ. Онъ сообщаетъ, что эти преданія извѣстны ему *большею частью* отъ крестьянъ села Домнина, «наипаче же такихъ, кои близко были расположены къ его родителю (утопленному раскольниками еще въ 1814-мъ г.) и къ его предмѣстнику». Слова — *большею частью*, *наипаче* показываютъ, что отецъ Алексѣй не всѣ преданія слышалъ отъ тѣхъ, которые были близки къ его родителю и его предмѣстнику: если такъ, то, слѣдовательно, не всѣ эти преданія могли исходить изъ архива фамильныхъ воспоминаній священническаго рода, и хотя отецъ Алексѣй полагаетъ, что эти преданія перешли къ крестьянамъ отъ лицъ того рода, къ которому онъ самъ принадлежалъ, но это не болѣе, какъ предположеніе, тѣмъ болѣе, что добросовѣстный отецъ Алексѣй хотя и замѣтилъ, что

многіе, говорившіе съ нимъ о Сусанинѣ, были близки къ его родителю и его предмѣстнику, однако, не увѣряетъ насъ положительно, что они отъ послѣднихъ слышали то, что разсказывали.

Читатели ясно могутъ видѣть, что источникъ преданій очень мутенъ и неясенъ. Разсмотримъ самыя преданія по ихъ содержанію.

Отецъ протоіерей, говоря, что всѣ крестьяне села Домнина недавніе жильцы, и прежде сего въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было, объясняетъ, что и при Сусанинѣ въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ. Г. Дорогобужиновъ, ухватившись за это, говоритъ: «вотъ и отвѣтъ на слова г. Костомарова: если поляки пришли въ село Домнино, гдѣ находился въ то время царь, то ужъ конечно нашли въ этомъ селѣ не одного Сусанина, который былъ притомъ житель не самаго села, но выселка. Въ такомъ случаѣ они пытали бы и мучили не одно лицо, а многихъ». Отчего же не допустить, — замѣчаетъ г. Дорогобужиновъ, — что, въ моментъ подвига, Домнино было не село съ десятками или сотнями жильцовъ, а просто помѣщичья усадьба, приказанная одному крестьянину Сусанину?» Но развѣ была возможность, чтобы въ помѣщичьей усадьбѣ тогдашняго знатнаго боярина былъ всего-на-всего одинъ человѣкъ, и чтобы при этомъ тамъ находился самъ бояринъ, да еще какой бояринъ, — тотъ, кого избирали въ цари! Это утверждать было бы до крайности нелѣпо, и вотъ думаютъ замазать эту нелѣпость другою. Въ запискѣ или сводѣ преданій, составленномъ отцомъ Алексѣемъ, разсказывается, что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ Костромѣ (гдѣ ему и подобало быть по исторіи); вдругъ, — «враги царства русскаго» прибыли въ предмѣстье Костромы, и въ это время явился Сусанинъ, управитель-староста домнинской вотчины, и сказалъ

Мареѣ Ивановнѣ: «Отдай мнѣ Михаила Өедоровича, я сохраню его для святой Россіи» и пр. Михаилъ Өедоровичъ, съ согласія матери, въ крестьянской одеждѣ, выѣхалъ изъ города и прибылъ въ Домнино ночью же, безъ всякой огласки. Здѣсь онъ тотчасъ скрылся на дворѣ въ подземномъ тайникѣ и закрытъ былъ коровьими яслями, а Сусанинъ каждый разъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера уходилъ въ лѣсъ рубить дрова. Мы не знаемъ, — *преданіе* ли это, или это, какъ и вѣроятно, комментаріи отца Алексѣя на преданія (въ числѣ преданій это не помѣщено), во всякомъ случаѣ измыслить такой историческій романъ могли только люди, маловѣдущіе въ исторіи. Едва ли сообразно съ бытомъ и обычаями времени, чтобъ отъ опасности бѣжали изъ города въ необитаемую усадьбу, тогда какъ, наоборотъ, заслышавши о приближеніи враговъ, люди изъ селъ и деревень бѣжали въ города? Сообразно ли съ здравымъ смысломъ, чтобы мать юноши, кандидата въ цари, отпустила его съ однимъ крестьяниномъ Богъ знаетъ куда? И когда это было, и какіе это были враги? Въ «Запискѣ или сводѣ преданій» говорится, что это происходило послѣ того, какъ «въ Москвѣ» всѣ чины соединились въ одну думу: быть царемъ Михаилу Өедоровичу Романову, вѣсть сія о предназначеніи Михаила Өедоровича на царство скоро донеслась въ непріятельскую армію; не опуская изъ вида главной цѣли: покорить Россію польской державѣ, тамъ, въ воинскомъ совѣтѣ, положили послать отрядъ смѣлыхъ охотниковъ въ Кострому для погубленія Михаила Өедоровича, и эти «извѣстія, какъ о назначеніи Михаила Өедоровича на царство, такъ и о посланныхъ польскихъ злодѣяхъ для погубленія его, дошли до Мареы Ивановны въ то самое время, когда враги царства русскаго прибыли уже въ предмѣстье Костромы и чрезъ

своихъ доброхотовъ изыскивали средства къ исполненію своего намѣренія». Но послѣ избранія Михаила (22 февр.) до прибытія пословъ въ Кострому (10 марта) никакъ не могла дойти вѣсть въ Польшу (а непріятельской арміи въ Россіи не было); не могли, вслѣдствіе этого, послать въ Кострому отрядъ смѣлыхъ охотниковъ, и смѣлые охотники не могли дойти до Костромы; наконецъ, намъ достовѣрно извѣстно, что Марѳа Ивановна получила вѣсть объ избраніи сына чрезъ пословъ, прибывшихъ въ Кострому съ значительнымъ отрядомъ, который былъ бы въ состояніи защищать новоизбраннаго царя удобнѣе, чѣмъ крестьянинъ Сусанинъ. Еслибъ все это было въ самомъ дѣлѣ народное преданіе (въ чемъ мы сомнѣваемся), то оно не имѣло бы никакой фактической достовѣрности, а если это комментарій, то онъ показываетъ столько же невѣжество, сколько большую несообразительность его составителей.

Въ такъ-называемыхъ «народныхъ преданіяхъ», мы видимъ четыре признака подобныхъ, но не тождественныхъ, явно относящихся къ одному и тому же главному моменту и взаимно себя уничтожающихъ. № 2-й народныхъ преданій (см. выше) говоритъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими; № 12-й говоритъ, что царя Михаила Ѳедоровича провожали крестьяне изъ Домнина, въ обозѣ съ сѣномъ; № 13-й говоритъ о тайныхъ ямахъ, вырытыхъ Сусанинымъ въ землѣ заранѣе про царя Михаила Ѳедоровича; № 14-й говоритъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ закрытъ отъ пановъ въ овинѣ. Отецъ Алексѣй въ своемъ сводѣ преданій прибѣгнулъ къ способу, крайне несостоятельному съ точки исторической критики. Онъ сближаетъ два изъ признаковъ въ одинъ моментъ — коровьи ясли и ямы, а остальные прикидываетъ къ раз-

личнымъ, вымышленнымъ для этой цѣли, событіямъ; между тѣмъ для всякаго, кто будетъ смотрѣть на это безпристрастно, безъ заранѣе предвзятой вѣры, слишкомъ ясно, что все это не болѣе, какъ видоизмѣненія одного и того же представленія, котораго смыслъ состоитъ въ томъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по приближеніи враговъ, куда-то спрятался; затѣмъ уже та и другая фантазія, по своему вкусу, сочиняла для этого и коровьи ясли, и обозъ съ сѣномъ, и ямы, и овины. Такіе варіанты — самое обыкновенное и почти неизбѣжное явленіе въ народныхъ пересказахъ. Простодушный составитель свода преданій, напередъ задавшись слѣпою вѣрою въ несомнѣнную достовѣрность того, что говорятъ ему преданія, заботится только о томъ, чтобъ каждому признаку отвести приличное мѣсто; но историческая критика не можетъ удовлетворяться такимъ произволомъ. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, напоминаетъ особенности древней римской исторіи, гдѣ подобные составители сводовъ преданій создавали различныя событія, похожія одно на другое, однако наука, разработавшая римскую исторію въ лицѣ Нибура и его ученыхъ преемниковъ, не иначе понимала подобныя сказанія, имѣвшія видъ различныхъ событій, какъ видоизмѣненія однихъ и тѣхъ же первоначальныхъ представленій.

Несообразность съ истиной народныхъ преданій о Сусанинѣ, съ которыми насъ знакомятъ во 2-й кн. «Русскаго Архива» 1871 года, — видна во всемъ. «Паны мучили Сусанина и кроили у него съ спины ремни, чтобъ онъ имъ сказалъ про царя Михаила Ѳедоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову». Есть ли какая-нибудь физическая возможность человѣку, съ котораго кроили ремни, ходить нѣсколько верстъ! Статочное ли дѣло, чтобы въ боярской усадьбѣ не было, какъ толкуютъ, живой души,

кромѣ Сусанина? Если бы Сусанинъ былъ такъ близокъ царю Михаилу Ѳедоровичу, возможное ли дѣло, чтобъ царь только чрезъ восемь лѣтъ наградилъ семью его и притомъ такимъ скуднымъ образомъ? А каждогодныя поѣздки дочери Сусанина въ Москву въ гости? Къ кому она ѣздила въ гости? Къ царю? Здѣсь черезчуръ видно крестьянски-патріархальное представленіе объ условіяхъ жизни! Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, что «Сусанинъ погребенъ подъ церковью и туда каждаго дня ходили встарину пѣть панихиды». Если такъ, то, значитъ, подъ церковью былъ погребъ. Дѣйствительно, о. протоіерей говоритъ: «Съ южной стороны подъ придѣлъ Успенія Божіей Матери построенъ былъ только входъ, дверь коего отъ долговременности такъ была угружена въ землю, что, при сломкѣ, церкви видѣнъ былъ верхній косякъ. Преданіе же говоритъ, что туда подъ церковь ходили пѣть панихиды». И въ самомъ дѣлѣ, послѣ разборки церкви, подъ придѣломъ Успенія Божіей Матери, въ томъ же 1831-мъ году, при взрытіи могилы для умершаго младенца, въ глубинѣ земли открытъ былъ гробъ, и въ немъ остатки мужескаго тѣла: «черепъ и волосы были цѣлы, а въ изголовьѣ была найдена фарфоровая чашка съ яркими на выпуклости цвѣтами. Думать должно, что тѣло сіе было похоронено у самой церковной стѣны, при распространеніи же церкви закрыто было придѣломъ Успенія Божіей Матери. На всемъ пространствѣ, какое занимала церковь своимъ зданіемъ, кромѣ означенной, ни одной могилы не открыто». Отецъ протоіерей не говоритъ намъ прямо, что это Сусанинъ, но оставляетъ читателямъ самимъ догадаться. «Что касается могилы, найденной мною въ 1831-мъ году — замѣчаетъ онъ — то совершенно не лгу, и сохрани меня Боже лгать при концѣ жизни на истину, хотя на исто-

рическую». Но если это Сусанинъ, то какъ попала въ гробъ его чайная чашка? Въ то время не только у крестьянъ — у бояръ не было такого рода вещей, да и не было въ нихъ нужды! Очевидно, могила — времени болѣе позднѣйшаго. Замѣтимъ, что если надъ могилою Сусанина служили панихиды, а потомъ перестали, то это значитъ, что и воспоминанія о немъ исчезли у священниковъ.

Нельзя не поблагодарить отца Алексѣя за сообщеніе публикѣ этихъ преданій. Повторимъ, что нимало не сомнѣваемся въ его добросовѣстности не только относительно преданій, но и относительно составленной имъ записки или свода преданій. Вѣря имъ вполнѣ, онъ сшивалъ ихъ произвольно, починялъ заплатами собственнаго измышленія и поступалъ добросовѣстно: не его вина, что онъ не умѣлъ иначе относиться къ этимъ матеріаламъ и обращаться съ ними; не его вина, что распространить короткія и отрывочныя сказанія силою своего воображенія для него не значило «лгать на истину, хотя на историческую».

Но какого рода эти преданія: древнія ли они или сравнительно позднѣйшаго изобрѣтенія, и могутъ ли они въ какой бы то ни было степени указывать на дѣйствительно-совершавшіеся факты?

Г. Дорогобужиновъ сильно хочетъ опровергнуть высказанное въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ», напечатанной въ I-мъ томѣ «Историческихъ Монографій и Изслѣдованій», мнѣніе о томъ, что книжные вымыслы могли распространяться въ народѣ. Но онъ не точно говоритъ, будто въ этой статьѣ вообще «преданіе о Сусанинѣ», если оно есть въ народѣ, непремѣнно признается пришедшимъ изъ книгъ, разобранныхъ, по отношенію къ Сусанину, въ этой статьѣ. Не о преданіи вообще тамъ

говорилось, а о томъ образѣ, въ какомъ излагалась въ книгахъ исторія Сусанина.

Преданія, сообщенныя о. протоіереемъ, отличны отъ этой исторіи и не заимствованы цѣликомъ прямо изъ тѣхъ книгъ, о которыхъ шла рѣчь; но и это не упрочиваетъ однако за ними древности, не освобождаетъ ихъ отъ вліянія книжности на ихъ составленіе и еще болѣе— не даетъ имъ никакого права занять мѣсто между источниками русской исторіи. За происхожденіемъ ихъ нѣтъ ни признаковъ, ни доводовъ древности; они не истекаютъ изъ архива фамильныхъ преданій священствовавшаго рода; иначе отцу протоіерею нечего бы упираться на нихъ: ему достаточно было привесть то, что онъ слыхалъ не отъ крестьянъ, а отъ своихъ родныхъ; да наконецъ мы думаемъ, что еслибы преданія о Сусанинѣ интересовали членовъ священствовавшаго рода, то ранѣе отца Алексѣя нашелся бы кто-нибудь изъ этого рода, который записалъ бы то, что зналъ, если не для себя, то для другихъ. Не заимствовавши этихъ преданій изъ фамильныхъ родовыхъ воспоминаній священниковъ, крестьяне села Домнина не получили ихъ и въ качествѣ мѣстныхъ воспоминаній отъ своихъ предковъ; самъ же о. Алексѣй полагаетъ, что они, какъ люди недавніе, могли слышать объ этомъ только отъ священниковъ.

Жители окрестностей Костромы естественно должны знать имя Сусанина. Во первыхъ—существуютъ крестьяне, пользующіеся льготами за подвигъ Сусанина; во-вторыхъ, въ Костромѣ есть памятникъ съ барельефными изображеніями событія въ томъ видѣ, въ какомъ его разсказывали книжники. Конечно, очень многіе изъ окрестностей бывали въ Костромѣ и видали этотъ памятникъ, слыхали, что̀ такое онъ означаетъ и для чего поставленъ, а тѣмъ самымъ знакомились, хотя въ основныхъ чертахъ, съ исторіей

Сусанина. Всякій, учившійся на Руси исторіи, навѣрно знаетъ о Сусанинѣ, а въ Костромѣ, гдѣ съ его именемъ соединяется мѣстный интересъ, вѣроятно, знаетъ объ немъ всякій грамотный; отъ грамотныхъ узнаютъ и неграмотные.... тутъ не нужно никакого Макферсона, какъ говоритъ г. Дорогобужиновъ. Проникая въ сельскій народъ, эта исторія естественно облеклась въ образъ преданія и видоизмѣнилась сообразно крестьянскимъ представленіямъ: ясно, что ясли, обозъ съ сѣномъ, овинъ, собираніе собственными руками царя частей тѣла, поѣздки Степаниды въ Москву въ гости — все это измышленія крестьянской фантазіи, при неизбѣжномъ вліяніи крестьянскаго кругозора.

Итакъ, послѣ напечатанной въ 2-й кн. «Р. Архива» статьи «Правда о Сусанинѣ», мы знаемъ объ этомъ лицѣ не больше того, сколько прежде знали, а именно: что въ 1619-мъ году, Богданъ Сабининъ получилъ отъ царя Михаила Ѳедоровича обѣльную грамату за своего тестя Ивана Сусанина, котораго польскіе и литовскіе люди пытали, желая довѣдаться отъ него, гдѣ находился царь Михаилъ Ѳедоровичъ и, не допросившись, замучили до смерти [1]).

[1]) Извѣстный нашъ этнографъ С. В. Максимовъ, самъ будучи родомъ изъ Костромской губерніи, сообщалъ намъ, что слышалъ на своей родинѣ такое преданіе о Сусанинѣ, что злая судьба постигла его не въ Домнинѣ, а гдѣ-то на дорогѣ, по которой онъ шелъ въ гости къ своей дочери, отданной за-мужъ кудато въ иную сторону. Поляки встрѣтили его, стали допрашивать и замучили. Это преданіе приблизительно согласуется съ тѣмъ предположеніемъ, которое высказано было нами въ III томѣ сочиненія: «Смутное Время», именно, что Сусанинъ скорѣе могъ быть замученъ не вблизи Костромы, а гдѣ-нибудь поближе къ Волоку, гдѣ зимою 1612—1613 гг нѣсколько времени находился польскій лагерь, изъ котораго, по военному обычаю, посылались разъѣзды — хватать языковъ и собирать вѣсти. Впрочемъ, мы не выдаемъ своихъ предположеній за несомнѣнные факты. Предположенія бываютъ полезны только какъ нити, по которымъ, при удачѣ, можно иногда добираться до истины

Затѣмъ всякія подробности, выдуманныя и, какъ оказывается, до сихъ поръ выдумываемыя, слѣдуетъ выбросить изъ исторіи, — подобно тому, какъ и многое еще придется выбросить изъ отечественной исторіи, если дружно приняться чистить авгіеву конюшню.

КТО ВИНОВАТЪ
ВЪ СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ?

КТО ВИНОВАТЪ ВЪ СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ?

И. Е. Забѣлину.

Статья моя «Личности Смутнаго Времени» побудила достопочтеннаго И. Е. Забѣлина въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ при Чертковской библіотекѣ, напечатать статью: «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время». Статья эта посвящена разрѣшенію именно тѣхъ сторонъ, которыя я указалъ темными или двусмысленными, и заключаетъ въ себѣ взгляды и мнѣнія, діаметрально противоположныя моимъ. И. Е. Забѣлинъ — одна изъ самыхъ даровитыхъ, почтенныхъ и глубокосвѣдущихъ личностей, занимающихся и занимавшихся русскою исторіею и археологіею; мы привыкли уже такъ высоко уважать этого писателя, что еслибы намъ пришлось въ ратоборствѣ съ нимъ и положить оружіе, то намъ все-таки останется то утѣшеніе, что труды нашихъ писаній не пропали даромъ, если вызвали съ его стороны произведеніе, достойное его таланта и знаній.

Мы рѣшаемся вступить съ нимъ въ состязаніе съ цѣлью высказать еще яснѣе нѣкоторые наши взгляды, несходные съ его взглядами. Просвѣщеннымъ читателямъ предоставляется оцѣнить силу и справедливость нашихъ взглядовъ.

I.

И. Е. Забѣлинъ очень мало придаетъ значенія полякамъ въ смутное время; они у него, какъ говорится, съ боку припека: зло главное не въ нихъ; великій врагъ, волновавшій Русь въ началѣ XVII-го вѣка — это смута, засѣвшая въ боярствѣ и служиломъ сословіи, сословіи, которое представляется какъ бы скопищемъ мерзавцевъ, тогда какъ противъ этого скопища стоитъ другая стихія, здоровая, нравственно крѣпкая, чуждая смутъ: стихія эта, пользующаяся большимъ сочувствіемъ автора — народъ, сирота-народъ, какъ онъ его называетъ, употребляя старинный терминъ челобитныхъ.

Вотъ этотъ-то сирота-народъ поднялся по зову Минина, уже готовый прежде, бодрый духомъ, крѣпкій смысломъ и единодушіемъ, вручивъ предводительство достойному человѣку, князю Пожарскому, для спасенія отечества, растерзаннаго смутою, произведенною боярствомъ и служилыми.

Такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и показываетъ какъ-будто, что тѣ и другіе были людьми инаго племени, языка, словно турки и греки въ Оттоманской имперіи или какіе-нибудь остъ-готы, либо лонгобарды съ одной стороны, и римляне съ другой — въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся въ возможности такого раздвоенія въ русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ. Если у служилыхъ и у остальнаго народа и были свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ. Люди родовитые, люди служилые принадлежали къ одному и тому же на-

роду съ тѣмъ земствомъ, которое такъ любитъ г. Забѣлинъ, противопоставляя его служилымъ. Между тѣми и другими не было еще того различія, какое въ болѣе позднее время возникло между высшими и низшими классами вслѣдствіе образованности, распространившейся въ высшихъ слояхъ; при томъ же, несмотря на всѣ предразсудки родовой чести (измѣрявшейся однако службою), служилые и неслужилые не оставались какими-нибудь восточными кастами. Частыя верстанья безпрестанно пополняли ряды служилыхъ людьми неслужилыми; даже въ дѣти боярскія верстали изъ гулящихъ людей, всякаго званія, давали имъ помѣстья, а дѣти боярскія выходили въ дворяне. Не говоримъ уже о болѣе низшихъ разрядахъ служилыхъ людей, безпрестанно пополняемыхъ тѣми, которые принадлежали къ массѣ сироты-народа. Не только у дворянъ и дѣтей боярскихъ — у знатнѣйшихъ бояръ, даже въ царскихъ палатахъ мы видимъ одни нравы, одинакія понятія, какъ и у народа. Понятно, что служилые и неслужилые имѣли одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки. Общихъ тѣмъ и другимъ свойствъ и признаковъ жизни было такъ много, что невозможно приписывать исключительно одной только части русскаго народа явленій, обнимавшихъ строй всей русской исторіи.

Г. Забѣлинъ видитъ въ предшествовавшихъ временахъ исторію развитія той смуты, которую ставитъ въ вину однимъ служилымъ. «Ея историческіе корни, говоритъ онъ, уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и крамольномъ духѣ той среды боярства, которая помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время

было непререкаемое право княжеской дружины властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли: право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было историческою необходимостью и, такъ сказать, историческою нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни. Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было бы переродиться во что̀-либо новое, политически годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіе этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало свои старыя, допотопныя начала жизни, и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую смуту.

«Началомъ дружинной жизни (если объяснять ихъ однѣми только существенными, хотя и рѣзкими чертами) были самоволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе высокихъ столовъ для своего князя, т.-е. великихъ старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многаго имѣнія. Все это, конечно, утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины-боярства къ лицу своего князя, и въ первую пору вполнѣ единило интересы дружины съ интересами князя по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такія начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дружинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были вырабатывать ея нравы и обычаи по особому складу, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли».

Нельзя не признать въ этихъ словахъ значительной доли правды, но также нельзя не видѣть односторонности, преувеличенія и смѣшенія понятій. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ то же время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, которыхъ исторія намъ извѣстнѣе, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ земскихъ аристократовъ. Въ «Русской Правдѣ» бояре выразительно отличаются отъ дружины: «аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ кто умретъ?» и въ лѣтописяхъ бояре нерѣдко именуются принадлежащими городу или землямъ (что̀, конечно, одно и то же, такъ какъ городъ былъ средоточіемъ своей земли и по старинному образу выраженія означалъ землю), а не особѣ князя: бояре кіевскіе, вышегородскіе, галицкіе, ростовскіе. Что бояре земскіе были близки къ князю — это естественно, такъ какъ князь былъ правитель земли, а бояре богатѣйшими и вліятельнѣйшими ея членами; что, при добрыхъ отношеніяхъ къ князю, они поддерживали его и, такимъ образомъ, наполняли лучшую часть его дружины — это также вполнѣ естественно. Но не только бояре, и княжеская дружина (за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ языческихъ временъ или же тѣхъ аномалій, которыя замѣтны на югѣ, когда князья ходили въ походъ на челѣ инородческихъ шаекъ) не составляла по существу своего чего-то составленнаго изъ иныхъ элементовъ, отличныхъ отъ земщины, и тѣмъ

самымъ не была діаметрально противоположна земщинѣ. Дружина была неизбѣжнымъ явленіемъ при удѣльности князей, а удѣльность князей соотвѣтствовала древней раздѣльности земель. Сбивчивости нашихъ представленій о многихъ явленіяхъ старой жизни способствуетъ усвоенное со школьной скамьи понятіе, будто вначалѣ была какая-то единая русская земля, а потомъ раздробилась на княженія и отсюда потекли на нее всякія бѣдствія. Наоборотъ, въ глубокой древности жили разрозненные народцы, у которыхъ, если быть можетъ и существовали начатки сознанія племенной связи, то ужь никакъ не на столько зрѣлые, чтобы образовать между народцами прочное единеніе. Народцы эти, какъ гласятъ преданія и какъ слѣдовало ожидать по свойствамъ человѣческой природы, то и дѣло что ссорились между собою. Кіевскіе князья языческаго періода начали ихъ сшивать на живую нитку, но сшивка эта ограничивалась тѣмъ, что ихъ обдирали, когда можно было, да призывали вмѣстѣ грабить Византійскую имперію. Только съ распространеніемъ христіанства и съ развѣтвленіемъ одного княжескаго рода по всѣмъ землямъ наступаетъ періодъ единенія, которое, начинаясь съ крайней разрозненности, клонилось прежде къ федеративному строю, а потомъ уже, впослѣдствіи, въ силу новыхъ толчковъ, повернуло къ иной формѣ. Стало обычаемъ, что земля должна имѣть у себя князя изъ одного на Руси дома; стало необходимостію, чтобы при князѣ, правителѣ и охранителѣ земли, была постоянная военная сила: то была дружина. Откуда же набиралась эта дружина? Были въ ней и иностранцы, были русскіе изъ иныхъ земель, но главная сила ея, по крайней мѣрѣ въ большей части русскихъ земель, состояла изъ уроженцевъ той земли, гдѣ княземъ былъ тотъ, кому она служила; такимъ об-

разомъ, дружина не теряла связи и общихъ интересовъ съ землею. Что дружина князя состояла изъ людей той же земли — рѣзко и наглядно показываетъ примѣръ изъ много-мятежной жизни Изяслава Мстиславича кіевскаго, который, будучи изгнанъ изъ Кіева, вмѣстѣ съ дружиною, говорилъ послѣдней: «вы есте по мнѣ изъ руские земли вышли своихъ селъ, а своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь». Изъ кого же состояла дружина этого князя? Конечно, изъ тѣхъ же земскихъ людей, кіянъ, которые прежде признали его своимъ княземъ на вѣчѣ отъ мала до велика. Собственно дружина была только органомъ земской дѣятельности. Дружинники не составляли замкнутаго сословія; люди всякаго происхожденія возвышались и достигали большаго значенія. Такъ мы встрѣчаемъ въ чинѣ знатныхъ лицъ поповичей, напр. Александра Поповича или Судьича, попова внука, и даже происходившихъ изъ смердовъ (два беззаконника отъ племени смердья). Въ Новгородѣ въ болѣе позднее время дружина князя или намѣстника состояла изъ пришельцевъ не-новгородцевъ, но все-таки русскихъ.

Конечно, бывали не рѣдкіе случаи, когда дружинники съ своими князьями преслѣдовали эгоистическія цѣли и наносили вредъ русскимъ землямъ; и это бывало особенно тогда, когда князь съ дружиною, составленною изъ жителей той земли, гдѣ онъ жилъ и княжилъ прежде, нападалъ на чужую землю и княженіе, а на готовѣ у него была помощь инородцевъ; но вина зла этого не можетъ падать на однихъ дружинниковъ: вина эта крылась во всемъ настроеніи русскаго общества, и свойства дружинниковъ не были ихъ исключительными свойствами, чуждыми остальной массы земщины, изъ которой они происходили.

Задавшись мыслію отыскивать везд҃ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ «дружиною» разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ, хотя бы они не составляли княжеской дружины въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, между прочимъ, въ повѣствованіи о тѣхъ новгородцахъ, которые, во времена Ярослава Владимировича, готовившагося идти на Кіевъ, перебили поставленныхъ у нихъ въ домахъ варяговъ, а потомъ были сами коварно избиты княземъ въ Ракомѣ, этотъ князь, жалѣя о погибшихъ, называетъ ихъ своею «любою дружиною». А вѣдь это были земскіе люди, нарочитые мужи, домовладѣльцы новгородскіе, и конечно у Ярослава была иная дружина, дружина въ тѣсномъ значеніи, которая и содѣйствовала избіенію новгородцевъ въ Ракомѣ. Мы находимъ также основаніе предполагать, что въ словахъ лѣтописи о томъ, какъ Владимиръ, «любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ», разумѣется дружина въ обширномъ смыслѣ, такъ что къ этой дружинѣ, то-есть къ кругу людей, близкихъ къ князю, относились даже духовныя лица; именно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы для поясненія, какимъ образомъ Владимиръ думалъ съ дружиною о строи землянѣмъ, и о ратѣхъ и о уставѣ землянѣмъ, повѣствуется, какъ онъ, по совѣту епископовъ, сталъ казнить разбойниковъ, а потомъ, по совѣту епископовъ и старцевъ, вмѣсто смертной казни, началъ брать виры, принимая въ разсчетъ необходимые расходы на войну (и рѣша епископы и старци: рать многа: оже вира, то на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: тако буди). Точно также нѣсколько строкъ предъ

тѣмъ, гдѣ описывается, какъ пировавшіе съ Владимиромъ изъявили желаніе ѣсть серебряными ложками, а не деревянными, слово «дружина», по ходу рѣчи, имѣетъ обширное значеніе. На пиру у Владимира были: боляре, гриды, сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи. Когда они подпили, то начали роптать на князя за ложки. Владиміръ, потакая ихъ прихоти, называетъ ихъ общимъ именемъ «дружины» (повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу и сребро и злато). Слова о невозможности найти дружину за золото и серебро показываютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о нравственно близкихъ людяхъ, о друзьяхъ Владимира, а не о наемныхъ воинахъ, состоящихъ на платѣ, какихъ именно и можно пріобрѣсть за серебро и золото. Въ иномъ мѣстѣ лѣтописи, въ описаніи изгнанія изъ Кіева Изяслава Ярославича, происшедшаго въ 1067 году, кіевляне, готовясь освободить полоцкаго князя изъ темницы съ его двумя сыновьями, говорятъ: «Пойдемъ высадимъ дружину свою изъ погреба.» Здѣсь слово «дружина» еще въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ прежде; здѣсь она вообще означаетъ лицъ дружелюбныхъ, друзей. Такимъ образомъ, самое слово «дружина» на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что̀ подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ осторожно приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу.

Но болѣе всего г. Забѣлинъ не правъ по отношенію къ временамъ болѣе позднимъ, ко временамъ усиленія московскаго государства и объединенія Руси подъ властію Москвы. «Не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она (дружина) за это самое должна была сдѣлаться слу-

гою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя дружба стала разстраиваться. Стремясь за общеземскими цѣлями, князь въ Москвѣ выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но, не выучившись ничему новому, она крѣпко держала въ памяти свое старое, крѣпко жила своими старыми преданіями и не думала измѣнять своимъ древнимъ нравамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около своего государя самодержца, она все еще думала, что это только первый дружинникъ, и стала постоянно заводить тѣ же самыя исторіи, какими была ознаменована жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей. Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде, такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки Здѣсь въ полной мѣрѣ обнаружилось самое существо древнедружиннаго обычая — это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ... Въ государевой Москвѣ древніе дружинники долго старались заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о разныхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государевою властію. Однако, идея государственнаго единства, перешагнувши черезъ множество неповинныхъ жертвъ, восторжествовала. Но въ этой безпощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, уничто-

жая самое себя, должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть».

Историческій ходъ событій представляетъ намъ совсѣмъ противное тому, что̀ здѣсь высказано. Конечно, можно все это подтвердить отдѣльно взятыми исключительными, фактами насильственно давая имъ предумышленное значеніе; но историкъ долженъ составлять свои приговоры не на основаніи только единичныхъ отрывочныхъ явленій, а принимать во вниманіе то, что̀ совершалось въ ихъ цѣльности, въ связи, отъ начала до конца; такимъ только образомъ можно указывать и опредѣлять характеръ и направленіе вѣка, народа или сословія.

Дружинникамъ ставятъ въ вину, что они сдѣлались слугами князя, а потомъ его холопами. Но какъ же могло быть иначе, когда сами князья были холопами и рабами завоевателей, и съ ними вся Русь охолопилась до мозга и костей. Татарское господство совершенно сбило ее съ той, хотя и своеобразной, но по духу исторіи все-таки средневѣковой европейской дороги, по которой она шла до половины XIII-го вѣка. Мы не думаемъ искать какихъ-нибудь высокихъ идеаловъ, осуществившихся въ до-татарской Руси. Нѣтъ; и тогда было варварство, но варварство европейское, тогда какъ, послѣ татарскаго завоеванія, Русь погрузилась въ варварство азіатское. Первое, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, хотя медленно, хотя съ уклоненіями, хотя болѣе или менѣе узкимъ и туго расширявшимся кругомъ участниковъ движенія, а все-таки шло на пути къ идеалу личной свободы человѣка, къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, понятій о чести и долгѣ; для послѣдняго не было другихъ общественныхъ идеаловъ, кромѣ постояннаго страха за существованіе, самоуниженія и хитраго раболѣпства передъ безграничною эгоистическою

силою, чѣмъ бы ни была эта сила: верховною ли властію деспота, твердо сидящаго на своемъ тронѣ, или разнузданною наглостію успѣвающаго бунтовщика. Понятно, что московскіе князья, освобождаясь, въ силу обстоятельствъ, отъ чужеземнаго деспотизма и захватывая въ свои руки ту верховную власть, которая выпадала изъ одряхлѣвшихъ рукъ хановъ Золотой Орды, послѣдовали за тѣмъ образцомъ, который былъ имъ близокъ отъ отца и дѣда, за образцомъ восточнаго деспота; понятно, что и пособники ихъ должны были слѣдовать за образцомъ подчиненія, съ какимъ были знакомы, и дѣлаться холопами. Мы не скажемъ, впрочемъ, чтобъ на Руси не оставалось уже ни жизненныхъ слѣдовъ, ни воспоминаній о прошломъ, но эти слѣды и воспоминанія были до того, такъ сказать, завалены наносами прожитой народомъ въ послѣдующія времена исторіи, что развѣ великія бури и крутыя потрясенія могли бы снести эти наносы. Слѣдуетъ замѣтить, что остатки византійскихъ государственныхъ понятій, хотя въ нихъ уже издавна было много азіатскаго, не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма.

Ничто такъ не содѣйствовало возвышенію московскихъ князей и ихъ стремленію къ собиранію русскихъ земель, какъ дружинное или служилое (какъ оно послѣ стало называться) сословіе. Москва наполнялась людьми этого сословія — боярами и вольными слугами, приходившими отовсюду служить московскимъ великимъ князьямъ. При сохраненіи права свободнаго отъѣзда бывали случаи и противные — отъѣзжали изъ Москвы въ удѣлы, но число такихъ, въ сравненіи съ числомъ пристававшихъ къ московскимъ князьямъ изъ удѣловъ, было незначительно. При ихъ-то помощи и содѣйствіи эти князья укрѣпля-

лись, расширяли свои владѣнія, возвышались надъ прочими князьями. Покореніемъ удѣловъ, напр. Нижняго, Владиміра, Рязани, Твери они были обязаны тѣмъ, что тамошніе дружинники перешли на московскую сторону То же, вѣроятно, дѣлалось и въ мелкихъ удѣлахъ; за дружинниками князья ихъ, оставленные безъ вооруженной силы, стали именовать себя холопами московскаго князя. Вначалѣ, пока московскіе великіе князья не были еще слишкомъ сильны, пока имъ предстояла борьба съ удѣльными князьями, борьба, которой успѣхъ зависѣлъ отъ перехода служилыхъ на московскую сторону, понятно, что великіе князья относились къ своимъ боярамъ какъ къ совѣтникамъ. Но отношенія перемѣнились уже съ Ивана III: это былъ самовластный деспотъ, нетерпѣвшій вокругъ себя никого, кромѣ холоповъ. Сынъ его Василій превзошелъ родителя, такъ что современникамъ Иванъ III, въ сравненіи съ своимъ преемникомъ, представлялся добродушнымъ и привѣтливымъ государемъ. Герберштейнъ, посѣщавшій Москву при Василіѣ, говоритъ: «никто не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только что противорѣчить ему: воля государя — Божья воля»! Иностранцу того времени строй московской державы представлялся безпредѣльно самодержавнымъ. А кто же довелъ до этого, какъ не служилое сословіе, покорявшееся обстоятельствамъ? Не только не препятствовало оно развитію идеи государственнаго единства, какъ увѣряютъ насъ, а напротивъ — оно-то и было главнѣйшимъ органомъ этого развитія. Вопреки словамъ г. Забѣлина, будто дружинное самоволіе проявлялось во время малолѣтства наслѣдника, мы просимъ читателей припомнить тотъ многознаменательный фактъ, какъ во время малолѣтства Димитрія Донского бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто при-

росшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью. Вѣроятно, г. Забѣлинъ намекаетъ на смуты во время малолѣтства Ивана Грознаго. Но много ли г. Забѣлинъ покажетъ намъ примѣровъ въ исторіи монархическихъ государствъ, когда малолѣтство сироты-государя, требовавшее регентства, не было временемъ пререканій, недоразумѣній и смутъ? Явленіе — черезчуръ общеисторическое, чтобы на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ мы видимъ: ссоры лицъ, не болѣе, а не борьбу партій за какіе-нибудь принципы. Вотъ, если бы Бѣльскіе, Шуйскіе, Воронцовы стояли за какія-нибудь измѣненія порядка въ государствѣ съ цѣлію расширить и упрочить права своего сословія или своей партіи на счетъ самодержавной власти — иное дѣло; но этого мы не видимъ.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, эти необузданныя, ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки? Гдѣ эта безпощадная борьба противъ нихъ за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее! Мы видимъ только вѣрныхъ и ревностныхъ рабовъ: только тогда, когда уже тяжело кому-нибудь покажется жить, тотъ убѣгаетъ! Неужели это борьба, да еще безпощадная? Покажите намъ хоть одинъ примѣръ, когда представитель самодержавной власти выходилъ съ войскомъ противъ полчища враговъ самодержавія? Покажите намъ хоть одинъ заговоръ съ цѣлію ниспровергнуть форму правительства? Мы видимъ безчисленное множество казней, совершавшихся по подозрѣнію, а не видимъ дѣйствительныхъ попытокъ произвести перевороты въ государствѣ, съ цѣлію подорвать единодержавіе и самодержавіе государя. Мы видимъ, какъ при дворѣ одни противъ другихъ враждуютъ, строятъ одни другимъ козни,

роютъ одни подъ другими ямы, но по отношенію къ верховной власти всѣ они покорные холопы. При Иванѣ Грозномъ представляется намъ единственный примѣръ, когда царь, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, нѣкоторое время управлялъ по совѣту Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, и какъ бы находился подъ ихъ опекою. Но все это касалось только личности Ивана, а не царскаго самодержавія вообще въ его идеѣ. Самъ Иванъ, по трусости, поддался нравственному вліянію умныхъ личностей, успѣвшихъ въ короткое время именемъ царя совершить истинно великія дѣла; но какъ мало расположены были эти люди поставить прочныя границы самодержавію и единодержавію, показываетъ то, что царь всѣхъ ихъ разогналъ, истребилъ, а потомъ уже многіе годы совершалъ чудеса тиранства, и все сходило ему съ рукъ. Мысль г. Забѣлина, что Рюрикова династія должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть, болѣе чѣмъ непонятна. У Ѳедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножался. По отношенію къ политическимъ событіямъ московскаго государства, предшествовавшимъ смутамъ, возникшимъ по прекращеніи Рюриковой династіи, это прекращеніе есть фактъ чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій въ связи съ политическими событіями.

Едвали въ силахъ доказать г. Забѣлинъ, будто закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интригъ боярскаго властолюбія. Мѣра эта, насколько намъ извѣстно, предпринята была въ тѣхъ видахъ, чтобы остановить усилившіеся побѣги и народныя переселенія, грозившія опустѣніемъ центру государства, и была въ свое время еще нужнѣе для государственныхъ цѣлей, чѣмъ для інтересовъ землевладѣльцевъ.

Вѣрный своей задачѣ — накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и на служилое сословіе и какъ можно болѣе въ привлекательномъ видѣ изображать своего «сироту-народъ», г. Забѣлинъ, переходя въ эпохѣ смутъ въ началѣ XVII-го вѣка, причину всѣхъ смутъ взваливаетъ исключительно на тотъ же служилый классъ: «Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю именно пластъ служебный, по древнему дружинный, а нынѣ уже холопій». Авторъ изображаетъ прекращеніе Рюриковой династіи въ видѣ смерти хозяина дома, послѣ котораго слуги-холопи бросились расхищать его достояніе, а сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло воровствомъ и всѣхъ заводчиковъ смуты ворами. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ, смуту распространялъ тотъ самый сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему. Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей. Люди, какъ скоро имъ становилось или казалось невыносимымъ отъ суровости властей и тяготы поборовъ и повинностей — бѣжали. Крестьянинъ уходилъ изъ волости, посадскій изъ посада; и тотъ и другой избавлялся побѣгомъ отъ участія въ платежахъ, работахъ и службахъ, увеличивая тѣмъ самымъ тягость тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ жительства, — боярскій холопъ бѣжалъ изъ боярскаго дома, бѣгалъ подъ

часъ служилый человѣкъ, избавляясь отъ государской службы. Бѣжать было дѣломъ обычнымъ: посадскіе люди и крестьяне безъ зазрѣнія въ своихъ челобитныхъ обѣщали, въ случаѣ отягощеній, разбрестись врознь. Бѣжать было куда: на югѣ и на востокѣ было много пустыхъ пространствъ, гдѣ можно было селиться, укрываясь отъ руки правительства. Но сосѣдство съ хищническими ордами дѣлало этихъ бѣглецовъ воинами; такимъ образомъ, сложилось военное общество, носившее назнаніе казаковъ, названіе, безъ сомнѣнія, заимствованное отъ татаръ. Къ сожалѣнію, появленіе казачества до сихъ поръ остается еще неизслѣдованнымъ. Замѣчательно, что почти одновременно тяга народа на югъ и образованіе казачества совершалось, какъ изъ Московскаго государства, такъ и изъ русскихъ земель, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ образованіи великорусскаго казачества, котораго ядро было на До́ну, участвовалъ элементъ малорусскій, Это усматривается, во-первыхъ, въ нарѣчіи, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ южномъ краѣ Донской Земли, обличаетъ смѣсь малорусской рѣчи съ великорусскою; во-вторыхъ — въ одинаковости названій чиновъ и въ сходствѣ устройства; въ-третьихъ, въ томъ, что въ движеніяхъ великорусскихъ казаковъ всегда почти принимали участіе малоруссы. Хотя война была главнымъ занятіемъ казаковъ, но у нихъ слагались своего рода идеалы общественнаго строя, которые они хотѣли видѣть осуществимыми: идеалы эти были противоположны государственнымъ порядкамъ. Вмѣсто подчиненія, казакъ считалъ личность свою ни отъ кого независимой; вмѣсто разверстокъ, разрубовъ, даней — казакъ зналъ равный дуванъ дохода отъ добычи и добровольную складку на общее дѣло: вмѣсто міра — у казаковъ былъ вольный казачій кругъ; казакъ не признавалъ для себя законною

иной власти, кромѣ той, которая выбрана въ этомъ вольномъ кругу и могла быть имъ же смѣнена; не терпѣлъ казакъ никакого тягла и прикрѣпленія, признавая право каждому приходить откуда угодно и уходить куда угодно, не терпѣлъ никакой неволи, господства человѣка надъ человѣкомъ, никакого холопства: казакъ днѣпровскій сталъ прирожденный врагъ польскаго пана, а донской ненавидѣлъ московскаго боярина; и тотъ и другой съ радостію принимали въ свою братскую семью бѣжавшихъ панскихъ и боярскихъ рабовъ и подданныхъ. У казака сложилась и своя, единственно допускаемая имъ, форма землевладѣнія: право каждому считать своею собственностію ту усадьбу, на которой онъ живетъ, и ту землю, которую самъ обрабатываетъ. Казакъ не зналъ различія людей по породѣ и ненавидѣлъ его. Всѣ власти, сверху поставленныя именемъ царя или короля, были ему равно противны, и только по отношенію къ самымъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить, но съ тѣмъ, чтобъ послѣдніе не мѣшались въ ихъ дѣла, и сами казаки считали себя отъ нихъ независимыми, а на свои услуги они смотрѣли какъ на добровольныя. Такъ какъ казацкое общество безпрерывно пополнялось новыми бѣглецами, то они не могли отрѣшиться отъ прежняго своего отечества, оторваться отъ всѣхъ его интересовъ, и потому, при удобномъ случаѣ, покушались къ враждебнымъ выходкамъ противъ государства. Ихъ казацкая страна была безъ границъ, какъ ихъ казацкая воля; отъ этого они стремились расширить ее на счетъ того государства, изъ котораго бѣжали сами или ихъ отцы. Такъ украинскіе казаки успѣли захватить и оказачить значительную часть южной Руси, хотя за то, во многомъ, измѣнили перво-

начальнымъ казацкимъ идеаламъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ мы видимъ подобное стремленіе у великорусскихъ казаковъ: во время возстаній, предпринимаемыхъ противъ государства, казаки старались захватить города и уѣзды, истребить въ нихъ поставленное отъ верховной власти начальство и ввести казацкое устройство.

Такъ было при Стенькѣ Разинѣ; то же повторялось во время бунтовъ Булавина и Некрасова. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII-го в. было, такъ сказать, школою, воспитавшею и укрѣпившею казачество. Правда, мы въ это время еще почти не видимъ положительнаго стремленія къ оказаченію страны, введенія формъ новой организаціи, но за то казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разъѣдая и истощая ненавистное ему государство. Народъ почуялъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человѣка былъ только идеалъ казака или подобіе его. Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ: тамъ не было ни промысловъ, ни торговли, жители были и бѣднѣе и отважнѣе; сосѣдство съ казаками увлекало ихъ. На сѣверѣ, гдѣ въ городахъ были промышленники и торговцы, люди зажиточные и домовитые, казацкій духъ распространялся сравнительно менѣе. Тогда, какъ извѣстно, къ казакамъ примыкали не только тѣ, которые носили это званіе, но и вообще всякіе искатели воли, и въ томъ числѣ разбойничьи шайки также величали себя казаками; да и другіе не отнимали отъ нихъ такого званія, только къ слову казаки прибавляли слово «воровскіе». Всѣ казацкія и казачествующія шайки составлялись изъ голи — голытьбы, бѣдняковъ, дышавшихъ ненавистью столько же къ богатымъ, сколько къ знатнымъ. Черный народъ, именно тотъ сирота-народъ, который г.

Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смутъ, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіей тогдашней смуты. Онъ-то приставалъ къ тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворамъ той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и поляки и свои удальцы проучили его — онъ опомнился, однако все-таки склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени и доставлять изъ своей массы контингентъ для разъѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачева включительно. Люди родовитые и вообще служилые, въ своемъ большинствѣ, всегда составляли консервативный элементъ: и въ смутное время Шаховскіе, Мосальскіе, Трубецкіе составляли временное исключеніе, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ полчищѣ Богдана Хмельницкаго были исключеніями приставшіе къ нему шляхтичи. Странно на такомъ основаніи утверждать, что шляхта сочувствовала казацкимъ возстаніямъ, но мало чѣмъ менѣе странно утверждать, вмѣстѣ съ г. Забѣлинымъ, что смуту производили бояре и служилые, а сирота-народъ постоянно былъ охранителемъ спокойствія и государственнаго порядка. Если единодержавіе и самодержавіе вели съ кѣмъ безпощадную борьбу, то именно съ этимъ «сиротою».

Мы, однако, не станемъ, въ обратномъ смыслѣ, поступать подобно г. Забѣлину, и, взваливая вину смутъ на черный народъ, признавать правыми родовитыхъ и служилыхъ. Ужь если кого обвинять, то прежде всего

послѣднихъ, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты. Но мы обвинять кого-нибудь считаемъ неумѣстнымъ. Виноваты ли тѣ и другіе, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ? Виноваты могутъ быть люди только тогда, когда имъ предстоитъ возможность и удобство отличать лучшее отъ худшаго и выбирать одно изъ другаго. Подобнаго положенія относительно сферы политической жизни въ московской исторіи не было тамъ, гдѣ не было такого умственнаго развитія, при которомъ возможенъ былъ выборъ. Люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ.

II.

Г. Забѣлинъ считаетъ неимѣющею историческаго значенія легендою записанный въ лѣтописи, отысканной г. Мельниковымъ, разсказъ о томъ, какъ Мининъ говорилъ нижегородцамъ о бывшемъ ему явленіи св. Сергія, какъ Биркинъ заявилъ-было сомнѣніе, а Мининъ заставилъ его замолчать, пригрозивъ объявить православнымъ кое-что такое, что зналъ за Биркинымъ. Г. Забѣлинъ смущается даже тѣмъ, что лѣтописный отрывокъ этотъ извѣстенъ только по рукописи XVIII вѣка.

Во всемъ этомъ разсказѣ, какъ и во всемъ повѣствованіи, къ которому онъ принадлежитъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Повѣствованіе, очевидно, составлено было во времена очень близкія къ описываемымъ собы-

тіямъ. Явленія святыхъ и разныя таинственныя видѣнія были въ ходу въ эту эпоху: объ этомъ говорится и въ Никоновской лѣтописи. Народъ, утомившись отъ бѣдствій, послѣ многихъ неудачныхъ усилій избавиться отъ нихъ, ожидалъ помощи свыше и потому всякое возбужденіе, обращенное къ народу, должно было дѣйствовать сильнѣе, когда подкрѣплялось свидѣтельствомъ объ участіи высшихъ силъ. Притомъ же, явленіе св. Сергія Минину наканунѣ воззванія его къ нижегородцамъ записано и въ чудесахъ св. Сергія: это обстоятельство подтверждаетъ справедливость извѣстія, передаваемаго лѣтописью. Являлся ли чудотворецъ Сергій дѣйствительно Минину, или890Мининъ выдумалъ это нарочно для того, чтобъ лучше подѣйствовать на народъ, мы не беремся рѣшать; по духу вѣка могло быть и то, и другое. Люди умные вѣрили въ чудеса и явленія святыхъ, но также, при случаѣ, для благой цѣли, не считали предосудительнымъ и сочинить. Такимъ образомъ, Курбскій, восхваляя Сильвестра, соглашается, что, быть можетъ, чудеса, которыми онъ дѣйствовалъ на царя Ивана, были мечтательныя, однако не только не находитъ такого обмана дурнымъ дѣломъ, а напротивъ еще прославляетъ за это мнимаго чудотворца, называя его благокозненнымъ льстецомъ и сравниваетъ съ врачемъ, прибѣгающимъ иногда къ обману, когда приходится ему подавать непріятное лекарство дѣтямъ. Отчего же Мининъ не могъ себѣ позволять того, что позволялъ Сильвестръ, личность не менѣе знаменитая и почтенная въ русской исторіи?

Что касается до Биркина, то отношеніе къ нему Минина въ томъ положеніи, въ какомъ находились тотъ и другой, вполнѣ заслуживаетъ вѣроятія. Г. Забѣлинъ порицаетъ меня за то, что я слово «сумняшеся» понялъ и выразилъ въ томъ смыслѣ, что Биркинъ сомнѣвался

въ дѣйствительности видѣнія, бывшаго Минину. Но въ лѣтописномъ разсказѣ смыслъ, къ чему относится слово «сумняшеся», черезчуръ ясенъ. Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; затѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, толковать-то нечего! Драгоцѣнное сказаніе рисуетъ намъ, что и событіе, безъ всякой легендарности и наглядно представляетъ черты того времени, разъясняя намъ то, на что, безъ этого, у насъ были только намёки. Биркинъ былъ соперникъ Минина, но собственно не врагъ самому начинанію; ему, какъ человѣку завистливому и себялюбивому, хотѣлось быть первымъ; ему досадно было, что первымъ дѣлается не онъ, а Мининъ. Это качество проявляется и въ послѣдующихъ поступкахъ этой личности (такъ понялъ Биркина и нашъ историкъ Соловьевъ, т. VIII, стр. 448). Биркину сразу хотѣлось подорвать Минина. Но Мининъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и осторожный, разсчелъ, что не слѣдуетъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ возбуждать домашнія ссоры, тѣмъ болѣе, что въ прочитанной передъ тѣмъ грамотѣ всѣ слышали убѣжденія оставить всякія недоразумѣнія и неудовольствія. Мининъ зналъ нехорошія дѣла за Биркинымъ и имѣлъ возможность ихъ обличить, но, уличая соперника всенародно, онъ тѣмъ самымъ бросилъ бы съ перваго раза зародышъ раздоровъ; у Биркина, конечно, были свои благопріятели, которые стали бы за него заступаться, да наконецъ уже одно то было бы дурно, что вниманіе нижегородцевъ отъ великаго общественнаго предпріятія, къ которому ихъ хотѣлъ подвинуть Мининъ, отвлечено было бы къ домашнимъ дрязгамъ. И вотъ бла-

горазумный Мининъ довольствуется только угрозою Биркину употребить, въ случаѣ крайности, то оружіе, которое у него есть въ запасѣ, если Биркинъ не перестанетъ заявлять себя противъ Минина. И Биркинъ, естественно, не будучи увѣренъ, что одолѣетъ Минина, не рѣшается вступать съ нимъ въ открытую вражду, и уступаетъ до поры до времени. Все это до чрезвычайности правдоподобно, отнюдь не легендарно и не могло быть никакъ составленнымъ въ позднее время, когда уже самое имя Биркина должно было забыться или во всякомъ случаѣ потерять живой интересъ современности. Мой достопочтенный критикъ ставитъ мнѣ въ вину и то, что, передавая слова, произнесенныя Мининымъ Биркину, я прибавилъ—*тихо* сказалъ. Однако, тотъ же мой критикъ говоритъ слѣдующее: «Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ, при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ». А если такъ, то какое же преступленіе, когда я, для объясненія и полноты, употребилъ черту, въ живой истинѣ которой едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе? Какъ же могъ сказать Мининъ Биркину, если не тихо? Если бы онъ сказалъ эти слова громко, то это равнялось бы исполненію той угрозы, которая заключалась въ произнесенныхъ Мининымъ словахъ.

Что касается до того обстоятельства, что повѣствованіе, отысканное г. Мельниковымъ, извѣстно по списку XVIII вѣка, то это само по себѣ не можетъ умалять достоинства источника до того, чтобъ лишать его достовѣрности. Иначе пришлось бы уничтожить древнюю лѣтопись, называемую «Несторовою», такъ какъ списковъ ея нѣтъ ранѣе XIV вѣка.

Г. Забѣлинъ силится доказать несправедливость моего

вывода, состоящаго въ томъ, что, по силѣ приговора, составленнаго Мининымъ, бѣдные отдавались въ кабалу богатымъ. «Фантазія эта, — говоритъ мой достоуважаемый противникъ — основана на буквальномъ толкованіи извѣстной рѣчи Минина: дворы, женъ и дѣтей закладывать и продавать, слова, которыя онъ самъ внесъ въ приговоръ». Да въ томъ-то и вся суть, что *внесъ въ приговоръ*. Въ этомъ приговорѣ положительно говорится: «быти имъ во всемъ послушнымъ и не противитися ни въ чемъ, а для жалованья ратнымъ людямъ имать у нихъ деньги, а если денегъ не достанетъ, имати у нихъ не точію животы ихъ, но и женъ и дѣтей имая отъ нихъ закладывати, чтобъ ратнымъ людемъ скудости не было» (Нов. Лѣт. 145). Мы не имѣемъ поводовъ не вѣрить существованію приговора, а смыслъ приведенныхъ изъ него словъ до того ясенъ, что не допускаетъ никакихъ изворотовъ. Намъ говорятъ, что до этого не должно было доходить, потому тогда брали пятую, а по другому извѣстію третью деньгу, слѣдовательно во всякомъ случаѣ извѣстный процентъ. Но, во-первыхъ: въ самомъ приговорѣ указывается, какъ поступать, если денегъ не достанетъ, во-вторыхъ: нельзя понимать этого такъ, чтобы слова пятая или третья деньга относились исключительно къ наличной звонкой монетѣ, иначе была бы допущена вопіющая несправедливость: брали бы съ тѣхъ, у кого были наличныя деньги, и не подвергали бы участію въ общей повинности тѣхъ, у кого не было на-готовѣ монеты, но были промыслы и имущества, приносящія доходъ. Слова третья или пятая деньга мы понимаемъ такъ, что они означаютъ вообще третью или пятую часть цѣнности имуществъ. Если же только хозяева принуждены были отчуждать значительную часть своего имущества, то понятно, что кабала была неизбѣжнымъ явле-

ніемъ, какъ она вообще въ древней русской жизни была дѣломъ обычнымъ и истекала изъ народныхъ нравовъ того времени. Даже и тогда, когда у хозяевъ было имущество, они могли находить для себя болѣе легкимъ отдавать въ кабалу членовъ своей семьи богачамъ, которые за нихъ заплатятъ часть слѣдуемую отъ нихъ на общее дѣло, и поступившіе въ кабалу могли въ теченіе годовъ отслужить заплаченное; это для отцовъ семействъ было удобнѣе, чѣмъ сразу лишиться значительной части имущества, черезъ то самое разориться, и въ концѣ концовъ идти уже быть можетъ въ вѣчную кабалу съ семействомъ. Сомнѣваться въ практическомъ примѣненіи составленнаго Мининымъ приговора значитъ увлекаться тою театральностію, которую г. Забѣлинъ отыскиваетъ у другихъ, и которою напротивъ г. Забѣлинъ самъ страдаетъ. У него Мининъ настоящій театральный герой псевдоклассической трагедіи, по правиламъ которой великій человѣкъ непремѣнно должень быть представленъ ходячимъ магазиномъ всѣхъ добродѣтелей, идеально-прекраснымъ существомъ высшей породы, чуждымъ не только пороковъ, но даже слабостей своего вѣка. Г. Забѣлину не нравится, что у меня Мининъ выходитъ какъ будто диктаторомъ, потому что «въ старомъ земствѣ нашемъ всякій, даже копѣечный сборъ и на всякій случай всегда неотмѣнно производился міромъ, по его разверсткамъ и разрубамъ, по самому возможно вѣрному распредѣленію, кому что въ силахъ платить». Наконецъ уже то, что Мининъ выбранъ былъ земскимъ старостою, достаточно, по мнѣнію моего противника, указываетъ въ пользу Минина: «онъ долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя, конечно, не могли быть худыя или сомнительныя черты».

Ужь если нашъ почтенный противникъ для характеристики дѣйствій Минина ссылается на формы обычнаго въ тѣ времена выборнаго управленія, которыя такъ превозноситъ, то и намъ позволено будетъ указать на примѣръ, какъ земскій староста, выбранный всенародно, показалъ такія «худыя или сомнительныя черты», которыя могли повести къ подачѣ на царское имя челобитной въ томъ, что этотъ староста, по словамъ посадскихъ, «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и въ расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да онъ же староста подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно, и ночи просиживаетъ, а на насъ сиротъ твоихъ, посадскихъ людей, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ земскимъ старостою насъ сиротъ твоихъ продаютъ и убытчатъ бо́льшею продажею и убытками, и мы сироты твои отъ такова озорничества и отъ напрасныхъ продажъ и убытковъ промыслишковъ своихъ отбыли и въ конецъ погибли и оскудѣли. Да онъ же староста Иванъ Смолянинъ, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, стакався съ воеводою, порядился у уѣздныхъ людей на нынѣшній 173-й годъ съ цѣловальники къ денежному сбору избиралъ онъ, Иванъ, ямскіе и полоняньныя деньги и законнаго даточнаго сборовъ и съ недорослей, по рублю съ двора, и отъ тѣхъ зборныхъ денегъ онъ, Иванъ Смолянинъ, имѣлъ себѣ большую по̆дмогу, а насъ, сиротъ твоихъ, ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и въ остуду великую» (Акты гор. Шуи, I. 324).

Мы бы могли привести также мѣста изъ наказовъ воеводамъ, гдѣ послѣднимъ поручается охранять посадскихъ и волостныхъ людей отъ ихъ же братіи, находившейся въ выборныхъ должностяхъ, но не хотимъ уто-

млять читателей выписками, тѣмъ болѣе, что г. Забѣлину, какъ знатоку нашей внутренней исторіи, это хорошо извѣстно. Мы указываемъ на эти черты, вовсе не желая тѣмъ сказать, что Мининъ былъ такой же земскій староста, какимъ представляются подобные Ивану Смолянину; мы думаемъ только видѣть въ этихъ примѣрахъ опроверженіе того мнѣнія, какое имѣетъ г. Забѣлинъ о важности мірскаго управленія, разверстокъ и разрубовъ и о характерѣ земскихъ старостъ вообще. Г. Забѣлинъ доказываетъ, что Мининъ, по своему положенію, не могъ быть диктаторомъ. Достаточно можно видѣть, что даже въ качествѣ земскаго старосты, Мининъ имѣлъ возможность быть диктаторомъ, а тѣмъ болѣе въ томъ положеніи, въ какомъ находился исключительно передъ всѣми земскими старостами, будучи выбранъ къ важному дѣлу, касавшемуся всей Русской земли, получивъ приговоръ, въ которомъ всѣ обѣщали повиноваться ему во всемъ, имѣя такимъ образомъ, по словамъ лѣтописателя, власть и силу. Г. Забѣлинъ, толкуя слова «власть въ людяхъ», говоритъ, что это вовсе не значитъ, чтобъ Мининъ имѣлъ власть надъ людьми, это означаетъ только, что возбуждалъ къ себѣ довѣріе. Но если такъ, то тѣмъ крѣпче и неограниченнѣе была его власть. По мнѣнію г. Забѣлина, Мининъ не могъ быть человѣкомъ суроваго и крутого нрава, потому что онъ былъ выбранъ, а по нашему — оттого-то, вѣроятно, его и выбрали, что знали его за человѣка суроваго и крутого нрава; тогда именно таковъ и былъ нуженъ, а не добродушный мямля. Многіе примѣры въ исторіи разныхъ народовъ указываютъ намъ, что въ критическія минуты общество для своего спасенія, довѣряя власть одному изъ своей среды, всегда предпочитаетъ человѣка энергическаго и крутого, потому что только такой характеръ и въ состояніи, на-

вести страхъ на эгоистическія побужденія отдѣльныхъ личностей и направить ихъ къ общей цѣли. Если вѣрить г. Забѣлину, при Мининѣ все шло согласно, всѣ должны принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Свидѣтельства источниковъ, однако, говорятъ не совсѣмъ такъ. Въ томъ же лѣтописномъ сказаніи, на которое г. Забѣлинъ опирается, говоря о третьей и пятой деньгѣ, прибавляется (Арх. Калач. I. 37): «а у иныхъ и силою начали отнимать». Да и самъ Мининъ не слишкомъ полагался на единодушіе нижегородцевъ, когда, получивъ отъ нихъ приговоръ, поспѣшилъ отправить его подалѣе «боясь, да не отнимутъ его паки».

Г. Забѣлинъ касается также толоконцовскаго дѣла, упомянутаго мною въ моей статьѣ: «Личности Смутнаго Времени». Г. Забѣлинъ замѣтилъ въ немъ невѣрность времени, и въ этомъ мы съ нимъ совершенно соглашаемся. Приводя прежде извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ права перемѣнить указанія года и числа, не видѣвъ самъ лично акта, о которомъ мнѣ сообщилъ достопочтенный П. И. Мельниковъ. Оказывается, что просьба бортниковъ была подана царю Михаилу. Такъ какъ, по изысканіямъ г. Забѣлина видно, что лица, поименованныя въ граматѣ, вѣдали большимъ дворцомъ уже съ воцаренія Михаила, то, вѣроятно, въ доставленномъ мнѣ спискѣ сдѣлана описка и 7120-й годъ поставленъ вмѣсто 7122-го. Сущность дѣла отъ этого не измѣняется; она состоитъ въ томъ, что по жалобѣ толоконцовскихъ бортниковъ отправленъ для обыска Антонъ Рыбушкинъ, и по обыску толоконцовскіе бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы. «Но толоконцовцы — говоритъ г. Забѣлинъ — могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись

всякія вещи для бо́льшаго объясненія своей правоты». Конечно, могли, но точно также можно наводить сомнѣніе на справедливость какъ всѣхъ вообще жалобъ на противозаконные поступки начальныхъ людей, такъ равно и всѣхъ вообще обвинительныхъ рѣшеній по такимъ жалобамъ. Дѣйствительно, обвиненіе на Минина въ посуловзимательствѣ и кривосудіи могло быть поклепомъ, но оно могло быть и справедливымъ, такъ какъ эти пороки были въ духѣ онаго времени и въ нравахъ общества, среди котораго жилъ и родился Мининъ.

Г. Забѣлинъ подробно излагаетъ біографію Пожарскаго и упоминаетъ о всѣхъ его дѣяніяхъ, доказывающихъ его безупречное поведеніе. Такъ какъ на счетъ этого я уже высказалъ свой взглядъ (Смутн. Вр. III. 245, 260.— Личн. Смутн. Врем. «В. Е.» іюнь 1871), непротиворѣчащій г. Забѣлину, то не считаю нужнымъ теперь распространяться. Замѣчу только, что достопочтенный авторъ не безпристрастно относится къ Пожарскому, стараясь обратить во вредъ Лыкову его заявленія о томъ, что Пожарскій при царѣ Борисѣ доводилъ на Лыкова «многіе затѣйные доводы, что будто онъ, Лыковъ, сходясь съ Голицынымъ да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждалъ и умышлялъ всякое зло, а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ ту же пору доводила царицѣ Марьѣ на матерь его, Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣжаючись съ княгинею Оленою, женою князя Василія Ѳедоровича Шуйскаго-Скопина и будто ся разсуждали про нее, царицу и про царевну Оксенью злыми словесы, и за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня (говоритъ Лыковъ) положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску». По мнѣнію г. Забѣлина, Лыковъ клеветалъ на Пожарскаго. Очень могло быть, что Пожарскій доводилъ на

Лыкова не по затѣйнымъ доводамъ, и доносъ его былъ не «лганье», какъ выражался Лыковъ, а дѣйствительно Лыковъ съ Татевымъ разсуждали о царѣ Борисѣ. Но едва ли Лыковъ указывалъ на такое дѣло, которое вовсе никогда и никакъ не происходило; едва ли Лыковъ рѣшился бы лгать такъ, что его могли тотчасъ обличить; болѣе вѣроятія, что со стороны Пожарскаго были доносы на Лыкова. Тогда было время доносовъ. Г. Забѣлинъ, называя заявленіе Лыкова сплетнею, на той же сплетнѣ основывается самъ: «изъ сплетни Лыкова — говоритъ онъ — видно, что Пожарскій съ матерью были въ приближеньѣ у царя Бориса». Слѣдовательно, изъ одного и того же извѣстія г. Забѣлинъ принимаетъ то, что̀ не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаетъ. Впрочемъ, если Пожарскій въ числѣ многихъ очутился въ числѣ наушниковъ тирана, этого ставить ему въ упрекъ нельзя; дѣло было обычное и въ тогдашнихъ нравахъ. Черта эта показываетъ только, что Пожарскій былъ въ то время, если не ниже, то не выше другихъ по своему нравственному достоинству. То же можно вывести и изъ споровъ о мѣстничествѣ. Пожарскій былъ до нихъ охотникъ, за что и платился, даже уже послѣ своей славы, и мы не можемъ согласиться съ нашимъ достопочтеннымъ противникомъ, что Пожарскій носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія, и наименѣе боярскія и дворянскія; мѣстническія счеты, которыми такъ испещряется біографія Пожарскаго, противорѣчатъ этому приговору и представляютъ Пожарскаго лицомъ чисто служащимъ.

III.

Теперь перейдемъ къ самому важному вопросу. Г. Забѣлинъ держится такого мнѣнія, что поляки были менѣе

опасные враги, чѣмъ своя внутренняя смута, и поэтому нетолько оправдываетъ Пожарскаго за его медленность въ Ярославлѣ, но видитъ въ этомъ доказательство высокаго благоразумія и способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень не жалуетъ Авраамія Палицына, который не одобрялъ этой медленности, видитъ въ его исторіи пустое риторство, умышленную ложь, хвастовство и желаніе преувеличить заслуги своего Троицко-Сергіева монастыря.

Намъ кажется, что задачею Пожарскаго было только прогнать изъ Москвы чужестранцевъ, разрушить ту тѣнь русскаго правительства, которая, прикрываясь личиною законности, могла еще, при удобномъ случаѣ, даже противъ собственнаго желанія членовъ, составлявшихъ это правительство, волновать край именемъ Владислава, надобно было уничтожить фактически призрачное царствованіе Владислава и открыть путь къ избранію царя изъ русскихъ людей; усмирять же смуту и умиротворять землю было задачею новоизбраннаго царя и его правительства, а не Пожарскаго. До того времени необходимо было, сосредоточивъ дѣятельность на изгнаніи поляковъ, сходиться даже и съ противными себѣ элементами, если только и они были противъ чужеземцевъ. Надобно было помнить русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай! Признавать за поляками того времени мало опасности, значитъ относиться слишкомъ легко къ тогдашней исторіи. Неудача поляковъ происходила отъ той легкомысленности, съ какою поляки очень часто не умѣли пользоваться собственными силами, но нельзя не обращать вниманія на эти силы, такъ какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ была возможность ими и воспользоваться. Польша въ тѣ времена обладала обаятельною, искусительною нравственною силою. Не говоря уже о пре-

восходствѣ польской цивилизаціи передъ такими странами, какъ московская Русь, польская шляхетская свобода была могучее орудіе. Польша была такая нація, которая способна была всякую страну, добровольно ли къ ней прильнувшую или покоренную оружіемъ, привязать къ себѣ дарованіемъ своихъ шляхетскихъ правъ высшему сословію этой страны, передавая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ порабощеніе низшіе слои народа. Такъ Польша поступила въ Литвѣ и въ тѣхъ Русскихъ провинціяхъ, которыя уже были соединены съ нею. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро успѣла Польша въ этихъ послѣднихъ не только привязать къ себѣ, но совершенно ополячить туземное высшее сословіе. Не далѣе какъ внуки, а иногда даже дѣти тѣхъ, которые отличались ревностію къ православію, стали фанатиками латинства, господствовавшаго въ Польшѣ. Обыкновенно такое перерожденіе приписываютъ іезуитамъ. Конечно, іезуиты играли здѣсь важную роль, но и безъ нихъ Польша въ своемъ строѣ имѣла много поглощающихъ и преобразующихъ силъ. Безъ іезуитовъ распространеніе католичества шло бы туже, православіе держалось бы долѣе, но перерожденіе дворянства совершилось бы одинаково: извѣстно, что самые ревностные защитники православія, долѣе другихъ державшіеся противъ увлекающаго потока, уносившаго отеческую вѣру, писали по-польски сочиненія въ защиту православной церкви, усвоили себѣ совершенно польскую рѣчь, польскіе нравы и были истыми поляками по своимъ понятіямъ и политическимъ симпатіямъ. То же произошло бы и въ московской Руси, еслибъ только поляки успѣли хоть сколько-нибудь установиться на ея почвѣ. Вначалѣ избраніе Владислава не было дѣломъ противнымъ боярамъ и дворянамъ: они, какъ извѣстно, броса-

лись просить милостей у Сигизмунда, когда онъ стоялъ подъ Смоленскомъ, русскимъ городомъ, пытаясь отнять его у державы, избравшей его сына въ цари. Не даромъ въ актахъ того времени мы встрѣчаемъ такую характеристику русскихъ людей: «только бъ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ; и за то кому было стояти; не токмо вѣру попрати, хотя бы на всѣхъ хохлы хотѣли учинити, и за то бъ никто слова не смѣлъ молыти» (А. А. Эксп. II. 321). Еслибы Сигизмундъ дѣйствовалъ иначе, и Владиславъ былъ коронованъ въ Москвѣ, коренное перерожденіе русскихъ пошло бы какъ по маслу. Бояре и дворяне сейчасъ бы почувствовали, что имъ дышется легко, что надъ ними не стало всемогущаго батога и, напротивъ, этотъ батогъ очутился въ ихъ рукахъ надъ остальнымъ русскимъ народомъ. Все, что только возвышалось по происхожденію, по званію надъ прочими, — все это пристало бы къ польской сторонѣ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ. Вотъ тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ такое раздвоеніе народа, которое воображаетъ себѣ существовавшимъ г. Забѣлинъ и котораго не было еще; это раздвоеніе наступило бы вовсе не оттого, чтобы въ служиломъ сословіи были располагавшія къ этому свойства, чуждыя остальному русскому народу; это раздвоеніе возникло бы потому, что полякамъ, по ихъ натурѣ и по ихъ цѣлямъ, нужно было бы вырвать одну часть народа изъ цѣлой его массы и возвысить для того, чтобы привязать къ себѣ, но возвысить ее можно было не иначе, какъ даровавши ей преимущества, вредныя для остальнаго народа, доводящія его до порабощенія. Конечно, прочности въ этомъ порядкѣ вещей не могло быть; польскому торжеству скоро наступилъ бы конецъ: по мѣрѣ большаго порабощенія

и униженія, народная громада теряла бы терпѣніе, возбуждался бы въ ней національный духъ, ненависть къ иноземному, стремленіе сбросить съ себя иноземное тяжелое ярмо; въ Руси былъ уже готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху; этотъ элементъ былъ казачество, народъ нашелъ бы въ немъ для себя опору и средоточіе: поднялось бы страшное народное возстаніе, произошло бы то же, что черезъ полвѣка происходило въ южной Руси, только въ большемъ размѣрѣ. Но то было еще вдалекѣ, а въ ближайшемъ — успѣхъ поляковъ повелъ бы за собою измѣну высшихъ слоевъ русскаго народа.

Дѣло было попорчено, но еще могло поправиться для Польши. Еще въ Кремлѣ былъ польскій гарнизонъ; еще тамъ находилось русское правительство въ лицѣ бояръ, которые, даже и по неволѣ, должны были дѣлать угодное полякамъ. Сигизмундъ съ Владиславомъ могли пріѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы: они ужь и такъ боялись прихода Ходкѣвича и умоляли земское ополченіе выручить ихъ. Но у поляковъ были не одни только Гонсѣвскіе да Струси, у нихъ былъ Жолкѣвскій — человѣкъ высокаго таланта, уже показавшій себя московскимъ людямъ, умѣвшій въ равной степени и поражать и обольщать ихъ. Бояре разослали бы граматы по всему государству о прибытіи законнаго царя, съ успокоительными завѣреніями на счетъ вѣры и съ обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей служилому сословію. Появленіе этого царя произвело бы сильное волненіе, образовалась бы многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться: элассонскій архіерей былъ къ услугамъ. Обрядъ коронованія возвысилъ бы его еще болѣе. Если уже въ царствованіе Ми-

хаила Ѳедоровича, когда на престолѣ въ Москвѣ сидѣлъ царь вполнѣ законный, избранный всею землею, прибытіе Владислава не осталось безъ вліянія, были случаи измѣны, въ Москвѣ народъ волновался, — то что̀ же было бы, если бы Владиславъ прибылъ въ то время, когда кромѣ него не было еще лица, носившаго, по праву избранія, титулъ царя, когда Москва со всею ея святынею была бы въ его рукахъ, когда первѣйшіе бояре московскаго государства уговаривали бы покориться царю, котораго они выставляли въ качествѣ законнаго государя? Что̀ бы дѣлалъ тогда Пожарскій въ Ярославлѣ? Неужели его защитники станутъ приписывать ему невозможную прозорливость, скажутъ, что онъ предвидѣлъ, что будетъ такъ, какъ сдѣлалось? Неужели Пожарскій могъ знать то, чего не знали поляки? Вѣдь сидѣвшіе въ Кремлѣ держались до такой крайности, что начали ѣсть другъ друга, именно оттого, что были увѣрены въ скоромъ прибытіи Сигизмунда и Владислава!

Но казаки? Но примѣръ Ляпунова? говорятъ намъ. На это мы замѣтимъ, что время, когда дѣйствовалъ князь Пожарскій, было уже не то, когда дѣйствовалъ Ляпуновъ. Вліяніе и могущество Заруцкаго ослабѣли. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что какъ только приблизилось земское ополченіе — онъ бѣжалъ. Казаки въ большинствѣ не послѣдовали за нимъ. Самое гнусное покушеніе на жизнь Пожарскаго только свидѣтельствуетъ о слабости Заруцкаго; злодѣй чувствовалъ, что проиграетъ, когда явится Пожарскій, и можетъ быть еще поставленъ будетъ въ необходимость дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, а потому и прибѣгнулъ къ такому средству. Спрашиваютъ: что вышло бы по отношенію къ казакамъ, если бы Пожарскій послушался увѣщаній троицкихъ властей и явился бы подъ Москвою ранѣе?

Вышло бы то же, что случилось, когда Пожарскій пришелъ и позже. Казаки ворчали на земскихъ людей, а все-таки вмѣстѣ съ ними бились противъ поляковъ. Казаки не любили земскихъ, но ненавидѣли поляковъ еще болѣе.

Ставятъ даже Пожарскому въ заслугу то, что онъ посылалъ отряды противъ казаковъ, появившихся около Антоньева монастыря и Пошехонья. Полагаютъ, что и по этой причинѣ ему не слѣдовало идти къ Москвѣ. Но что значитъ Антоньевъ монастырь около Бѣжецка и какое-нибудь Пошехонье, когда дѣло шло объ освобожденіи Москвы, сердца государства, о предупрежденіи опасности новаго вторженія иноземной силы и возможности страшныхъ потрясеній и волненій во всемъ государствѣ? Однако, не случилось такихъ бѣдствій, которыя могли бы случиться, скажутъ намъ, слѣдовательно Пожарскій своею медленностію не принесъ вреда. Да; не случилось, и оттого-то теперь есть возможность превозносить подвиги Пожарскаго и возводить его въ великіе люди. Сигизмундъ съ Владиславомъ не пришли въ пору — и Московское государство было избавлено отъ тѣхъ невзгодъ и смятеній, какія послѣдовали бы за ихъ своевременнымъ приходомъ. Но исторія не можетъ разсматривать событій безотносительно къ причинамъ ихъ. Избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.

По нашему убѣжденію, изъ всей подробной біографіи Пожарскаго, изложенной г. Забѣлинымъ, оказывается не то, чего хотѣлъ достопочтенный авторъ. Пожарскій является личностію политически-честною, человѣкомъ благодушнымъ, но по своимъ способностямъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ. Случай вре-

менно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда. Тѣмъ не менѣе, однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ. Замѣтимъ одно немаловажное обстоятельство. Уже послѣ воцаренія Михаила мы встрѣчаемъ не разъ Пожарскаго больнымъ. Онъ страдалъ чернымъ недугомъ. Что же, если, быть можетъ, эта болѣзнь играла роль и въ его прежней дѣятельности? Онъ могъ быть дѣйствительно человѣкомъ съ гораздо большими способностями, чѣмъ кажется по дѣламъ своимъ, но болѣзнь препятствовала ему проявить ихъ во всей силѣ. Поэтому-то, какъ и по другимъ признакамъ, возбуждающимъ безотвѣтные вопросы, мы все-таки, какъ прежде говорили, причисляемъ Пожарскаго къ личностямъ, которыя, по недостатку источниковъ, тускло отпечатлѣлись въ исторіи.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ за старца Авраамія Палицына.

Г. Забѣлинъ обвиняетъ его въ слѣдующемъ: «Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время починомъ Троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво расписываетъ, что ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими граматами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской разрухи».

Развертываемъ Сказанія Авраамія Палицына и находимъ не совсѣмъ то.

На стр. 248 (изд. 1822) въ главѣ 70-й мы встрѣчаемъ такое извѣстіе:

«Рязанскія же земли жители дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе воинскіе люди видяще толико насильство поляковъ, въ нихъ же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопей Петровичъ Ляпуновъ и сослашася съ Володимерцы и съ Ярославцы и съ Костромичи и съ Нижегородцы и съ государствомъ казанскимъ и съ волскими городами и со всѣми татары. Потомъ же того врага Заруцкаго увѣщаша многими дарми и посланми, съ нимъ же многіе казаки и сѣверскіе городы изволеніемъ Божіимъ обратишася, и тако изо всѣхъ градовъ Литву начаша изгоняти».

До этого времени ни о какихъ граматахъ отъ Троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впослѣдствіи, когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою и поляки зажгли столицу, троицкія власти узнали объ этомъ отъ прибѣжавшаго изъ Москвы боярскаго сына Якова Алеханова (стр. 247) и потомъ уже «разослаша граматы во всѣ городы россійскія державы» (стр. 249). Правда, уже послѣ этого, на стр. 251—253, Палицынъ исчисляетъ бояръ и воеводъ, пришедшихъ подъ Москву, но нельзя этому мѣсту давать такого смысла, какъ будто авторъ хочетъ сказать, что всѣ эти лица пришли подъ Москву и подвинулись первоначально на свой подвигъ по граматамъ Троицкаго монастыря, такъ какъ о первомъ ихъ движеніи сказано выше (на стр. 242) и этотъ фактъ отнесенъ ко времени, предшествовавшему разсылкѣ троицкихъ граматъ.

Г. Забѣлинъ представляетъ Авраамія пристрастнымъ благопріятелемъ казаковъ, человѣкомъ особенно державшимся Трубецкого. «Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству: поляки

и казаки, съ которыми требуется вести почти одинакіе счеты. Объ этомъ очень мало знали только троицкія власти съ своимъ келаремъ, Аврааміемъ Палицинымъ. Впрочемъ, могло и то случиться, что, живя вблизи казаковъ и казацкихъ воеводъ, они по необходимости должны были мирволить имъ». (Арх. 3. 4. 583). На стр. 602 г. Забѣлинъ говоритъ: «Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, троицкій келарь, старецъ Авраамій Палицынъ. По всему видно, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ нижегородскому: онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ». На стр. 603: «За кого, слѣдовательно, стоялъ Авраамій? Не иначе, какъ за свои личныя связи или за пріятельство, или за короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ «Сказаніи» онъ даетъ видное мѣсто».

И это не совсѣмъ такъ. Просмотримъ, напр., хоть то мѣсто, гдѣ Авраамій съ соболѣзнованіемъ говоритъ о смерти Ляпунова, описываетъ яркими красками злодѣянія казаковъ и представляетъ ихъ виновниками того, что войско, стоявшее подъ Москвой, разошлось. «Исполнишася зависти и ярости мужества его ради и разума, зѣло бо той Прокофей ревнуя о правовѣріи, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ казачьемъ воинствѣ, и призвавше его въ съѣздѣ возложиша нань измѣну и воставше убиша его. По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофьевѣ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіаномъ, врагомъ же полякомъ и русскимъ измѣнникомъ бысть радость велика; казаки же начаша въ воинствѣ великое насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ же начаша и села и

деревни грабити, крестьянъ мучити и побивати, а такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града... разыдошася вси насилія ради казаковъ» (стр. 256). Эта картина не показываетъ въ авторѣ пристрастнаго благопріятеля казаковъ, человѣка, который мирволилъ имъ. Мы увѣрены, что троицкія власти съ своимъ келаремъ, точно также, какъ и «вся Земля», знали и понимали, что у московскаго государства было двое враговъ: поляки и казаки, и что съ тѣми и съ другими надобно было вести почти одинаковые счеты, только они, какъ благоразумные люди, также понимали и то, что нельзя было вести счетовъ съ обоими разомъ, а слѣдовало сначала окончить счеты съ одними, чужими, а потомъ, уже считаться и съ другими, своими.

Можетъ быть съ бо̀льшимъ основаніемъ г. Забѣлинъ могъ догадываться о расположеніи Палицына къ самому Трубецкому. Но чѣмъ, въ сущности, это доказывается? Тѣмъ только, что онъ нигдѣ не порицаетъ Трубецкого, хотя послѣдній и былъ достоинъ порицанія за прежнее служеніе вору и за потачку Заруцкому. Но вѣдь Авраамій его особенно и не прославляетъ. Современники, однако, также не смотрѣли на Трубецкого такими глазами, какими теперь смотримъ на него мы, припоминая всѣ предшествовавшія его дѣянія. По соединеніи съ Пожарскимъ Трубецкой тотчасъ же получилъ первенство, какъ главный воевода, а земская дума признавала за нимъ великія заслуги, когда награждала его Вагою. Очевидно, современники забыли его темныя дѣянія, не подозрѣвали его въ участіи въ убійствѣ Ляпунова, принимали въ уваженіе его долговременное стояніе подъ Москвою. Вообще мы видимъ здѣсь то благодушное свойство великорусскаго характера, который, по пословицѣ: быль молодцу не укоръ, — прощаетъ и забы-

ваетъ дурные поступки за послѣдующіе хорошіе. Чѣмъ же виноватѣе Авраамій земской думы и своихъ современниковъ?

Въ сказаніи Авраамія много риторства, но у кого же изъ грамотнаго люда его не было. Развѣ меньше риторства въ томъ отрывкѣ, который приводитъ г. Забѣлинъ о Мининѣ, гдѣمининъ сравнивается съ Гедеономъ и Зоровавелемъ.

Но мы далеки отъ того, чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ, очевидно, есть легенды, неимѣющія за собою объективной истины, хотя все-таки сохраняющія для историка достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ. Мы согласимся съ г. Забѣлинымъ, что старецъ немного и прихвастываетъ. По крайней мѣрѣ, въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ въ день битвы съ Ходкѣвичемъ уговорилъ казаковъ, чувствуется, что если онъ здѣсь и не сочинялъ вовсе, то поставилъ себя уже слишкомъ на первомъ мѣстѣ и далъ описываемому событію такое освѣщеніе, какого могло бы и не быть, если бы другой очевидецъ, не пристрастный къ личности Авраамія, описывалъ то же. Но это не болѣе, какъ чувствуется. Повѣрить — нечѣмъ, и отвергать вовсе также нѣтъ основанія. Поэтому-то въ своемъ сочиненіи «Смутное время» я, передавая эти событія, счелъ нужнымъ оттѣнить его словами: «Если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль», — и тѣмъ самымъ относилъ его къ ряду такихъ многочисленныхъ въ исторіи мѣстъ, когда чувствуется, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе — нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе. Что

касается до укоровъ Пожарскому за медленность, то намъ вполнѣ понятно, что троицкія власти съ своимъ келаремъ были правы, и еслибъ даже никто изъ современниковъ не укорялъ Пожарскаго за эту медленность, то мы бы все-таки сочли ее дѣломъ неумѣстнымъ, потому что она подвергала опасностямъ все государство.

ВЕЛИКОРУССКАЯ

НАРОДНАЯ ПѢСЕННАЯ ПОЭЗІЯ.

ВЕЛИКОРУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПѢСЕННАЯ ПОЭЗІЯ.

По вновь изданнымъ матеріаламъ.

Собраніе, приведеніе въ научный порядокъ, объясненіе и приложеніе къ вопросамъ исторіи простонародныхъ нашихъ пѣсенъ составляетъ предметъ немаловажныхъ задачъ современной умственной дѣятельности нашей. Объ этомъ у насъ говорили много, но нельзя сказать, чтобы сдѣлано было столько, сколько можно и нужно было сдѣлать.

Къ произведеніямъ народнаго творчества не слѣдуетъ относиться такъ, какъ мы обыкновенно относимся къ литературнымъ произведеніямъ. Народныя произведенія иначе составляются, чѣмъ послѣднія, иначе распространяются, иначе оказываютъ свое вліяніе на среду, воспринимающую ихъ, а потому иначе должны быть изучаемы и понимаемы. Народныя произведенія не выходятъ изъ рукъ авторовъ въ цѣломъ и законченномъ видѣ, они творятся цѣлою массою людей, цѣлыми поколѣніями, подвергаются въ слѣдующихъ поколѣніяхъ передѣлкамъ, иногда до такой степени значительнымъ, что въ нихъ едва можно примѣтить старую редакцію, — видоизмѣняются сообразно мѣстностямъ и условіямъ народной жизни, принимаютъ въ себя неуловимые, безчисленные оттѣнки людскихъ кружковъ и личностей. При поверх-

ностномъ взглядѣ, народная поэзія можетъ показаться однообразною, но, чѣмъ глубже мы всмотримся въ нее, тѣмъ безграничнѣе и удивительнѣе будетъ казаться ея разнообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдимся, что все это разнообразіе проникнуто единымъ духомъ, опредѣляющимъ самоличность народа. Поэтому важность народныхъ произведеній для мыслящаго изслѣдователя протекшей и современной жизни народа, опредѣляется преимущественно степенью и способомъ ихъ распространенности въ этомъ народѣ. Пѣсня народная тогда только для насъ получаетъ вполнѣ ясный смыслъ, когда намъ становится извѣстнымъ: въ какихъ мѣстностяхъ, при какихъ условіяхъ жизни и народнаго быта она является, сохраняется, расходится, видоизмѣняется и исчезаетъ. Только тогда мы изъ нея узнаемъ все то, что̀ она выражаетъ. Безъ этого — народное произведеніе часто дѣлается непонятнымъ, и мы, воображая себѣ, что намъ ясно въ сущности неясное, будемъ безпрестанно впадать въ двусмысленныя или ошибочныя заключенія. Кромѣ того, указанныя нами свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа, — а затѣмъ, событія, повороты, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ бы то ни было актовъ, записокъ и т. п. Взвѣшивая эти черты народной поэзіи, мы еще не видимъ въ нашей наукѣ

средствъ, пособій и матеріаловъ, при которыхъ историкъ могъ бы достигнуть такого пониманія и усвоенія, и приходимъ къ неизбѣжному, вовсе неотрадному заключенію, что въ области знакомства нашего съ велико-русскими простонародными пѣснями сдѣлано немного.

Мы никакъ не станемъ умалять заслугъ нашихъ почтенныхъ собирателей, обогатившихъ въ послѣднее время нашу литературу своими изданіями; но въ ихъ сборникахъ обращено преимущественно вниманіе на рѣдкія, обветшалыя и вымирающія въ народѣ явленія народной поэзіи, которыхъ, по причинѣ ихъ исчезновенія въ массѣ, приходилось отыскивать въ краяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ теченія жизни подъ современными условіями; таковы, такъ-называемыя, былины.

Съ нашей точки зрѣнія чрезвычайно важны пѣсни наиболѣе распространенныя, наиболѣе обычныя, наиболѣе оказывавшія вліянія въ той средѣ, гдѣ онѣ въ ходу, и наиболѣе дающія средствъ для узнанія разныхъ сторонъ повседневнаго народнаго быта и для уразумѣнія понятій, чувствованій и воззрѣній народа въ сферѣ его дѣйствительной жизни, какъ протекшей, такъ и настоящей, Сюда принадлежатъ пѣсни обрядныя, какъ относящіяся къ различнымъ временамъ года, такъ и къ различнымъ случаямъ семейной жизни, пѣсни любовныя, семейныя, пѣсни рекрутскія, солдатскія, разбойничьи, казацкія, тюремныя и пр., всѣ вообще выражающія разныя положенія, въ которыхъ находился народный человѣкъ въ общественной сферѣ и въ семейномъ быту, однимъ словомъ, пѣсни бытовыя, и причисляемъ сюда также пѣсни о событіяхъ изъ народнаго быта и народной исторіи, возбуждавшихъ участіе народнаго чувства: эти пѣсни народъ иногда называетъ простыми, когда приходится отличать ихъ отъ духовныхъ стиховъ, былинъ или истори-

ческихъ пѣсенъ; собственно эти пѣсни преимущественно и заслуживаютъ названія пѣсенъ, такъ какъ, напр., былины составляютъ особый отдѣлъ народной поэзіи, образующій переодъ отъ пѣсенъ къ сказкамъ, такъ что вопросъ о принадлежности былинъ къ пѣснямъ можетъ еще подвергаться изслѣдованію. Эти-то пѣсни, считаемыя нами чрезвычайно важными, подвергались замѣчательному невниманію со стороны собирателей и ученыхъ, такъ что желающій изучать по нимъ народную жизнь, встрѣтитъ большой недостатокъ средствъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ, наиболѣе важныхъ, сборниковъ такихъ пѣсенъ сдѣлались библіографическою рѣдкостью, какъ, напр., пѣсни Сахарова, которыя можно теперь пріобрѣсть развѣ за огромную цѣну, а важное изданіе пѣсенъ прошлаго столѣтія, сдѣланное Новиковымъ, едва ли отыщется въ Публичной Библіотекѣ. Иныя собранія теряются въ періодическихъ изданіяхъ разныхъ годовъ. Въ настоящее время слѣдовало бы собрать воедино все это напечатанное и, сколько возможно, очистивъ критикою, принять въ пособіе для будущаго изданія, а между тѣмъ предпринять новое, широкое, повсемѣстное собраніе пѣсенъ, уже соблюдая иной способъ и иные пріемы, а не тѣ, какими руководствовались въ былыя времена. Необходимо издать такой сборникъ, гдѣ явно оказывались бы отличія и сходства народной поэзіи во всѣхъ краяхъ Руси, гдѣ бы видно было, какія пѣсни поются въ одномъ краѣ, и не поются въ другомъ, какъ видоизмѣняются и передѣлываются пѣсни, сообразно различіямъ мѣстностей, языка и быта народа. Въ настоящее время, еслибы предложить такого рода вопросы: чѣмъ отличаются пѣсни внутреннихъ великорусскихъ губерній отъ пѣсенъ Поволжья, или пѣсни земледѣльческаго населенія отъ пѣсенъ промышленниковъ? какой взглядъ у русскаго народа

на ту или другую сторону его жизни и быта? — то эти вопросы (какъ скоро надобно было браться за пѣсни) едва ли кѣмъ-нибудь изъ ученыхъ могли быть рѣшены съ подобающею точностью. Между тѣмъ такихъ и подобныхъ вопросовъ можетъ возникнуть цѣлый рядъ; никто не будетъ сомнѣваться въ ихъ важности, но никто не будетъ въ состояніи дать на нихъ отвѣты.

Желаемое нами — и, какъ мы смѣемъ думать, настоятельно необходимое для науки собраніе пѣсенъ, конечно не подъ силу частнымъ лицамъ, но у насъ есть ученыя общества, у насъ есть этнографическое отдѣленіе географическаго общества, которому, по его спеціальности, болѣе всего подобаетъ заняться такимъ дѣломъ.

Мы смѣемъ надѣяться, что и наше правительство, сознавъ важность такого предпріятія, не откажется пособить исполненію его и денежными средствами, но частныя лица должны постараться содѣйствовать ему какъ своею дѣятельностью, такъ и пожертвованіями. Было бы чрезвычайно полезно, еслибы кто-либо изъ нашихъ ученыхъ, кому спеціально близко изученіе русской народности, открылъ публичныя лекціи этнографіи съ цѣлью ознакомить публику, какъ съ тѣмъ значеніемъ, какое признала за собраніями памятниковъ народной поэзіи европейская наука, такъ и съ этнографическою литературою у насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти чтенія должны были бы возбудить участіе къ изученію народности вообще и указывать пути и средства для тѣхъ, которые начинаютъ трудиться на этомъ полѣ.

Но пока-то осуществятся наши желанія, а между тѣмъ на этомъ полѣ работаютъ съ постоянствомъ и безкорыстіемъ скромныя частныя лица, не ищущія ни громкаго имени, ни выгодъ, но оживленныя горячею любовью къ своему предмету. Не слѣдуетъ забывать ихъ, не слѣ-

дуетъ и оставлять безъ вниманія и оцѣнки того, что они успѣли сдѣлать для науки.

Таковъ именно достопочтенный образчикъ этнографическаго труженичества — сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Шейномъ и напечатанный первоначально въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» [1]).

Петръ Васильевичъ Шейнъ, родомъ еврей, въ молодости принялъ христіанство не изъ разсчета, какъ поступаютъ нерѣдко его соплеменники, а изъ убѣжденія, и съ тѣхъ поръ предался всею душею русскому народу, посвятивъ себя изученію его народности и собиранію его народныхъ поэтическихъ произведеній. Онъ исполнялъ свое дѣло съ рѣдкою страстною любовью и удивительнымъ постоянствомъ. Для этого дѣла, по его словамъ, отрекся онъ отъ эгоистическихъ видовъ въ жизни, остался до старости безсемейнымъ бобылемъ и, находясь въ должности учителя разныхъ предметовъ, переходилъ изъ губерніи въ губернію, служилъ въ Тульской, Тверской, Симбирской, — домогаясь перевода съ мѣста на мѣсто, съ цѣлью ознакомиться съ русскимъ народомъ въ различныхъ краяхъ его неизмѣримаго отечества и какъ можно болѣе оразнообразить и обогатить свой сборникъ пѣсенъ, который онъ наполнялъ съ самою почтенною добросовѣстностью. Средства у него были самыя ограниченныя, какія только могутъ быть у бѣднаго учителя, и, при этихъ средствахъ, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы имѣть возможность жертвовать на любимое свое пред-

---

[1]) Въ настоящее время этотъ сборникъ существуетъ въ видѣ отдѣльной книги: «Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ. Часть первая. Изд. Имп. Общества Истор. и Древн. при Москов. Университетѣ».

пріятіе. Въ настоящее время онъ находится въ Витебскѣ въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка въ гимназіи, и перешелъ туда тоже не съ иною цѣлью, какъ съ желаніемъ изучить бѣлорусскую народность и собрать бѣлорусскія пѣсни, чтó уже ему и удалось въ значительной степени. Первая часть его сборника великорусскихъ пѣсенъ, какъ мы уже сказали, напечатана, но у него готова вторая, по нашему мнѣнію, еще болѣе интересная, по крайней мѣрѣ болѣе рельефно выказывающая рѣзкія стороны народной дѣятельности, такъ какъ туда вошли пѣсни былевыя, разбойничьи, тюремныя, казацкія и другія. Этотъ второй томъ доставленъ былъ имъ въ географическое общество, и мы бы желали, чтобъ этнографическое отдѣленіе незамедлило познакомить цѣнителей народной поэзіи съ этимъ сокровищемъ.

Нельзя безъ сожалѣнія упомянуть о несчастіи, постигшемъ г. Шейна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его предпріятіе. Почтенный собиратель отправилъ, какъ онъ самъ говорилъ, до двухъ сотъ пѣсенъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей чрезъ московскій университетъ, и что же? Пѣсни эти получены въ университетѣ — и пропали! Собиратель, надѣясь на аккуратность и честность почтоваго вѣдомства, не могъ себѣ допустить и мысли о томъ, чтобъ его пѣсни, сохранившись на почтѣ, погибли въ храмѣ наукъ. Надобно видѣть, до какой степени это печальное происшествіе привело его въ горесть и уныніе. Тому уже прошло довольно времени, но г. Шейнъ не можетъ говорить объ этомъ несчастьѣ безъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Такое лицо, свято и безкорыстно посвятившее себя прекрасному дѣлу, полезному для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только однимъ — даровать ему средства и содѣйствіе къ

продолженію своего дѣла. Этотъ человѣкъ весь преданъ ему, любитъ его болѣе всего въ мірѣ и, несмотря на свои немолодыя лѣта и очень хилое здоровье, готовъ еще и, конечно, можетъ сдѣлать болѣе десяти другихъ молодыхъ и здоровыхъ, съ его необыкновенною любовью и неутомимою дѣятельностью. Дай Богъ, чтобъ на Руси не переводились такіе почтенные труженники, которые, не возносясь высоко, не принимая на плечи свои тягости, которой они нести не могутъ, работаютъ скромно, но дѣлаютъ столько, сколько сдѣлать въ состояніи по своимъ способностямъ и обстоятельствамъ жизни.

Первая часть сборника г. Шейна представляетъ собою все теченіе жизни русскаго народа въ семейномъ быту его, начиная отъ колыбели и кончая могилою. Эта часть открывается дѣтскими пѣснями, заключается похоронными.

I.

Дѣтскія великорусскія пѣсни всѣ почти короткіе разговоры, въ которыхъ господствуетъ игра словъ и созвучій, часто при совершенной нелѣпости содержанія; иногда умышленно подбираются неестественныя и дикія положенія, сближенія и разсказы, иногда же набираются слова безъ всякой связи, въ родѣ:

Первый банъ,
На колодѣ барабанъ,
Пятьдесятъ судьевъ,
Пономарь ульевъ;
Пѣли, горѣли,
За морью полетѣли и пр.

Въ дѣтскихъ пѣсняхъ въ замѣчательномъ обиліи являются разные предметы природы, особенно животныя: *котикъ сѣренькій — хвостикъ бѣленькій*, *убаюкивающій*

ребенка; — кошка, у которой домъ загорѣлся; — коза-лубяные-глаза; — волкъ на работѣ; — пѣтухъ, подающій голосокъ на боярскій дворокъ; — козелъ бабушкинъ — хвастунъ, который хвалится поймать семь волковъ и убѣгаетъ отъ одного зайца; — сорока варитъ кашу; — сова выходитъ замужъ, то за князя-гуся, то за луня, — птицы пируютъ у ней на свадьбѣ; — заяцъ въ сафьянныхъ сапожкахъ; — лисичка-сестричка; — медвѣдь на рѣшеткѣ; — голуби, воробьи; курица печетъ лепешки, таракан дрова рубитъ, комаръ воду тащитъ и пр. Обращаются къ дождю, просятъ его пойти и обѣщаются за то дать ему похлебать гущи; обращаются къ солнцу, и говорятъ, что его дѣтки плачутъ—масло колупаютъ и раздаютъ собакамъ и кошкамъ. Сквозь эту дѣтскую болтовню, проглядываютъ слѣды древняго времени; въ одной, напримѣръ, дѣтской пѣснѣ встрѣчаемъ тіуна:

Куколка, куколка,
Боярыня куколка,
Зачѣмъ вечоръ не пришла?
Побоялась тивуна.
Тивунъ тебѣ не судья,
Судья тебѣ архирей!

Еще рѣзче даютъ о себѣ знать отдаленныя, давно протекшія времена въ одной извѣстной пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ турки (въ другихъ извѣстныхъ намъ варіантахъ татары) берутъ въ плѣнъ старую женщину; она достается въ невольницы татарину или турку, у котораго женою дочь этой старухи. Эта пѣсня, собственно, однако, не дѣтская; она поется отдѣльно, какъ особая пѣсня, а сдѣлалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣтскою оттого, что въ ней встрѣчается выраженіе: «ты баю, баю, мое дитятко!» Вотъ напримѣръ, какъ часто пѣсни измѣняютъ свое значеніе и по нѣкоторымъ частнымъ чертамъ принимаютъ иное примѣненіе.

За дѣтскими пѣснями у г. Шейна слѣдуютъ пѣсни хороводныя, которыя собиратель дѣлитъ на три вида: *наборныя*, — (у Сахарова нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсенъ отмѣчены именемъ сборныхъ) — *игровыя* и *разводныя*.

Къ первому отдѣлу г. Шейнъ причисляетъ такія, которыхъ содержаніе, такъ или иначе, заключаетъ въ себѣ приглашеніе къ хороводу, приготовленіе къ хороводному сбору и первое сближеніе молодца съ дѣвицею. Пѣсни эти вообще коротки.

Дѣвица ищетъ, ждетъ молодца, встрѣчаетъ молодца, молодецъ забирается къ дѣвицѣ, выбираетъ дѣвицу, ведетъ дѣвицу на игрище; цѣлая группа молодцовъ идетъ выбирать дѣвицъ; дѣвица работаетъ и хочется ей гулять; она находитъ себѣ молодца. Иногда подобная пѣсня говоритъ о предметѣ, повидимому, совсѣмъ не относящемся къ дѣлу, а въ концѣ является черта приготовленія къ хороводу; такъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что мужья ушли молотить, а женъ своихъ уложили спать, а потомъ слѣдуютъ стихи:

Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ хороводъ.

Во множествѣ пѣсенъ такого рода подобная фраза служитъ неизмѣннымъ типическимъ мѣстомъ, обыкновенно заканчивая пѣсню.

Символическаго отношенія къ природѣ здѣсь нѣтъ. Образовъ въ этихъ пѣсняхъ довольно; но они относятся ко внѣшнему виду молодцовъ и дѣвицъ, и при этомъ господствуютъ признаки новѣйшей жизни. Такимъ образомъ, въ описаніи наряда молодца встрѣчаются:

Сибирка въ обтяжкѣ,
Часы во карманѣ.

Является желѣзная дорога:

Полюбилъ парень дѣвочку,
Съ перевозу мѣщанинъ,
За ручку ухватилъ,
На машинку посадилъ.

Къ удивленію нашему мы наткнулись даже на газеты:

По дорожкѣ по большой
Бѣжитъ маленькій штафетъ:
Несетъ милому газетъ.
Мы газеты принимали,
Распечатали, читали.

Замѣчательно, какъ русское молодечество, которое высказывается въ образѣ добраго молодца, переходитъ и на дѣвицу. Дѣвицы хоровода представляются воинственными; онѣ идутъ по городу и несутъ на плечахъ ружья; генералъ, какъ увидѣлъ ихъ, то пожалѣлъ о томъ, что раньше женился на барынѣ, а то могъ бы взять себѣ въ жену одну изъ такихъ воиновъ въ юбкахъ.

Вообще форма этихъ пѣсенъ, какъ и большей части хороводныхъ — новая; старыя пѣсни безпрестанно подправляются, поновляются, передѣлываются, движутся вмѣстѣ съ жизнью, но черты глубокой древности проглядываютъ изъ-подъ новой оболочки: такимъ образомъ, рядомъ съ машинами и газетами, вы встрѣчаете разуваніе мужа, переносящее насъ прямо во времена Владиміра и Рогнѣды. Вотъ, напримѣръ, пѣсня, несомнѣнно старая:

На рѣчкѣ, на островкѣ,
На ракитовомъ на кустикѣ,
Не соловьюшка пѣсенку поетъ,
Молодой мальчикъ погуливаетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:
Вы гуляйте-ка, дѣвицы,
Веселитеся, красавицы,
Покуда воля-та батюшкина,
Небольшая нѣга матушкина,
Не въ равны вы люди выдете,

Не ровенъ женихъ навяжется.
Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвицу хорошенькую.

Эта пѣсня съ своими дактилическими окончаніями, съ своими чертами стариннаго затворничества и невольничества женщины, словно столѣтняя старуха въ кругу молодежи, — между риѳмованными, почти хореическими пѣснями, большею частью съ удареніемъ на окончаніи, вообще сбивающимися на литературность, въ родѣ слѣдующей:

Васиньку, Васильюшка,
По что бранить, по что журить?
Не ты купилъ, не ты дарилъ;
Мнѣ купили купцы,
Подарили молодцы
Носи, Машенька, капотъ,
Чтобы не было хлопотъ!
Если будешь хлопотать,
Тебѣ салопа не видать.

Если въ наборныхъ пѣсняхъ природа не играетъ никакой роли, то въ *игорныхъ* нѣкоторые предметы природы являются съ блѣдными признаками древняго символическаго значенія.

Таковы нѣкоторыя растенія. Вотъ ленъ: дѣвицы сѣютъ, растятъ его, а молодцы вытаптываютъ: это на пѣсенномъ языкѣ всѣхъ славянскихъ народовъ вообще означаетъ дѣвичество и первое знакомство съ любовью; хмѣль — символъ удалаго молодца, представленіе глубоко древнее, что̀ мы видимъ и въ пѣсняхъ малорусскихъ, польскихъ, словацкихъ; съ нимъ связывается образъ варенія пива, образъ радушія и веселости; потоптаніе травы — символическое выраженіе половаго сближенія: то же въ пѣсняхъ другихъ славянъ и литовцевъ. Сѣяніе мака, ржи, проса — составляющее предметъ хороводныхъ игръ, очень близко къ подобнымъ образамъ у другихъ

славянъ (южно-руссовъ, поляковъ и чеховъ), и вѣроятно эти игры не что иное, какъ обломки древняго языческаго освященія земледѣльческихъ работъ при началѣ лѣта. Изъ животныхъ — первое мѣсто занимаетъ хороводный заяцъ, «заинька сѣренькій», котораго дѣвицы загоняютъ въ «городъ», такъ что ему некуда выскочить, заяцъ, символизующій молодца, плѣнившагося дѣвицею.

Содержаніе хороводныхъ игровыхъ пѣсенъ главнымъ образомъ вращается около знакомства съ любовью и ожиданіемъ будущей брачной жизни. Молодецъ раздумываетъ — какую невѣсту ему взять; дѣвица — какой-то у нея будетъ свекоръ, или какъ мужъ будетъ учить жену; молодецъ выбираетъ себѣ дѣвицу — невѣсту, и это изображается въ различныхъ видахъ. Къ играмъ, выражающимъ этотъ же смыслъ, принадлежитъ «король», игра общая какъ великоруссамъ, такъ и другимъ славянскимъ народамъ, и безъ сомнѣнія чрезвычайно древняя. Король ищетъ себѣ невѣсты въ хороводѣ; въ другихъ варіантахъ вмѣсто короля — князь, и эта форма еще древнѣе, она болѣе туземная, такъ какъ въ великорусскихъ и малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ носитъ названіе князя, а невѣста княгини. Игра въ «короля» или «князя», видоизмѣняясь, выдѣлила изъ себя другую подобную игру съ хороводною пѣснею: «бояринъ и царевна»; но должно думать, что это выдѣленіе произошло во времена отдаленныя, а никакъ не въ московскій періодъ, и представленіе о царской семьѣ относилось еще къ Византіи. Это видно изъ соотвѣтствующей южнорусской игровой пѣсни, гдѣ къ царевнѣ пріѣзжаютъ съ свадебнымъ предложеніемъ гости изъ Кіева отъ царенка (царевича). Въ великорусской пѣснѣ царевичъ (вѣроятно прежде княжичъ) превратился въ боярина. Игровая пѣсня, въ которой изображается, какъ постылый мужъ умеръ, а по-

томъ ожилъ, несомнѣнно древнѣйшаго происхожденія; она имѣетъ себѣ варіантъ въ малорусской игрѣ, называемой «перепелка», въ которой изображается, что мужъ умеръ и жена надъ нимъ плачетъ, потомъ мужъ ожилъ и жена радуется;—а эта игра съ пѣснею представляетъ сходные признаки съ тою игрою, которая заключаетъ въ себѣ языческое изабраженіе годичныхъ перемѣнъ въ видѣ смерти и возстанія миѳическаго существа, подъ именемъ Коструба, Костромы, Ярила и проч. Все это признаки, показывающіе, что великорусскія игры и соотвѣтствующія имъ игровыя хороводныя пѣсни, не смотря на всѣ подновленія и даже, повидимому, полную переработку формъ, сохранили въ себѣ достаточное количество такихъ чертъ, по которымъ можно видѣть ихъ древнее единство съ поэтическимъ міромъ другихъ славянъ. Есть однако въ великорусскихъ хороводахъ черты самобытныя до такой степени, что онѣ противорѣчатъ тому, что́ мы видимъ у послѣднихъ. Такъ въ пѣсняхъ всѣхъ другихъ славянъ мы встрѣчаемъ вѣнокъ символическою принадлежностью дѣвицы, и никогда его не видимъ на молодцѣ; въ великорусской же хороводной пѣснѣ (№ 138) молодецъ «водилъ танокъ» и потерялъ вѣнокъ:

Молодецъ гулялъ,
Скакалъ, плясалъ,
Таночикъ водилъ,
Водилъ я таночикъ,
Сронилъ я вѣночикъ.

Онъ проситъ поискать его потерянный вѣнокъ, сначала обращаясь къ батюшкѣ, потомъ къ матушкѣ; ни батюшка, ни матушка не нашли вѣнка; онъ проситъ о томъ же дѣвушку и —

Красная пошла,
Вѣночикъ нашла,
Вся радость моя
И весельице.

Если бы въ этой пѣснѣ, при сохраненіи всѣхъ мотивовъ, вмѣсто молодца поставлена была дѣвица, то пѣсня эта могла бы занять приличное мѣсто въ ряду обрядныхъ пѣсней всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, но вѣнокъ на головѣ молодца такая же аномалія въ славянскомъ поэтическомъ міровоззрѣніи, какъ и веретено въ рукахъ молодца въ обыденной жизни. Между тѣмъ это произошло хотя случайно, но вполнѣ естественно. Дѣло въ томъ, что вѣнокъ потерялъ свое древнее значеніе для дѣвицы: его замѣнила лента. Вѣнокъ въ сознаніи великоруссовъ не имѣетъ ничего символическаго. На головѣ молодца онъ явился, какъ украшеніе, все равно, какъ вѣтка или цвѣтокъ, и замѣняетъ въ пѣснѣ шапку или шляпу, а шапка, по общему славянскому міровоззрѣнію, служитъ такою же символическою принадлежностью молодца, какъ вѣнокъ дѣвицы. И дѣйствительно, въ другихъ подобныхъ же хороводныхъ пѣсняхъ мы находимъ, что молодецъ роняетъ съ головы шляпу, а дѣвушка поднимаетъ ее, и это служитъ значеніемъ ея склонности къ молодцу:

Съ молодца шляпа долой!
Ты, дѣвица, подыми,
Раскрасавица, подай,
Я слуга, сударь, твоя,
Я слушаюсь тебя,
Черну шляпу подаю,
Онъ и радошенъ и веселъ,
Самъ засмѣялся и пошелъ! (№ 130)

По всему видно, понятіе о «веденіи танка» потерялось для великоруссовъ въ томъ древнемъ значеніи, въ какомъ оно еще сохранилось въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ народовъ: танокъ вести могла только дѣвица, и очевидно, чтобъ образъ веденія танка зашелъ въ упомянутую пѣсню изъ какой-нибудь прежней, вѣроятно пропавшей пѣсни, гдѣ онъ принадлежитъ дѣвицѣ.

Мы распространились объ этомъ признакѣ именно потому, что онъ наглядно указываетъ намъ исторію народной пѣсенности. Древнія представленія смѣшивались, спутывались и, такимъ путемъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны новыхъ условій жизни, а съ другой, при неясности старыхъ воспоминаній, составлялись образы, діаметрально противоположные древнимъ.

Но въ хороводныхъ пѣсняхъ выразилось не только извращеніе старыхъ образовъ на новый ладъ: цѣлыя событія новѣйшаго быта, которыя, по своему содержанію могутъ имѣть только очень далекое отношеніе къ хороводному міру, составляютъ предметъ хороводныхъ пѣсенъ...

Такъ, напр., генералъ Румянцевъ хочетъ жениться на нѣмецкой дѣвицѣ; она не хочетъ идти за него, а онъ принуждаетъ ее угрозами: пѣсня эта должно быть сложена и занесена солдатами, а сдѣлалась хороводною оттого, что здѣсь все-таки представляется выборъ невѣсты. Другая пѣсня изображаетъ разговоръ барыни съ «холуемъ», который сознается, что любитъ ея дочь. По нѣкоторымъ варіантамъ разговоръ оканчивается согласіемъ барыни отдать за него дочь.

Пѣсни, отнесенныя собирателемъ къ разряду *разводныхъ* — тѣ, въ которыхъ представляется окончаніе хоровода: обыкновенный признакъ этого разряда въ томъ, что молодецъ цѣлуетъ дѣвицу — главная цѣль (судя по пѣснямъ) участія молодца въ хороводѣ.

Хороводъ — одна изъ древнѣйшихъ стихій народной жизни. Это, безъ сомнѣнія, тѣ древнія игрища «межю селы», о которыхъ вспоминаетъ наша лѣтопись, повѣствуя о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ. Несмотря на то, что христіанскіе блюстители нравственности вопіяли противъ такихъ игрищъ, сопровождаемыхъ «дѣй-

ствами (сценическими представленіями) и проклятымъ плясаніемъ», они продолжали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, подчиняясь теченію жизни и видоизмѣняясь подъ гнетомъ народной судьбы, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ, какъ мы указали, сохранили черты глубокой древности. Хороводы для нашего простаго народа были тѣмъ же, чѣмъ балы для высшаго общества: средствомъ сближенія молодежи обоихъ половъ, мѣстомъ зарожденія взаимной склонности и будущихъ союзовъ. Важность ихъ очевидна. Г. Шейнъ первый подарилъ наукѣ такое обширное и стройное собраніе хороводныхъ пѣсенъ.

За хороводными пѣснями въ сборникѣ Шейна слѣдуютъ названныя имъ плясовыя и бесѣдныя пѣсни; различіе между ними черезчуръ тонкое, да притомъ названіе плясовыхъ едвали точно подходитъ ко всѣмъ тѣмъ, которыя помѣщены въ разрядѣ съ этимъ названіемъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны были многія изъ такихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя однако мы слышали безъ всякой пляски. Намъ кажется, было бы подручнѣе назвать и тѣ, и другія, по народному способу выраженія, *гулевыми пѣснями*. Это вообще пѣсенное выраженіе народной веселости и шутливости. Въ большей части господствуетъ риѳма или склонность къ риѳмѣ; стихъ сбивается на хореическій, хотя нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи пѣсни эти отличались правильностью. Содержаніе ихъ очень разнообразно, но вращается исключительно въ кругѣ семейной или сельской жизни, иногда, впрочемъ, забираясь въ городъ или барскій дворъ. На нѣкоторыхъ пѣсняхъ лежитъ еще очень замѣтный отпечатокъ глубокой древности. Къ такимъ принадлежатъ тѣ пѣсни, въ которыхъ представляются животныя съ человѣческими свойствами и занятіями. Такъ, напр.:

Воробей пиво варилъ,
Молодой гостей сзывалъ,
Ай люли, ай люли!
Молодой гостей сзывалъ
Воробей всѣхъ пташечекъ...
Совушка не спѣсива,
Савельевна не гордива,
Сама пришла незваная,
Середь полу на лапочки
Заиграла въ скрипочки.
Воробей пошелъ плясать
Молодой въ присядочку,
Отдавилъ совѣ ногу,
Савельевнѣ правую...

Въ другомъ варіантѣ:

Совушкѣ на ножку сталъ
Савельевнѣ на правую.
Совушка разсердилася,
Савельевна возгордилася.
Она дверью хлопнула,
Воротами скрипнула;
Воробей пошелъ въ догȯнъ
Молодой съ поклонами:
Воротись, ты, совушка,
Воротись, Савельевна.
Я самъ вино курю,
Я самъ крестьянъ держу.

Въ другомъ варіантѣ:

Не того я отчества
Чтобъ назадъ воротитися,
А я роду царскаго,
А лица дворянскаго.

Древность этой пѣсни доказывается несомнѣнно сходствомъ ея съ подобною пѣснею литовскою. (См. Rhesa Dainos, oder littuanische Volkslieder. Königsberg. 1826. 66.) Воробей приглашаетъ къ себѣ на алусъ (пиво) птицъ: пришла сова; воробей танцуетъ съ нею и наступаетъ ей на ногу. Обиженная сова идетъ на него жаловаться въ судъ, а воробей улетаетъ на заборъ.

Подъ № 37 помѣщена пѣсня также старая, какъ это

доказываетъ существованіе такой же пѣсни у червоно-руссовъ и поляковъ.

Безъ сомнѣнія, къ пѣснямъ съ древнею основою причислить слѣдуетъ нѣсколько пѣсенъ (№№ 87, 88, 89, 83), въ которыхъ молодецъ загадываетъ дѣвкѣ-«семилѣткѣ» загадки, которыя она отгадываетъ:

Постой, дѣвка-семилѣтка,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что растетъ безъ кореньевъ,
А что цвѣтетъ безъ алаго цвѣту,
А что шумитъ безъ буйнаго вѣтру?
Растетъ камень безъ кореньевъ,
Шумитъ вода безъ буйна вѣтру,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту.

Или, по другому варіанту пространнѣе и разнообразнѣе:

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?
Отгадаю, сынъ купеческій, отгадаю хоть десятокъ.
Ужь и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужь и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужь и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужь и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужь и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужь и что это, дѣвица, безъ отвѣту? —
Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ;
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупенъ жемчугъ;
Безъ умолку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья.
Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужь и быть за мною, быть моею женою!

Эта пѣсня представляетъ сходство съ малорусскою сказкою о дѣвкѣ-семилѣткѣ, которая отгадываетъ загадки, предложенныя паномъ своимъ подданнымъ съ обѣщаніемъ взять себѣ въ жены ту дѣвицу, которая отгадаетъ эти загадки. Одинаковое названіе «дѣвка-семилѣтка» какъ въ малорусской сказкѣ, такъ и въ великорусской пѣснѣ, показываетъ на ихъ древнее единство

происхожденія. Кромѣ того, эта пѣсня представляетъ подобіе съ легендою о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, гдѣ послѣдняя своею природною мудростью отгадываетъ мудреныя загадки и чрезъ то дѣлается женою князя.

Въ № 85, молодецъ съ дѣвицею состязаются между собою въ остроуміи, задавая другъ другу работы одна другой невозможнѣе:

Душечка-дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши.
Душечка-молодчикъ,
Выстрой теремочикъ,
Безо мху, безъ лѣсу,
Безъ бѣлаго тесу.
Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой о крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Внесеньѣ (Вознесеньѣ).
Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку.
Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы.
Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенечикъ
Со краснаго солнца:
Гдѣ бъ я ни ходила—
Все бы я свѣтила.

По другому варіанту, молодецъ и дѣвица задаютъ иного рода работы другъ другу:

Напряди, милая, дратвы
Изъ дождевой капли,
И сшей, милая, халатикъ
Изъ булатной стали,
Сталь булатная картина,
Чтобы пуля не пробила,
Чтобы могъ ее носить.
Сруби, миленькій, мнѣ теремъ

Изъ маковыхъ зеренъ,
Чтобы были двери,
Двери, двѣ кроватки,
Чтобъ на той кроваткѣ
Я могла бы спати,
Чтобъ мнѣ снился
Милый сонъ. (№ 86).

Эта пѣсня сходна съ продолженіемъ той же южнорусской сказки о дѣвкѣ-семилѣткѣ: когда она отгадала загадку, предложенную паномъ, послѣдній, желая отъ нея отвязаться, задаетъ ей невозможныя работы, но дѣвка-семилѣтка соглашается исполнить ихъ съ условіемъ, чтобы панъ съ своей стороны сдѣлалъ также невозможное, нужное для исполненія того, что приказываетъ онъ ей. Такимъ образомъ, панъ посылаетъ ей яицъ съ приказаніемъ высидѣть изъ нихъ до утра цыплятъ, и чтобъ эти цыплята поспѣли пану на обѣдъ. Дѣвка-семилѣтка отвѣчала, что исполнитъ это, но съ тѣмъ, чтобы панъ сдѣлалъ изъ однолѣтнихъ прутьевъ плугъ и, взоравъ поле, насѣялъ проса, чтобъ это просо выросло къ утру и можно было имъ кормить цыплятъ. Подобное и въ извѣстной муромской легендѣ: князъ Петръ посылаетъ будущей женѣ своей льну и приказываетъ изготовить ему сорочку, порты и платокъ въ продолженіе короткаго времени, пока онъ будетъ въ банѣ. Дѣвица посылаетъ ему полѣно и приказываетъ сказать, чтобы князь приготовилъ изъ этого полѣна ткацкій станокъ, на которомъ она бтдетъ ткать ему одежды [1]).

Кромѣ этихъ пѣсенъ, несомнѣнно дышащихъ глубокою древностью, мы укажемъ также, какъ на пѣсню съ

---

[1]) О сходствѣ этихъ мотивовъ съ подобными у другихъ народовъ см. у Буслаева (Истор. Оч. I, 269—307); очень замѣчательно подобіе съ загадками въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (Веселовскаго, Слав. сказ. о Соломонѣ, стр. 89—90).

очень древнимъ мотивомъ, на № 34 бесѣдныхъ пѣсенъ: это пѣсня о дурындѣ: содержаніе все состоитъ въ томъ, что дуракъ куда ни пойдетъ, что ни сдѣлаетъ, всюду его бьютъ. Варіантъ этой пѣсни былъ уже нѣкогда напечатанъ въ собраніи древнихъ русскихъ стихотвореній Кирши Данилова. Тотъ же предметъ служитъ содержаніемъ народныхъ сказокъ: русскихъ, польскихъ, сербскихъ и нѣмецкихъ.

Большая часть пѣсенъ этого разряда съ очевидно новѣйшими пріемами относятся къ разнымъ видамъ семейной жизни. Нѣкоторыя представляютъ, какъ жена не любитъ и обманываетъ мужа (№№ 3, 7, 27, 28, 36, 49, 53, 60, 69, 74, 76, 83, бесѣд. 8); мужъ ненавидитъ жену и бьетъ ее (45, 53, 76, 79). Пѣсня (пляс. № 57) изображаетъ въ комическомъ и чрезвычайно грубомъ видѣ отношенія зятя къ тещѣ. Первый пріѣхалъ къ послѣдней въ гости:

Теща зятюшку потчиваетъ:
Сядь-ка-ся, ты зятюшка, покушай-ка!
Думала теща: пятерымъ пирогъ не съѣсть,
А зять-то сѣлъ да за присѣстомъ съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Нехотя на зятя поглядываетъ,
Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
Какъ тебя, зятюшка, не рòзорвало,
На семь частей не раздернуло?

Зять за такой поминъ объ немъ обѣщается, пригласивъ тещу къ себѣ на масляницу, воздать ей подобающую честь, и потомъ исполняетъ обѣщаніе:

Зять услышалъ, на то тещѣ сказалъ:
Лучше разорви тебя, тещу мою,
Тещу мою да вмѣстѣ съ дочерью.
Знала бы ты, теща, не потчивала.
Сталъ потомъ зять тещу въ гости звать:
Приходи-молъ, теща, на масляницу,
Я тебя, матушка, отпотчиваю
Въ четыре дубины березовыя,

Пятый кнутъ по заказу свитъ.
Вырвалась теща изъ зятниныхъ рукъ,
Бѣжала домой безъ оглядки,
Прибѣжала домой, да на печку легла.
Вотъ погоди: стукъ! стукъ! у воротъ.
— Батюшки, ребятушки, не зятикъ ли мой?
Матушка родимая, зять идетъ!
Зять идетъ на похмѣльице зоветъ.
— Скажите ему: со вчерашняго больна,
Съ пива и съ вина да болитъ вся спина,
Съ мягкихъ блиновъ пораспёрло бока,
Со сладкаго меду я вся немогу.

Во всемъ отдѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, эта пѣсня едва ли не самая старая и сохранившаяся относительно въ своемъ старомъ видѣ болѣе, чѣмъ многія, хотя и не утратившія очевидныхъ слѣдовъ древней основы содержанія, но уже сильно подвергшіяся новой организаціи. Эта пѣсня не такова какъ послѣднія: ея дактилическія окончанія, ея чисто-великорусскій стихъ, живой языкъ, оригинальное теченіе рѣчи,—все обличаетъ въ ней почти археологическій экземпляръ народной поэзіи. Древность ея содержанія подтверждаться можетъ тѣмъ, что у южноруссовъ и у поляковъ существуетъ подобная же пѣсня, показывающая единое глубоко древнее происхожденіе, съ тою разницею, что въ пѣсняхъ южнорусской и польской менѣе грубости и нѣтъ той циничности, которою отличается великорусская. Въ южнорусской пѣснѣ все дѣло состоитъ въ томъ, что теща думала найти у зятя хорошій пріемъ, и вмѣсто того, когда воротилась, то разсказывала, что ей привелось у зятя глодать объѣдки, терпѣть суровое обращеніе и даже убѣгать отъ него поскорѣе, чтобы онъ не побилъ ее. Во всякомъ случаѣ, это сходство указываетъ не только на древность изображаемой здѣсь черты семейныхъ отношеній, но и на то народное сознаніе этой черты, которое создало подобную пѣсню. И то и другое принадлежитъ издревле славянскому пле-

мени, а не одному великорусскому, хотя въ великорусской пѣснѣ древніе общіе племенные мотивы приняли мѣстный характеръ.

II.

Мы были бы до крайности односторонни, еслибы цѣнили въ пѣсняхъ только ихъ относительную древность, мало давая цѣны новѣйшимъ пѣснямъ. Народная жизнь намъ дорога во всѣ свои моменты, и мы можемъ относиться съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народнымъ произведеніямъ, ее выражающимъ, какъ къ тѣмъ, которыя переживали многіе вѣка, такъ и къ тѣмъ, которыя передѣлались изъ старыхъ или вновь слагались на нашей памяти. Разбойники ли, плывущіе по матушкѣ по Волгѣ, на легкой лодочкѣ съ красной дѣвицей посрединѣ, или парень, сажающій на машинку красную дѣвицу, — образы, одинаково важные для безпристрастнаго цѣнителя народныхъ произведеній. Цѣнность пѣсни не должна опредѣляться ея древностью, еще менѣе тѣмъ, что она нравится намъ въ эстетическомъ отношеніи; извѣстная пѣсня можетъ быть цѣннѣе другихъ для изслѣдователя, во-первыхъ, по степени своей распространенности въ народѣ, во-вторыхъ, по относительной выпуклости въ изображеніи признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія, который составляетъ душу народныхъ произведеній въ совокупности. Пѣсни, несомнѣнно древнія, дѣйствительно заключаютъ для насъ особенную важность, но не только потому, что онѣ древни, а болѣе потому, что самая древность ихъ можетъ, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить доказательствомъ ихъ распространен-

ности въ былыя времена, а слѣдовательно и важнаго ихъ значенія въ ряду произведеній народной поэзіи. Съ другой стороны, пѣсня, которую мы, сообразно съ нашимъ впечатлѣніемъ, назовемъ прекрасною, имѣетъ, какъ народное произведеніе, гораздо болѣе достоинствъ, когда не мы, а народъ любитъ ее. Наши понятія о достоинствѣ пѣсенъ часто идутъ въ разрѣзъ съ народными. Часто бываетъ, что люди, воспитанные въ иной средѣ понятій или среди иной народности, находятъ грубымъ и неизящнымъ то, что̀ приводитъ въ восторгъ людей, чуждыхъ первымъ по воспитанію и народности. Чтобы изучать народныя произведенія съ разумною и научною цѣлью, добиваясь уразумѣть въ нихъ народную душу, народныя чувства, народныя воззрѣнія, народный вкусъ, не слѣдуетъ подводить этихъ произведеній подъ наши привычные взгляды, выработанные въ насъ знакомствомъ съ литературою, а необходимо намъ самимъ стать на почву строгаго объективнаго воззрѣнія. Въ настоящее время русскимъ образованнымъ людямъ гораздо болѣе по вкусу старыя великорусскія пѣсни, чѣмъ новѣйшія; послѣднія нерѣдко пренебрегаются, какъ явленія чрезвычайно пошлыя и лишенныя эстетическихъ достоинствъ. Если собиратель станетъ руководствоваться такимъ взглядомъ, то онъ и самъ впадетъ и другихъ введетъ за собою въ обманъ. Что̀ въ самомъ дѣлѣ могутъ указать намъ такія пѣсни, которыя мы будемъ какъ драгоцѣнность отыскивать въ отдаленныхъ захолустьяхъ и записывать изъ устъ отживающихъ старцевъ и старицъ? Только то, что такія пѣсни существовали встарину.

Археологическое и историческое, даже поэтическое значеніе ихъ можетъ быть очень важно; но если тотъ же собиратель, ограничиваясь подобными пѣснями, станетъ презирать тѣ, которыя онъ слышитъ въ устахъ

молодежи и за работою, и на перекресткахъ и на пирушкахъ, то мы, воображая себѣ, что народъ поетъ тѣ пѣсни, съ которыми познакомить насъ захотѣлъ предпочтительно собиратель—будемъ по-неволѣ заблуждаться и приходить къ невѣрнымъ выводамъ, руководствуясь пѣснями. Народъ совсѣмъ не такъ относится къ произведеніямъ своей духовной дѣятельности, какъ мы относимся къ нимъ. Народъ забываетъ тѣ старыя пѣсни, которыя насъ плѣняютъ; онъ ихъ находитъ устарѣлыми; онѣ не удовлетворяютъ его духовнымъ потребностямъ; ихъ содержаніе уже не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, которыми судьба окружила его жизнь въ настоящее время; въ этихъ пѣсняхъ для него оказываются многіе непонятные или переставшіе интересовать его предметы;—напротивъ, его чувство и воображеніе обращается къ такимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни, какихъ онъ не находитъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ: и вотъ онъ или передѣлываетъ свои старыя пѣсни на новый ладъ, или складываетъ новыя, подчиняя свое вдохновеніе вліянію барскаго двора, фабрики, городскаго кабака или современнаго острога, подлаживаясь при томъ, насколько умѣетъ, и ко вкусу той среды, которую считаетъ выше себя по образованію. Дактилическія окончанія старыхъ пѣсенъ уже не нравятся ему, хотя онъ не можетъ съ ними окончательно разстаться, но уже явно предпочитаетъ имъ ямбы и хореи, сплетаетъ риѳмы и насколько можетъ подбирается къ тоническому размѣру слышанныхъ имъ литературныхъ произведеній. Иначе не могло и не должно было происходить. Пѣсня слишкомъ близка душѣ народнаго человѣка и выражаетъ то, что̀ кроется въ глубинѣ этой души; но тамъ, въ этой душѣ остаются впечатлѣнія той живой дѣйствительности, среди которой народный человѣкъ вращается и дѣйствуетъ. Какимъ

становится народъ, такова его и пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство. Поэтому никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; пусть для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, но для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла.

Г. Шейнъ не пренебрегалъ такими пѣснями, хотя собралъ ихъ сравнительно немного. Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ въ отдѣлѣ плясовыхъ очень характеристичны по выраженію народныхъ воззрѣній и нравовъ. Вотъ, напр., нѣсколько (№№ 13, 14, 15, 16, 17, 18) варіантовъ пѣсни о томъ, какъ дочь толкуетъ съ матерью: за кого ей лучше выдти замужъ; и тутъ открывается народный взглядъ на сословныя и общественныя положенія. Дѣвушка не хочетъ идти за крестьянина: здѣсь мы встрѣчаемся съ чертою, нерѣдкою въ современномъ русскомъ человѣкѣ, когда онъ оказываетъ пренебреженіе къ тому, что̀ не имѣетъ лоска образованности, когда онъ хочетъ показаться выше другихъ по своимъ понятіямъ; «крестьянинъ — невѣжа», говоритъ красна дѣвица; ей также не по вкусу и черный трудъ:

Съ крестьяниномъ жить — трудиться,
Рано встать, поздно ложиться,
Сѣно косить, жито жать....

Черный трудъ отбиваетъ ее отъ кузнеца:

Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
Самъ онъ въ сажѣ чортъ какъ чортъ,
Часто въ кузницѣ бываетъ,
Неравно онъ замараетъ.

Сапожникъ ей представляется пьяницею (не даромъ и пословица: пьянъ какъ сапожникъ), буяномъ, жестокимъ, тираномъ:

Сапожникъ воръ, буянъ,
Съ утра до вечера пьянъ,
Жену моритъ голодомъ,
Заморозитъ холодомъ...

Солдатское житье, разумѣется, не привлекательно:

Будь онъ унтеръ, рядовой,
У него лишь хлѣбъ съ водой.

Духовное званіе тѣмъ не хорошо, что духовныхъ безпокоятъ по ночамъ:

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Съ требой ходитъ по ночамъ,
Не дастъ спать моимъ очамъ.

Купецъ, несмотря на то, что это такой человѣкъ, съ которымъ по обстановкѣ жизни, казалось, можно бы покойнѣе ужиться, чѣмъ съ предыдущими, возбуждаетъ однако опасеніе. Предусмотрительная дѣвушка разсчитываетъ, что купецъ можетъ проплутоваться, сдѣлаться банкротомъ, а жена его останется послѣ него въ нищетѣ:

Купецъ гладкій воръ и плутъ,
Черезъ годъ будетъ банкрутъ,
Его посадятъ въ тюрьму,
А я по міру пойду...

Въ одномъ изъ варіантовъ упоминается штабъ-лекарь въ числѣ предполагаемыхъ жениховъ, но —

Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ,
Смотри въ спиртъ или ланцетъ;
Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
На тотъ свѣтъ меня отправитъ [1].

---

[1]) Этотъ варіантъ вѣроятно сложился въ мѣщанской средѣ, равно какъ и слѣдующій, гдѣ говорится о городскихъ увеселеніяхъ.

Выборъ останавливается на бояринѣ. По однимъ варіантамъ, веселая боярская жизнь въ образѣ клубовъ, баловъ, театровъ совершенно очаровала дѣвицу. Пѣсня оканчивается такъ:

Иду, иду, маменька,
Замужъ за боярина,
Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй.
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся.
Иду, иду, маменька!

Но въ другихъ варіантахъ бояринъ не удовлетворяетъ дѣвицы: онъ, во-первыхъ,—охотникъ, собачникъ; это ей не нравится:

Не йду, матушка,
Не йду, государыня,
Замужъ за боярина:
Бояринъ охотникъ,
Много собакъ держитъ,
Собаки борзые...

Во-вторыхъ, у него —

Холопы босые. (№ 17).

Видѣть предъ собою непріятныя сцены помѣщичьяго тиранства не хочетъ дѣвушка:

Какъ бояринъ крестьянъ бить,
А мнѣ милости просить...

Есть у ней вполнѣ подходящій идеалъ; это подъячій (по нашему образу выраженія—чиновникъ); съ нимъ житье лучше боярскаго, купеческаго, поповскаго; у него и денегъ много, и положеніе ей кажется безопаснымъ: соображая, что купецъ можетъ сдѣлаться банкротомъ, великорусская красавица не соображаетъ, что подъячій также можетъ попасть подъ судъ; видно, что въ глазахъ народа эти случаи казались черезчуръ рѣдкими въ сравненіи съ успѣхами подъяческаго подвижничества. Съ полною рѣшимостью говоритъ дѣвица матери:

Иду, иду, матушка,
Иду, государыня,
Замужъ за подьячаго.
Ахъ, подъячій-то писать,
А я денежки считать:
Пусть худое говорятъ,
А мы будемъ обирать.

Доказательствомъ, что такой образъ воззрѣнія не есть какое-нибудь исключеніе, а широко распространенъ въ народѣ, служитъ то, что у Шейна помѣщено нѣсколько такихъ варіантовъ, въ которыхъ подъячему оказывается предпочтеніе, и притомъ эти варіанты изъ разныхъ мѣстъ, напр., изъ Тверской (№ 14), изъ Тульской губерніи (№ 16).

И вотъ народныя пѣсни открываютъ намъ, что идеаломъ для великорусскаго народа начиналъ дѣлаться подъячій, обирающій людей и наживающій деньги. По другимъ подобнымъ пѣснямъ идеалъ великорусской дѣвушки — собственная ея выгода, и этою выгодою измѣряется ея любовь: тотъ ей милъ, кто носитъ ей подарки, какъ проситель со взяткой милъ подъячему:

По улицѣ мостовой
На встрѣчу парень молодой;
Дѣвка парню говорила,
Во глаза его бранила:
Ты дуракъ, дуракъ, дуракъ,
Зачѣмъ къ дѣвкамъ ходишь такъ!
Ты поди ка, понеси-ка,
Ты поздравствуйся:
Здравствуй, Шаша и Параша. (№ 22).

Форма пѣсни конечно сравнительно новая, но мотивъ ея старый, явившійся здѣсь только въ новой одеждѣ; рядомъ съ этою пѣснію другая — съ болѣе старыми признаками:

Дѣтинушка удалый молодецъ,
Онъ всю травушку, муравушку примялъ,
Всѣ лазоревы цвѣточки посорвалъ:

Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить,
Много злата, много серебра носить,
Безъ разсчета золотой казной дарить,
Безъ аршина камочки отдирать....

Въ № 25 представляется образчикъ обращенія молодца съ дѣвицею:

Что пошли наши ребята,
Да вдоль во кругу гулять,
Красныхъ дѣвокъ выбирать;
Выбиралъ, выбиралъ парень
Красну дѣвушку не-величку,
Не величку, ни малу;
Ни величка, ни мала,
На ней шубочка ала,
Душегрѣечка красна,
Молодцу сердце зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвушку
По бѣлому по лицу,
Онъ по бѣлому лицу,
По румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ.
Какъ жемчужная сережка
Разсыпалась,
Передъ молодцомъ дѣвчонка
Расплакалась:
Ты не бей, не бей, невѣжа,
Не твоя, сударь, надежа,
Коли я буду твоя,
Буду слушаться тебя;
А теперь я не твоя —
Я не слушаюсь тебя.
Отойди ты прочь.
Отойди, шельма, отъ меня! (№ 25).

Дѣвушка протестуетъ противъ такого обращенія съ собою только до тѣхъ поръ, пока она не вышла за парня; послѣ замужства — дѣло иное, она будетъ его слушаться; онъ будетъ имѣть право бить ее. Рядомъ съ этою пѣснію (№ 26) помѣщается пѣсня, гдѣ изображается какъ какъ бы продолженіе того, что́ могло послѣдовать, когда дѣвушка (№ 25-го) выйдетъ за своего парня, заѣхашваго ей въ физіономію:

Ужь я полемъ шла,
Не шаталася,
Ко двору пришла,
Пошатнулася,
За верею шку съудержалася.
Верея-ль ты моя,
Ты верею шка,
Съудержи ты меня
Бабу пьяную,
Шельму хмѣльную:
Не видалъ бы меня
Свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Моему мужу.
Какъ и мой-то мужъ
Горькій пьяница;
Онъ вина не пьетъ,
Съ кабака нейдетъ,
Съ воды пьянъ живетъ,
Съ квасу бѣсится!

Далѣе описывается въ шуточномъ видѣ опрятность хозяйки и способъ приготовленія пищи:

Я порогъ мыла,
Во щи вылила,
Ужь я полъ мыла,
Въ горохъ вылила;
Я полы скребла,
Пироги спекла,
Со начиночкой,
Со ветчиночкой.

III.

За отдѣломъ пѣсенъ, которыя г. Шейнъ означилъ названіемъ *плясовыхъ* и *бесѣдныхъ*, слѣдуетъ у него отдѣлъ называемыхъ *голосовыми* или *протяжными;* ихъ числомъ 99.

Нѣтъ ничего произвольнѣе и неточнѣе такой рубрики. Такимъ образомъ, если означать пѣсни по голосу, то къ этому разряду пришлось бы отнести множество пѣсенъ: былевыхъ, разбойничьихъ, рекрутскихъ, которыя

поются протяжно, а между тѣмъ онѣ сюда не включены Пѣсни, означенныя у г. Шейна названіемъ *голосовыхъ* собственно бытовыя пѣсни, преимущественно семейныя и любовныя. Къ нимъ могли причислиться и такія, какія мы встрѣчаемъ между плясовыми, хоть бы, напр. № 95, гдѣ жена проводитъ стараго мужа.

Въ этомъ отдѣлѣ пѣсенъ замѣчательны черты, указывающія на сохранившіеся въ народной поэзіи остатки древняго символическаго отношенія къ природѣ. Для опредѣленія ихъ значенія въ этомъ смыслѣ, намъ болѣе всего поможетъ сравненіе съ подобными чертами у южноруссовъ. Такъ какъ поэзія южно-русская, сообразно долговременному, особому отъ великоруссовъ теченію народной жизни, приняла совсѣмъ иной складъ и характеръ, отличный отъ великорусской поэзіи, то мы полагаемъ, что сходство воззрѣній, образовъ, извѣстныхъ отношеній къ природѣ, можетъ служить признакомъ древности содержанія пѣсенъ. Разумѣется, отсюда слѣдуетъ исключить то, что было плодомъ уже позднѣйшаго сближенія, такъ какъ очень много пѣсенныхъ мотивовъ входило изъ Великой Руси въ Южную и обратно; но, къ счастью, позднѣйшія перетасовки и заимствованія такъ явно выказываютъ свое недавнее происхожденіе, что только люди слишкомъ неопытные и неосвоившіеся съ духомъ и пріемами народной поэзіи могутъ ошибиться и принять новѣйшее заимствованіе за признаки стараго единства, такъ какъ во всѣхъ такихъ, близкихъ къ намъ по времени заимствованіяхъ, болѣе или менѣе удерживаются черты того пѣсеннаго склада, откуда взято заимствованіе. Нѣтъ ни одной великорусской пѣсни, перенятой малоруссами и распѣваемой народомъ, которая до того бы измѣнилась и перетворилась, чтобы невозможно было видѣть ея отличія отъ чисто-малорусскихъ; то же самое и по отно-

шенію къ пѣснямъ малорусскимъ, перенятымъ великоруссами. Мы считаемъ древними признаками только такія черты, которыя представляютъ сходство воззрѣній, образовъ, сказаній, при полномъ сохраненіи своеобразнаго великорусскаго или южнорусскаго пѣсеннаго склада. Такое сходство очень драгоцѣнно и на немъ можно смѣло основывать причисленіе къ области древняго міросозерцанія тѣ символическія отношенія къ природѣ, которыя мы замѣчаемъ въ пѣсняхъ. Само собою разумѣется, что сходство съ поэзіею другихъ славянскихъ народовъ, которыхъ жизнь еще болѣе удалялась отъ жизни великорусской, будетъ подтверждать древность этихъ чертъ.

Небесныя свѣтила и воздушныя явленія рѣдко и вскользь являются въ пѣсняхъ, разсматриваемыхъ нами. Съ солнцемъ сравниваются милыя сердцу особы (№ 12), но этотъ пріемъ слишкомъ общій каждой народной поэзіи, а потому мы и не станемъ давать ему значеніе въ смыслѣ особой характеристики. Подъ №№ 47 и 31 мы встрѣчаемъ обращеніе къ мѣсяцу: дѣвица проситъ его свѣтить милому, когда онъ пойдетъ, чтобъ было ей видно; подобный пріемъ находимъ мы въ галицкихъ и малорусскихъ пѣсняхъ. Море является символомъ неизвѣстности и погибели: это древнее славянское представленіе; молодецъ, ненавидящій свою жену, изображаетъ свое желаніе избавиться отъ нея въ образѣ пусканія ея на кораблѣ въ море (№ 24); тотъ же образъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ и притомъ въ различныхъ положеніяхъ. Замѣчательно, что вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ вода во всѣхъ видахъ,—въ видѣ рѣки, ключа (№ 53), чаще, чѣмъ въ южнорусскихъ, имѣетъ печальное значеніе, хотя и послѣднія не чужды вовсе того же. Вода подмываетъ сучки, вѣточки, отростки рябины, сравниваемой съ дѣвицею (6); по водѣ прибываетъ горе къ дѣвицѣ (10),

рѣкѣ отдаютъ горе, котораго она не хочетъ брать (ibid.); теченіе рѣки сопоставляется съ горькимъ житьемъ (69); вода, заливающая луга и болота, сравнивается со слезами (71).

Въ южнорусскихъ пѣсняхъ есть многіе и веселые образы воды, какихъ мы не встрѣчаемъ здѣсь. Быть можетъ, тутъ дѣйствовало обиліе воды, въ видѣ сѣверныхъ болотъ, служившихъ только помѣхою въ жизни, и это утвердило въ поэзіи мрачную сторону символическаго отношенія къ водѣ.

Изъ деревьевъ въ великорусскихъ пѣсняхъ рябина сопоставляется съ дѣвицею, и вызрѣваніе рябиновыхъ ягодъ сравнивается съ «вызнаваніемъ» дѣвицы (31). Рябины, сколько намъ извѣстно, нѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ другихъ славянъ. Это дерево исключительно великорусское и, кажется, замѣняетъ въ томъ же значеніи южнорусскую калину — частый и постоянный женскій символъ, хотя и калина не чужда вовсе великорусской поэзіи: на калинѣ сидитъ кукушка, сравниваемая съ дѣвицею (29), или соколъ — символъ молодца, (41) или соловей; съ калиною, рано расцвѣтающею, сопоставляется женщина, рано вышедшая замужъ: всѣ эти образы есть въ южнорусскихъ пѣсняхъ. Береза — также мѣстопребываніе птицъ (76). Въ одной пѣснѣ (46) въ грустномъ значеніи мы встрѣчаемъ ель — дерево грусти въ южнорусской поэзіи. Такое же значеніе имѣетъ ракита или ракитовъ кустъ, равнозначащій (хотя не всегда въ одномъ и томъ же значеніи) съ малорусскимъ яворомъ. Садъ вообще въ великорусской поэзіи, какъ и въ малорусской, сопоставляется съ милымъ человѣкомъ: садъ засыхаетъ, другъ отъѣзжаетъ (22). Изъ травъ замѣчательна полынь съ эпитетомъ злодѣй: онъ, какъ символъ горести, выростаетъ среди винограда; послѣдній въ южнорусской по-

эзіи постоянный символъ довольства и веселія; вѣроятно и здѣсь онъ приведенъ въ томъ же значеніи, тѣмъ болѣе, что въ другой пѣснѣ дѣвица кидаетъ милому изюмъ—виноградъ на кровать (№ 15); въ свадебныхъ пѣсняхъ виноградъ иногда появляется, хотя рѣже, чѣмъ въ южнорусскихъ. Символическое значеніе птицъ выказывается яснѣе въ народной великорусской поэзіи, чѣмъ растеній. Соколъ здѣсь, какъ и въ пѣсняхъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, символъ молодца; летаніе сокола сравнивается съ разгуломъ молодецкимъ (29). Молодецъ скачетъ на своемъ конѣ словно соколъ летитъ (60); какъ отъ летанья у сокола крылья «примахались», такъ у молодца кудерышки завивались (57); символомъ влюбленнаго молодца служитъ голубь, а влюбленной дѣвицы — голубка (№№ 49, 50, 20). Молодецъ сынъ купеческій—по другимъ варіантамъ боярскій, убилъ голубку — это, какъ видно, образъ похищенія дѣвицы—образъ, который мы встрѣчаемъ въ южнорусскихъ и польскихъ пѣсняхъ и въ древнемъ чешскомъ стихотвореніи Збигонъ. Символами любовной четы являются также соловей и кукушка. Соловей одинъ самъ по себѣ — пѣвецъ веселья, онъ подаетъ дѣвицамъ голосъ къ пѣнію; онъ разгоняетъ тоску влюбленному молодцу (13); соловей является въ образѣ вѣстника: женщина посылаетъ его къ своимъ роднымъ (75). Кукушка вообще символъ женскій, преимущественно грустный, и потому ей придается обыкновенно эпитетъ горемычной. Пѣсня о превращеніи женщины въ кукушку (№№ 68, 69, 70), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ старыхъ; въ южнорусской поэзіи есть подобная и очень распространенная; мы встрѣчаемъ отголоски этого въ сербской поэзіи. Извѣстно, что ни за одной птицей не остается столько глубоко-древняго значенія у всѣхъ народовъ арійскаго племени, какъ за кукушкою, а потому

и неудивительно, что въ сборникѣ г. Шейна есть пѣсня о кукушечкѣ, сходная съ южнорусскою пѣснею и старочешскою въ Краледворской рукописи, — пѣсня, сохранившая слѣды того языческаго значенія, какое имѣла нѣкогда боготворимая кукушка [1]):

Долина-ль ты моя, долинушка,
Долина-ль ты широкая,
На той ли на долинѣ
Выростала калина,
На той ли калинѣ
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечка,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?
Ужь и какъ же мнѣ, кукушечкѣ,
Какъ не куковати.
Ужь и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевати!
Одинъ былъ зеленый садъ,
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня младешеньку,
Одное меня покидаетъ!

Вообще такъ называемыя у г. Шейна *голосовыя* пѣсни по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на двѣ половины: на *любовныя* и *семейныя*.

Только немногія изъ любовныхъ пѣсенъ изображаютъ счастливыя и согласныя отношенія между молодцомъ и дѣвицею (№№ 1, 2, 3, 6, 7); большей части этихъ пѣсенъ содержаніе — тоска дѣвицы въ разлукѣ съ милымъ (№№ 9, 10, 11, 14, 17, 18, 19, 21, 26, 27, 28, 29, 30, 31); тоска молодца по дѣвицѣ (№№ 16, 27, 36, 37); из-

---

[1]) Ср. старочешскую въ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, vydani Václeslava Hanki. 1852, стр. 101; — и малорусскую въ Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli, I, стр. 125.

мѣна молодца (№№ 12, 20, 22, 23, 38, 39, 40, 47); разгулъ молодца (№№ 32, 33, 34); отправленіе и приворотныя средства (№№ 54, 55, 56, 57). Изъ семейныхъ пѣсенъ нѣтъ ни одной, представляющей картину семейнаго благополучія: въ нихъ видимъ мы или недовольство замужней женщины своимъ положеніемъ (№№ 53, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 74, 75, 76), или мужа своею женитьбою (№№ 72, 73, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 94); двѣ (№№ 80 и 81) представляютъ, какъ жена помыкаетъ мужемъ. Цифры эти чрезвычайно краснорѣчивы сами по себѣ, какъ для изученія народной жизни, такъ и для ознакомленія съ народнымъ способомъ воззрѣнія на условія своей жизни; жаль только, что изъ сборника г. Шейна мы не знаемъ, какія пѣсни наиболѣе распространены.

Въ любовныхъ пѣсняхъ о разлукѣ и объ измѣнѣ, чувство женщины гораздо сильнѣе, чѣмъ чувство молодца, хотя вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ любовное чувство не глубоко, и часто пробивается тотъ практическій взглядъ, который составляетъ отличительную черту великорусскаго характера, качество, которое не допускаетъ до мечтательнаго бездѣйствія и упадка силъ подъ гнетомъ судьбы и служитъ постояннымъ рычагомъ къ дѣятельности и терпѣнію, но которое также часто изсушаетъ въ душѣ поэзію и приводитъ къ грубѣйшему матеріализму. Вотъ, приходитъ молодецъ къ своей бывшей возлюбленной — объявить ей, что онъ хочетъ жениться на другой:

Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ у вашей милости доложитися,
Позволишь ли ты мнѣ женитися?

Сначала дѣвушка разражается гнѣвомъ и какъ будто отчаяніемъ:

Ты женись, женись, разбезсовѣстный,
Я не чаяла отъ тебя того,
Ты бъ сказалъ мнѣ такое словечушко,
Прострѣлилъ ты мое сердечушко:
Ты возьми, возьми саблю вострую,
Ты разрѣжь, разрѣжь мою бѣлу грудь.
Погляди ты мое ретиво сердце....

Молодецъ утѣшаетъ ее. Но чѣмъ? Онъ (женившись на другой!) не прерветъ съ нею прежней связи:

Не плачь, не плачь, раскрасавица,
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго!

Дѣвица утѣшается. Она зоветъ молодца въ садъ гулять, размѣняться подарочками:

Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его въ зеленый садъ,
Мы по садику разгуляемся.
Мы подарочкомъ размѣняемся:
Ты возьми, возьми свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай мой тальянской платъ;
Тебѣ перстнемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго...

Такимъ образомъ, оказывается, что у дѣвицы уже былъ другой другъ на запасѣ: стало быть, ея отчаяніе было неискреннее. Все обстоитъ благополучно. Есть надежда, что молодецъ, женившись на другой, будетъ продолжать свои любовныя отношенія съ прежнею, которая выйдетъ за другаго; если она прежде надувала двухъ любовниковъ, почему-жь ей не надувать мужа. Мы привели эту пѣсню изъ сборника Шейна потому, что знаемъ ее также не изъ этого сборника; пѣсня эта старинная и очень распространена въ разнообразныхъ варіантахъ; есть варіанты, которые не имѣютъ такого безнравственнаго смысла: дѣвица только желаетъ измѣннику счастія съ другою, и вѣроятно пѣсня эта, видоизмѣняясь, дошла до того образа, въ какомъ помѣщена

въ сборникѣ Шейна, вмѣстѣ съ развитіемъ народныхъ нравственныхъ взглядовъ. Въ сущности та же мелкость чувства, тотъ же практическій взглядъ на жизнь отражаются въ пѣснѣ подъ № 12 (также, какъ намъ извѣстно, очень распространенной), гдѣ дѣвица съ молодцомъ находится въ самыхъ нѣжныхъ и любовныхъ отношеніяхъ, зная, что она себѣ выйдетъ замужъ, а онъ женится на другой:

Не свѣтель мѣсяцъ вдоль улицы свѣтилъ,
Заря бѣлый день въ окошечко,
Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ забавы, всѣ утѣхи принесла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
По другіимъ увѣряла молодца,
Увѣрявши чернобровымъ назвала:
Чернобровый, черноглазый, милый мой,
Мнѣ не долго во любви пожить съ тобой,
Во любви пожить, въ согласьи погулять,
Тебя, молодца, женить скоро хотятъ,
Тебя женятъ, меня замужъ отдадутъ:
По дорожкѣ заѣзжай ко мнѣ, милой,
Напослѣдки распростимся мы съ тобой!

Глубокая, сердечная привязанность и тѣмъ болѣе мечтательность вообще чужды великорусской поэзіи; въ самыхъ лучшихъ, дѣйствительно исполненныхъ поэзіи, любовныхъ пѣсняхъ свѣтится сильно чувственность; вотъ влюбленной дѣвушкѣ снится сонъ — хорошій сонъ:

Чуть заснула на первой зарѣ,
Хорошъ сонъ мнѣ младой видѣлся,
Будто миленькій ко мнѣ пришелъ,
По новымъ сѣнюшкамъ прошелъ,
Ко кроваткѣ подошелъ,
Раскрылъ бѣло полотно,
На бѣлыя груди палъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Въ уста меня цѣловалъ.

И въ несчасной любви — дѣвушка томится на кровати, раскачиваясь да съ подушкою обнимаясь:

Ты злодѣй-то лиходѣй, удалъ добрый молодецъ,
Изсушилъ ты, сокрушилъ мое сердце дѣвичье.
Долго ли моему сердцу будетъ ныть, болѣть?
Ужь пойду я съ горя лягу на кроватку,
На кроватушкѣ млада раскачуся,
По миленькомъ дружкѣ спохвачуся,
Горючими слезами зальюся.
Ужь вы, ночи мои, ночи, ночи долги темныя,
Надоѣли вы мнѣ, ночи, надокучили,
Съ милымъ дружкомъ меня разлучили. (№ 8)

Тоска по миломъ проходитъ скоро, какъ и привязанность, — словно короткое сѣверное лѣто:

Ты, трава-ль моя,
Ты, шелковая,
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла,
Подъ осень травка
Засыхать стала,
Про мила дружка
Забывать стала. (№ 5).

Въ позднѣйшее время, въ народную поэзію вошла, однако, сантиментальность путемъ соприкосновенія съ литературными пріемами, такъ что народъ уже сталъ слагать свои пѣсни на манеръ тѣхъ, которыя доходили до его слуха изъ разныхъ пѣсенниковъ. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ, напримѣръ, помѣщенныя у г. Шейна подъ №№ 26 и 28, гдѣ молодецъ хочетъ превратиться въ голубка, чтобъ ворковать на окошечкѣ своей возлюбленной, или, напримѣръ, такая пѣсенка:

Что ты, Саша, пріуныла,
Пригорюнившись, сидишь;
Прежде пѣла, говорила
Ко подруженькамъ своимъ:
Веселитесь вы, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ,
Весна придетъ, солнце взойдетъ,
Сгонитъ снѣги, весь морозъ,
Пріударитъ частый дождь,
Расцвѣтутъ въ полѣ цвѣточки,
Всѣ ракитовы кусточки. (№ 9)

Эта пѣсня сложилась очевидно тогда, когда самобытное, издревле установившееся въ извѣстномъ пошибѣ народное творчество подчинилось вліянію искусственности, навѣянной на народъ сверху. Подобное риторическое описаніе красотъ природы отнюдь невозможно въ первобытной безъискусственной поэзіи какого бы то ни было народа. Въ настоящее время, пѣсенъ въ такомъ тонѣ очень много, хотя у г. Шейна ихъ сравнительно мало; всѣ онѣ отпечатокъ современныхъ или близкихъ къ намъ по времени условій духовной жизни русскаго народа. Народъ слагаетъ ихъ, народъ ихъ любитъ гораздо болѣе, чѣмъ старыя пѣсни, сложенныя и завѣщанныя ему по наслѣдству прежними, уже давно отжившими поколѣніями. Но изъ нашихъ сборниковъ и въ томъ числѣ изъ сборника г. Шейна нельзя узнать этого обстоятельства. Изучая наши ученые сборники и зная русскія пѣсни только по сборникамъ, можно получить такой взглядъ: есть у народа пѣсни старыя, а есть пѣсни новѣйшія; всякъ поетъ себѣ какую вздумаетъ; между тѣмъ какъ иную поютъ человѣкъ десять, другую — сто; да и къ тѣмъ пѣснямъ, которыя въ данное время очень распространены, народъ не одинаково относится: иныя онъ поетъ съ особымъ участіемъ къ ихъ содержанію, другія нравятся ему только по голосу. Въ нашихъ ученыхъ сборникахъ этого всего не обозначается, а потому-то изъ нихъ мы не въ состояніи узнать того, что́ для насъ составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ народнаго творчества — мы не узнаемъ изъ нихъ исторіи народной поэзіи даже и въ сравнительно близкій къ намъ періодъ народной жизни. Между тѣмъ этотъ періодъ заключаетъ особенно интересныя стороны, потому что въ народной поэзіи совершается переворотъ подобный тому, какой происходитъ въ самой жизни на-

рода. Замѣчательно, что въ то время, когда пѣсни новаго пошиба творятся народнымъ первобытнымъ способомъ, то-есть, пѣсенные элементы, вращаясь въ народной массѣ, принимаютъ опредѣленныя формы въ разныхъ варіантахъ, — появляются пѣснотворцы, составляющіе разомъ готовыя пѣсни: иныя изъ этихъ пѣсенъ, будучи сложены поудачнѣе, входили въ народъ, но въ какой степени и какъ видоизмѣнялись онѣ въ народномъ обращеніи — мы не знаемъ и не имѣемъ источниковъ для составленія какихъ-либо заключеній; но были и такія пѣснопѣнія, которыя входили въ сборники народныхъ пѣсенъ, едва ли входивши въ народъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ явились въ сборникахъ. И въ сборникѣ г. Шейна попалось кое-что въ такомъ родѣ; напримѣръ, пѣсня подъ № 20:

Не соколъ леталъ по поднебесью,
Не соколъ ронялъ сизы перышки, и проч.

— по нашему мнѣнію фальшивая, даромъ что значится записанною Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, въ селѣ Сукромнѣ однимъ учителемъ. Хотя въ ней и есть подражаніе дѣйствительно-народнымъ пѣснямъ, но въ то же время натянутая правильность, искусственная разстановка словъ и выраженій и кавалерская чувствительность, все это совсѣмъ несродно русской поэзіи все это обличаетъ ее поддѣлку. Пѣсня подъ № 51 также не народная, хотя въ ней цѣликомъ нанизаны стихи изъ народныхъ пѣсенъ.

IV.

Пѣсни, относящіяся, по своему содержанію, къ брачной и семейной жизни, представляютъ у г. Шейна мрачную и даже грязную картину; была бы она еще мрачнѣе

и грязнѣе, еслибъ у г. Шейна было пѣсенъ этого разряда поболѣе. Уже дѣвица, вмѣсто того, чтобы плѣняться образомъ семейнаго счастія въ будущемъ замужествѣ, смотритъ на бракъ какъ на тягость и говоритъ своимъ подругамъ:

Погуляйте вы, дѣвушки,
Покуда вы у батюшки,
У родимой своей матушки!
Не ровенъ мужъ навалится,
Либо воръ, либо пьяница. (№ 78).

Въ другой пѣснѣ посылается проклятіе браку:

Пошла дѣвушка на кипучій ключъ,
На ключѣ дѣвушка слезно плакала;
Проклинала это-то замужьице:
Распроклятая жизнь замужняя,
Расхорошее житье дѣвичье (№ 53).

Въ драгоцѣнной пѣснѣ подъ № 64, изображаются въ короткой рѣчи отношенія замужней женщины къ семьѣ своего мужа и способъ обращенія съ самимъ своимъ супругомъ:

Какъ и свекоръ на палатѣ,
Точно кобель на канатѣ;
Какъ свекровушка на печи,
Точно сука на цѣпи.
Вы, деревья, вы, деревья,
Вы—борзые кобеля;
У васъ жены таковы.
Вы, золовки-колотовки,
Вамъ самимъ въ люди итить.
Ужь вы, тетушки,
Не прогнѣвайтесь!
Я поставляю на порогъ,
Да въ три шеи за воротъ.
Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ:
Ты косись, не косись,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!
Мужъ руку отвелъ,
Жену по уху оплелъ,
Жена руку отвела,
По всей харѣ оплела.

Печальное состояніе женщины въ замужествѣ — древнѣйшій мотивъ славянской поэзіи вообще. Прекрасная пѣсня о превращеніи несчастной замужней женщины въ кукушку, помѣщена у г. Шейна въ двухъ варіантахъ (№№ 68, 69); пѣсня эта одна изъ самыхъ старинныхъ, и за ея древность ручается одинаковаго содержанія, какъ мы сказали, хотя въ иной формѣ, подобная же южнорусская пѣсня. Также на основаніи сходства съ южнорусскими, мы можемъ отнести къ древнимъ пѣснямъ тѣ, гдѣ замужняя женщина грустить о разлукѣ съ родными и обращается къ нимъ за утѣшеніемъ въ своемъ горѣ (№№ 67, 70, 74). Но замѣчательно, что у г. Шейна замужняя женщина въ пѣсняхъ почти не представляется терпящею отъ деспотизма мужа, чтó такъ рѣзко высказывается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, гдѣ безотвѣтная жертва горько плачетъ о своей судьбѣ и нерѣдко не находитъ другаго исхода, кромѣ самоубійства. Намъ извѣстны въ подобномъ тонѣ и великорусскія пѣсни стараго пошиба, но у г. Шейна нѣтъ ихъ; въ пѣсняхъ, собранныхъ имъ и сравнительно новѣйшихъ, судя по ихъ настоящей редакціи, великорусская замужняя женщина представляется скорѣе бой-бабою, которая не слишкомъ-то готова съ терпѣніемъ сносить всякое насиліе и изливать свое горе слезами, а скорѣе сама склонна и провести мужа, и поработить его. Когда лихая свекровь помыкаетъ невѣсткою, то послѣдняя пользуется посылками, которыя ей даютъ, для того, чтобъ потѣшиться съ Ванюшкою-Горюномъ:

....Посылаетъ все туда и сюда,
И туда и сюда и невѣдомо куда,
Поутру рано на ключъ за водой,
Вечеромъ поздно скотину убирать.
Я пошла млада, замѣшкалася,
Сладкой водочки накушалася,
Мнѣ навстрѣчу младой Ванюшка-Горюнъ.

Вотъ какъ сталъ Ваня пошучивати.
За бѣлы груди похватывати,
Не шути ты, не шути, Ваня-Горюнъ:
Мое личко разгарчивое,
Свекровь матушка догадливая,
Ни съ чего догадается,
Съ чего лицо разгарается. (№ 65).

Вотъ примѣръ, какъ бойкая великорусская женщина расправляется съ своимъ мужемъ пьяницею и безобразникомъ—«дѣтинкою-невѣжею»:

На кабакъ идетъ невѣжа—скачетъ, пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа—кричитъ, лапитъ:
Ты жена-ль моя, жена молодая!
Отворяй-ка ты ворота становыя,
Встрѣчай мужа съ работы веселаго!"
Какъ и я ли, молоденька, торопливо выходила,
За новыя за ворота становыя,
Я съ невѣжею смѣленько говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за вратами,
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
Мягкая постеля—бѣлая пороша!
Вотъ тебѣ высоко возголовье—подворотня!
Вотъ тебѣ шитое одѣяло—часты звѣзды!
Ужь и я ли невѣжу успросила:
Каково тебѣ, невѣжа, за вратами.
Таково-жь мнѣ. невѣжа, за тобою,
За твоею дурацкою головою. (№ 80).

Изъ пѣсенъ оказывается, что тягость брака еще болѣе ненавистна мужу, чѣмъ женѣ, и онъ глубже страдаетъ подъ его гнетомъ. Еще мальчикомъ женили его поневолѣ; онъ получилъ себѣ жену но по мыслямъ, тяжела ему жизнь:

Съ поневоли меня оженили,
Не по обычью мнѣ жену взяли,
Не по обычью, не по мыслямъ;
Я не буду съ ней въ любви жить,
Буду мальчикъ за рѣку ходить,
На свою жену буду смерти молить. (№ 89).

И работа ему на умъ нейдетъ; все проклятой женѣ смерти онъ желаетъ:

Какъ за рѣкой-то, рѣкой.
Шелкову траву Ваня косилъ,
Онъ косилъ-то, косилъ,
Косу въ сторону бросилъ:
Пропадай ты, моя
Безукладная коса!
Ты умри, умри.
Распостылая жена. (№ 83).

Всю молодость испортила ему жена, которой ласки для него ненавистны:

Охъ, да ты, молодость, моя молодость!
Ты когда, младость, прошла,
Когда, мила, прокатилася?
Я-де весной, младость, прошла,
Лѣтомъ-де прокатилася.
Охъ, да не въ чести-де прошла,
Да и не въ радости,
Въ моемъ ли, во моемъ горюшкѣ,
Во моемъ горѣ во великоемъ.
Навязалась-отъ, братцы, на меня
Зла да худа жена
Больно некорыстна.
Она день-отъ меня журитъ, бранитъ,
Ночь уснуть не даетъ,
На рукѣ лежитъ,
Во глаза глядитъ,
Во глаза шельма глядитъ;
Цѣловать велитъ;
Цѣловать-то ее мнѣ, шельму, не хочется,
Ретивое сердечушко къ ней
Сердце не воротится. (№ 86).

Молодецъ съ досады ищетъ себѣ утѣшенія — обращается къ чужой женѣ, на чужой сторонѣ:

Приневолила шататься по чужой сторонѣ,
Ты заставила любить чужу мужнину жену.
Какъ чужая-то жена — лебедь бѣлая моя,
А своя шельма жена — полынь горькая трава,
Полынь горькая трава, стрекучая крапива. (№ 87).

Или же идетъ къ дѣвушкамъ (№№ 72, 83, 89, 90), иногда къ своей прежней сударушкѣ (№№ 73, 84); только и тутъ ему нѣтъ воли; жена подсматриваетъ за

нимъ; дѣвушки поэтому не находятъ удобнымъ любить женатаго:

Уже нѣтъ того хуже женатаго любить!
Онъ женатый, распроклятый!
Его очень жизнь бѣдна:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
А жена все за имъ глядитъ. (№ 89).

Да не только что жена, еще вся женина родня сторожитъ его. Вотъ онъ въ лѣсу; тамъ красна дѣвица-душа Машенька: она —

Со милымъ дружкомъ проаукалась:
Ты ау! ау! дружокъ миленькій!
Не далече ходишь, милый, не откликнешься!
Мнѣ нельзя тебѣ откликнуться,
Какъ за мною ходятъ трое сторожа,
Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ — тесть батюшка,
Второй сторожъ — теща матушка,
Третій сторожъ — молода жена:
Мы его найдемъ да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣченьку.
Ахъ, ты возмой, возмой, туча грозная!
Убей моего тестя батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу матушку,
Сильнымъ дождичкомъ засѣки молоду жену,
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красну дѣвушку, прежнюю сударушку. (№ 73).

Иногда же такой мужъ прибѣгаетъ для утоленія горя къ синему кувшину и, выпивши, желаетъ смерти женѣ:

Спасибо, спасибо, синему кувшину,
Размыкалъ онъ тоску мою, кручину!
Не кручина меня сокрушила,
Сокрушила меня жена молодая,
И давно-ль жена не хворала,
Захворай же-ка, жена, побольнѣе,
И умри поскорѣе,
И мнѣ будетъ жить повольнѣе. (№ 93).

И, однако, мало̀ бываетъ ему утѣшенія, если жена умретъ. Вотъ сбываются его моленія:

Распрекрасна смерть идетъ,
Ужь ты, смерть моя, прекрасная,
Воротися, смерть, назадъ,
Сокончай мою жену!
Не успѣлъ я слова молвить —
Начала жену кончать;
Не успѣлъ я оглянуться —
Накрылъ бѣлымъ полотномъ. (№ 90).

Молодецъ, теперь свободный —

Пріударилъ ее кулакомъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Къ короводу подошелъ,
Всѣ дѣвушки играютъ. (№ 89).

Теперь молодецъ хочетъ опять жениться:

Съиграю свадьбу веселую,
Возьму жену молодую...

Но какъ только свяжетъ онъ себя новымъ бракомъ — будетъ послѣдняя горше первыхъ. Отъ покойной жены у него остались дѣти; новая жена будетъ для нихъ — лихая мачиха; дѣти будутъ ее ненавидѣть и проклинать:

Малы дѣтушки по гореькѣ похаживаютъ,
Лиху мачиху проклинаютъ,
Родну матушку вспоминаютъ:
Ты сгори, наша горенька новая!
Встань, встань, наша матушка родная!

Такимъ образомъ — бракъ для него во всякомъ случаѣ горе, невыносимое бремя, отрава жизни.

Намъ извѣстны пѣсни, гдѣ описывается убійство жены мужемъ; у г. Шейна такихъ пѣсенъ нѣтъ; за то у него есть четыре нумера, представляющіе убійство мужа женою. Въ одной — жена зарѣзала (№ 96) мужа, въ другой — повѣсила на деревѣ и поругалась надъ нимъ:

Али ты сладкихъ яблокъ накушался,
Соловьиныхъ пѣсенъ наслушался. (№ 98).

Въ двухъ остальныхъ (№№ 95, 97) жена удавила стараго мужа петлею, при содѣйствіи любовника: она стала —

Петлюшку на шеюшку
Накидывати;
Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Новые гужи не сорвутся,
У стараго шея не оторвется.
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится;
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузыкъ (пьяница).

или: (въ другомъ варіантѣ, № 95):

Ногами забилъ,
Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ—
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ—
Смѣяться сталъ!

Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина, въ которой великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь, способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ. Иное дѣло, еслибы подобныя черты составляли предметъ шуточныхъ пѣсенъ; въ минуты веселья и забавъ, часто человѣкъ нравственный въ своихъ поступкахъ дозволяетъ себѣ говорить или, лучше сказать, болтать то, чего не скажетъ въ правду. Пѣсни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, никакъ не шуточныя; это именно такія пѣсни, въ которыхъ народъ выражаетъ свои задушевныя чувства, свои нравственные взгляды. Иное дѣло было бы и тогда, когда бы черты, еще безнравственнѣе этихъ, мы встрѣтили въ пѣсняхъ былевыхъ, при описаніи какого-нибудь единичнаго событія; извѣстно, что человѣческое воображеніе тѣшится вообще необычнымъ; сцены пороковъ и злодѣяній могутъ нравиться тѣмъ, которые вовсе неспо-

собны къ совершенію чего нибудь преступнаго, — подобно тому, какъ любители сценическихъ представленій тѣшатся пожарами на сценѣ театра, хотя никто изъ нихъ неспособенъ самъ на поджигательство Но въ пѣсняхъ, о которыхъ мы говоримъ, совсѣмъ не исключительные случаи, не единичныя событія: здѣсь — повседневная жизнь, всегда присущее народу чувство. Однако, мы еще не рѣшимся обобщать этихъ чертъ и на основаніи ихъ дозволять себѣ какія-либо сужденія о нравственномъ упадкѣ всего народа, именно по причинѣ тѣхъ недостатковъ въ способѣ собиранія и изданія нашихъ народныхъ произзеденій, отъ которыхъ не свободенъ еще ни одинъ сборникъ. У насъ, во-первыхъ, мало варіантовъ тѣхъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ мы бы рѣшались дѣлать приговоры; еслибы у насъ варіантовъ было болѣе, мы бы узнали, вѣроятно, что содержаніе однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ не вездѣ одинаково понимается и выражается. И дѣйствительно, — пѣсня, которую мы приводили, какъ напечатанную въ сборникѣ г. Шейна подъ № 22, представляется намъ безнравственною: молодецъ, собираясь жениться, обѣщаетъ другой дѣвушкѣ, которая также выйдетъ замужъ за иного, быть съ нею въ любовной связи; эта пѣсня записана въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, но у насъ есть варіантъ той же самой пѣсни изъ Саратовской губерніи, въ которомъ уже не только нѣтъ такого безнравственнаго смысла, но дѣвушка, которой измѣняетъ молодецъ, показываетъ въ отношеніи къ нему даже великодушіе и благородство. Во-вторыхъ — для того, чтобы на основаніи пѣсенъ произносить сужденія о народныхъ свойствахъ, необходимо знать степень распространенности въ народѣ этихъ пѣсенъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ пѣсенъ, которыя изображали бы совсѣмъ иныя стороны

народной духовной жизни и составляли имъ, такъ сказать, противовѣсъ. По этимъ-то недостаткамъ мы считаемъ до крайности легкомысленнымъ дозволять себѣ произносить какіе-нибудь роковые приговоры, тѣмъ болѣе, что и подъ тою оболочкою грязи и цинизма, которою покрывается народная жизнь въ приведенныхъ нами пѣсняхъ, нельзя, однако, не замѣтить и чертъ свѣтлыхъ— поразительной бодрости и крѣпости духа, отваги, отсутствія всякаго отчаянія, боязни предъ горемъ, живой, дѣятельной натуры великорусскаго народа.

V.

Пѣсни, которыя мы приводили, носятъ на себѣ болѣе или менѣе близкую къ намъ по времени форму состава или пересостава ихъ. Но и въ такихъ пѣсняхъ, въ которыхъ несомнѣнны признаки отдаленной старины, мы видимъ тягость, которая лежала на семейной жизни издревле, хотя въ этихъ древнихъ пѣсняхъ терпящею представляется уже одна женщина. Мы говоримъ о пѣсняхъ обрядныхъ, которыя у г. Шейна слѣдуютъ за тѣмъ отдѣломъ, который у него названъ голосовыми или протяжными, и заключаютъ въ себѣ нѣсколько подраздѣловъ: колядныя, подблюдныя, святочныя игрища, волочебныя, весеннія, семицкія, жнивныя, толочныя, капустныя, масляничныя, свадебныя и похоронныя.

Вездѣ разсѣяны горькія жалобы женщины на замужнее положеніе. Въ игрѣ святочной, конечно старинной, плеть представляется символомъ брачнаго сожительства; женщина должна безропотно принимать этотъ символъ: такова ея судьба по естеству, что быть ей всегда подъ плетью. Молодецъ представляется ищущимъ не-

вѣсты; онъ находитъ себѣ избранницу между дѣвицами; тогда ему поютъ:

Ты купи женѣ подарочекъ,
Что подарочекъ на шею жемчужку:
Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердись на меня!
Поѣзжай, Борисъ, на рыночекъ,
Ты купи женѣ подарочекъ,
Что подарочекъ ременну плеть:
Принимай, жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердись на меня.

И при послѣднихъ словахъ молодецъ бросаетъ на полъ плеть; избранная его поднимаетъ этотъ знакъ брака: тогда они цѣлуются (стр. 387).

На тѣхъ же святочныхъ игрищахъ замужняя женщина поетъ о томъ, какъ мужъ обращается съ плетью, этимъ символомъ любви и брака:

Какъ не лютыя ли собаки заревѣли,
Не борзыя ли собаки завизжали,
Заревѣлъ-то мой старый старичище.
Солѣзаетъ старичище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли не бьетъ полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку. (Стр. 383).

Въ другой пѣснѣ молодая женщина (стр. 383—394) жалуется, что въ то время, когда играютъ гусли, собирается игрище, свекоръ и свекровь не пускаютъ ее, томятъ работою; но бойкая великорусская женщина не слишкомъ терпѣливо несетъ надъ собою этотъ гнетъ: она грозитъ свекру изломать метлу, которою ее заставляютъ мести гумно, а свекрови изорвать полотно, которое ткать ее принуждаютъ.

Проходитъ зима; наступаетъ весна; собираются красныя дѣвицы на лугъ веселиться, какъ веселились ихъ прабабушки языческихъ временъ: встрѣчаютъ кукушку птицу лѣта, божественную вѣстницу будущаго; вотъ не-

сутъ онѣ вѣтку, обвитую лентами, украшенную цвѣтами: это называется у нихъ крестить кукушку; какъ только услышатъ онѣ въ первый разъ кукушку, начинаются скаканье, пляска, пѣсни; но въ этихъ пѣсняхъ раздается тяжелая скорбь о несчастіи замужества:

Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы,
Пустила бы я долю
По чистому полю,
Пустила бъ красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ. (Стр. 345).

И весна проходитъ; наступаетъ лѣто — пора страдная, какъ говорятъ поселяне, то-есть пора тяжелой работы; при уборкѣ хлѣба есть свои особыя обрядныя пѣсни, а въ этихъ пѣсняхъ опять та же скорбь о горькой судьбѣ замужней женщины; она терпитъ разомъ и отъ свекра и отъ самодура мужа, который и безъ вина дерется хуже пьянаго:

Я дорогою шла, я широкою,
Я пущу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
Не заслышалъ бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы онъ мому мужу,
Мому мужу, свому сыну.
Какъ и мой мужъ горькія пьяница:
Енъ вина, пива не поеть (не пьетъ)
Всегда пьянъ живетъ,
Енъ и боеть (бьетъ) жену по напрасницу,
По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
Не ходи, жена, ты на вулицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами неженатыми.
(Стр. 40, пѣсня Псковск. губ.)

Другая пѣсня, помѣщенная собирателемъ въ числѣ толочныхъ (толоками называются сельскія работы по накладкѣ, свозкѣ и размѣсткѣ въ полѣ или огородѣ на-

воза, работы, отправляемыя, по приглашенію хозяина, собща, нѣсколькими дворами или даже цѣлыми деревнями, при чемъ наградою за трудъ бываетъ приличное количество водки), изображаетъ грусть женщины, сравниваемой съ кукушкой, о своемъ замужествѣ; она чувствуетъ, что лучше бы ей было всю жизнь оставаться въ дѣвушкахъ; пѣсня, какъ показываетъ ея складъ, замѣчательно сохранилась въ старой редакціи, и, какъ можетъ видѣть читатель, имѣетъ особое эстетическое достоинство:

Дуброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая,
По тебѣ, моя дубровушка,
Дробныя пташки разлетались.
Одна пташка оставалася,
Горемышная кукушечка,
Куковала кукушечка день до вечера,
А со вечера до полуночи:
Кабы знала я, млада, вѣдала,
Про свое про горе про великое,
Про замужьице несчастливое,
Я бъ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
Я бъ чесала буйну голову,
Я бъ плела свою русу косу,
Я бъ, плетучи, приговаривала:
Не доставайся, моя руса коса,
Что ни князю, ни боярину,
Ни мому мужу татарину. (Стр. 402).

Въ другой пѣснѣ, того же разряда, жена нѣжно проситъ своего супруга не бить ее безъ вины, позволяя, однако, бить себя за вину:

Я со миленькимъ дружочкомъ...
А я милому говорила:
Ты, мой миленькій дружочекъ,
Ты не бей жану безъ вины,
Ты бей жану за вину,
За великую за бѣду.
Мой батюшка далече,
Моя матушка дальше того,
Голосочка маво не слышитъ,
Горючихъ моихъ слезъ не видитъ.
(Стр. 403, Псковск. губ.)

А вотъ наступаетъ масляница, время разгула. Для нея есть у народа особыя пѣсни; казалось бы, чему быть въ этихъ пѣсняхъ, какъ не беззаботному, ничѣмъ несмущаемому веселью. Нѣтъ! и здѣсь мы встрѣчаемся со слезами замужней женщины, съ горемъ замужества:

Горе мое, гореванье,
Тяжело мое воздыханье,
На чужой, дальней сторонкѣ,
У чужого батьки,
У чужой у матки:
Протекала рѣка слезовая.

Молодкѣ-невѣсткѣ хочется на «горушку», на катанье; лихой свекоръ ее не пускаетъ; невѣстка грозитъ послать своихъ пріятелей (куманей) воровъ сдѣлать покражу у свекра, слѣдовательно, въ своемъ же собственномъ хозяйствѣ. Какъ раба — она не смотритъ на достояніе той семьи, которой состоитъ членомъ, какъ на свое собственное:

Свекоръ батюшка лихой:
Енъ на горушку
Меня не пущаитъ.
А я свекру угожу,
Три бѣды наряжу:
Подошлю воровъ,
Чтобъ покрали коровъ,
Подошлю людей,
Чтобъ покрали клѣтей,
Подошлю куманей,
Чтобъ покрали комоней (коней). (Стр. 408).

Тотъ же взглядъ на замужнюю жизнь прорывается и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Когда женихъ съ своимъ поѣздомъ входитъ въ домъ родителей невѣсты, дѣвица пугается, прижимается къ родимой матушкѣ, словно какъ будто ѣдутъ враги брать ее въ плѣнъ. — По дорожкѣ ѣдутъ! восклицаетъ она; — на дворъ въѣзжаютъ! Въ горницу входятъ! — Не отдамъ тебя въ чужіе люди, не бойся, не пугайся! говоритъ ей мать, обманывая ее (стр. 431,

св. Тульск. губ., Новос. уѣзда). Въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи, когда женихъ входитъ, невѣста плачетъ, и тогда раздается такая пѣсня:

Не гости идутъ къ намъ и не пріятели,
Идутъ къ на́мъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцомъ съ матерью,
Съ отцомъ съ матерью, съ родомъ племенемъ,
И увозятъ меня невѣдомо куда. (Стр. 543).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ просвѣчиваетъ то отдаленное время сѣдой древности, когда молодецъ насиліемъ похищалъ себѣ жену. Невѣста сравнивается съ лебедью, на которую нападаетъ сизый соколъ, ощипываетъ ей крылья, оббиваетъ крылышки, проливаетъ горячую кровь:

Какъ и ѣздилъ-то Захаръ князь
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то, искалъ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу.
Какъ нашелъ-то, нашелъ Захаръ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу;
Онъ всѣхъ дѣвушекъ толпу распустилъ,
Только ее одну ухватилъ,
Свѣтъ Акулинушку свою,
Тимоѳеевну свою.
Взмолилася Акулинушка,
Взмолилася Тимоѳеевна:
Ты пусти меня, пусти, Захаръ князь.
(Стр. 481, Твер. губ.)

Подобный же взглядъ въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи (стр. 551).

Съ развитіемъ большей гражданственности, вмѣсто насильнаго похищенія, надобно было покупать дѣвицу, и этотъ періодъ отразился до сихъ поръ въ разныхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ Тверской губерніи, когда свадебный поѣздъ, съ женихомъ во главѣ, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты, невѣста сидитъ, забившись въ задній уголъ, окруженная дѣвицами. «Тысячскій» подходитъ къ дѣвкамъ и проситъ у нихъ невѣсты, но дѣвки не даютъ; ты-

сячскій дастъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, а тысячскій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ; если мало дадутъ,—просятъ еще: потомъ невѣсту сдаютъ жениху, женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу, чтобъ не была сердита (стр. 476). Во псковскихъ обрядахъ невѣста не забивается въ уголъ, а сидитъ подъ краснымъ окномъ, за столомъ, на лавкѣ. Сначала дружка невѣсты за порогомъ избы пьетъ съ дружкою жениха и какъ бы пропиваетъ невѣсту, потомъ жениховъ дружка, войдя въ избу, начинаетъ торговаться объ невѣстѣ съ ея подругами. «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!» Дѣвушки отвѣчаютъ:—У насъ молодая дорога: стоитъ сто тысяца!— «У насъ не за деньгами дѣло»—говоритъ дружка, а затѣмъ вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ.—Нѣтъ; этого мало! говорятъ дѣвушки. Дружка прибавляетъ денегъ; потомъ, когда торгъ окончится и дѣвицы уступаютъ невѣсту, дружка угощаетъ дѣвушекъ водкою и пряниками. Дѣвушки, взявши денегъ, обнимаютъ невѣсту, цѣлуютъ ее, поютъ и плачутъ, прощаются съ нею, наконецъ отходятъ въ сторону, а дружка усаживаетъ жениха съ невѣстою за столомъ на подушкамъ (стр. 547). Въ свадебныхъ обрядахъ Тульской губерніи сохранились черты, указывающія, какъ будто, на переходъ отъ древняго, насильственнаго похищенія, къ болѣе позднему способу пріобрѣтенія женщины — къ покупкѣ. Здѣсь сватъ, войдя въ домъ и окинувъ взоромъ дѣвицъ, подругъ невѣсты, грозно ударяетъ по столу кнутовищемъ и кричитъ во все горло: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ-за стола!» Но когда хозяинъ дома скажетъ ему, что лучше ихъ попросить поласковѣе и поторговаться, сватъ обращается къ дѣвушкамъ съ ласкательными эпитетами: «Красны дѣвицы, перпелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои

мѣста!» Дѣвицы торгуются съ нимъ и сторговываются. Сватъ даетъ имъ деньги, подноситъ вино, угощаетъ пирогами; онѣ удаляются, и тогда начинается церемонія сажанія жениха вмѣстѣ съ невѣстою (стр. 417). Примѣнительно къ этой-то продажѣ невѣсты, чего остатки въ разныхъ видахъ сохраняются повсюду, въ новгородскихъ свадебныхъ пѣсняхъ отъ лица невѣсты поется:

Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихню золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешеньку. (Стр. 500).

Вѣроятно, дѣвицы знаменуютъ здѣсь родъ или вообще общество тѣхъ, которымъ принадлежала невѣста по происхожденію, и которые имѣли надъ нею право; они должны были защищать ее противъ чужихъ, какъ члена своего они же могли и выпустить ее отъ себя, получивъ за то вознагражденіе. Въ иной формѣ мы видимъ семейное начало: невѣсту продаетъ братъ ея. Въ пѣсняхъ псковскихъ поется:

Не продавай, братецъ, дорогой сестры,
Проси за сестрицу и сто и тысячу. (Стр. 522).

или (когда уже братъ продастъ сестру дружкѣ):

Здравствуй, братъ дорогой,
Продавши сестру
За орѣшки-щелканцы,
За червивыя яблочки,
Со кривымъ конемъ,
Со дубиною. (Стр. 562, Псков. губ., Отр. уѣзда).

Эту черту мы встрѣчаемъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ свадебныхъ, хотя вообще по духу чрезвычайно отличныхъ отъ свадебныхъ великорусскихъ, такъ какъ тамъ взаимная любовь жениха и невѣсты играетъ главную роль, и свадебныя южнорусскія пѣсни имѣютъ колоритъ любовныхъ пѣсенъ, чего въ великорусскихъ совсѣмъ

почти нѣтъ. Великорусская невѣста совершенно безгласная раба, только имѣющая право плакать и выть. Ее продавали и пропивали. Послѣднее выраженіе осталось до сихъ поръ въ народномъ языкѣ, и вмѣсто того, чтобъ сказать: «Мы сговорили дочь», — великорусскіе поселяне говорятъ: «Мы пропили дочь». Сообразно этому и въ пѣсняхъ поется:

Пропила меня родима матушка,
Что за винную за чарочку. (Стр. 489, Новг. губ.).

Или:

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родный батюшка
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго;
Продумалъ ты меня, родный батюшка,
Продалъ въ чужіе люди,
Въ чужіе люди незнакомые. (Стр. 483, Твер. губ.).

О сердечной склонности невѣсты нѣтъ и помина. Невѣста не знаетъ своего жениха:

Охъ, рожденна моя матушка,
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки некладеные,
Поутру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
Я не знаю, молодешенька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума. (Стр. 500).

А потому-то не добромъ, не ласкою встрѣчаетъ невѣста жениха своего. Мать говоритъ ей:

Ты привѣть-ко яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца пріѣзжаго!

Дѣвица отвѣчаетъ ей:

Мой языкъ не воротится,
Животъ кровью обольется,
Сердце камнемъ оборотится,
Рѣзвы ноги подломятся,

Бѣлы рученьки опустятся,
Изъ глазъ слезы покатятся. (Стр. 463).

Одно только хорошо извѣстно ей въ житьѣ съ будущимъ супругомъ — извѣстно, по семейнымъ нравамъ, то что ее, во всякомъ случаѣ, не минуетъ мужнина плеть, эта неразлучная спутница супруга, этотъ какъ бы священный символъ брака въ старой московской Руси:

Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся свово батюшки.
Ты не бойся, Дарьюшка, не тулися родной матушки,
Ты побойся молодца Ивана Васильевича.
Какъ и есть у меня, молодца, шелкова плеточка,
Шелковая плеточка, погрознѣй твово батюшки,
Потульнѣй твоей матушки. (Стр. 551).

И когда молодыхъ уводятъ въ клѣть на брачное ложе, супругъ спрашиваетъ молодую супругу:

Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ?

Супруга отвѣчаетъ:

Милъ мнѣ милешенекъ батюшка,
Мила мнѣ милешенька матушка. (Стр. 429).

Здѣсь разительная противоположность съ южнорусскими пѣснями, въ которыхъ не разъ дѣлаются сопоставленія любви невѣсты къ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ съ любовью къ жениху и всегда оказывается, что невѣстѣ всего милѣе избранный сердцемъ супругъ.

Вся семья будущаго мужа, а въ особенности свекоръ и свекровь, заранѣе представляются для невѣсты «врагами и злодѣями». Свекоръ называется «супостателемъ» (стр. 499). Свекровь не иначе какъ «люта свекровь» (стр. 463). Невѣстѣ передъ свадьбой снится символическій сонъ, и мать толкуетъ ей этотъ сонъ такъ, что всѣ члены семейства мужа изображаются въ самомъ дурномъ свѣтѣ: свекровь — лихучая, старый свекрище — какъ усатый котище, деверь — пересмѣшливые, золовки — щекатыя, только «бѣдныя невѣстки» возбуждаютъ сочувствіе (стр. 553). Свекоръ и свекровь будутъ для нея всегда чужіе: она для

нихъ «дитя не милое, не роженое, не хоженое» (стр. 483); будутъ они томить ее работою не подъ силушку; не посмѣетъ она безъ ихъ спросу выходить на гулянье, не будетъ она знать, какъ ей говорить, чтобъ угодить имъ:

> На ступеньку-то ступнешь, оступишься,
> Слово молвишь — обмолвишься. (Стр. 482).

И будетъ она постоянно обливаться горючими слезами (483). Незнакомая съ брачною жизнію, но уже воображающая ее въ ужасающемъ видѣ, невѣста спрашиваетъ у своихъ замужнихъ сестеръ (если онѣ есть) и проситъ научить ее, какъ ей жить «съ чужимъ чужениномъ у чужаго отца съ матерью?» Замужнія сестры, сами испытавшія всю горечь брачной жизни, даютъ ей такой безотрадный, грустно-ироническій отвѣтъ.

> Ты узнаешь, мила сестра,
> Какъ поживешь сама съ ними.
> Не держи, наша мила сестра,
> Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ,
> Какъ подруженьки и милы сестры
> Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
> А коль задумаешь, мила сестра,
> Крѣпку думушку подумати,
> Ужь ты выйди во чисто поле,
> Припади ты къ бѣлу камушку:
> Бѣлый камушекъ не просудливый,
> Не просудливый, не насмѣшливый. (Стр. 489).

Во всемъ сборникѣ Шейна нѣтъ ни одной свадебной пѣсни, гдѣ бы для новобрачной рисовалась болѣе счастливая судьба; ей не дается никакого утѣшенія. Ее ожидаетъ полная безнадежность, полная невозможность благополучія, и въ одной пѣснѣ, записанной въ Архангельской губерніи, пѣснѣ, сложенной тамошнимъ говоромъ, высказывается сознаніе безвыходности горькаго положенія замужней женщины въ такихъ выраженіяхъ:

Што житье бабье позорливое:
Ово позорливое житье бабье, попецальное,
Попецальное житье бабы, вѣковѣцное,
Оно на вѣкъ на меня навяжется;
Все я буду жить подъ грозою подъ великою,
Въ пецали житье пойдетъ не въ радости.
Што злодѣйка бабья красота,
Она сидитъ у матушки за пецьнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топорщится,
Роститъ крылья ястребиныя,
Роститъ когти совиные,
Налетѣти хоцетъ, напорхнути,
На мою на буйну голову,
Она вцѣпить хоцетъ когти вострые,
На мои русы волосы.
Да и охъ! Порудить хоцетъ дѣвью красоту!
Охти мнѣ, младой, тошнехонько!
Охъ на вѣкъ на меня навяжется,
Мнѣ куда теперь дѣватися. (Стр. 557).

Но не менѣе замѣчательною кажется намъ другая пѣсня — свадебная изъ Новгородской губерніи — гдѣ женщина тоскуетъ о вольной волѣ, но сознаетъ, что и для мужчинъ нѣтъ воли, также какъ и для женщинъ:

Охъ ты, волюшка вольная!
Воля вольная, незаемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества.
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ бытьѣ, ни въ богатствѣ;
Только есть она въ тяжелой работушкѣ,
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы.
А женатымъ семейнымъ — до солдатчины. (Стр. 492).

Пѣсня эта, какъ намъ кажется, сравнительно не старинная. Народная женщина уже не переноситъ безсмысленно своей обычной судьбы, она уже чего-то желаетъ, и то, чего она желаетъ, произноситъ неопредѣленнымъ, однако многозначительнымъ словомъ: воля. Но какой глубокій смыслъ получаетъ послѣдній стихъ этой прекрасной пѣсни, стихъ, указывающій на солдатчину! Пѣсня великорусской простолюдинки, выжатая изъ

груди ея и чувствомъ собственнаго горя, и привычкой видѣть вокругъ себя то же горе, безсознательно выражаетъ такую великую истину, до которой не додумались многіе книжники. Воля человѣческая разбивается о солдатчину: это правда; и пока человѣческое общество будетъ устроено такъ, что солдатчина дѣлается неизбѣжною, до тѣхъ поръ воля — какія бы ни выдумывали сродства и формы для ея водворенія и охраненія — всегда въ сущности будетъ только обольщеніемъ, и это всегда — то такъ, то иначе — будетъ отражаться въ нравахъ и складѣ семейной жизни!

Свадебныя великорусскія пѣсни носятъ на себѣ слѣды прожитой народомъ исторіи. Здѣсь вы увидите и обломки того отдаленнаго, потерявшагося въ миѳическомъ туманѣ, періода, когда мужчина не зналъ иного способа доставать себѣ женщину или, правильнѣе сказать, самку, какъ похищеніемъ или насиліемъ, и обращался съ нею какъ съ животнымъ, самъ, по грубости чувствъ, мало чѣмъ отличаясь отъ животнаго, — и тѣ времена юной цивилизаціи, когда похищеніе стало смѣняться договоромъ и покупкою, но когда положеніе женщины стало, быть можетъ, еще тяжелѣе, такъ какъ понятіе о ней, какъ о вещи, оправдывалось уже законностью, — и времена удѣльныя, оставившія нашему времени имена князя, бояръ и дружекъ (дружины) въ свадебномъ чинѣ, — и періодъ московскій съ его ханжескимъ освященіемъ деспотизма старѣйшаго надъ младшимъ, съ тупою неподвижностью представленій и съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ буквѣ чина и обряда, — и, наконецъ, запоздалое вліяніе на бѣдный народъ того удара, который нанесенъ былъ великимъ Петромъ азіятскому строю московской Руси. Въ одной свадебной пѣснѣ Тульской губерніи мы видимъ и послѣднее: пѣсня безъ сомнѣнія новѣйшаго склада, какъ

показываютъ въ ней явленіе чая, кофе и конфектъ; здѣсь, въ противность тому отсутствію взаимности между женихомъ и невѣстою, которое господствуетъ во всемъ свадебномъ чинѣ съ принадлежащими къ нему пѣснями, молодецъ говоритъ такъ:

Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,
Меня, молодца, полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечку подарила!
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая. (Стр. 447—448).

Вообще свадебныя великорусскія пѣсни, какъ это можно видѣть и изъ напечатанныхъ у г. Шейна, разнообразны; то же можно сказать и о свадебныхъ обрядахъ; въ разныхъ краяхъ Россіи можно встрѣтить различія, хотя въ главныхъ чертахъ и сохраняется между ними сходство. Поэтому, собраніе пѣсенъ этого рода будетъ полезно для науки, если будетъ продолжаться въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ есть надежда, что откроются новыя стороны народныхъ понятій и слѣды старыхъ обычаевъ.

Изъ прочихъ обрядныхъ пѣсенъ, кромѣ тѣхъ чертъ, на которыя мы указали, какъ на объясняющія положеніе женщинъ, нѣкоторыя замѣчательны по своей глубокой древности, въ особенности святочныя, въ которыхъ очень много непонятнаго: на него слѣдовало бы давно обратить вниманіе спеціальнымъ изслѣдователямъ. У г. Шейна въ числѣ обрядныхъ означено два рода — колядныя и волочебныя: первыя поются на Рождество, вторыя на Пасху. Такъ какъ въ сборникѣ г. Шейна ихъ очень мало (колядныхъ собственно — 2, а волочебныхъ — 4) и всѣ онѣ

записаны въ одномъ краѣ, именно въ Псковской губерніи, — мы не знаемъ, поются ли онѣ въ другихъ краяхъ великорусской земли; замѣчательно, что всѣ помѣщенныя здѣсь по содержанію почти варіанты подобныхъ пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но мы не беремся рѣшить вопроса: зависитъ ли это сходство отъ глубоко-древней племенной связи, или же отъ болѣе поздняго заимствованія пѣсенныхъ элементовъ изъ Бѣлоруссіи, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстны тонкости этнографическаго перехода бѣлорусской народности къ великорусской со всѣми признаками, какъ ей исключительно принадлежащими, такъ равно и съ тѣми, которыя у ней общи съ малорусскими. Названіе волочебныхъ поражаетъ насъ. Обычай ходить по дворамъ, пѣть и выпрашивать подачки на праздникъ Пасхи — обычай древній, теперь уже почти исчезаетъ и удерживается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Руси и въ Бѣлоруссіи. Нѣкогда онъ былъ распространенъ и соединялся съ разными обрядами, въ которыхъ благочестивые люди видѣли язычество, а потому и старались искоренить этой обычай. Монахъ аѳонскій, Іоаннъ изъ Вишни, писавшій въ обличеніе уніатовъ (сочиненіе его напечатано въ актахъ южной и западной Россіи) вооружается противъ «волочѣльнаго», отправлявшагося на праздникъ Пасхи [1]), какъ равно противъ колядъ, щедраго вечера (подъ новый годъ), юрьевскихъ празднествъ, купала и обычая ставить качели въ день Петра и Павла.

Сборникъ г. Шейна, какъ мы сказали, оканчивается

---

[1]) Волочѣлное по Воскресеніи зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши утопѣте. Не хочетъ бо Христосъ при своемъ славномъ воскресеніи того смѣху и руганія діавольскаго имѣти (А. Ю. и З. Росс, II, 223).

въ первой своей части похоронными пѣснями. Ихъ 12. Здѣсь точно также, какъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ, поражаетъ насъ отсутствіе всякаго намека на христіанское понятіе о будущей жизни. Только въ одной пѣснѣ, № 10, жена, плача по мужу, проситъ явиться къ ней и къ ея дѣтямъ въ видѣ яснаго сокола:

Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками,
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ,
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка,
Что не мой ли это милый батюшка.

Эти, такъ-называемыя, причитанья прилагаются особо къ смерти каждаго изъ членовъ семейства—отца, матери, дѣтей, мужа; причитаній мужа надъ женою нѣтъ и по всему видно, причитанья, по народному понятію, принадлежатъ исключительно женскому полу. Главная тема причитаній — свое собственное горе, котораго боится особа, произносящая причитаніе, вслѣдствіе смерти дорогаго лица. Замѣчательно недовѣрчивое и какъ бы враждебное отношеніе къ оставшимся живымъ: дочь, плача по отцѣ, жалуется, что ее обижаютъ братъ и невѣстка:

Что какъ живу я, сиротинушка, съ братцомъ-соловьюшкомъ,
Что какъ живу я, сиротинушка, съ любимой невѣстушкой:
Обижаютъ они меня, сиротинушку,
Изнуряютъ они меня грубнымъ словечушкомъ,
Что не въ честь имъ моя скорая работушка,
Не придумаю я, сиротинушка,
Что куда приклонить мою буйную головушку. (№ 8).

Мать, плача о сынѣ, жалуется на невѣстку свою, вдову покойнаго:

Поразвѣяла твоя молода жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то сторонушкамъ.
Безъ тебя-то, чадо родное,
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить...

Ты спроси-ка, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты,
Кто насъ будетъ кормить, поить,
Безъ тебя, мое рожденное.
Не сожалѣла твоя молодая жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ,
Горькихъ сиротинушекъ:
Она ихъ кинула и бросила
На чужаго отца съ матерью.

Мы надѣемся возвратиться снова къ сборнику г. Шейна, когда будемъ имѣть удовольствіе увидѣть въ печати драгоцѣнную вторую часть его, а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу англійской книги Рольстона о русскихъ пѣсняхъ.

Книга г. Рольстона, въ которой добросовѣстный и свѣдущій авторъ знакомитъ свою публику какъ съ русскими пѣснями, такъ еще болѣе съ изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, написанными объ этихъ пѣсняхъ, преимущественно же о миѳологической сторонѣ ихъ содержанія, не произноситъ своихъ собственныхъ приговоровъ по разнымъ вопросамъ, касающимся этого обширнаго предмета Авторъ руководствуется трудами нашихъ ученыхъ. Онъ, между прочимъ, во многомъ пользуется сочиненіемъ г. Терещенка: «Бытъ русскаго народа», опирается на него. Александръ Власьевичъ Терещенко былъ добросовѣстный, почтенный и ревностный собиратель, но неосторожный и довѣрчивый; мы сами могли, по личному опыту, убѣдиться въ этомъ: одинъ изъ господъ, которые сообщали ему свѣдѣнія, самъ сознавался, насмѣхаясь и надъ нимъ и надъ его предпріятіемъ (котораго оцѣнить не былъ въ состояніи), что для забавы надѣлялъ его вымышленными извѣстіями. «Я — говорилъ онъ — нарочно несу ему всякую чепуху, а онъ записываетъ да похва-

ливаетъ, а потомъ все напечаталъ!» Подобное мы слыхали и относительно Снегирева и Сахарова. О послѣднемъ мы можемъ сообщить одно характеристическое событіе. Въ 1859-мъ году этотъ почтенный собиратель, уже пораженный болѣзнью и едва будучи въ силахъ говорить, показывалъ намъ былину объ Андреѣ Боголюбскомъ, увѣряя, что она народная и притомъ старой редакціи. Поддѣлка была черезчуръ очевидною, однако г. Сахаровъ былъ очень недоволенъ и даже разгнѣвался, когда мы откровенно выразили ему свое мнѣніе. Это одно — кромѣ всѣхъ соображеній относительно многихъ помѣщенныхъ въ сборникѣ Сахарова пѣсенъ, возбуждающихъ сомнѣніе—побуждаетъ насъ смотрѣть на труды Сахарова, какъ на такіе, которыми не слѣдуетъ пользоваться слишкомъ довѣрчиво. Иностранцы, пользуясь тѣмъ, что́ можемъ доставить имъ мы, русскіе, конечно не будутъ виноваты, когда станутъ знакомить Европу съ нашею народностью, допуская разныя уклоненія отъ истины. Г. Рольстонъ приводитъ у себя наивныя предположенія г. Терещенка о томъ, кто бы могъ быть авторомъ такихъ хороводныхъ пѣсенъ, какъ «Сѣяніе проса»; русскій изслѣдователь полагаетъ, что такой авторъ, принадлежа къ земледѣльческому сословію, жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ; англійскій же, справедливѣе русскаго, относитъ эту пѣсню къ древнѣйшимъ временамъ, но не опровергаетъ русскаго относительно возможности признавать какого бы то ни было автора за народною пѣснью, если только эта пѣсня дѣйствительно народная. Отличительное качество народной пѣсни въ томъ и состоитъ, что въ данной ея редакціи автора у ней не было: она создается цѣлою массою, иногда цѣлыми поколѣніями. Если бы у насъ была возможность добраться до появленія пѣсни, то навѣрное мы бы нашли, что первоначальный

ея авторъ сложилъ, можетъ быть, только одинъ или два стиха, и очень часто въ существующей пѣснѣ нѣтъ ровно ничего принадлежащаго первоначальному автору, такъ что и тѣ два стиха или одинъ стихъ, подавшіе поводъ къ составленію пѣсни, давно уже передѣланы и измѣнены въ обращеніи между народомъ.

КОНЕЦЪ XIII ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIII ТОМА.